

ISSN 2587-7046

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

- История
- Философия
- Социальные и политические процессы

Выпуск № 2 (31), 2022

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 81152 от 25.05.21)

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 014188

Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса»
<http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>

Журнал выходит 4 раза в год

В журнале «Проблемы социальных и гуманитарных наук» публикуются результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, философии, социологии и политологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Радугин А.А., заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, профессор (г. Воронеж)

Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р филос. наук, доцент (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Бубнов Ю.А., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)

Бляхер Л.Е., доктор философских наук, профессор (г. Хабаровск)

Волкова Е.А., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж)

Душкова Н.А., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)

Ильин М.В., доктор политических наук, профессор (г. Москва)

Коростылева Н.Н., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)

Кирчанов М.В., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж)

Ледяев В.Г., доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Ляпин Д.А., доктор исторических наук, доцент (г. Елец)

Ливенцев Д.В., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)

Моисеев В.И., доктор философских наук, профессор (г. Москва)

Романович Н.А., доктор социологических наук, профессор (г. Воронеж)

Радугина О.А., доктор философских наук, доцент (г. Воронеж)

Смышляев В.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)

Слинько А.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)

Черников М.В., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)

Отв. секретарь – Погорельский А.В., канд. ист. наук, доцент (г. Воронеж)

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет». **Адрес:** 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84,

каб. 5302, тел. +7 (473) 271-50-04. E-mail: philosophy_kaf@vgasu.vrn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Аверкиева А.А., Некрылова О.Г. ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ГУМАНИТАРНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ В 1920-Е ГГ.....	7
Бутов Р.А. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ В XVIII –XIX ВЕКАХ.....	12
Березуцкий В.Д. ГЛИНЯНЫЕ КУРИЛЬНИЦЫ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ.....	19
Волкова Е.А., Селезнева В.Н., Волков С.Н. ОЦЕНКА РЕФОРМ В ИСТОРИИ РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО.....	28
Власова Ю.В., Дворецкий С.С. А.И. ЛИЗЮКОВ: ПОЛКОВОДЕЦ С СОЛДАТСКОЙ СУДЬБОЙ.....	35
Гагин В.В., Шендриков Е.А. ОПЕРАЦИЯ «ДОЛИНА» КАК ТИПИЧНЫЙ ПРИМЕР ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПЛАНОВ КОМАНДОВАНИЯ 40-Й СОВЕТСКОЙ АРМИИ В АФГАНИСТАНЕ В 1985 Г.....	40
Герман В.А. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.И. ЕЛАГИНА ПО НАПИСАНИЮ ТРУДОВ ПО ИСТОРИИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РОССИИ.....	50
Гуринов С.Л. ЯПОНСКИЕ ШПИОНЫ В МОНГОЛИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904 – 1905 гг.....	56
Дуров В.И. ЯПОНСКИЙ ФАКТОР В ТАКТИКЕ ПОЛЬСКОГО И ФИНЛЯНДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМОВ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.....	61
Душкова Н.А., Боев Д.М., Тимков Д.Е. ПЛАКАТЫ «ОКНА ТАСС» КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....	67
Дорош А.А. РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ КАК КУЗНИЦА БЕЗБОЖИЯ В СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЕ В 1923-1925-Е ГГ..	71
Кирчанов М.В. ОБРАЗЫ ИМПЕРИИ В БРАЗИЛЬСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ 1820 -1880-Х ГГ.....	81
Ляпин Д.А. ВОРОНЕЖСКАЯ ЛАНДРАТСКАЯ КНИГА 1716 Г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ.....	98
Ливенцев Д.В. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ, ИЛИ ВОЗМОЖЕН СПОРТ ВНЕ ПОЛИТИКИ?.....	103
Литвинов В.П., Мигунов И.С. СОЦИАЛЬНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ СУФИЗМА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ДОКТРИНЫ VII-X ВВ.....	111
Меганов С.А. ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В КАЗАЧЬИХ СЕМЬЯХ.....	116
Минаков А.Ю., Сергеев С.С. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИК В ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ В 1965 -1966.....	121
Маслихова Л.И., Битюков В.С. РАБОТА ПО СОХРАНЕНИЮ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГБУК «МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ДИВНОГОРЬЕ».....	126
Ряполов С.В., Ряполов В.Н. ЖИЗНЬ И ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯЩЕННИКОВ БРАТЬЕВ АВСЕНЕВЫХ.....	129

Шапиро Б.Л. «РОССИЯ В ШУБЕ» РУССКИЙ МЕХ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ.....	141
Щукин Д.В., Звягина Е.А. ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА СОСТОЯНИЯ И СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В 1990 ГОДАХ XX ВЕКА.....	147
Щукина Л.М. МОДА В ИСТОРИКО – КУЛЬТУРНОМ И СОЦИАЛЬНО – ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СССР ПЕРИОДА 1953 – 1964 ГГ.....	154

ФИЛОСОФИЯ

Коршунова С.А. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА.....	163
Назаренко К.С. КРИЗИС РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ.....	169
Смышляев В.А. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМАТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И МИРА: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	174
Столяров А.В. ПАТРИОТИЗМ - ДОМИНАНТНАЯ ЦЕННОСТНАЯ УСТАНОВКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА РОССИИ.....	181
Черников М.В. ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ.....	186
Черноусова И.Д., Ойченко Ю.О. ВОЙНА КАК СЛОЖНЕЙШАЯ НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ.....	197

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Романович Н.А. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РФ В УКРАИНЕ.....	203
--	------------

CONTENTS

HISTORY

Averkiewa A.A., Nekrylova O.G. PROBLEMS OF CREATING EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL LITERATURE ON THE HUMANITIES IN THE 1920-S.....	7
Butov R.A. FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF PRESERVATION OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF RUSSIA IN THE XVIII –XIX CENTURIES.....	12
Berezutskiy V.D. CLAY INCENSE BURNERS FROM SARMATIAN BURIALS OF THE FOREST-STEPPE PODONYE.....	19
Volkova E.A., Selezneva V.N., Volkov S.N. ASSESSMENT OF REFORMS IN THE HISTORY OF RUSSIA IN PUBLICISTICS F.M. DOSTOYEVSKY.....	28
Vlasova Y.V., Dvoretzkiy S.S. A. I. LIZYUKOV: A COMMANDER WITH A SOLDIER'S FATE.....	35
Gagin V.V., Shendrikov E.A. OPERATION “VALLEY” AS A TYPICAL EXAMPLE OF THE IMPLEMENTATION OF COMMAND PLANS BY THE 40th SOVIET ARMY IN AFGHANISTAN IN 1985.....	40
German V.A. ACTIVITIES OF S.I. YELAGIN FOR WRITING WORKS ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN NAVY.....	50
Gurinov S.L. JAPANESE SPIES IN MONGOLIA DURING THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904 – 1905.....	56
Durov V.I. THE JAPANESE FACTOR IN THE TACTICS OF THE POLISH AND FINNISH NATIONALISMS DURING THE RUSSIAN-JAPANESE WAR.....	61
Dushkova N.A., Boev D.M., Timkov D.E. POSTERS "WINDOWS OF TASS" AS AN ARTISTIC AND HISTORICAL MONUMENT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	67
Dorosh A.A. WORKERS AND PEASANTS RED ARMY AS A FORGE OF GODDESS IN SOVIET ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA IN 1923-1925 YEARS.....	71
Kirchanov M.V. IMAGES OF THE EMPIRE IN THE BRAZILIAN FINE ART OF THE 1820-1880s.....	81
Lyapin D.A. THE VORONEZH LANDRAT BOOK OF 1716 AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE REGION OF THE BELGOROD LINE.....	98
Liventsev D.V. SOME FEATURES OF THE HISTORY OF INTERNATIONAL SPORTS MOVEMENT, OR IS SPORT POSSIBLE OUTSIDE OF POLITICS?.....	103
Litvinov V.P., Migunov I.S. SOCIAL AND SPIRITUAL FOUNDATIONS OF SUFISM AT THE INITIAL STAGE OF THE FORMATION OF THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL DOCTRINE OF THE 7TH-10TH CENTURIES.....	111
Meganov S.A. TRADITIONS OF EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION IN COSSACK FAMILIES.....	116
Minakov A.Y., Sergeev S.S. FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE DEPARTMENT OF VOPIK IN THE VORONEZH REGION IN 1965 -1966.....	121
Maslikhova L.I., Bityukov V.S. WORK ON THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS ON THE TERRITORY OF THE STATE BUDGETARY INSTITUTION "DIVNOGORIE MUSEUM-RESERVE".....	126
Ryapolov S.V., Ryapolov V.N. THE LIFE AND CHURCH AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE PRIESTS OF THE ASEEV BROTHERS.....	129

Shapiro B.L. “RUSSIA IN A FUR COAT” RUSSIAN FUR AS A CULTURAL CODE: PROBLEM STATEMENT.....	141
Shchukin D.V., Zvyagina E.A. FEATURES AND SPECIFICS OF THE STATE AND STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY IN THE 1990S OF THE TWENTIETH CENTURY.....	147
Shchukina L.M. FASHION IN THE HISTORICAL, CULTURAL AND SOCIO – PUBLIC SPACE OF THE USSR IN THE PERIOD 1953 – 1964.....	154

PHILOSOPHY

Korshunova S.A. THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A MODERN DIGITAL SOCIETY.....	163
Nazarenko K.S. THE CRISIS OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION AS A CONSEQUENCE OF OVERCOMING THE CRISIS OF THE INFORMATION AGE.....	169
Smyshlyaev V.A. SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE SECURITY PROBLEMS OF RUSSIA AND THE WORLD: RETROSPECTIVE AND MODERNITY.....	174
Stolyarov A.V. PATRIOTISM - IS THE DOMINANT VALUE INSTALLATION IN THE ACTIVITIES OF THE NATIONAL POLITICAL LEADER OF RUSSIA.....	181
Chernikov M.V. PHILOSOPHY OF HUMAN BEHAVIOR MANAGEMENT.....	186
Chernousova I.D., Oichenko J.O. A WAR AS THE MOST COMPLEX MORAL PROBLEM IN RUSSIAN PHILOSOPHY.....	197

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Romanovich N.A. PUBLIC OPINION ON THE SPECIAL MILITARY OPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN UKRAINE.....	203
---	------------

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 93

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
кандидат исторических наук, доцент
О.Г. Некрылова
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
студентка Института истории и культуры
А.А. Аверкиева
Россия, г. Елец,
тел. 8-910-265-88-27;
e-mail: anastaciakopteva@yandex.ru

Yelets State University named after I.A. Bunin
PhD in Historical Sciences, Associate Professor
O.G. Nekrylova
Yelets State University named after I.A. Bunin
student of Institute of History and Culture
A.A. Averkieva
Russia, Yelets,
tel. 8-910-265-88-27;
e-mail: anastaciakopteva@yandex.ru

А.А. Аверкиева, О.Г. Некрылова

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ГУМАНИТАРНЫМ ДИСЦИПЛИНАМ В 1920-Е ГГ.

В статье рассматривается вопрос обеспечения учебной литературой советских школ в 1920–е гг. следующих дисциплин гуманитарного цикла: истории и обществоведения. Представлен количественный и качественный анализ учебников и учебных пособий, которые имелись в советских школах и возможности их использования в учебном процессе. Отмечается тесная взаимосвязь между содержанием школьных учебников и направлением политики государства в области образования.

Ключевые слова: история советской школы, учебник, рабочая книга, обществоведение, историческая дисциплина.

A.A. Averkieva, O.G. Nekrylova

PROBLEMS OF CREATING EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL LITERATURE ON THE HUMANITIES IN THE 1920-S

The article deals with the issue of providing educational literature to Soviet schools in the 1920s. The following disciplines of the humanities cycle: history and social studies. A quantitative and qualitative analysis of textbooks and teaching aids that were available in Soviet schools and the possibility of their use in the educational process is presented. There is a close relationship between the content of school textbooks and the direction of state policy in the field of education.

Key words: history of the Soviet school, textbook, workbook, social studies, historical discipline.

Реновация учебно-методических комплексов по гуманитарным наукам это распространённое явление в современном образовательном пространстве, которое в большинстве связано с изменениями образовательных стандартов, улучшением функциональности, исправлением информации и дополнением нового типа заданий. Это явление нельзя назвать веянием современного общества, в котором трансформация любого процесса происходит в ускоренном режиме, крупномасштабные изменения содержания и вида учебной литературы по истории и обществоведению наглядно продемонстрированы в 1920-е гг. В связи с этим, актуальным становится обращение к советскому опыту реформирования исторического образования, когда государство играло решающую роль в определении целей и задач школьного обучения истории и обществоведения, в отборе содержательного наполнения данных дисциплин.

Влияние государства демонстрировалось также и в разработке и внедрении единых программ, рекомендаций к методической работе учителей, в контроле над созданием учебной литературы в масштабах всей страны.

После Октября 1917 г., в годы Гражданской войны и послевоенной разрухи, в стране развернулась большая работа по изменению всей системы образования, его идеологической направленности, и как следствие созданию новых учебников по гуманитарным дисциплинам.

Массовый учитель в начале 1920-х гг., как правило, имел невысокий профессиональный уровень, а низкая оплата труда и неустроенный быт существенно препятствовали самообразованию. В большинстве своем учителя нуждались не только в унифицированных программах, но и в стабильном учебнике.

Незамедлительное издание новых учебников, подготовленных на новых идеологических, содержательных и методических стандартах, в первые годы становления советской власти было совершенно невозможно. Это было связано с тем, что в условиях кардинальных изменений школы требовалось не просто обновление существующих программ, но и учебников, учебно-методических пособий. Необходимо было создавать совершенно новую учебную литературу, что в свою очередь было достаточно проблематично. К началу 1920-х гг. принципы Единой трудовой школы, программные ориентиры, целевые установки советской образовательной системы только формировались и требовали специального методического и содержательного оформления.

Подготовка новых учебников заняла большое количество времени и на это были свои причины. Во-первых, неясность вопросов организации исторического образования в советской школе. Во-вторых, разработанность ряда проблем в исторической науке и педагогике. В третьих, среди отдельных руководящих работников Наркомпроса имелись мнения о ненужности учебников в советской школе.

Обучение истории в 1917-1918 учебном году и позже велось по учебнику всеобщей и русской истории Н.А. Рожкова [9, с. 211], «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского [7, с. 157], учебника по всеобщей истории Р.Ю. Виппера, книгам по истории Е.А. Звягинцева и А.И. Бернашевского «Века и труд людей», «Века и люди», К.В. Сивкова «Краткий учебник русской истории», учебникам М.Н. Коваленского «Элементарный курс русской истории для начальных училищ» и «Русская история для средних учебных заведений».

В.И. Ленин был одним из первых читателей «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского, первые две части которой вышли в 1920 г, а третья – в 1923 г. [4, с.68]. В личной записке он поздравил М.Н. Покровского с успехом и сделал ряд принципиально важных замечаний. «Чтобы она была учебником (а она должна им стать), - писал В.И. Ленин, - надо дополнить ее хронологическим указателем... Учащиеся должны знать и Вашу книгу, и Указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую». Позднее М.Н. Покровский дополнил «Русскую историю в самом сжатом очерке» синхронистическими таблицами, и в 1920-х – начале 30-х гг. она стала одним из самых распространенных изданий по отечественной истории.

По мере переиздания перечисленных учебников их содержание обогащалось, с точки зрения идеологии и новых педагогических концепций. Так, например, в восьмом издании книги Е. Звягинцева и А. Бернашевского «Века и труд людей», треть содержания книги занимал раздел «На путях к социализму», который знакомил учащихся с историей революционной борьбы рабочего класса и трудового крестьянства, с деятельностью Коммунистической партии и комсомола, с жизнью трудящихся в СССР.

В 1921 г. с заменой преподавания истории дисциплиной «обществоведение» возникла необходимость создания учебников для этого курса, в который при значительном сокращении исторических разделов были включены материалы по политической экономии и праву, истории 1920-х гг. и ряду других общественных дисциплин. Составители программ начала 1920-х гг. считали, что именно таким путём можно преодолеть разрозненность знаний, которые давала дореволюционная школа, её отрыв от действительности и активно

влиять на процесс формирования социалистической идеологии у учащихся. Соответственно этим программным установкам, работа пошла по пути создания различного рода справочников для учащихся и хрестоматий.

Другим направлением явились попытки приспособить для нужд школы учебники политграмоты для взрослых. Позднее учебники политграмоты стали составляться для учащихся общеобразовательных школ и сохранились в ней до середины 1920-х гг. «Пока содержание, объем, и методы обществоведения не были уточнены, - говорилось в одном из докладов К.Т. Свердловой, руководящей отделом учебников в Государственном издательстве, - школа шла двумя путями: первый путь - давай политграмоту под названием обществоведения и второй путь - сохраняя старую историю под новым названием.[10, с.78]. В зависимости от установки школы, учитель использовал или историю М.Н. Покровского, М.Н. Коваленского, исторические хрестоматии или политграмоты, написанные для совпартшкол. Однако, несмотря на такую разрозненность в учебной литературе, ни одна из книг такого рода не соответствовала понятию «школьный учебник» в полной мере.

С середины и до конца 1920-х годов основным типом учебного пособия стала рабочая книга. Принципиальные установки по составлению рабочих книг как нового типа учебного пособия для школы были даны на I Всероссийской конференции по учебнику и детской книге, где с докладом выступила Н.К. Крупская. Она считала, что учебник для средней школы на том этапе и в тех условиях мог быть построен как рабочая книга, максимально помогающая ученику и учителю в учебном процессе. Общее руководство составлением рабочих книг осуществлял председатель научно-политической секции ГУСа М.Н. Покровский. В середине 20-х гг. XX в. были подготовлены рабочие книги по обществоведению: для 5-го класса под редакцией И.И. Минца и С.И. Моносова, для 7-го класса под редакцией А.И. Стражева [8, с. 205].

От обычных учебников рабочая книга отличалась тем, что носила многоцелевой характер. В ней не излагались систематические знания, а содержался теоретический, фактический материал, разнообразные задания, вопросы и упражнения для самостоятельной работы учащихся и учителя по каждой теме, списки дополнительной литературы. Рабочие книги по обществоведению содержали сведения по отечественной и всеобщей истории. Историческому материалу в рабочих книгах отводилась вспомогательная роль иллюстраций и параллелей при разъяснении событий современности. Он группировался по социологическим схемам, вследствие чего нарушилась хронологическая последовательность событий. Таким образом, рабочие книги не могли дать систему исторических знаний, они в большей степени соответствовали замыслам курса обществоведения, а именно ориентировать молодежь в современной действительности, ввести ее в гущу событий, научить разбираться и сознательно действовать в сложной обстановке современности, в интересах социалистического строительства. Революционные преобразования, осуществляемые в стране, требовали людей самостоятельных, и на это ориентировали публиковавшиеся учебники и учебно-методические материалы.

В конце 1920-х гг. появились рабочие книги, содержащие материал для изучения только одного из разделов обществоведения: истории, современности или политэкономии. Это был новый тип учебного пособия для советской школы, соответствующий распространенному в те годы лабораторному методу занятий в школе. «Рабочая книга по истории» в двух частях А.А. Введенского и А.В. Предтеченского включала в себя 36 заданий по русской и зарубежной истории, каждое из которых содержало целевую установку, отдел источников, заключительный, обобщающий очерк и вопросы для повторения. Книга ориентировала учащегося на самостоятельную работу [1, с. 112].

В результате такого подхода знания учащихся часто оказывались поверхностными и односторонними, что вызывало серьезную озабоченность со стороны учителей. То, что учащиеся не знают конкретно-исторического материала, учителя объясняли несовершенством программ. Признавая недостатки программ, руководство Наркомпроса,

тем не менее, ставило вопрос о причинах неудовлетворительного состояния преподавания обществоведения более широко. К числу трудностей объективного характера относились не только незавершенность разработки программных материалов, но и отсутствие приспособленных к ним учебников и рабочих книг.

Партийная позиция была представлена в выступлениях Н.К. Крупской. Еще в конце 1928 – начале 1929 гг., представляя методическую секцию Общества историков-марксистов, Н.К. Крупская отстаивала право выделения истории из школьного курса обществоведения и создания стабильного учебника истории [12, с. 317]. Публикация материалов конференции сыграла положительную роль в формировании общественного мнения в пользу усиления исторической подготовки учащихся. В выступлениях Н.К. Крупской на I Всероссийском объединенном съезде опытно-показательных учреждений и методических бюро ГубОНО, на II Всероссийской конференции по учебной книге, в работе «Какой нам нужен учебник» сформулированы четкие положения о необходимости создания для советской школы нового типа учебника как основного инструмента учителя в процессе обучения, требования к учебнику, к подбору авторов для его составления [2, с. 133-134].

Партийной критике были подвергнуты связывание с теорией отмирания школы М.Н. Покровского, установки на дестандартизацию учебников, издание «рабочих книг» и «рассыпных учебников», а также практика создания самостоятельных учебников отдельными областями, краями и республиками [5, с. 496].

Так, например, так например педагоги Шульгин В.М., Крупенина М.В., Жаворонков В.Н. выступали против стабильных учебников за учебники-журналы, учебники-газеты, учебники-картотеки, рассыпные учебники. Шульгин В.Н. призывал к созданию местных учебников и выдвинул лозунг: «Места – пишите!». Влияние указанных педагогов отчетливо проявилось в работе и решениях II Всероссийской конференции по учебной книге. Несмотря на возражения Н.К. Крупской, конференция в решении указала, что «в условиях реконструктивного периода, колоссальных темпов социалистического строительства, ломки быта и т.д., учебник ни в коем случае не должен быть стабильным... Конференция решительно отвергает принцип стабилизации учебника». Далее говорилось, что «ближайшие годы должны стать годами подлинных исканий» и что «должны быть взяты мнения на разработку многообразных типов учебной литературы».

Ленинградский методист Кудрявцев А.Е. считал, что основными пособиями в школе должны стать не учебники, а хрестоматии и справочники. В качестве аргумента выдвигалось то, что в учебнике знания даются в «текстовом», обобщённом виде и учащиеся механически воспринимают новые знания. Учебник, таким образом, якобы является орудием прежней зубрёжки [3, с. 45]. С.Н. Дзюбинский, признавал за учебником истории право на существование, отводил ему второстепенную роль. По его мнению, школьники должны сначала прорабатывать проблему по ряду источников, архивных материалов, исторических документов, а к учебнику обратиться для того, что бы закрепить, обобщить приобретенные знания. Выступая против таких утверждений, один из активных сторонников необходимости учебников истории А. Слуцкий отмечал, что «ни наше преподавание, ни наш советский учебник не могут обойтись без обобщения знаний в готовом виде. Это означало бы отказ от социального опыта, обречь себя на невежество» [6, с. 145].

Несколько по иному была построена «Рабочая книга по истории» для 5-го года обучения О.В. Трахтенберга, А.И. Глуковского и В.Н. Бернадского [11, с. 84]. Материал по ней излагался в хронологической последовательности. Выдержки из документов непосредственно включались в текст, меньше было методических рекомендаций.

Пестрота учебной литературы мешала учителям-обществоведам, вынужденным нерационально тратить время и усилия на подборку нужных для занятий текстов в самых разных изданиях. Только в Госиздате на 1927-1928 учебный год как сообщала газета «Правда» в статье «О школьном учебнике», имелось в общей сложности 346 названий учебной литературы. Из них по курсу обществоведения ГУС рекомендовал 20 пособий разных авторов. На практике из 59 опрошенных учителей обществоведения в 1928 г. в

институте повышения квалификации педагогов 40 человек не имели в своих школах ни книг, ни пособий, рекомендованных ГУСом. В процессе преподавания опрошенные учителя использовали 40 наименований книг в качестве методических пособий.

В конце 1920-х гг. учитывая политические задачи реконструктивного периода и понимая роль исторических знаний в идеологическом обосновании социалистического строительства. Советское правительство основное внимание в это время сосредоточила на разработке конкретных мер в области преподавания истории в школе. Восстановления истории в качестве самостоятельной учебной дисциплины, а затем подготовке стабильного учебника по этому предмету. Если первая задача была решена путем декретирования, то решить задачу создания стабильного учебника было сложнее.

Таким образом, как уже отмечалось, положение со школьными учебниками в конце 1920-х гг. оставалось сложным, что во многом было следствием неоднозначных подходов к необходимости стабильных учебников. Корни разногласий по проблемам стабильного учебника кроются в начале 1920-х гг., когда в педагогике шли споры по вопросам теории и методов преподавания, имели место «теория отмирания школы», лабораторно-бригадный метод, метод проектов, а на страницах журнала «Обществоведение в трудной школе» под редакцией М.Н. Покровского развернулась широкая дискуссия о соотношении истории и современности в школьном курсе обществоведения.

Библиографический список

1. **Введенский А.А.** Рабочая книга по истории / А. А. Введенский, А. В. Предтеченский. - 3-е изд. - Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. - с. 267.
2. **Крупская Н.К.** Педагогические сочинения. Трудовое воспитание и политехническое образование: собрание сочинений / под.ред. Ф. С. Озерской. - Москва: Акад. пед. Наук, 1959. - 630 с.
3. **Кудрявцев А.Е.** Очередные вопросы методики обществоведения на второй ступени: учебное пособие / А. Е. Кудрявцев. - Ленинград; Москва: Гос. изд-во, 1925. - 222 с.
4. **Ленин В.И.** Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 38. Март - июнь 1919 / В.И. Ленин. - Москва: Госполитиздат, 1963. - 579 с.
5. Народное образование в СССР: Общеобразоват. школа : Сборник документов 1917-1973 гг. - Москва : Педагогика, 1974. - 559 с.
6. Основные вопросы преподавания истории в школе II ступени / Под ред. С.С. Кривцова; В составлении сборника принимают участие: Л. П. Богоявленский. Г. О. Гордон, А. З. Иоаннисиани [и др.]; Коммун. акад. Методич. секция О-ва историков-марксистов. - Москва : изд-во Комм. акад., 1928. - с. 264.
7. **Покровский М.Н.** Русская история с древнейших времен. В 4 т. Т.2: учебное пособие / М. Н. Покровский. - Москва: Гос. социально-экономическое изд-во, 1933. - 306 с.
8. Рабочая книга по обществоведению: Для 5-го года обучения. / Под ред. А.И. Стражева - 4-е изд. - Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1927. - 237 с.
9. **Рожков Н.А.** Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики): учебное пособие / проф. Н. А. Рожков. - Москва; Петроград: Книга, 1923. - 259 с.
10. **Станчинский А.П.** Политграмота / А. П. Станчинский. - 2-е изд. - Москва : Гос. изд-во, 1925. - 280 с.
11. **Трахтенберг О.В.** Рабочая книга по истории: Для 5-го года ФЗС и 1-го года ШКМ / О. В. Трахтенберг, А. И. Гуковский, В. Н. Бернадский. - Москва; Огиз; Ленинград: Гос. учеб. педагог. изд-во, 1931. - с. 183.
12. Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. 28 XII-1928 4/I-1929: Т. 1- / Предисловие: М. Покровский ; Ком. акад. О-во историков-марксистов. - Москва: Изд-во Ком. акад., 1930. - с. 558.

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина
магистрант, консультант Управления по охране
объектов культурного наследия Липецкой области
Р.А. Ботов
Россия, г. Елец
тел.: +79205164963
e-mail: bra48@inbox.ru*

*Yelets State University named after I.A. Bunin
Master student, consultant of the Department for the
Protection of Cultural Heritage Objects of the
Lipetsk Region R.A. Butov
Russia, Yelets
Tel.: +79205164963
e-mail: bra48@inbox.ru*

Р.А. Ботов

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ В XVIII –XIX ВЕКАХ

В статье рассматриваются особенности становления и развития системы сохранения археологического наследия в России, характерные для XVIII – XIX веков. По итогам исследования широкой нормативной и источниковой базы автор приходит к выводу о том, что в становлении и развитии системы сохранения археологического наследия в России в XVIII веке большую роль сыграли указы Петра I. В русской археологической науке в XIX веке появились два основных направления археологии: официальное (государственное) и общественное (народное). Однако законодательная база в данной сфере была достаточно слаба. Нормативная база в области охраны культурного наследия постепенно развивалась благодаря развитию не только археологии, но и общественным отношениям к памятникам культуры.

Ключевые слова: археологическое общество, археологический объект, археологическое наследие, археология, культурное наследие, Кунсткамера, памятник, Петр I, раскопки, сохранение.

R.A. Butov

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF PRESERVATION OF THE ARCHAEOLOGICAL HERITAGE OF RUSSIA IN THE XVIII –XIX CENTURIES

The article discusses the features of the formation and development of the system of preservation of archaeological heritage in Russia, characteristic of the XVIII – XIX centuries. Based on the results of the study of a broad regulatory and source base, the author comes to the conclusion that the decrees of Peter I played an important role in the formation and development of the system of preservation of archaeological heritage in Russia in the XVIII century. In the Russian archaeological science in the XIX century, two main directions of archeology appeared: official (state) and public (national). However, the legislative framework in this area was rather weak. The regulatory framework in the field of cultural heritage protection has gradually developed due to the development of not only archeology, but also public relations to cultural monuments.

Key words: archaeological society, archaeological site, archaeological heritage, archeology, cultural heritage, Kunstkamera, monument, Peter I, excavations, preservation.

Система сохранения археологического наследия в России прошла довольно длительный путь развития. Первый этап этого пути связан с возникновением европейской и русской археологии. В это время произошел переход от простого интереса к научным поискам археологических материалов, а также проделаны первые попытки охраны «древней старины».

Первые шаги становления отечественной системы сохранения культурного наследия неразрывно связаны с развитием такой наукой как «археология» и, конечно же, с деятельностью Петра I.

Стремясь поднять культуру России на европейский уровень, Петр I не только отправлял недорослей учиться за рубеж, издавал переводные книги и приглашал в страну иностранных профессоров, но и пытался наладить собирание, изучение и охрану памятников прошлого в нашей стране.

Уже в 1710-1720 годах начались планомерные розыски древностей для нового музея – Кунсткамеры и раскопки курганов с чисто исследовательскими целями. Считается, что именно издание указа 1718 года о покупке редкостей для Кунсткамеры стало поворотным пунктом в истории российской археологии. Но аналогичные предписания были, скорее всего, и раньше. Так, к примеру, в 1716 году сибирский губернатор М.П. Гагарин доставил Петру I ряд «чудских» ювелирных изделий, ссылаясь на повеление последнего «приискать старых вещей...в земле древних поклаж». Можно предположить, что это повеление относится в 1715 году, когда заводчик А.Н. Демидов поднес Екатерине коллекцию сибирского курганного золота» [1, с. 11].

Указом Петра I от 17 февраля 1718 года «О приносе родившихся уродов, а также найденных необыкновенных вещей во всех городах к Губернаторам и Комендантам, о даче за принос оных награждения и о штрафе за утайку» было положено начало систематическому собранию редкостей из мира природы и по истории человека. Наиболее важные строки для нас: «Ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи, а именно: камни необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или такие, да зело великие или малы перед обыкновенными, также какие старые подписи на камнях, железе или меди, или какое старое и тоже необыкновенное ружьё, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, - такожь бы приносили, за что будет довольная дача» [2]. Благодаря указу Петра I о собирании не только различных редкостей анатомического характера, но и найденных необыкновенных вещей, под которыми мы понимаем предметы древности, в Кунсткамере накапливались, в том числе, археологические находки. Также необходимо отметить еще одно разъяснение 1721 года: «Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать... и, не переплавлявая, присылать в Берг- и мануфактур коллегию» [3], которое предотвращало от переливки золотые и серебряные предметы, вырытые «бугровщиками».

В 1722 году, отправляясь в Персидский поход, царь специально заехал из Казани на развалины Болгора. При осмотре городища он обратил внимание на плиты с надписями и захотел, чтобы их скопировали, а, прибыв в Астрахань, обязал казанского губернатора реставрировать «грозящие упадком строения и монументы» и следить за их состоянием впредь [4, с. 194]. Для этой цели Петр I велел казанскому губернатору послать на городище «каменщиков с довольным количеством извести для починки поврежденных и грозящих упадком строений и монументов, пещись о сохранении оных, и на сей конец всякий год посылать туда кого-нибудь осматривать для предупреждения дальнейшего вреда» [5, с. 13]. Это распоряжение перестали выполнять сразу же после смерти Петра [6, с. 88], а при Елизавете архиерей Лука нарочно разрушал болгарские здания, чтобы искоренить все остатки мусульманства. В 1767 году Екатерина II писала о действиях Луки не без осуждения [7, с. 20]. Но сама она нанесла городищу не меньший ущерб, позволив использовать средневековый культурный слой для изготовления селитры [6, с. 96-10].

Можно упомянуть еще один запрос 1723 года псковскому губернатору о монетах князя Игоря, якобы обнаруженных в городе (это были копейки Ивана Грозного с ошибочно прочтенной сокращенной надписью «И государь»). Монеты были затребованы в Петербург [8, с. 52].

В 1751 году Академия наук послала студента Михаила Коврина проверить сообщение о развалинах близ д. Студенец Воронежской губернии. Ему дали как руководство выписку из указа 1718 года [9, с. 78]. Это говорило о том, что заветы Петра I забыты не были. В 1753 году академик И.И. Тауберг предлагал периодически оглашать этот указ, чтобы и в дальнейшем в столицу присылали всякие находки [10, с. 65].

Таким образом, именно указы Петра I, которые были ориентированы, по своей сути, на сбор предметов прошлого не по их материальной ценности, явились в XVIII веке первыми попытками организовать охрану памятников и сбор археологических материалов на государственном уровне.

Идей, лежавших в основе петровских указов о памятниках прошлого, хватило на весь XVIII век и даже на начало XIX века.

В XVIII веке памятникам древности хоть и уделялось внимание, но незначительное. Так, к примеру, в 1755 году, являясь директором Московского университета, будущий член Комиссии об Уложении А.М. Аргамаков выдвинул проект реорганизации Оружейной палаты. Намечались постройка специального здания, составление описей и публикация каталога хранящихся предметов, возможность осмотра посетителями [11, с. 276]. Благодаря Оружейной палате (музею) были сохранены и учтены многие предметы культурного наследия, а посещение ее способствовало популяризации культурного наследия.

Сбор сведений о всевозможных археологических объектах в XVIII веке осуществлялся весьма широко. В.Н. Татитщев, а затем и М.В. Ломоносов подготовили инструкции по этому вопросу для геодезистов [12, с. 87-88]. Пользуясь анкетой Татищева, геодезисты В. и И. Шишковы в 1730-х годах зафиксировали в Сибири немало новых памятников [13, с. 140-146]. В апреле 1771 года Сенат рекомендовал землемерам отмечать в своих журналах курганы, пещеры и развалины [14]. Регистрация остатков старины в связи с географическим изучением России дала хорошие результаты. Записи XVIII столетия не раз служили источником для археологической карты [15].

После Петра I охрана памятников культуры в России получила совершенно иное направление, чем раньше. Если в Московской Руси древности оберегала вера в святыни, то теперь о них заботилось государство. Хранили их теперь не в церковных ризницах, а в музеях и царских дворцах. Старинные вещи берегли уже не как святыни, а как объекты, важные для науки. В связи с этим охране подлежали не только остатки русской старины, но и древности чужих и даже неведомых народов. По сравнению с предшествующей эпохой заметно развилось и эстетическое восприятие творчества минувших столетий.

В конце XVIII века зарождался интерес к историческим памятникам России, получивший развитие в первой половине XIX века, намечались некоторые тенденции, сыгравшие немалую роль в отношении к русским древностям в последующее время.

В начале XIX века на фоне наполеоновских войн в России отмечается подъем национального самосознания.

В 1809 году С.Н. Глинка публикует специальную статью о русских исторических памятниках, в которой речь идет, главным образом, о местах знаменитых сражений [16].

В 1817 и 1821 годах на страницах журнала «Сына отечества» Ф. П. Аделунг и Б. Г. Вихман предложили организовать Российский Отечественный музей [17, 18]. Одна из его задач, по Аделунгу, заключалась в том, чтобы «предохранить от рассеяния и истребления тысячи любопытных предметов» [17, с. 56]. Оба этих проекта так и не были осуществлены. При этом сам Аделунг не до конца понимал, что надо выставить в музее. Назвав все те же греческие и римские скульптуры, он неуверенно продолжал: «Собрание русских исторических памятников, как-то: статуй татарских и монгольских, порубежных камней, надписей, печатей, утвари и пр.» [17, с. 63].

В 1806 году были утверждены «правила для управления Оружейной палатой» [19], в 1807 году опубликовано описание части ее коллекций [20]. Царская сокровищница стала первым русским историческим музеем.

В первой половине XIX века, по сравнению с XVIII веком резко возросло число свидетельств о внимании к памятникам отечественного прошлого в самых разных слоях общества. Памятники начинают рассматриваться уже не как объекты землеописания, а в тесной связи с историей и культурой.

В этот период времени, в целях наладить охрану памятников, в ряде городов возникают археологические музеи, а в Одессе – научное общество с теми же интересами. В

1811 году организован музей в Феодосии, в 1825 году в Одессе, в 1826 году в Керчи [21]. В 1839 году было учреждено Одесское общество истории и древностей, объединившее археологическую деятельность в Причерноморье [22].

В 1823 году Стемповский подал новороссийскому генерал-губернатору М.С. Воронцову записку «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае», в результате чего в августе 1825 года был основан Одесский музей древностей, директором которого стал И. П. Бларамберг. В 1826 году М. С. Воронцов направил Бларамберга в Керчь для открытия здесь музея. Следует сказать, что в Керчи до этого времени существовал «Музеум П. А. Дюбрюкса» – коллекция находок античных древностей, формировавшаяся с 1810 года археологом-любителем Полем Дюбрюксом.

Для русской археологии начало XIX века записка Стемповского – это программный документ, намечающий конкретные мероприятия на ближайшие годы и не менее четко формулирующий задачи науки в целом: всякую находку нужно точно регистрировать; с собирательством случайных беспаспортных вещей надо покончить; необходимо создать научное общество, способное заботиться об охране старины в Причерноморье, вести раскопки и публиковать археологические материалы; очень важно, не мешкать, снять планы со всех развалин греческих городов, пока их здания не растащили на строительство [23, с. 40-72].

Конечно, как и в любой другой науке, в археологии существовали свои проблемы, которые приходилось решать, но лучшие представители этой научной дисциплины никогда не забывали о заветах Стемповского. Раскопки документировались с максимальной полнотой, важнейшие памятники спасали от разрушения, а изучение их раскрывало все новые грани в высокой материальной и духовной культуре античности. Таким образом, мы видим, что все больше растет число не только последователей самого Стемповского, но и других элитных представителей интеллигенции, понимающих значение археологии для отечества, которые задумываются об охране культурного наследия.

Значительное внимание вопросам охраны памятников уделял Д.Я. Самоквасов [24, с. 12-17]. Он не только докапывал уже исследовавшие курганы, но и спасал памятники от разрушения («Княжья гора», Гочевский могильник и др.).

Реализовывая свой план исследования городищ и курганов Д.Я. Самоквасов понимал, что это громадный труд и он не под силу одному поколению ученых. Но он так же понимал, что если нет возможности исследования этих памятников, то хотя бы должны быть приняты меры к их сохранению. Д. Я. Самоквасов отмечал богатство России памятниками археологии по сравнению с более густонаселенной Западной Европой. Но положение дел в этой сфере констатировал следующим образом: «...до сих пор мы сохраняли очень мало, а теряли очень много». Также он отмечал: «Каждая земляная насыпь, разрытая с соблюдением правил, требуемых наукой, сохраняется для науки; каждая насыпь, распаханная плугом или раскопками ради пустого любопытства, уничтожается бесследно; единственная страна в Европе, обладая богатством исторического материала, могущим осветить для науки историческую эпоху, до сих пор остающуюся покрытою непроницаемым мраком, материала, сохранившегося только благодаря меньшей заселенности Востока Европы».

Причинами уничтожения объектов Д.Я. Самоквасов считал хозяйственную деятельность и неправильно проведенные раскопки. Чтобы препятствовать исследованиям, не соответствующим «современным требованиям исторической науки» (раскопки археологов и антропологов), в его учебнике по истории русского права помещалась специальная инструкция [25, с. 208-214]. Уникальным в своем роде можно назвать факт восстановления «Черной Могилы» и еще двух богатых черниговских курганов [26, с. 6].

С 50-х – первой половине 80-х XIX века происходит серьезное организационные преобразования, на многие десятилетия предопределившие направленности в развитии археологии в стране. Важнейшее значение имело возникновение и последующая деятельность центральных археологических учреждений в области археологии. Так в 50-е

годы XIX века предпринимаются шаги, направленные на организацию правительственного органа, призванного осуществлять управление и надзор над археологической деятельностью в стране, прежде всего на пространствах Северного Причерноморья. Показательна деятельность комиссии для исследования древностей, возглавляемой Л.А. Петровским, которую после его смерти возглавил Г.С. Строганов (Строгановская комиссия). Последняя в 1859 году преобразуется в Императорскую археологическую комиссию (ИАК), которую он возглавлял до 1882 года. Возникшая при Министерстве двора Императорская археологическая комиссия является первым государственным учреждением в области археологии.

Перед археологической комиссией ставилась задача регулирования проводимых раскопок, исследование древностей, происходящих прежде всего с пространств юга Европейской части России, сбор сведений о памятниках старины, ученая оценка открываемых древностей, и конечно же непосредственное проведение полевых археологических исследований, включая раскопки. Археологическая комиссия должна была влиять на формирование музейных коллекций, прежде всего Эрмитажа. С деятельностью комиссии связано формирование одного из сокровищ российских музеев – эрмитажной коллекции скифского золота.

Серьезным шагом, направленным на регламентацию проводимых полевых работ, явился указ 1889 года, согласно которому Археологическая комиссия наделялась исключительным правом производства и разрешения раскопок на государственных и крестьянских землях. За комиссией закреплялось право выдачи Открытых листов на производства раскопок, с обязательностью последующего представления в нее научного отчета о проведенных работах. Комиссия в первые десятилетия XX века, организует значительные по масштабам многолетние исследования ряда памятников. Получает развитие издательская деятельность Археологической комиссии, включая публикацию полученных в результате раскопок материалов, в том числе и тех из них, которые были накопаны ранее. Но в полной мере сформировавшимся головным научным центром в области археологии в стране, особенно если иметь ввиду развитие академической и университетской науки, она так и не стала.

В тоже время продолжают свою деятельность и другие организации: Русское археологическое общество, Русское географическое общество, Одесское общество истории и древностей, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и т.д. Деятельность этих обществ, многие из которых базировались на научном потенциале конкретных университетов, была весьма удачной формой объединения усилий ученых разных специальностей и интересующих соответствующей проблематикой любителей. В немалой степени именно через деятельность таких обществ университетские центры и академическая наука существенно влияла на общее состояние археологии в стране, на развитие отдельных археологий, как в прочем и научную разработку конкретной исследовательской проблематики, базирующейся или использующей возможности археологии и археологического источника.

При этом к концу XIX века проявили себя противоречия между Археологической комиссией и Московским археологическим обществом, внешним поводом к чему явилось неприятие последним введенной указом 1889 года процедуры, согласно которой комиссия наделялась исключительным правом производства и разрешения раскопок. За этим стояло не только соперничество двух исследовательских центров и отдельных ученых, представляющие эти центры. Сущность противоречий в определении самих путей развития археологии в стране.

Таким образом, в становлении и развитии системы сохранения археологического наследия в России в XVIII веке большую роль сыграли указы Петра I. В этот период было обнаружено немало ценных для науки объектов, проведены первые раскопки, собраны первые коллекции древностей, поднят вопрос об их охране, создан первый музей –

Кунсткамера в целях физического сохранения ценностей. Введена практика фиксации археологических объектов на картах, планах, журналах и других источниках при проведении геодезических работ. Впервые в литературе появились рисунки археологических находок и планы городищ. Прослеживались методы интерпретации результатов раскопок путем сопоставления их с этнографическими данными и известиями античных авторов.

В русской науке в XIX веке появились два основных направления археологии: официальное (государственное), которое олицетворяла Императорская археологическая комиссия, и общественное (народное), включавшее археологические общества. Конечно, все это определенно способствовало развитию системы охраны культурного наследия в России. Однако законодательная база в данной сфере была достаточно слаба. Нормативные акты, в том числе отдельные указы в сфере сохранения наследия, значение которых было ограниченным, не решали проблему охраны древностей. В них задача охраны памятников не была конкретизирована и не подкреплялась созданием системы охраны. Не была введена и юридическая санкция за разрушение памятников.

Нормативная база в области охраны культурного наследия постепенно развивалась благодаря развитию не только археологии, но и общественным отношениям к памятникам культуры, их изучению и пониманию важности сохранения наследия наших предков. Только к началу XX века культурное общество полностью осознало значение охраны памятников архитектуры и археологии. Но правительство даже в эти годы не смогло и не захотело принять соответствующих мер. Вопрос о государственной охране памятников в России к началу XX века все еще не был решен, но предпосылки для этого уже складывались.

Библиографический список

1. **Руденко С.И.** Сибирская коллекция Петра I / С.И. Руденко; под общ. ред. Б.А. Рыбакова. - М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962. – 52 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. 1649-1825. - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. Т. V. – С. 542, №3159.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. 1649-1825. - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. Т. V. – С. 357-358, №3738.
4. **Штелин Я.Я.** Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. 4 т. Ч.1. / Я.Я. Штелин. – М.: тип. Решетникова, 1830. – 260 с.
5. **Штелин Я.Я.** Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. 4 т. Ч.2. / Я.Я. Штелин. – М.: тип. Решетникова, 1830. – 179 с.
6. **Калачов Н.В.** Приложение к книге С. М. Шилевского / Н.В. Калачов // Сборник Археологического института: В 2 кн. Кн. 2. – СПб.: Тип. Правит. сената. - 1879. - II, II, 112, 111, 68, 28 с.
7. Письмо Екатерины II к Н. И. Панину от 3 июня 1767 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества. 1867-1916. Т. 10. - СПб.: типография Императорской Академии наук, 1872. – 477 с.
8. **Ильинский Н.С.** Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания : Заключающее в себе многия достойныя любопытства происхождимости / Составленное из многих древних летописцев, надписей, записок и Российской истории Николаем Ильинским. – СПб.: Тип. Б.Л. Гека, 1795. - 60 с.
9. **Гнучева В.Ф.** Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронол. обзоры и описание архив. мат-лов / Сост. В. Ф. Гнучева; Под общей ред. акад. В. Л. Комарова. – М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1940 - 312 с.
10. **Спасский И.Г.** Очерки по истории русской нумизматики / И.Г. Спасский // Труды Государственного Исторического музея. Вып. XXV. - 1955. - С. 34-108.

11. **Соловьев С.М.** История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн. 12. Т. 23-24 / С.М. Соловьев; отв. ред. и авт. вступ. статьи д-р ист. наук Л. В. Черепнин] М.: Соцэкгиз, 1964. - 715 с.
12. **Татищев В.Н.** Предложение о сочинении истории и географии Российской / В.Н. Татищев // Избранные труды по географии России. - М.: Географгиз, 1950. – С. 77-97.
13. **Радалов В.В.** Сибирские древности / В.В. Радалов // Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. №15. - СПб: Типография Имп. Академии Наук. 1894. - 168 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. 1649-1825. - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. Т. XIX. – С. 263-264, № 13593.
15. **Порфирьев С.И.** Древности Казанского края в актах генерального межевания / С.И. Порфирьев. – Казань : Тип. Имп. ун-та, 1904. - 16 с.
16. **Глинка С.Я.** Исторические памятники в России / С.Я. Глинка // Русский вестник. – 1809. - № 1. С. 1-38.
17. **Аделунг Ф.П.** Предложение об учреждении русского национального музея / Ф.П. Аделунг // Сын Отечества. - 1817. - № 14. - С. 54-72.
18. **Вихман В.Г.** Российский Отечественный музей / В.Г. Вихман // Сын Отечества. – 1821. - № 33. - С. 289-310.
19. Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. 1649-1825. - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. Т. XXIX. – С. 133-135, № 22054.
20. **Малиновский А.Ф.** Историческое описание древнего российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося / А.Ф. Малиновский. - М.: тип. Импер. моск. унив., 1807. - 139 с.
21. **Разгон А.М.** Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.) / А.М. Разгон // Очерки истории музейного дела в СССР. – 1963. - Вып. V. – С. 238-251.
22. **Юргевич В.Н.** Исторический очерк пятидесятилетия Одесского общества истории и древностей / В.Н. Юргевич. - Одесса : тип. А. Шульце, 1889. - 121 с.
23. **Стемковский И.А.** Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае / Стемковский И.А. // Отечественные записки. – 1827. - Ч. 29. - Кн. 1. - С. 40–72.
24. **Щавелев С.П.** Вклад Д.Я. Самоквасова в изучение и охрану древностей Полтавской губернии / С.П. Щавелев // 100-летие Полтавского краеведческого музея: матер. юбилейной науч. конф. Ч.2. Археология Полтавщины. – Полтава, 1991. – С. 12-17.
25. **Самоквасов Д.Я.** История русского права. Т. I. Начала политического быта древнерусских славян / Д.Я. Самовасов. - Варшава : тип. М. Земкевича и В. Ноаковского. - 1878. - 360 с.
26. **Щавелев С.П.** Историк Русской земли: жизнь и труды Д. Я. Самоквасова / С.П. Щавелев. - Курск : Изд-во Курского гос. мед. ун-та, 1998. - 279 с.

УДК 903.2.26

*Воронежский государственный педагогический университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
В. Д. Березуцкий
Россия, г. Воронеж,
тел. (473)255-14-78
e-mail: berezytski1@rambler.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
PhD in historical sciences, Associate Professor of the chair of Russian history
V. D. Berezutskiy
Russia, Voronezh,
tel. (473)255-14-78
e-mail: berezytski1@rambler.ru*

В.Д. Березуцкий

ГЛИНЯНЫЕ КУРИЛЬНИЦЫ ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ¹

В статье рассматриваются глиняные курильницы – ритуальные сосуды из сарматских погребений лесостепного Подонья. Приводится их характеристика, обращается внимание на редкость подобных находок в погребальных памятниках сарматов. Автор приходит к выводу о том, что хотя курильницы не могут быть однозначно отнесены к категории культовых предметов сарматских «жриц», выделение которых до сих пор носит дискуссионный характер, они, тем не менее: не являются предметами, относящимися к косметическим принадлежностям, а отражают занятость определенной части сарматов отправлением различных культов (погребальных и иных) в сарматском кочевом обществе лесостепного Подонья в I-II вв. н.э.

Ключевые слова: лесостепное Подонье, курганы, сарматы, культовые предметы, курильницы.

V.D. Berezutskiy

CLAY INCENSE BURNERS FROM SARMATIAN BURIALS OF THE FOREST-STEPPE PODONYE

The article deals with clay incense burners - ritual vessels from Sarmatian burials of the forest-steppe Podonye. Their characteristics are given, attention is drawn to the rarity of such finds in the burial monuments of the Sarmatians. The author comes to the conclusion that although incense burners cannot be unambiguously classified as cult objects of Sarmatian "priestesses", the allocation of which is still debatable, they nevertheless are not objects related to cosmetic accessories, but reflect the employment of a certain part of the Sarmatians in various cults (funerary and other) in the Sarmatian nomadic society of the forest-steppe Undergrowth in the I-II centuries AD.

Key words: forest-steppe undergrowth, mounds, Sarmatians, religious objects, incense burners.

Глиняные курильницы², появившись уже у савроматов не позже V в. до н. э., получили распространение в прохоровской культуре, а еще более широко в среднесарматский период, представляя не только разнообразные типы и варианты, но и их устойчивые формы [1, с. 30]. Не исчезли курильницы и в позднесарматское время, таким образом, став надежным «эталоном» сарматской принадлежности погребений [2, с. 166].

В сарматской археологии до сих пор не определено место этих сосудов и их возможная связь с отправителями религиозных обрядов – сарматскими «жрицами», если они существовали в реальности.

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-49-360002.

²В настоящей статье рассматриваются только глиняные курильницы. Безусловно, различные туалетные сосудики, миски и т.д. со следами копоти, краски во многих случаях, как и курильницы, несли на себе определенную культовую нагрузку, но здесь они не рассматриваются.

© Березуцкий В.Д., 2022

Не сложилось единого мнения не только о наличии или отсутствии профессиональных «жриц» у савроматов и сарматов, но и ритуальных предметах, отражающих различные культы [3–5].

Сарматские курильницы неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. В той или иной степени этот интерес отражен в работе М. Г. Мошковой (применительно к прохоровской раннесарматской культуре) [6, с. 29–30]. А. С. Скрипкин, в частности, коснулся вопроса о хронологии парных курильниц (малая курильница в большой) [7, с. 99]. Наиболее обстоятельно вопрос о сарматских курильницах с точки зрения их распространения, типологии и хронологии получили отражение в работах К. Ф. Смирнова [2] и А. А. Глухова [1, с. 30–32]. В настоящей работе применены основы типологии курильниц из погребений сарматов Волго – Донского междуречья, предложенной А. А. Глуховым [1, с. 30–32]. Она построена на анализе 58 курильниц из 43 погребений междуречья Волги и Дона. Форма курильницы соотнесена с геометрической формой (цилиндр, конус и т.д.). При выделении типов учитывалась форма сосуда, как основной формообразующий элемент. В качестве вариативных признаков брались формы венчика, дна, наличие или отсутствие валиков на тулове. Как представляется, типология, построенная на этих признаках в значительной мере отражает характерные черты сарматских курильниц и с территории лесостепного Подонья с некоторыми изменениями. Они порождены разнообразием типов и вариантов курильниц на различных территориях обитания сарматов, что объясняется их домашним производством. Отсюда – индивидуальность и разнообразие форм [1, с. 32].

При типологии учитывалась форма тулова курильницы. В типах выделены варианты в зависимости от формы, венчика и дна, наличия или отсутствия валиков на тулове. С учетом размеров курильниц выделены два Отдела. **Отдел I** – большие курильницы (примерно 7–12 см высоты и более) и **Отдел II** малые (примерно 4–5 см высоты) курильницы⁴.

В Отделе I выделены следующие типы.

Тип 1 – курильницы с усечено-коническим туловом (рис. 1, 1, 3, 5, 7, 8).

Вариант 1 – с отогнутым наружу плоским венчиком и плоским дном с закраиной (рис. 1, 1, 8).

Вариант 2 – с отогнутым наружу плоским венчиком и полусферическим дном с закраиной (рис. 1, 5, 7).

Вариант 3 – с отогнутым наружу плоским венчиком, плоским дном с закраиной и двумя валиками по тулову (рис. 1, 3).

Вариант 4 – с отогнутым наружу плоским венчиком, плоским дном с закраиной и одним валиком по тулову (рис. 1, 7).

Тип 2 – курильницы с цилиндрическим туловом (рис. 1, 10, 15).

Вариант 1 – с прямым венчиком без закраин и плоским дном без закраины (рис. 15).

Вариант 2 – с утолщенным прямым венчиком с закраинами внутрь и наружу и плоским дном без закраины (рис. 1, 10).

Тип 3 – курильница вазовидной формы (рис. 1, 9).

В Отделе II выделены следующие типы.

Тип 1 – курильницы с усечено-коническим туловом (рис. 1, 6, 11, 12).

Вариант 1 – венчик прямой и закругленный, дно плоское без закраины (рис. 1, 6).

Вариант 2 – венчик прямой, срезанный горизонтально, дно плоское без закраины (рис. 1, 11).

Вариант 3 – венчик прямой, срезанный горизонтально, его край чуть оттянут наружу, дно плоское без закраины (рис. 1, 12).

Тип 2 – курильницы с цилиндрическим туловом (рис. 1, 2, 14).

⁴Размерные интервалы выделены визуально.

Вариант 1 – с едва намечающимся поддоном, закругленным прямым венчиком и плоским дном без закраины (рис. 1, 2).

Вариант 2 – с прямыми стенками, закругленным прямым венчиком и плоским дном без закраины (рис. 1, 14).

Тип 3 – курильницы с усечено – полусферическим туловом (рис. 1, 4, 13).

Вариант 1 – закругленным венчиком, плоским дном с закраиной у дна (рис. 1, 4).

Вариант 2 – закругленным венчиком, плоским дном без закраины у дна (рис. 1, 13).

Ниже приводятся обстоятельства нахождения курильниц в погребениях сарматов с территории лесостепного Подонья с приведением информации об их типологии.

I Чертовичский могильник⁵.

Курган 23/38.

Основное погребение в прямоугольной яме 1 х 2,5 м и глубиной 0,2-0,25 м⁶, ориентированной по линии ЗСЗ–ВЮВ. От умершего сохранились лишь несколько костей. Обнаружены: железный нож, румяна, чернолощенная миска, чернолощенная ваза на высоком коническом поддоне, а также две курильницы одна в другой (в большую курильницу вставлена малая курильница с отверстием в стенке) [8, с. 50. Рис. 19, I] (рис. 1, 1, 2).

Большая курильница относится к Отделу I, типу 1, варианту 1 (в типологии А.А. Глухова отсутствуют). Малая курильница принадлежит Отделу II, типу 2, варианту 1. Как показано К.Ф. Смирновым, в большую курильницу «жаровню» ставилась малая курильница с ароматическими травами, которые при нагревании источали определенный запах⁷ [2, с. 167].

Грунтовое погребение 2. Погребение в прямоугольной яме 1,05 х 2,45, ориентированной по линии ССЗ – ВЮВ и глубиной 0,8 м. На дне – посыпка из чистого белого песка. Скелет лежал вытянуто на спине головой на ВЮВ. Руки сложены на груди. Погребальный инвентарь: круговая сероглиняная миска с костями крупного животного, железный нож, круговой сероглиняный сосуд с биконическим туловом и растресканным горлом, краснолаковый канфар, лепная небольшая чаша на полой поддоне, глиняное прясло, бронзовое зеркало, а также большая чернолощенная ребристая курильница, в которой находилась малая курильница с отверстием в верхней части стенки [8, с. 57. Рис. 24] (рис. 1, 3,4).

Большая курильница относится к Отделу I, типу 1, варианту 3, малая курильница принадлежит Отделу II, типу 3, варианту 1.

II Чертовичский могильник⁸.

Курган 13. Основное погребение в прямоугольной яме 0,8 х 2,1 м, ориентированной по линии север – юг, глубиной 0,2–0,3 м. Обнаружен скелет вытянуто на спине, ориентированный головой на юг. Кисть правой руки располагалась на тазовых костях, левая вытянута вдоль скелета, кости ног образуют ромб. Погребальный инвентарь: горшок с зацепами по венчику, небольшой горшок с яйцевидным туловом, бронзовые браслеты на руках, бронзовый колокольчик, бронзовая фибула, кусочек румян, а также пара курильниц одна в другой: в большую курильницу, орнаментированную круглыми ямками, которые

⁵Исследователь – А.П. Медведев.

⁶Здесь и далее глубина приводится от уровня материка. Когда исследователи приводят глубину от современной поверхности – вершины кургана, в таком случае нами был осуществлен перерасчет по чертежам на глубину от уровня материка, которая представляется более информативной.

⁷Наиболее вероятным представляется назначение отверстия в курильницах этого типа – крепление сосуда при помощи, например, деревянной палочки и его переноски с места на место, что в качестве одного из вариантов и предполагал К. Ф. Смирнов [2, с. 167]. Менее вероятно предположение о предназначении отверстия в качестве поддувала. В таком случае оно должно было располагаться в нижней части курильницы. На всех курильницах, представленных в данной статье, отверстие находится в верхней части сосуда.

⁸Исследователь – А. П. Медведев.

образуют концентрические круги и зигзаги вставлена небольшая курильница с боковым отверстием [8, с. 68, 69. Рис. 28] (рис. 1, 5, 6).

Большая курильница относится к Отделу I, типу 1, варианту 2 (в типологии А.А. Глухова отсутствуют), малая курильница принадлежит Отделу II, типу 1, варианту 1. В верхней части сосуда расположено круглое отверстие в стенке.

***Третьяковский могильник*⁹.**

Курган № 16. Основное погребение в подквадратной яме 1,87 x 2,08 м (диагональное погребение), ориентированной стенками по сторонам света и углубленной на 0,5 м. В яме – плохо сохранившийся скелет женщины, лежавшей на органической подстилке вытянуто на спине головой на ЮЗ. Погребальный инвентарь: металлическое китайское зеркало, каменный пест, бронзовый ковш италийского производства, железный прут, золотые нашивные бляшки, краснолаковый кувшин, бронзовый литой котел, деревянная чаша, а также две курильницы: одна лепная с двумя рядами круглых наколов, заполненных мелом, другая сероглиняная круговая [9, с. 20–21. Рис. 4] (рис. 1, 7, 8).

Большая курильница относится к Отделу I, типу 1, варианту 1 (в типологии А.А. Глухова отсутствуют). Малую курильницу сложно однозначно отнести и к Отделу I и к Отделу II: по своим размерам она занимает промежуточное положение, но по своей форме близка к выделенному нами Отделу I, типу 1, варианту 4.

***II Власовский могильник*¹⁰.**

Курган 1. Основное погребение женщины в яме прямоугольно-удлиненной формы с закругленными углами и заплечиками вдоль длинных сторон 1 x 1,95 м, ориентированной по линии ЮВ – СЗ и углубленной на 0,7 м. Стенки ямы, пол побелены мелом или известью. На дне ямы – скелет женщины, лежавшей вытянуто на спине головой на СЗ. Погребальный инвентарь: коралловое ожерелье, железная и бронзовая фибулы, металлическое зеркало, сероглиняная миска, красноглиняная миска, глиняное прясло, бусы из стекла, железная пряжка, а также сероглиняная курильница в виде высокого сосуда вазовидной формы и высоким поддоном [10, с. 36–37. Рис. 3] (рис. 1, 9).

Курильница из погребения отличается от обычных сарматских курильниц, но выполняла в погребении именно эту роль, о чем свидетельствуют следы нагара на внутренних стенках. Сосуд отнесен по своей форме к Отделу I, к выделяемому нами типу 3 – курильницам вазовидной формы.

***Архиповский могильник*¹¹.**

Курган 3, погребение 4. Впускное погребение мужчины в яме прямоугольной формы с закругленными углами 1 x 2,15 м, ориентированной по линии ЮВ–СЗ и углубленной на 0,35 м. На дне лежал скелет мужчины 35–40 лет, ориентированный головой на ЮВ. Отсутствовали кости голеней и ступней с пальцами, череп находился в неестественном положении. Создается впечатление о преднамеренном членовредительстве. Погребальный инвентарь: шаровидный каменный сосуд из песчаника, красноглиняный античный кувшин, фрагмент лепного сероглиняного сосуда, фрагмент сероглиняной миски, бусы, а также небольшая лепная курильница с отверстием в стенке сосуда [11, с. 35–37. Рис. 17] (рис. 1, 12).

Малая курильница принадлежит Отделу II, типу 1, варианту 3. В верхней части сосуда расположено круглое отверстие в стенке.

***Новочигольский могильник*¹².**

Курган 4, погребение 1. Основное погребение в овальной яме 1,05 x 2 м, ориентированной по линии ЮВ–СЗ и углубленной на 0,4 м.

На материковом дне ямы лежал скелет женщины 30–35 лет¹³ вытянуто на спине головой на ЮВ. У погребенной отсутствовали лучевая и локтевая кости левой руки и кисть

⁹Исследователь – К.Ю. Ефимов.

¹⁰ Исследователи – В.Д. Березуцкий, А.Т. Синюк.

¹¹Исследователь – В.Д. Березуцкий.

¹²Исследователь – В.Д. Березуцкий.

этой же руки (сохранились лишь начальные фрагменты костей у локтя погребенной). Погребальный инвентарь: два кувшина, раковина *Murex brandaris* L (по классификации К. Линнея) или *Bolinus brandaris* – мурекса пурпурного со следами обработки, бусы, кости овцы, а также небольшая лепная глиняная курильница с отверстием по центру стенки [12, с. 42–46. Рис. 32] (рис. 1, 13).

Малая курильница принадлежит Отделу II, типу 3, варианту 2. В стенке – отверстие в верхней части.

Курган 11, погребение 2. Впускное диагональное погребение в почти квадратной яме 2,1 x 2,3 м, ориентированной по линии С–Ю и углубленной на 0,8 м. На органической подстилке коричневого цвета на спине по диагонали ямы головой на ЮЗ лежал скелет женщины 35–40 лет. У скелета отсутствовали лучевая и локтевая кости левой руки вместе с кистью. Следов кисти не обнаружено и на правой руке. Погребальный инвентарь: кувшин, миска, металлическое зеркало (фрагментировано), бусы в районе шеи и ступней, раковины перловицы, кости овцы, а также парный набор курильниц (12, с. 73–78. Рис. 65): малая курильница с отверстием по центру стенки (рис. 1, 11) стояла в большой курильнице (рис. 1, 10). Большая курильница орнаментирована по верхней части тройными треугольниками, сделанными острой палочкой. По тулову проведены вертикальные и горизонтальные пересекающиеся линии. Глина серая, сырая, плохого обжига. Стенки вертикальные, верх уплощен, а края его чуть отогнуты наружу и внутрь. Дно плоское и без закраины. Внутри курильницы находились древесные угли.

Большая курильница относится к Отделу I, типу 2, варианту 2, малая курильница принадлежит Отделу II, типу 1, варианту 2. В верхней части сосуда расположено круглое отверстие в стенке.

Курган 27, погребение 2. Впускное диагональное погребение в почти квадратной яму 1,8 x 1,9 м, ориентированной углами по линии ЮЗ–СВ – ЮВ–СЗ. Глубина могилы составила 0,3 м. На материковом дне ямы лежал скелет женщины 40–45 лет по диагонали с угла на угол головой на ЮЗ. Левая рука вытянута прямо и в сторону, правая, согнутая в локте, также отстранена в сторону. Ступни располагались неестественно – развернуты пальцами друг к другу (12, с. 104–108. Рис. 94–95). Погребальный инвентарь: небольшой сероглиняный кувшинчик без ручки, каменный терочник, нож, железные трехлопастные наконечники стрел, красно-розовые кристаллы (реальгар?), пастовая бусина-амулет, кости ноги овцы, а также две курильницы – большая и малая без обычного отверстия в стенке (одна в одной) (рис. 1, 14, 15).

Большая курильница относится к Отделу I, типу 2, варианту 1, малая курильница принадлежит Отделу II, типу 2, варианту 2.

Таким образом, на настоящий момент в лесостепном Подонье известно 15 курильниц, обнаруженные в девяти погребениях. В связи с этим следует не согласиться с К.Ф. Смирновым, что «В большинстве случаев эти мелкие сосудики (речь идет о курильницах и туалетных сосудиках. – В.Б.) изготавливались на месте в каждой общине или семье» (подчеркнуто нами. – В.Б.) [2, с. 166]. А.А. Глухов также полагает, что курильницы являлись частой находкой в сарматских погребениях [1, с. 30]. На самом деле количество погребений с курильницами даже вместе с ритуальными сосудиками, выполнявшими, видимо, ту же роль, что и курильницы несоизмеримо с общим количеством исследованных сарматских курганов. Так, на Верхнем и Среднем Дону известно не менее 200 сарматских погребений и обнаружено только 15 курильниц, причем только в девяти могилах. Такое наблюдение требует подойти к характеристике погребений с курильницами более обстоятельно.

Рассматривая погребения с курильницами лесостепного Подонья с точки зрения хронологии отметим, что большинство из них отмечены в погребениях среднесарматской культуры. Безусловно, здесь сказалось то обстоятельство, что погребений этой культуры более всего в численном отношении. С другой стороны, именно в среднесарматский период наблюдается широкое распространение этого типа сосудов [7, с. 99].

Корреляция погребений, содержащих курильницы с типами погребальных сооружений показывает, что какой-либо зависимости между типом могилы и курильницами нет.

¹³ Антропологический анализ погребений из Новочигольского могильника проведен к.и.н. И. К. Решетовой.

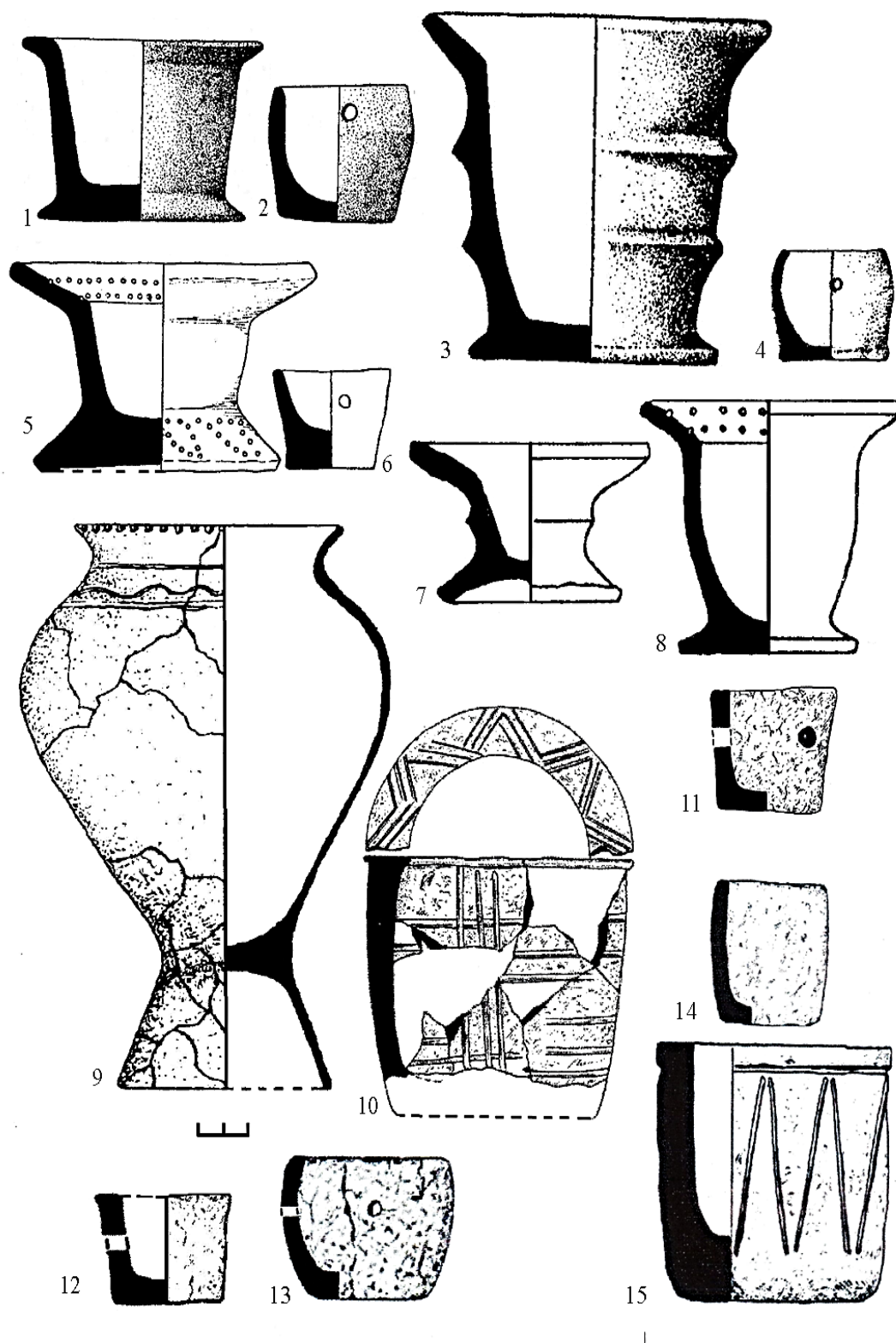

Рис. 1. Курильницы из сарматских погребений лесостепного Подонья.

1,2 – Чертовицкий I могильник, курган 23/38 (по А. П. Медведеву); 3,4 – Чертовицкий I могильник, грунтовое погребение 2 (по А. П. Медведеву); 5,6 – Чертовицкий II могильник, курган 13 (по А. П. Медведеву); 7,8 – Третьяковский могильник, курган 16 (по К. Ю. Ефимову); 9 – Власовский Второй могильник, курган 1 (по В.Д. Березуцкому); 10,11 – Новочигольский могильник, погребение 11/2; 12 – Архиповский могильник, погребение 3/4 (по В. Д. Березуцкому); 13 – Новочигольский могильник, погребение 4/1 (по В.Д. Березуцкому); 14,15 – Новочигольский могильник, погребение 27/2 (по В.Д. Березуцкому).

Они встречаются и у «диагональщиков», и в более простых овальных или прямоугольных ямах, в яме с заплечиками.

Установить во всех случаях пол и возраст погребенных с курильницами удастся далеко не всегда. В определяемых случаях в большинстве своем это были погребения женщин. Лишь в одном случае (Архиповка, 3/4) это, вероятно, был мужчина.

Что касается богатства погребального инвентаря, то тут наблюдается явная независимость количества и качества инвентаря от наличия в погребении курильниц. Так, «богатый» по своему вещественному материалу курган 16 в могильнике у с. Третьяки содержал парный набор курильниц. Но в то же время курильницы, в том числе и парные, были найдены в сравнительно «бедных» могилах (Новочигольский 4/1, 11/2, 27/2).

Как представляется, при характеристике погребений с курильницами большее внимание необходимо уделить особенностям погребального обряда и вещественному материалу. Обратимся к ним.

Вся внутренняя поверхность могилы во Власовском Втором могильнике (курган 1), содержащем курильницу, была побелена мелом или известью. В грунтовом погребении 2 Чертовицкого I могильника дно могильной ямы было выстлано слоем белого песка. В двух погребениях (Чертовицкий I, 23/38, Чертовицкий II, курган 13, Новочигольский 27/2) обнаружена краска, иногда отмечаются следы огня вместе с двумя створками раковины-перловицы (Новочигольский 11/2). В Третьяковском могильнике (курган 16) обнаружен каменный пест, каменный терочник найден и в погребении 27/2 Новочигольского могильника. Это крайне редкие находки в сарматских погребениях лесостепного Подонья. В кургане 13 Чертовицкого II могильника обнаружен бронзовый колокольчик (оберег-талисман, охранитель от злых чар и духов [13, с. 82]), а в кургане 4/1 Новочигольского могильника – раковина, которая относится к широко распространенному типу раковин Средиземноморья – *Murex brandaris* L (по классификации К. Линнея) или *Bolinus brandaris* – мурекса пурпурного. На поверхности раковины имеется два просверленных отверстия (трасологический анализ раковины осуществлен к.и.н. В. В. Килейниковым). Возможно, что ракушка размещалась на деревянном стержне, который был пропущен через большое отверстие и устье. Круглое отверстие служило для закрепления ракушки на стержне путем использования гвоздика. Не исключено, что через большое отверстие пропускался шнур, а круглое отверстие служило для закрепления ремня. Как бы то ни было, ракушка не имела какого-то утилитарного значения, а являлась, как представляется, культовым предметом.

На материалах Новочигольского могильника впервые для сарматских памятников лесостепного Подонья был осуществлен антропологический анализ при хорошей сохранности костных останков и отсутствия следов действия грабителей или грызунов. В погребениях с курильницами обнаружены факты членовредительства – отсутствие левой лучевой кости и кости предплечья вместе с кистью (Новочигольский 4/1, 11/2). Явно членовредительством занимались устроители погребения в одном из Архиповских курганов (3/4). У умершей в погребении 27/2 Новочигольского могильника неестественно были повернуты ступни пальцами друг к другу и здесь же была уложена лопатка овцы. Неестественно и положение обеих рук [12, рис. 94–95]. В итоге, фактически каждое погребение с курильницами имеет какие-то отклонения в положении погребенного или особенности представительности погребального инвентаря, отличного от основной массы сарматских погребений или то и другое вместе. Возникает вопрос: кем являлись эти погребенные с курильницами?

Как показывает история исследования вопроса о наличии в савромато-сарматском обществе профессиональных отправителей культов, так называемых «жриц», понятие «жрицы» мало применимо к женским сарматским погребениям, потому что оно указывает на профессиональное занятие отправителей культов. Попытки же выделить «жреческое» сословие в скифском и савромато-сарматском обществах закончились безрезультатно. Предполагается существование для них отдельных кладбищ, либо отдельных и особых

обрядов, резко отличных от погребений соплеменников. Вместе с тем, у сарматов фиксируются женщины, погребенные по общим требованиям обряда, наделенные ритуальными предметами и особыми, отличными от основной массы признаками. Назвать их «жрицами» – значит признать за ними профессиональное занятие этой деятельностью, что противоречит археологическим данным. Но эти представители сарматского общества, судя по всему, были наделены правом производить какие-то культовые действия в рамках семьи, рода и, возможно, племени, оставаясь при этом в рамках повседневных забот своей кочевой группы.

Существует мнение, что краска, угли, реальгар, остатки огненного ритуала, курильницы – все это не более чем свидетельства занятия сарматских женщин «украшательством» с использованием косметических средств. В.Ю. Зуев при этом отсылает читателя к этнографии недавнего времени, приводя в пример женщин степей Поволжья, которые натирают лицо жиром для предотвращения ущерба лицу из-за дующих ветров и песка [14, с. 65].

Однако это мнение, что показали, в частности, исследования Новочигольских курганов, не может быть безоговорочно принято. Во-первых, ссылки на недавнюю этнографию сомнительны, поскольку мы имеем дело с разными по времени обществами и разной культурой.

Во-вторых, если бы дело ограничивалось только косметикой, то следовало бы ожидать наличия «косметических средств» у каждой женщины. Ведь процесс занятия косметикой носит индивидуальный характер. Сошлемся на данные того же Новочигольского могильника. Среди женских особ (10 погребений I – первой половины II в. н.э.) три имеют следы краски, использования огня, наличие курильниц, некоторых культовых предметов (раковина со следами использования на деревянном «шесте»). Эти погребенные имеют также и некоторые отклонения от стандартных, о которых говорилось выше.

Остальные семь погребенных никаких туалетных принадлежностей не имели. Если считать, что в курганах погребены не все женщины кочевой популяции (а это было показано нами ранее при антропологическом анализе погребенных [12, с. 142–148]), то выходит, что на полтора тысячелетия (а это примерно шесть поколений) мы имеем всего три женщины, занимавшиеся «косметикой». Вернее их считать отправителями различных культов (в том числе мастерами нанесения татуировок, что само по себе носило культовый характер), имея при себе соответствующие культовые предметы, в первую очередь, курильницы. Эти занятия, отличные от повседневных занятий основной массы кочевников, не могли не сказаться и на обряде погребения отправителей культов.

Библиографический список

1. Глухов А.А. Сарматы междуречья Волги и Дона в I – первой половине II в. н. э. / А. А. Глухов. – Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2005. – 239 с.
2. Смирнов К.Ф. Курильницы и туалетные сосудики азиатской Сарматии / К. Ф. Смирнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М. : Наука, 1973. – С. 166–179.
3. Шевченко Н.Ф. «Сарматские жрицы», или еще раз к вопросу о материнском роде у сарматов / Н. Ф. Шевченко // ВДИ. – 2006. – № 4. – С. 141–154.
4. Яценко С.А. Статус женщины в сарматском обществе: проблемы интерпретации источников / С. А. Яценко // Выбор метода. Изучение культуры России в 1990 годы. – РГГУ, 2001. – С. 244–252.
5. Яценко С.А. О женщинах-жрицах у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н.э. – II в. н.э. / С. А. Яценко // Мировоззрение народов южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – Вып. 1 / Отв. ред. П. К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. – С. 58–66.
6. Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / М. Г. Мошкова. – САИ. – 1963. – Вып. Д1-10. – 56 с.

7. **Скрипкин А.С.** Азиатская Сарматия / А.С. Скрипкин. – Саратов : СГУ, 1990. – 300 с.
8. **Медведев А.П.** Сарматы и лесостепь / А.П. Медведев. – Воронеж : ВГУ, 1990. – 220 с.
9. **Ефимов К.Ю.** Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки / К.Ю. Ефимов // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. А.П. Медведев. – Воронеж : ВГУ, 1998. – С. 19–35.
10. **Березуцкий В.Д.** Сарматские погребения Власовского могильника / В.Д. Березуцкий // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. / Отв. ред. А.П. Медведев. – Воронеж : ВГУ, 1998. – С. 36–41.
11. **Березуцкий В.Д.** Архиповские курганы / В. Д. Березуцкий, А. М. Гринев. Архиповские курганы. – Воронеж : ООО «Пресса ИПФ», 2008. – 174 с.
12. **Березуцкий В.Д.** Новочигольские курганы / В. Д. Березуцкий. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. – 224 с.
13. **Бакушев М.А.** Бронзовые колокольчики албано-сарматского времени с территории Дагестана / М. А. Бакушев, Л. С. Ильюков // Вестник Южного научного центра РАН. – Т. 8. – № 3. – 2012. – 78–83.
14. **Зуев В.Ю.** Научный миф о савроматских жрицах / В. Ю. Зуев // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. Материалы науч. конф. – СПб.: Скифо-Сибирика, 1996. – С. 54–68.

Воронежский государственный технический университет

доктор исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

Е.А. Волкова

Россия, Воронеж,

тел. +9525479124

e-mail: volkne@bk.ru

Воронежский государственный технический университет

В.Н. Селезнева

студентка четвертого курса направления «Строительство»,

Россия, Воронеж,

тел. +79050508001

e-mail: svaleria270299@mail.ru

Воронежский государственный технический университет

С.Н. Волков

студент первого курса направления «Строительство»

Россия, г. Воронеж,

тел. +79203349988

e-mail: sergeivolkov2001@mail.ru

Voronezh State Technical University

doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History

E.A. Volkova.

Russia, Voronezh

tel. 8904214 6847

e-mail: volkne@bk.ru

Voronezh State Technical University

V.N. Selezneva

fourth-year student of the direction "Construction"

Russia, Voronezh,

tel. +79050508001

e-mail: svaleria270299@mail.ru

Voronezh State Technical University

S.N. Volkov

first-year student of the direction "Construction"

Russia, Voronezh,

tel. +79203349988

e-mail: sergeivolkov2001@mail.ru

Е.А. Волкова, В.Н. Селезнева, С.Н. Волков

ОЦЕНКА РЕФОРМ В ИСТОРИИ РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье анализируется формирование и эволюция взглядов Ф. М. Достоевского на отечественную историю, на ключевые вопросы соотношения реформ и революций в историческом процессе, на влияние роли личности в истории. Особое внимание уделяется личности Петра Первого и Александра Второго и проводимых ими реформ. Авторы приходят к выводу, что исторические взгляды Достоевского носили противоречивый характер, а оценки отличались наивной, идеалистической трактовкой проблем и носили, в целом, монархический характер.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, революция, реформа, исторический процесс, публицистика, отечественная история

E.A. Volkova, V.N. Selezneva, S.N. Volkov

ASSESSMENT OF REFORMS IN THE HISTORY OF RUSSIA IN PUBLICISTICS F.M. DOSTOYEVSKY

The article analyzes the formation and evolution of F. M. Dostoevsky's views on national history, on the key issues of the correlation of reforms and revolutions in the historical process, on the influence of the role of the individual in history. Particular attention is paid to the personality of Peter the Great and Alexander II and the reforms they carried out. Dostoevsky's historical views were controversial, and his assessments were distinguished by a naive, idealistic interpretation of problems and were, in general, of a monarchical nature.

Key words: F. M. Dostoevsky, revolution, reform, historical process, journalism, national history

В основе мировоззренческих взглядов Ф.М. Достоевского лежали принципы и философские основания монархизма и консерватизма. Такие настроения были характерны для интеллигентской среды дореформенной России. Иные формы правления были чужды русским людям, поскольку таили в себе неизвестность. Писатель отличался особыми взглядами на роль русского человека и народа в целом, отводя им значимое место как движущей силы развития общества. Поэтому произведения автора отличаются тесным переплетением интересов всех слоев населения и призваны укрепить эту связь.

Об интересе автора к истории и в частности к работам Н.М. Карамзина читаем в его статье «Одна из современных фальшей» (Гражданин, 1873.- №50). Здесь писатель говорит о раннем знакомстве с этими трактатами: «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец» [1, т.21, с. 134].

В библиотеке писателя сохранились ценные издания по истории и религиоведению. Эти темы особенно занимали его, о чем говорила и супруга автора. Такая литература как приобреталась самим Федором Михайловичем, так и презентовалась его друзьями [2].

Произведения Достоевского не лишены драматизма, глубины, особого анализа исторического контекста. Вместе с тем статьи и публикации в газетах содержат больше материалов, на основании которых можно судить о взглядах на исторические события прошлого.

В работах писателя периодизация отечественной истории в допетровский период осуществлялась по следующему принципу: после XVI века – «московский период», до этого времени – период Древней Руси. Представления автора о жизни населения и социальном устройстве древнерусского общества были во многом идеализированы. Достоевский полагал, что «здоровое свободное земство, которое жило широкой жизнью в первые шесть веков нашего исторического быта» [1, т.12, с. 11]. Такая формулировка вряд ли может считаться объективной.

В публицистике писателя значительная роль отводилась ключевым моментам в истории страны: значительным историческим персоналиям, событиям. Эпоха Петра Великого представляла особый интерес для анализа и изучения писателем: в его работах встречаются исследования и рассуждения о личности монарха, а также сравнительные характеристики России в период его правления и более раннее время (Древней Руси). В таком выборе направления мысли Достоевский был близок к славянофилам, однако в отличие от последних, был не склонен к созданию идеального портрета допетровской Руси.

Свой ответ славянофилам писатель четко сформулировал в статье «Два лагеря теоретиков» (Время.- 1862.- №2). В публикации писателя говорится о том, что основным источником притяжения внимания историков и славянофилов к допетровской Руси становится загадочность и отдаленность этого периода истории. Духовность, спокойствие и миролюбие видятся как главные ценности прежнего российского общества. Однако автор далее развенчивает этот общепризнанный миф: события старины притягивают и рисуются современникам писателя как идеальные и совершенные, но при ближайшем рассмотрении могут оказаться такими же прагматичными, как и новое время. «Искусственное освещение» событий прошлого придает им неправдоподобный вид, который развеивается при первом же их рассмотрении [1, т. 20, с. 12].

Далее писатель говорит о невозможности достоверного составления представлений о допетровском периоде российской истории, следовательно, говорить о некоем идеальном образе жизни в соответствии с этими убеждениями. Он обличает «лживую» социальную жизнь допетровской Руси, отмечая, что этим притворством были пропитаны все сферы человеческой жизни от повседневной до государственной. Рабство, смирение, фальш – в таких выражениях говорит Достоевский о Руси. «Ложь в религиозности, под которой если и не таилось грубое безверие, то по крайней мере скрывались или апатия или ханжество. Ложь в семейных отношениях, унижавшая женщину до животного, считавшая ее за вещь, а не за

личность. ...В допетровской, московской Руси, было чрезвычайно много азиатского, восточной лени, притворства, лжи» [1, т. 20, с.12].

Отдельно отметим тот факт, что Достоевский резко критиковал реформы Петра I. В них писатель усматривал не благие намерения, а исключительно прагматическое желание сделать быт и жизнь в России похожей на европейскую. Такое стремление императора шло вразрез с самим русским духом и видениями общества на собственное существование.

Этой проблематике посвящена публикация «Книжность и грамотность» (Время.- 1861.- №7-8), в которой автор говорит о том, что слепо следовать идеям и реформациям царя могли лишь его приближенные, которые безоговорочно верили в целесообразность выбранного курса. Народ же не приветствовал такие преобразования как минимум по причине их откровенно западного устройства, несоответствия традиционным представлениям русского человека о жизни и общественном устройстве [1, т.19, с. 18]

Фактически Достоевский напоминает об основной целевой группе петровских реформ – знати и аристократии. Эти слои населения составляли лишь незначительную его часть, которая действительно приобщилась к европейским ценностям. На жизни народа преобразования не сказались, а рабское положение крестьян лишь усилили. Если прежде российское общество находилось в одинаковых условиях, то реформы Петра Великого его раскололи окончательно. Интересы народа фактически не учитывались в решениях правителей, что совершенно не соответствовало убеждениям Федора Михайловича. В статье «Два лагеря теоретиков» он писал: «...Реформа Петра оторвала одну часть народа от другой, главной... Реформа шла сверху вниз, а не снизу вверх. Дойти до нижних слоев народа реформа не успела. ...Преобразование и не могло охватить весь народ: народ переделать очень трудно. Для этого мало железной воли одного человека. Развитие народа совершенствуется веками... Вот в том-то и была ошибка Петра, что он захотел сразу – за свою одну жизнь – переменить нравы, обычаи и воззрения русского народа. Деспотизм реформаторских приемов возбуждал только реакции в массе. ...Реформа Петра принесла в нашу русскую среду главным образом общечеловеческие западные элементы. На первый раз у нас водворилась только страшная распущенность нравов, немецкая бюрократия – чиновничество» [1, т.20, с. 14] .

Петровские преобразования, с точки зрения Достоевского, носили исключительно прозападный характер. Воспринималась такая «спасительная» роль Запада крайне негативно, о чем свидетельствует публикация «Два лагеря теоретиков» [1, т.20, с. 7]. Автор жестко критикует петровские преобразования, как отделившие высшие слои общества от народа по аналогии с европейским устройством социума [1, т.20, с. 194].

При этом автор изначально видит в реформах Петра только пронародные стремления, которые формировались на протяжении всей российской истории: «Такое историческое явление, каков Петр, выросло на русской почве...» [1, т.20, с. 14].

Однако само проявление таких преобразований не соответствовало их сущности: монарх оказался крайне деспотичным в своих видениях будущего страны. Иначе говоря, народные стремления Петра Великого не отрицаются писателем, поскольку и народ требовал какого-то обновления. Однако предложенные им «реформаторские приемы» не отвечали этим интересам, шли вразрез с чаяниями населения и выражались в виде царского «произвола», что «не в духе русского народа». Писатель говорит о стремлении русских людей к постепенным преобразованиям, без пылающих костров и эшафотов, что свойственно первому российскому императору. Вторым неприятным для русского человека фактом стало внешнее, а не внутреннее преобразование страны: «Русский народ не любит гоняться за внешностью: он больше всего ценит дух, мысль, *суть* дела». Достоевский четко подметил, что упорство русских мужиков лишь усилилось законами о бритье бороды и смене одежды, ведь представлялось чем-то чужим и вражеским [1, т.20, с. 15]

В статье «Книжность и грамотность» активной критике подверглась форма реформ Петра I: автор отмечает верный курс преобразований, выбранный императором, но то, каким

образом они были проведены, совершенно не соответствовало представлениям народа о будущем страны и противоречило самому русскому духу [1, т.9, с. 18].

Навязанные реформы резко воспринимались в обществе, осуждались, о чем мы читаем в статье «Два лагеря теоретиков». В результате «...Народ отрекся от своих реформаторов и пошел своей дорогой – врозь с путями высшего общества» [1, т.20, с. 15]. Иными словами, в пореформенный период произошел раскол в обществе, который в дальнейшем лишь усиливался нежеланием высших сословий учитывать интересы низших, которые в свою очередь становились негативно настроенными по отношению к своим угнетателям.

С другой стороны пронароднические настроения Достоевского не распространялись на реформы Александра II, которые считались абсолютно верными и необходимыми: в своей сути эти изменения мало отличались от петровских, т. к. не учитывали мнение всех слоев российского общества. Впрочем, интересы народа никогда не были в интересах власти, о чем говорится в записках Достоевского 1872-1875 годов. Существующее положение вещей писатель оценивал как желание реформаторов сбросить ярмо петровских реформ, которые закрепили русский народ за высшими сословиями, обязали платить подати и повинности [1, т.21, с. 268].

Петровские реформы отличались направленностью на развитие образования общества, но выразились в слиянии социальных сословий. В своем желании приобщить самые широкие слои к благам просвещенной общественной жизни, Петр начал процесс постепенного включения и народных масс в это движение. Однако даже полтора столетия спустя, как пишет Достоевский, соединить народ и высшие сословия не удалось: каждый из них живет «отдельно, своей собственной, особенной и самостоятельной жизнью» [1, т.18, с. 35].

О личности Петра Первого и его преобразованиях Достоевский говорил с уважением и отмечал необходимость дальнейшего их изучения историками. Особый интерес писателя вызывали причины, побудившие молодого царя отправиться в Голландию и затем реализовывать полубившиеся ему ценности в собственной стране. Автор отмечает, что недостаточно влияния всего одного приближенного к нему Лефорта, чтобы вселить такую уверенность в правильности собственных решений и реформ. Поэтому «...в лице Петра мы видим пример того, на что может решиться русский человек, когда он выживет себе полное убеждение и почувствует, что пора пришла, а в нем самом уже созрели и сказались новые силы» [1, т.18, с. 55].

Окончательной точкой социальных преобразований Петра автор считал отмену крепостного права в стране [1, т.22, с.40]. Однако такой вывод не подкреплялся историческими фактами и шёл вразрез с фактическими материалами: крепостничество в стране закрепилось задолго до Петра I – на рубеже XVI-XVII веков.

Чтобы четко представлять себе роль реформ Александра II, стоит обратиться к работам историка В.О. Ключевского, который писал о мифических и надуманных идеях императора, которые подчас противоречили реальным настроениям в обществе. Ученый отмечает, что «воображение и воля» монарха часто противоречили друг другу, вступали в конфликт и не давали принимать четко продуманных решений. В то же время в условиях непростых жизненных обстоятельств император действовал решительно, в том числе это нашло выражение в виде реформы по отмене крепостного права. Однако такой порыв должен был способствовать длительной и трудоемкой работе, к которой император оказался не готов. Длительные размышления, уступки, опасения не способствовали закреплению авторитета правителя, а также предлагаемых им преобразований как действительно благодетельных и необходимых для всего российского общества [3].

В этом и заключалось основное, на наш взгляд, отличие между реформами Петра Великого и Александра II. Если первый монарх четко представлял не только факт реформы, но и дальнейших действий страны по её реализации, то второй старался максимально сохранить имеющиеся в стране устои, при этом реализуя курс на изменения общества. Петровская Россия противопоставлялась Руси с её традиционным жизненным укладом:

император четко устанавливал курс на европейское устройство и шёл к нему. Действия Александра предполагали сохранение существующих порядков и устоев с одновременным внедрением современных государственных идей. Такая политика не могла достичь успеха и вызывала появление антиправительственных движений. Стремление сохранить старую Россию привело к трем революциям и, в конечном счете – краху империи.

Идеи Достоевского относительно петровских преобразований сводились к отказу от их идеализации: писатель говорил о необходимости глубокого изучения этого периода российской истории. Так во второй части «Книжность и грамотность» (Время.- 1861.- №7-8) призывал описать подробнее портрет и мотивы действий первого императора, «...а потом воспевать его» [1, т.19, с. 41].

Что же касается территориальных вопросов Российской империи, то в их решении Достоевский предпочитал сопоставлять действия Петра I с внешней политикой и завоеваниями Ивана Грозного. В очерке «Сбивчивость и неточность спорных пунктов» (Дневник писателя.- 1876.- апрель) указывается на тот факт, что идеи о завоевании и присоединении к Руси Балтики и прилегающих к ней земель принадлежали не только Петру, но и его предшественникам: ещё во времена Ивана IV начинались действия по присоединению этих территорий и их «колонизации» [1, т.22, с. 110].

Крестьянская реформа не могла не вызвать отклик Ф.М. Достоевского, т. к. стала значительным событием второй половины XIX века. В «Объявлении о подписке на журнал «Время» на 1861 год» он писал о «...великом крестьянском вопросе, начавшемся в наше время» [1, т.18, с. 35].

В своих дальнейших публикациях писатель стремился дать подробную и глубокую оценку произошедшим событиям. Автор положительно оценивает действия правительства, отмечая его роль в сокращении огромной пропасти между высшим сословием и крестьянством. Необходимость такой реформы Достоевский видел не только в действиях по облегчению жизни низших слоев, но и в возвращении интеллигенции на родную почву. Иными словами, народ получал большую самостоятельность и ответственность за собственную жизнь, а аристократия освобождалась от зависимости от Запада [1, т.19, с. 8].

Таким образом, мы видим идеалистические представления Достоевского о крестьянской реформе как способе безоговорочного улучшения социальной жизни в России. Вместе с тем не учитываются реальные потребности населения, отсутствует глубокое понимание смысла и роли сословий в развитии страны.

Дальнейшее исследование последствий политических и социальных реформ в стране проводилось в публикациях Достоевского в журналах «Время» и «Эпоха». В статье «19 февраля 1861 года» в апрельской книжке журнала «Время» приводится подробный и глубокий обзор причин и последствий крестьянской реформы в России. Авторы говорили о высокой роли данного события, ставя его в один ряд с такими историческими преобразованиями, как реформы Петра Великого, освобождение от монголо-татарского ига, победу в войне против Наполеона. В таком положительном и исключительном идеальном обзоре совершенно не упоминалось о социальных противоречиях, которые усугублялись с принятием реформы 1861 г.

Высокая оценка крестьянской реформы в целом была присуща Ф.М. Достоевскому. Автор в очерке «Лучшие люди» (1876, октябрь) говорит о том, что такие преобразования имели под собой цель уничтожения народного рабства и соединение власти и общества [1, т.23, с. 155].

В своих публикациях Достоевский стремился максимально отразить потребность в учете интересов крестьян: он не только восхваляет действия правительства, но и критикует славянофилов в их слепом поклонении императору и интересам интеллигенции. В статьях, опубликованных в журнале «Время» за 1862 г. говорилось о том, что последние слишком увлечены интересами дворянства и практически не учитывают роль крестьян в обществе. Статья «Дворянство и земство (по поводу крестьянских толков)», вышедшая в свет в мартовской книжке журнала, говорилось о том, что взгляды ученых-славянофилов, в том

числе Б.Н. Чичерина, основывались на ошибочных представлениях о превосходстве и исключительном положении дворян в обществе. Наиболее «русским» и народным, по мнению автора, является институт земства, которое было присуще ещё в допетровский период существования страны. Поэтому автор говорит о необходимости отказа от разделения на сословия дворян и крестьян и возвращению к таким формам организации социума, как земские соборы, артели и общины. Единственный верный путь к этому – просвещение народных масс.

В представлениях Достоевского земства первых веков существования Российского государства существенно отличались от их аналогов XVI-XVII веков, что требовало более глубокого их анализа и исследования. В частности предполагалось выделение больших свобод для действия указанных форм социальных объединений.

Что же касается общей оценки реформ Александра II, то она была крайне позитивной в журнале «Время». Роль самого императора отмечалась как значительная, при этом Достоевский в своих оценках руководствовался не столько реальными действиями монарха, а его личностью и авторитетом, который он имел для писателя. В этом проявляются глубокие монархические убеждения и взгляды автора.

Наряду с этим не отрицалась и значительная роль помещиков и крестьян в жизни российского общества, отмечалась необходимость продолжения реформ с учетом их интересов.

Журнал «Эпоха», выступавший «наследником» идей и убеждений основного журнала братьев Достоевских, в целом поддерживал народнические настроения. Основной курс был взят на противопоставление собственных идей убеждениям славянофилов, которые регулярно публиковались в газете «День» [4]. Вместе с тем крайне революционные демократические идеи также критиковались и отвергались, а представители интеллигенции, их распространявшие, подвергались осуждению.

В целом, оценивая роль журналов Достоевских «Время» и «Эпоха», следует говорить о том, что они позволили составить определенное представление не только о настроениях российского общества в пореформенной стране, но и о видении авторами смысла происходящих реформ. Вместе с тем на основании этих фактов не удастся составить представление об исторической концепции Достоевского: высказывания и статьи были во многом утопическими и не учитывали реальных настроений общества. Например, повсеместное просвещение народных масс, конечно, было необходимо, но не являлось основным стимулом к снижению степени угнетенности крестьян.

В начале 187 года Достоевский стал главным редактором газеты-журнала «Гражданин». Здесь же начала выходить его регулярная колонка «Дневник писателя». О мотивах редактирования указанного журнала писатель писал М.П. Погодину 26 февраля 1873 года следующее: «...Многое надо сказать, для чего и к журналу примкнул. Но вижу, как трудно высказаться. В целом и мысль моя: социализм сознательно, и в самом нелепо-бессознательном виде, и мундирно, в виде подлости, – проел почти всё поколение. Факты явные и грозные. <...> Надо бороться, ибо всё заражено. Моя идея в том, что социализм и христианство – антитезы. Это бы и хотелось мне провести в целом ряде статей...» [1, т.29-1, с. 262].

Особенностью Достоевского стала категоричность и склонность к критике даже учредителя журнала. В своих убеждениях он нередко выступал с замечаниями в адрес публикаций и высказываний Мещерского. Например, в письме к последнему от 1-3 ноября 1873 года Достоевский рекомендует изменить тон высказывания в статье князя с пренебрежительного и саркастического на нейтральный. Писатель говорит об опасности публикации такого резко категоричного сообщения на страницах журнал. [1, т.29-1, с. 306]

Такое неприятие Достоевским политики газеты и Мещерского становилось причиной разногласий между ними. В результате писатель покинул пост главного редактора спустя всего год после его назначения на эту должность.

Вместе с тем на страницах журнала «Гражданин» сохранились ценные и весьма обширные публикации Достоевского на социально-историческую тематику, которые позволяют составить развернутое представление о сущности идей писателя. Здесь же встречались критические заметки, отклики на реформы и события, происходившие в стране в этот исторический период.

Таким образом, исторические взгляды Достоевского носили противоречивый характер, а оценки отличались наивной, идеалистической трактовкой проблем и носили, в целом, монархический характер.

Библиографический список

1. **Достоевский, Ф.М.** Полное собрание сочинений в 30 т. / Ф.М. Достоевский.- Л.: Наука, 1972-1988.
2. **Достоевская А.Г.** Воспоминания / А.Г. Достоевская.- М.: Издательство «Правда», 1987.- С.228.
3. См.: **Мелешенко Е.В.** Письма Ф.М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя / Е.В. Мелешенко: автореф. дис. ... канд. филол. наук.- Барнаул, 2004; Любятинская У.С. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского / У.С. Любятинская: автореф. дис. ... канд. ист. наук.- М., 2006; Любятинская У.С. Концепция Ф.М. Достоевского о всемирно-историческом развитии / У.С. Любятинская // Мир культуры: история и современность.- М.: Б.и., 2006.- С.80-96.
4. **Соловьев М.** Теория пользы и выгоды / М. Соловьев // Эпоха.- 1864.- №11; Соловьев Н. Бесплодная плодовитость / Н. Соловьев // Эпоха.- 1864.- №12.

УДК 101.9

Военный учебно-научный центр BBC «Военно-воздушная академия имени проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)
кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Ю. В. Власова
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 277-75-73;
e-mail: youlya_v@mail.ru
Военный учебно-научный центр BBC «Военно-воздушная академия имени проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)
курсант С.С. Дворецкий
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 277-75-73;
e-mail: youlya_v@mail.ru

MESC AF «N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)
PhD in Historical Sciences, Associate Professor, department of Humanitarian and socio-economic disciplines
Y. V. Vlasova
Russia, Voronezh,
tel. (473) 277-75-73;
e-mail: youlya_v@mail.ru
MESC AF «N.E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin Air Force Academy»
(Voronezh)
cadet S.S. Dvoretzkiy
Russia, Voronezh,
tel. (473) 277-75-73;
e-mail: youlya_v@mail.ru

Ю.В. Власова, С.С. Дворецкий

А. И. ЛИЗЮКОВ: ПОЛКОВОДЕЦ С СОЛДАТСКОЙ СУДЬБОЙ

Предметом исследования является жизнь и трагическая гибель генерал-майора А. И. Лизюкова, связанная с обороной Воронежа в 1942 г. Рассматриваются директивы ставки ВГС о создании 5 танковой армии и назначении А.И. Лизюкова ее командующим. Обосновывается идея о том, что недовольство И.В. Сталина действиями генерала А.И. Лизюкова не были правомерны. Основная причина неудачных боев 5 танковой армии была связана с неверным определением основного удара противника и с переоценкой собственных сил в военной компании летом 1942 года.

Ключевые слова: биография Лизюкова А. И., оборона Воронежа в 1942 г., Соловьевская переправа в 1941 г., 5-я танковая армия.

Y.V. Vlasova, S.S. Dvoretzkiy

A. I. LIZYUKOV: A COMMANDER WITH A SOLDIER'S FATE

The subject of the research is the life and tragic death of General A.I. Lizyukov, connected with the defense of Voronezh in 1942. The directives of the VGS headquarters on the creation of the 5th tank army and the appointment of A.I. Lizyukov as her commander. The idea is substantiated that the dissatisfaction of I.V. Stalin by the actions of General A.I. Lizyukov were not legitimate. The main reason for the unsuccessful battles of the 5th Panzer Army was associated with the incorrect definition of the enemy's main attack and with the reassessment of one's own forces in the military company in the summer of 1942.

Key words: biography Lizyukov A. I., defense of Voronezh in 1942, Solovyovskaya crossing in 1941, 5th tank army.

В каждом городе есть свои знаменитые улицы, в Воронеже одна из таких улиц - это улица имени генерал-майора Александра Ильича Лизюкова. Какую же роль сыграл город Воронеж в судьбе этого героя Великой Отечественной войны?

Родился Александр Ильич в Гомеле в 1900 году. В семье было три сына, все они стали кадровыми военными и погибли в боях с немцами.

Если биография будущего генерала изучена достаточно хорошо, то есть одна деталь, которая не достаточно освещена в литературе, но которая проливает свет на выдающиеся способности Лизюкова как военного стратега. Так, одна малоизученная, но достаточно интересная страница биографии Лизюкова - великая честь, которой он был удостоен, представлять Красную Армию на танковых маневрах во Франции. Это произошло в 1935 году в составе военной миссии в Шампани. Советский Генштаб доверил ему деликатное поручение - создание совместно с французами разведывательной службой. Необходимость такой службы диктовала ситуация с фашистской угрозой в Европе, которая становилась все реальнее. В досье французской контрразведки были указаны два командира, которые могут командовать танковыми подразделениями в ближнем бою и выступать как дипломаты, это генерал Малащенко и генерал Лизюков. Не стоит забывать, что в свое время Лизюков получил гимназическое образование и прекрасно владел французским языком. Поэтому разведывательное поручение комбрига отнюдь не кажется чем-то фантастическим [1,с.10]. Но не все было безоблачно в военной карьере Лизюкова. Страшные тридцатые годы испытали и его на прочность. В 1938-м по ложному доносу, что в те времена было обычным делом А. И. Лизюкова арестуют. Предъявленные обвинения будут очень стандартны для того времени: антисоветский заговор, подрывная деятельность в Красной Армии. Обстоятельства знакомства и работы под началом Тухачевского в Гражданскую войну тоже будет способствовать обличению «неблагонадежности» обвиняемого. Целый год в одиночной камере проведет А. И. Лизюков, правда в декабре 1939 года будет вынесен оправдательный приговор по его делу.

В последствии, И. В. Канцев, генерал-майор юстиции запаса, который в 1939 году исполнял обязанности члена военного трибунала Ленинградского военного округа, в письме в «Литературную газету» (2 июля 1964 года) вспоминал о мужественном поведении Лизюкова на процессе: «Немало людей я повидал, многих и позабыл. Но Лизюкова запомнил навсегда. Это был настоящий коммунист. Он стоял перед судом в гимнастерке, без ремня ... Но сломить его дух, его волю не смогло ничто» [2].

После оправдательного приговора в 1940 году А. И. Лизюков становится преподавателем в Военной академии механизации и моторизации РККА, а в 1941 году он уже заместитель командира 36-й танковой дивизии. После начала войны Александр Ильич получит боевое крещение на Березине, под Борисовом, где 14 дней не будет давать немцам возможности пройти переправу, тем самым обеспечив выход основных сил Красной армии из окружения. Именно это событие ляжет в основу очерка «Июнь-декабрь» (1941 год), известного советского поэта и писателя К. Симонова [3]. Талантливый полковник не останется незамеченным, из главной ставки придет директива наградить Лизюкова А. И. орденом Красного Знамени, а после и званием Героя Советского Союза [4,с.1].

Соловьевская переправа у Смоленска также продемонстрирует полководческий талант и незаурядное мышление стратега А.И. Лизюкова. Он будет назначен военным комендантом переправы и будет все силы отдавать, не пропуская врага дальше на Смоленск, так как дальнейшее продвижение вражеских войск позволило бы немцам сомкнуть кольцо войск. Участок земли между Соловьево и Ратчино будет самоотверженно отвоеван и враг не сможет пройти переправы. Рокоссовский потом напишет: «Смелость Александра Ильича была безгранична, умение маневрировать малыми силами — на высоте» [5,с.356-366].

В последствии, Гальдер Ф. в то время начальник генерального штаба сухопутных войск Германии, отметит в своем дневнике: «2 августа 1941 года. 42-й день войны ... к сожалению, окружённому у Смоленска противнику удалось открыть себе выход на восток. 6 августа 1941 года. 46-й день войны ... Следует принять во внимание... умение русских скрытно наводить переправы через реки» [6,с.432]. Стоит отметить, что он имел в виду очень удачную стратегию, которую предложил и реализовал не кто иной, как Лизюков А. И., который распорядился возвести на Соловьевской переправе мост, но не обычный, а под водой. Он представлял собой связку машин ЗИС-5, у которых не было кабин, чтобы авиация

противника не смогла распознать подобное сооружение. Удачное проведение операции повлияла на карьеру Александра Ильича и в конце августа ему поручают командование 1-й Московской мотострелковой дивизии, которая сможет отличиться в сражении под Ярцевом, получив в сентябре название гвардейской. Вскоре будущего генерала отзовут, чтобы дать ему новое назначение, стать заместителем командира 20-й армии, печально известного генерала Власова. Не оспаривая роль 20-й армии в победе на Солнечногорско-Волоколамском направлении, тем не менее, именно роль и вклад А. И. Лизюкова недостаточно исследованы и изучены [7, с.60].

Так, начальник штаба 20 армии генерал Сандалов Л. М. впоследствии напишет мемуары, где будет рассказано и о московском сражении, но как ни странно не вспомнит о Лизюкове А. И., хотя его личный вклад в данной операции историками доказан [8, с.8]. Наступивший 1942-й год для Александра Ильича станет последним. Он приведет его на Воронежскую землю, где он и сложит свою голову во время июльских боев, освобождая город. Это было очень ответственное назначение, которое говорило о большом доверии со стороны руководства. Стоит напомнить, что в начале войны были огромные танковые потери, а также очень низкая производительность танковой промышленности. Постановлением ГКО от 16 февраля 1942 г. № 1295сс танковые войска Красной армии были переведены в основном на бригадный состав. Планировалось сформировать 120 бригад по 46 танков, в том числе 10 КВ, 20 Т-34 и 16 Т-60. Наступательный характер военных действия со стороны Красной армии был обусловлен тем, что Сталин искренне верил в скорое окончание войны, в частности, уже к 1942 году. В связи с этим, большое внимание отводилось майскому наступлению силами Южного, Брянского, Юго-Западного фронтов на Юго-Западном направлении, тогда как остальные фронты должны были уйти в стратегическую оборону. Если бы наступление было успешным, хотя в этом конечно никто не сомневался, то в последующем развернулось бы полномасштабное наступление по всему фронту, закрывая якобы основное направление немцев, идти на Москву [9, с.115].

Для реализации данных замыслов требовались маневренные войска, которые и смогли бы осуществить наступательные действия, такими войсками стали танковые армии смешанного типа [10]. Поэтому были сформированы 4 танковые армии. Известно, что И. В. Сталин 25 мая 1942 г. отдал распоряжение генералу Василевскому А. М. составить директиву: «Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: 1. Сформировать 5-ю танковую армию в составе: 2-го и 11-го танковых корпусов, одной отдельной танковой бригады, 340-й стр. дивизии, одного лап РГК пушек УСВ, одного гвардейского минометного полка смешанного типа в составе двух дивизионов М-8 и одного дивизиона М-13, одного зенитного дивизиона. Дислокация управления 5-й танковой армии – г. Елец» [11, с.62]. Генерал-майор А. И. Лизюков в январе получает новое звание, генерал-майор, а чуть позже и новое назначение, он становится командиром 5-й танковой армии. Немецкая армия очень удачно вела наступательные операции, тогда как войска Красной армии несли большие потери на юго-западном направлении, в сложный период получил командование А.И. Лизюков. 5-я танковая армия должна была перехватить военную инициативу противника, нанеся сокрушительный удар по немцам, походившим уже к Воронежу. К сожалению этого достичь не удалось, сказалась и общая потеря боеспособности после Харьковского неудачного наступления и дезорганизация в войсковых подразделениях. Перед генералом Лизюковым была поставлена задача перетянуть на себя значительные силы противника, не допустить его продвижения к Москве. Стоит отметить, что город Воронеж, так и не был полностью захвачен врагом и это полностью заслуга А. И. Лизюкова и 5-й танковой армии, но для Главной ставки не полностью достигнутая задача расценивалась как не выполненная. Причины этого были вполне обоснованные и весомые, это, прежде всего значительное превосходство немцев в воздухе. Так, немецкие самолеты вылетали группами по 12-20

единиц и бомбили наши военные дислокации по несколько раз в день, не давая Красной армии совершать оборонительные маневры [12,с.344].

Главнокомандующий И. В. Сталин отрицательно оценил результаты, достигнутые генерал-майором А. И. Лизюковым. 17 июля Сталин произнесет роковые слова своего последнего распоряжения по Лизюкову: «...армии Лизюкова уже не существует ... больше Лизюкову для армии ничего не отправлять». Причины, по которым приказ Сталина не был выполнен по-разному видится из Ставки и с передовой. Генерал Василевский А. М. 9 июля, исходя из распоряжения главнокомандующего, направил Лизюкову А. И. приказ: «5-я танковая армия, имея перед собой противника не более одной танковой дивизии, третий день топчется на одном месте. Части армии из-за нерешительности действий ввязались в затяжные фронтальные бои, потеряли преимущество внезапности и не выполнили поставленную задачу. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает: Немедленно приступить к выполнению поставленной задачи и категорически потребовать от командиров корпусов решительных действий, смело обходить противника, не ввязываться с ним во фронтальные бои, и к исходу 9.07 выйти к югу от Землянского на тылы группировки немецких частей, действующих против Воронежа» [13,с.295].

Генералу Лизюкову А. И. действительно не удалось добиться хоть каких-то значимых продвижений вперед. Ответственность за невыполнения приказа естественно была возложена на командующего, но была ли в этом его вина? Конечно, причину неудачи действий 5- танковой армии стоит искать гораздо глубже.

В те времена не принимались никакие оправдания и аргументы в свою защиту. Никто не стал слушать тактические и стратегические планы, необходимо было просто выполнить приказ любой ценой. Приказ о выводе 5 танковой армии в тыл врага и ликвидации, как неэффективной был подписан 15 июля Ставкой ВГК директивой вод номером 170511, а командующего Лизюкова А. И. назначить на должность командира 2-го танкового корпуса [9,с.119]. Стоит отметить, что 5 танковая армия была восстановлена уже 28 июля. «Командующий фронтом, убывая в Воронеж, должен был обязать свой штаб... или какое-то конкретное лицо организовать приём и ввод в сражение 5-й танковой армии, продиктовав ему своё решение. Если этого не было сделано, то штаб фронта обязан был взять это на себя по собственной инициативе, докладывая командующему фронтом о принимаемых решениях. «Однако, ни того, ни другого не было сделано» [14,с.234], напишет впоследствии Василевский. В то же время Казаков М. И., будучи начальником штаба Брянского фронта, писал, что: «Первый опыт боевого применения танковой армии оказался неудачным. Начались разговоры о непригодности такого оперативного объединения вообще. Истинные же причины неудачи были в другом: в неумении. Это умение пришло позднее. Руководство действиями 5-танковой армии осуществлял Генеральный штаб. ... Судьба Воронежа была предрешена еще 3-4 июля, когда передовые части 48-го немецкого танкового корпуса вышли к реке Дон» [15,с.113].

Последние слова, обращенные генералом к своим солдатам и офицерам были перед последним боем были следующие: «Славные боевые соратники бойцы, командиры и политработники, расставаясь с Вами и убывая по приказу Ставки Верховного Главного Командующего к новому месту службы, я и Комиссар Армии уверены, что после короткой передышки, необходимой для восстановления материальной части – Вы, все по-прежнему еще с большей силой будете наносить мощные удары по врагу до полного его уничтожения. Пусть знает враг, что танкисты готовы отомстить за своих боевых товарищей, павших в боях за родину. Слава героям, павшим в боях! Слава храбрым, мужественным, героическим защитникам нашей Родины!» [8,с.8]. Командующий армией генерал-майор Александр Ильич осмелился возразить Верховному Главнокомандующему против расформирования 5-й танковой. В этот момент он не думал о состоянии боеспособности армии, о ее материальных потерях после непрекращающихся кровопролитных боев. Самое главное, что его волновало – это судьба солдата. «Солдат был достоин благодарности, а не клейма неудачника, пораженца». Для полководца, который выдержал много испытаний – это было гораздо

важнее количества единиц техники и боекомплекта. В такой непростой для себя ситуации генерал Лизюков примет свой последний бой, в танке КВ без прикрытия, самостоятельно прорываясь к окруженной бригаде. Танк будет подбит, все кто в нем был, погибнут. Долгое время ничего не будет известно о судьбе генерала, что позволит предположить ставку о его измене. Когда территория, где был подбит танк станет подконтрольной нашим войскам, опознать погибших будет невозможно, будут найдены только его документы, тем не менее генерал-майор будет числиться без вести пропавшим до 2008 года. Тогда поисковая организация «Дон» с ее руководителем Михаилом Сегодиным найдут безымянное захоронение бойцов Красной армии у церкви в селе Лебяжье Рамонского района Воронежской области. Экспертиза по фотосовмещению позволила предположить, что там был похоронен генерал Лизюков с еще 7 красноармейцами [1,с.56]. Гранитный обелиск увековечил последний бой генерала в селе Лебяжье. Останки легендарного генерала и нескольких бойцов были перезахоронены на территории воинского захоронения Мемориал Славы в Воронеже. Совсем недалеко находится и улица, которая носит имя А. И. Лизюкова.

Спустя годы военные историки дадут объективную оценку тем событиям, попробуют разобраться в причинах неудач и поражений. И вины Лизюкова они там не найдут, придя к выводу, что поражение Воронежской операции больше связано с неумелым руководством Ставки, в основном это касалось неправильного представления о главном направлении продвижения главных сил противника. Когда воронежцы в светлый майский день пришли проводить в последний путь генерала А. И. Лизюкова к месту его последнего упокоения, они провожали не просто героя ВОВ, а Полководца с солдатской судьбой...

Библиографический список

1. **Курьянов А.В.** В поисках легендарного командарма: документальный очерк / А. В. Курьянов. – Воронеж: ФГО ВПО «ВГАУ им. К.Д. Глинки», 2011. – 114 с.
2. **Канцев И.В.** Это был настоящий коммунист... / И. В. Канцев // Литературная газета. – 1964. – (02 июля).
3. **Симонов К.М.** Собрание сочинений: в 10 т. Т. 11 (дополнительный): Очерки и публицистика. Статьи и заметки о литературе и искусстве / К. М. Симонов. – М. : Художественная литература, 1985. – 647 с.
4. Известия. 1941. – 6 августа.
5. **Песков В.М.** Судьба героя / В. М. Песков // Великая Отечественная война в судьбе литературы и культуры: исторический опыт как мировоззренческий и моральный выбор; ред. - сост. И. Н. Афанасьев. Мозырь : Белый ветер, 2011. – С. 356-366.
6. **Гальдер Ф.** Военный дневник (Июнь 1941 – сентябрь 1942). – М. : АСТ: Астрель, 2010. – 704 с.
7. **Пономарёв А.** «Какая он свинья...» Еще раз о генерале Власове / А. Пономарев // Родина. 2010. № 5. – С. 58 – 62.
8. **Афанасьев И.Н.** Побелы сопок первого гола. Солдатская свдьба команларма А.И. Лизюкова / И. Н. Афанасьев // Илеологические аспекты военной безопасности: научно-практическое приложение к журналу «Армия», 2011. – № 2. – С. 12-20.
9. **Покровский С.В.** Первые танковые армии Красной армии. Пятая танковая армия / С. В. Покровский // Сражения на южном фланге советско-германского фронта: Воронеж-Сталинград-Кавказ. 1942-1943гг. 2020. – С.113-123.
10. **Бирюков Н.И.** Танки – фронту! Записки советского генерала / Н. И. Бирюков. – Смоленск : Русич, 2005. – 480 с.
11. Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. – М. : Воениздат, 1973. – 334 с.
12. **Черушев Н.С.** Из ГУЛАГа – в бой / Н. С. Черушев. – М. : Вече, 2006. – 528 с.
13. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы: 1942 год. Т.16. – М. : Терра, 1996. – 448 с.
14. **Василевский А.М.** Дело всей жизни / А. М. Василевский. – М. : Политиздат, 1973. – 542 с.
15. **Казаков М.И.** Над картой былых сражений / М. И. Казаков. – М. : Воениздат, 1971. – 286 с.

УДК 355.354

*ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС)*

В.В. Гагин

*Россия, г. Воронеж,
тел. 8(909)216-14-03*

e-mail: vrvio@yandex.ru

ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)

*кандидат исторических наук, доцент
старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС)*

Е.А. Шендриков

*Россия, г. Воронеж,
тел. 8(950)779-61-68*

e-mail: generals78@mail.ru

*MESC AF “Professor N.E. Zhukovsky and
Y.A. Gagarin Air Force Academy” (Voronezh)*

PhD in historical Sciences

senior researcher of the research center (problems of application, provision and management of air force aviation)

V.V. Gagin

*Russia, Voronezh, t
el. 8(909)216-14-03*

e-mail: vrvio@yandex.ru

*MESC AF “Professor N.E. Zhukovsky and
Y.A. Gagarin Air Force Academy” (Voronezh)*

*PhD in historical Sciences, associate Professor
senior researcher of the research center (problems of application, provision and management of air force aviation)*

E.A. Shendrikov

*Russia, Voronezh,
tel. 8(950)779-61-68*

e-mail: generals78@mail.ru

В.В. Гагин, Е.А. Шендриков

ОПЕРАЦИЯ «ДОЛИНА» КАК ТИПИЧНЫЙ ПРИМЕР ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПЛАНОВ КОМАНДОВАНИЯ 40-Й СОВЕТСКОЙ АРМИИ В АФГАНИСТАНЕ В 1985 Г.

На основе документов из архива библиотеки Военно-воздушной академии имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (г. Воронеж) представлена история участия военно-воздушных сил 40-й армии Ограниченного контингента советских войск в Афганистане в операции «Долина», проведенной с 12 августа по 3 сентября 1985 г. Рассмотрены цель и замысел операции, охарактеризованы задачи, стоявшие перед военно-воздушными силами 40-й армии, определены и подведены итоги боевых действий. В статье проанализирована глубокая и тщательная подготовка советского командования к проведению операции «Долина», затронувшая все важнейшие вопросы, такие как: работа по изучению района боевых действий, воздушная разведка, отработка вопросов взаимодействия между авиационными и сухопутными частями, создание необходимых запасов топлива и боеприпасов и т.д. В заключении сделаны выводы об эффективности применения советской авиации в операции «Долина».

Ключевые слова: Ограниченный контингент советских войск в Афганистане, военно-воздушные силы 40-й армии, операция «Долина», район Алихейль, Парачинарский выступ, В.С. Кот.

V.V. Gagin, E.A. Shendrikov

OPERATION “VALLEY”, AS A TYPICAL EXAMPLE OF THE IMPLEMENTATION OF COMMAND PLANS BY THE 40th SOVIET ARMY IN AFGHANISTAN IN 1985

Based on documents from the archive of the library of the Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin (Voronezh), the history of the participation of the air force of the 40th Army of the Limited contingent of Soviet troops in Afghanistan in Operation “Valley”, held from the 12th of August up to the 3d of September 1985, is presented. The purpose and intent of the operation are considered, the tasks the air force of the 40th army had to face are characterized, the results of the fighting are determined and summed up. The article analyzes the deep and thorough preparation of the Soviet command for the operation “Valley”, which affected all the most important issues, such as: work on the study of the combat area, aerial reconnaissance, working out issues of interaction between aviation and ground units, creating the necessary fuel and ammunition reserves, etc. Finally, conclusions about the effectiveness of the use of Soviet aviation in Operation “Valley” are drawn

Key words: Limited contingent of Soviet troops in Afghanistan, 40th Army Air Force, Operation “Valley”, Alikheil district, Parachinar salient, V.S. Kot.

В августе 2022 г. исполнится 37 лет с момента проведения советскими войсками в Афганистане операции «Долина», которая в отечественной историографии до настоящего времени является малоизученной¹⁴. На наш взгляд, её изучение является актуальным, поскольку она представляет собой типичный пример осуществления планов командования 40-й армии (А) в период выполнения поставленных советским правительством боевых задач в Афганистане в 1985 г.

Следует отметить, что одну из главных ролей в операции «Долина» сыграли тактические воздушные десанты. Они появились в Советской Армии не сразу. Первоначально в Вооруженных Силах СССР части и подразделения, использовавшие в качестве основного боевого и транспортного средства вертолеты и предназначенные для ведения десантно-штурмовых действий, назывались десантно-штурмовыми формированиями [1, с. 507], с 1973 г. – десантно-штурмовыми. Характерно, что в США они именовались воздушно-штурмовыми формированиями, предназначенными для проведения аэромобильных операций. По одним данным, в СССР первые две десантно-штурмовые бригады были сформированы в 1969 г. в Забайкалье и на Дальнем Востоке. При создании был учтен опыт приграничных советско-китайских вооруженных конфликтов [2]. По другим сведениям, формирование десантно-штурмовых бригад проходило в 1968–1969 гг. в Закавказском, Забайкальском и Дальневосточном военных округах, а в последующем во всех округах (кроме внутренних) и группах войск. В общевойсковых армиях были созданы десантно-штурмовые батальоны. В дальнейшем, к концу 1980-х гг. они все были переформированы в воздушно-десантные и переданы в состав ВДВ [1, с. 507]. В середине 1980-х гг. в Советской Армии находилось 14 десантно-штурмовых бригад, 2 отдельных полка и примерно 20 батальонов. В отличие от США и Франции, в которых аэромобильные части с подразделениями армейской авиации были объединены в единую структуру, в Ограниченном контингенте советских войск в Демократической Республике Афганистан такое временное организационно-структурное объединение происходило при организации взаимодействия десантно-штурмовых частей с вертолетчиками армейской авиации.

В основу разработки концепции применения десантно-штурмовых частей была положена т.н. «объемная операция». Она была представлена в 1975 г. группой военных исследователей, которую возглавил генерал-лейтенант И. Юрковский. «Объемная операция» должна была стать своего рода альтернативой или, в крайнем случае, служить дополнением к доктрине «глубокой операции». Данный вид операции был пригоден для условий более или менее стабильной линии фронта. Войска должны были не пробиваться через эшелонированную оборону противника, а как бы «перепрыгивать» через нее, минуя узлы обороны, что должно было повысить темпы наступления. Забегая вперед, стоит подчеркнуть, что в условиях борьбы с моджахедами «объемная операция» оказалась востребованной. Однако, в середине 1970-х гг. идея данного вида операции дальнейшего развития не получила из-за преобладания консервативных взглядов среди высшего командования Советской Армии. Тем не менее, десантно-штурмовые части были сохранены. Оперативно-

¹⁴ Поисковые системы интернета, как правило, выдают информацию об операции «Долина», проведенной советскими спецслужбами в Крыму с целью обеспечения безопасности руководителей трех союзных государств антигитлеровской коалиции в начале 1945 г. См.: Христофоров В. Операция «Долина». Как советская контрразведка обеспечила безопасность Крымской конференции 1945 года. – URL: http://blackseafleet-21.com/news/27-11-2013_operatsija-dolina-kak-sovetskaja-kontrazvedka-obespechila-bezopasnost-krymskoj-konferent. Реже упоминается операция «Долина-82», проведенная советскими пограничными войсками в Афганистане с 21 января по 18 февраля 1982 г. См.: Операция «Долина-82». – URL: http://pv-afghan.narod.ru/Operatsii/Dolina-82_Vvod_MMKG.htm.

тактическая десантно-штурмовая операция, как часть фронтовой общевойсковой операции, была основной формой их применения и проводилась силами бригады. Она должна была выполнять наступательные задачи: захват во вражеском тылу важных объектов, нарушение управления, коммуникаций, задержка и блокирование резервов противника. Общая цель заключалась в содействии сухопутным войскам в их продвижении и разгроме противостоящих вражеских войсковых группировок [2]. Что касается армейской авиации, то главной задачей и основной формой её применения была и остается высадка и обеспечение тактических воздушных десантов (ТВД).

Нельзя не отметить, что действия ТВД популяризировались как в зарубежных, так и в отечественных документальных и художественных фильмах. В частности, существуют сотни, даже тысячи фотографий и кадров кинохроники периодов Корейской и Вьетнамской войн, демонстрирующих высадку американскими армейскими вертолетами десанта. Благодаря Голливуду образ американских агрессоров неотделим от армейских вертолетов и «главную роль» здесь играет, конечно, вертолет фирмы Белл УН-1 «Ирокез» или, как называли эту «рабочую лошадку» сами «Джи-Ай» – американские солдаты – «Хьюи». Действительно, этих вертолетов было построено больше всего в мире, а на втором месте по «тиражу» – отечественный Ми-8. Российские кинематографисты также уделили этому советскому транспортно-боевому вертолету должное внимание, особенно в период его активного использования в Афганистане. И это совершенно справедливо. В силу своей универсальности данный тип летательных аппаратов использовался для выполнения широкого круга задач, а во многих случаях являлся единственным средством обеспечения и поддержки многообразной деятельности советских войск. С большой уверенностью можно констатировать, что вертолеты вынесли на себе от начала и до конца всю тяжесть войны [3]. В джунглях Вьетнама или в горах и «зеленых зонах» Афганистана вертолеты были незаменимы. Именно в этом представляется главная причина появившегося множества аналогий, касающихся интенсивного боевого применения вертолетов США и СССР.

В Афганистане ТВД применялись в течение всего пребывания Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистане в 1979–1989 гг. Они весьма различались по своим масштабам и количеству личного состава, участвовавшего в операциях. Наряду с мелкими десантами, где группы и подразделения решали частные и локальные задачи, были и огромные по размаху ТВД, в которых применялись сотни винтокрылых машин. За весь период войны в Афганистане было высажено 39 527 тактических воздушных десантов, в ходе которых было перевезено 794 680 человек [4, с. 318].

Боевые действия в Афганистане полностью подтвердили возросшую роль ТВД, служивших основным способом доставки подразделений в труднодоступные горные районы и переброски их с одного участка на другой. Перед десантированием подразделениям ставились различные задачи: локализация в короткие сроки нескольких отдельных районов, разобщение группировки моджахедов, нарушение их централизованного управления, лишение возможности организованного сопротивления, совершения маневра, отхода в труднодоступные горные районы и в целом ликвидировать группировку мятежников по частям с минимальной затратой времени [5, с. 262–263].

Условно боевые действия, которые вели советские войска на территории Афганистана, подразделялись на плановые (проводимые по утвержденным министром обороны СССР планам) и неплановые. Главным содержанием плановых операций являлось по возможности одновременное поражение противника огневыми ударами на всю глубину выполнения задачи с последующим уничтожением его группировки сухопутными войсками и воздушными десантами [6, с. 524–525].

Одной из плановых операций является и операция «Долина». Она проводилась согласно плану боевых действий на август 1985 г. в период с 12 августа по 3 сентября. В этот период были «проведены боевые действия по уничтожению отрядов и групп противника, захвату и уничтожению складов с оружием и другими материальными средствами в районе

Парачинарского выступления, проведено минирование караванных путей и маршрутов движения банд, проходящих через Алихейль в центральные районы страны» [7, Л. 664].

Операция «Долина» проводилась в 1985 г. не случайно. Как отмечал командующий ВВС 40-й армии генерал-майор В.С. Кот, этот год характеризовался «значительным увеличением количественных показателей по всем видам решаемых боевых задач», в этот период «имело место увеличение вылетов в основном на десантирование и воздушную разведку, при незначительном увеличении общего количества боевых вылетов» [8, Л. 262].

По данным отчета, составленного начальником штаба оперативной группы ВВС 40-й армии майором Князовым, военно-политическая обстановка в провинциях Пактия, Нангархар, Кабул к моменту проведения операции оставалась сложной и «характеризовалась активной деятельностью мятежников против органов народной власти и местного населения» [7, Л. 664]. Группировка моджахедов к началу августа насчитывала более 7000 человек, из которых активно действующими было 5000 человек, объединенных в 160 отрядов и групп. В ходе боевых действий «численность мятежников возросла в районе Алихейль за счет усиления полков главарей Саята и Джаглан Гану мятежниками, прибывшими с территории Пакистана» [7, Л. 664]. Наиболее активное и упорное сопротивление мятежники оказали в уезде Джаджи. Вместе с тем, проведенные мероприятия по дезинформации способствовали уходу части моджахедов из районов Азрау и Хисарак, а стремительная и внезапная высадка советских и афганских войск в данные районы тактически парализовала деятельность мятежников, вынудив их отойти в горы и на территорию Пакистана. Активную поддержку в этот период мятежникам оказала пакистанская администрация. В ходе боевых действий она проводила мероприятия по засылке групп моджахедов в провинцию Пактика, а также применяла меры по ограничению их ухода в Пакистан, вплоть до выставления заслонов на путях отхода [7, Л. 664].

Следует подчеркнуть, что на протяжении всего 1985 г. афганская оппозиция стремилась повысить уровень активности своих вооруженных формирований, перехватить инициативу, добиться успеха хотя бы в одном районе страны. Мятежники держали под своим контролем большую часть территории Афганистана, главным образом сельские районы, где проживало до 80% населения страны. Благодаря этому оппозиционное руководство в короткие сроки могло восстанавливать боеспособность несших значительные потери отрядов моджахедов. Однако объединить разрозненные группировки в единое боевое целое ему не удалось [9, с. 102–104]. В то же время афганская армия несколько окрепла и, начиная с 1985 г., постепенно стала вести самостоятельные боевые действия. Подразделения и части ОКСВ стали выполнять вспомогательную роль [5, с. 248–249]. Так, в 1985 г. части ВВС 40-й А приняли участие в 80 плановых и частных войсковых операциях, обеспечили 215 поддержек сухопутных войск при проведении реализаций, засад и частных боевых действий [10, Л. 49], а также высадили 147 групп «спецназ» [8, Л. 262; 11, Л. 1; 12, Л. 1].

Для обеспечения боевых действий сухопутных войск в период проведения операции «Долина» привлекались следующие авиасоединения: 181-й отдельный вертолетный полк (овп), 335-й овп, 50-й отдельный смешанный авиационный полк (осап), 262-я отдельная вертолетная эскадрилья (овэ) (50 вертолетов Ми-8мт и 36 – Ми-24, три самолета Ан-26рт и один Ан-30); 378-й отдельный штурмовой авиационный полк (ошп) (20 штурмовиков Су-25); 665-й иап (16 истребителей МиГ-23); 263-я отдельная разведывательная авиационная эскадрилья (ораз) (8 самолетов Су-17м3р); 168-й авиационный полк истребителей бомбардировщиков (аиб) (6 ударных самолетов Су-17м3). Всего: самолетов – 54, вертолетов – 86 [7, Л. 665].

Что касается 378-го ошп и 263-й ораз, то они находились на хорошем счету у командования. В течение 1985 г. эти части «по данным объективного контроля и подтвержденным разведанным» добились «при нанесении авиационных ударов и

выполнении авиационной поддержки сухопутных войск лучшей эффективностью» [8, Л. 264–265].

В период подготовки к операции в частях ВВС 40-й А проводилась работа по изучению районов боевых действий, особенностей выполнения боевых задач в данных районах, созданию необходимых запасов топлива и боеприпасов на аэродромах Кабул, Джелалабад и вертодроме Гардез. Проводился облет района боевых действий, активно велась воздушная разведка. С самолетов Ан-30, Су-17мЗр и вертолетов Ми-8мт осуществлялось фотографирование района боевых действий.

Следует подчеркнуть, что воздушная разведка в период подготовки к операции была организована на достаточно высоком уровне. ВВС 40-й А располагали для этого всеми необходимыми силами и средствами: разведывательной авиационной эскадрильей, вооруженной самолетами Су-17мЗр с контейнерами комплексной разведки ККР-1 Т, ККР-1/2; звеном самолетов Ан-30, оборудованных длиннофокусными аэрофотоаппаратами [13, с. 385]. Воздушная разведка проводилась с фотографированием районов боевых действий. Накануне и в ходе операции широкое применение получило высокоточное воздушное фотографирование объектов мятежников с вертолетов Ми-8мт, Ми-24 и самолетов Су-17мЗр фотоаппаратами АФА-42/100. За подготовительный период и период операции было выполнено 49 полетов на воздушное фотографирование с налетом 81 час, изготовлено 154 фотосхемы. А всего на воздушную разведку выполнено 244 полета с общим налетом 302 часа, нанесено 43 авиационных удара. Плановое и перспективное фотографирование аэрофотоаппаратами АФА-42/100 отдельных объектов и районов в крупном масштабе позволило вскрыть по аэрофотоснимкам дополнительно 57 объектов мятежников, в т.ч. 17 ДШК, шесть ЗГУ, 34 оборонительных позиции. Дешифрирование фотосхем дало возможность вскрыть 231 объект мятежников, по которым были спланированы и выполнены авиационные удары. Ведение «свободной охоты» с созданием разведывательно-ударных групп (2 Су-17мЗр и 2 Су-25) значительно сократило время от момента обнаружения цели до момента нанесения удара.

Нельзя не отметить, что в период проведения операции кроме штатных экипажей разведчиков, воздушная разведка велась всеми экипажами попутно с выполнением основных своих задач. Благодаря этому было вскрыто 117 объектов и уничтожено: четыре укрепрайона, 19 караванов (233 вьючных животных), 10 позиций ДШК, 18 групп мятежников (188 человек), одна ЗГУ, один ДОТ, два боевых охранения, два прибора управления реактивной стрельбой и три автомобиля [7, Л. 667–668].

13 августа 1985 г. командиры авиачастей, начальники штабов, старшие штурманы частей, начальники групп боевого управления (ГБУ) и авианаводчики с целью отработки вопросов взаимодействия, постановки и уточнения боевой задачи были собраны на командном пункте ВВС.

В ходе операции боевое управление и ретрансляция выполнялась самолетами Ан-26брт. Одновременно обеспечивалась наземная связь оперативной группы армии с частями и подразделениями сухопутных войск и со штабом армии. Всего на боевое управление и ретрансляцию выполнено 59 полетов с налетом 237 часов [7, Л. 668]. Управление боевыми действиями осуществлялось с командного пункта ВВС армии, командного пункта оперативной группы ВВС армии, ГБУ и авианаводчиками. Взаимодействие с частями и подразделениями сухопутных войск было организовано через ГБУ [14, с. 68] и авианаводчиков.

Части ВВС в период проведения боевых действий в провинции Пактия выполняли следующие задачи: осуществление и обеспечение высадки ТВД с дальнейшей авиационной поддержкой сухопутных частей; нанесение авиационных ударов; ведение воздушной разведки, минирование, осуществление перевозки войск и грузов, эвакуация раненых и больных из района боевых действий.

К осуществлению и обеспечению высадки ТВД авиасоединения приступили 15 августа. В период боевых действий с 15 августа по 3 сентября 1985 г. было высажено 10

десантов, общей численностью 3981 человек, выполнено 1278 вылетов с налетом 1359 часов [7, л. 665].

Высадка ТВД происходила следующим образом. После получения задачи на десантирование, определялись исходные районы десантирования и районы высадки десантов. Руководящий состав ВВС 40-й А, частей армейской авиации совместно с командирами сухопутных частей, привлекаемых к десанту производил облет районов десантирования с целью определения и подбора площадок десантирования с последующим воздушным фотографированием. В ходе организации взаимодействия с командованием частей сухопутных войск определялись конкретные площадки десантирования, составлялись планы погрузки десантируемых подразделений, определялся необходимый наряд сил и средств, отрабатывались вопросы управления при высадке ТВД, комплексного огневого поражения при отработке района и площадок десантирования.

Нельзя не отметить, что при авиационной отработке районов и площадок десантирования широко использовались данные агентурной разведки и воздушной разведки. Средства ПВО вскрывались по фотопланшетам. Все это давало возможность эффективно использовать авиацию при подавлении средств ПВО мятежников. В частности, 29 августа при отработке района и площадок десантирования 66-й омсбр было уничтожено 10 ДШК, 5 минометов, 7 РПГ.

При высадке ТВД широко использовался метод расчистки района и площадок десантирования, а также района предстоящих боевых действий. Создавались разведывательно-ударные комплексы (РУК) в составе 4 Ми-24 и 4 Су-25. За 2-3 дня до высадки ТВД указанный состав РУК выходил в район боевых действий на самостоятельный поиск. При обнаружении огневых точек мятежников наносился удар Ми-24. При необходимости наносился удар Су-25, который был маневренным, послушным в управлении, отлично вооруженным и защищенным штурмовиком [15, с. 154]. В результате такой расчистки сопротивление мятежников во время высадки было незначительным.

С 15 августа по 3 сентября 1985 г. было нанесено 624 авиационных удара, выполнено 908 полетов с налетом 936 часов. Тактические приемы, применяемые фронтовой и армейской авиацией при нанесении авиаударов, продолжали совершенствоваться. В частности, метод совместного применения групп самолетов Су-25, МиГ-23 и Су-17м3 по одной цели или по группе целей в одном районе получил дальнейшее развитие. При полетах на воздушную разведку создавались смешанные группы – пара Су-17м3р и пара Су-25. Этот прием дал эффективные результаты. При обнаружении объектов мятежников самолетами Су-17м3р тут же наносился удар и ими и самолетами Су-25, тяговооруженность которых была намного выше, чем у самолетов Су-17м3р [7, л. 666].

Что касается авиаударов, то они выполнялись по заранее спланированным целям (складам, средствам ПВО, скоплениям мятежников), вновь выявленным целям, а также в ходе авиационной поддержки войск по вызову. Целеуказания выполнялись авианаводчиками относительно характерных ориентиров с обозначением своих войск дымами.

Не последнюю роль в операции играла авиационная поддержка сухопутных войск. Было выполнено 956 вылетов с общим налетом 1159 часов, нанесено 454 удара. Авиационная поддержка осуществлялась парами, звеньями и шестерками Ми-24 и парами и звеньями самолетов Су-25 из положения «дежурство в воздухе» и «дежурство на аэродроме» в готовности № 1 и № 2.

Нельзя не отметить и активно проводившееся минирование и разминирование местности. Так, в период ведения боевых действий в провинции Пактия было заминировано 218 участков местности, караванных троп и возможных путей отхода мятежников (выполнено 40 полетов с налетом 47 часов). Применялось и разминирование дорог от радиоуправляемых мин с вертолетов Ми-8 (выполнено 14 полетов с налетом 25 часов, разминировано 45 участков).

В ходе проведения операции «Долина» авиация 40-й А выполняла и другие не менее важные задачи. В частности, на прикрытие государственной границы она выполнила 158 полетов с налетом 188 часов. Прикрытие осуществлялось парой МиГ-23 со сменой в воздухе.

Поисково-спасательное обеспечение (ПСО) осуществлялось звеном вертолетов Ми-8: пара Ми-8 в воздухе и пара в положении «дежурство на аэродроме». На борту последних находились вооружение, аптечка и спасательная команда, задачей которых было поддерживать сбитый экипаж и помочь ему выбраться [15, с. 217]. Всего на ПСО было выполнено 278 полетов с общим налетом 380 часов.

Высадку тактических десантов сопровождали команды технической помощи (КТП). Начиная с операции «Пустыня» (12–30 июля 1985 г.) во всех проводимых операциях 1985 г. при высадке ТВД на больших удалениях от базового аэродрома использовался опыт пребывания команд на борту одного из вертолетов пары, барражирующей на удалении 4–5 км от места высадки (вне зоны воздействия ПВО противника). КТП являлась отдельным подразделением, имеющим, кроме технического имущества, бронезилеты, спасательные парашюты, стрелковое оружие, запас боеприпасов, медикаментов, воды и продовольствия, теплые вещи. Использование команд было особенно эффективно в высокогорных районах ведения боевых действий, базовых для мятежников [16, Л. 74].

За период операции авиацией сопровождено по маршрутам 94 колонны (выполнено 396 полетов с налетом 515 часов). Сопровождение колонн выполнялось парами и звеньями Ми-24 со сменой в воздухе. И это не случайно. Горный рельеф местности затруднял, а в ряде случаев и полностью исключал возможность использования наземных радиотехнических средств при полете к цели. В связи с этим основным способом считалось вертолетовождение по курсу и времени с постоянным контролем пути по визуальным ориентирам [17, Л. 288].

В соответствии с поставленными задачами обеспечивался бесперебойный подвоз материальных средств. Перевозка войск и грузов выполнялась самолетами Ан-26 и вертолетами Ми-8, совершившими 1062 полета с общим налетом 1310 часов.

За период операции перевезено 4506 человек личного состава и 374 тонны боеприпасов и других грузов [7, Л. 668].

Командующий ВВС 40-й А генерал-майор авиации В.С. Кот, выступая на военно-научной конференции, справедливо отмечал, что в «1985 году части ВВС Армии вели активные боевые действия, решая сложные и ответственные задачи в тесном взаимодействии с сухопутными войсками и самостоятельно» [8, Л. 262]. По мнению командира 280-го овп полковника Горшков В.Г., положение осложнялось и тем, что главными особенностями боевых действий армейской авиации в ДРА в 1985 г. являлся значительный рост объема и интенсивности решаемых задач в условиях резкого повышения активности средств ПВО противника [18, Л. 220].

Следует подчеркнуть, что советским воинам противостоял достаточно организованный, сильный противник. «Да, нелегко было нашим воинам, но они оставались верны присяге. Пусть не все они совершали героические поступки, но у большинства из них была внутренняя духовная готовность к выполнению своего служебного долга в любых условиях...» – констатировал в письме участник боевых действий в Афганистане Д.А. Мельников (г. Пушкин) [19].

В ходе многочисленных боевых операций советские воины совместно с военнослужащими афганской армии громили крупные вооруженные формирования мятежников в базовых районах, оказывали содействие правительству Афганистана в расширении и укреплении органов государственной власти на местах. Однако полного уничтожения вооруженных формирований оппозиции достичь в большинстве случаев не удалось. Рейдовый характер вооруженной борьбы приводил к тому, что после завершения операции и возвращения войск в районы постоянной дислокации их место через некоторое время вновь занимали уцелевшие мятежники [6, с. 535].

Подводя итог операции, необходимо отметить, что всего за период ведения боевых действий в провинции Пактия армейская и фронтовая авиация выполнила 5442 вылета с

налетом 6539 часов. Нанесен 1121 удар и уничтожено: 40 складов, 218 укрепленных районов, 98 позиций ДШК, 644 мятежника, 39 безоткатных орудий, 298 единиц стрелкового оружия, 26 пещер, 26 минометов, 46 огневых точек, 12 радиостанций, пять постов наблюдения и оповещения, 102 крепости, 19 ЗГУ, 19 караванов (233 вьючных животных), один мост, 20 ПЗРК, пять автомобилей, девять дотов, 10 баз отдыха мятежников, 37 палаток, пять повозок.

Для достижения этих целей было израсходовано авиационных средств поражения: ФАБ-500 – 814 шт.; ФАБ-250 – 1022 шт.; РБК-500 – 368 шт.; РБК-250 – 68 шт.; ЗБ-500 – 12 шт.; ЗБ-250 – 72 шт.; ОФАБ-250 – 94 шт.; ОФАБ-100 – 16 шт.; БЕТАБ-500 – 84 шт.; ОДАБ-500 – 65 шт.; САБ-100 – 418 шт.; КМГУ БКФ – 39 шт.; С-5 – 16 838 шт.; С-8 – 6924 шт.; С-24 – 516 шт.; С-25 – 82 шт.; КР-30 – 26 138 шт.; А-12,7 – 23 932 шт.; ЯКБ – 44 215 шт. [7, Л. 669–670].

В целом, как отмечалось в вышеупомянутом отчете, «задачи поставленные командующим 40 А перед ВВС 40 А выполнены полностью с отличным и хорошим качеством» [7, Л. 670]. Хорошая подготовка экипажей, отличное знание района боевых действий, высокая техника пилотирования и хорошая осматрительность пилотов позволили советским воинам выполнить поставленную боевую задачу. Успех действий летчиков обеспечивался прежде всего там, где не было шаблона в действиях, где пилоты проявляли творчество, инициативу как при подготовке, так и при нанесении ударов. Высокая эффективность авиаударов в большинстве случаев достигалась при условиях обеспечения внезапности и скоротечности атаки, применении рациональных боеприпасов. Командующий ВВС 40-й А генерал-майор авиации В.С.Кот в докладе об итогах работы управления ВВС армии за январь 1986 года указывал, что «боевой опыт ВВС 40 армии, накопленный за шесть лет боевых действий необходимо продолжать обобщать и доводить до личного состава вновь прибывающего в ДРА» [20, Л. 10]. Возглавлявший представительство Министерства обороны СССР в Республике Афганистан с конца 1984 г. по февраль 1989 г., генерал армии В.И. Варенников позднее отмечал: «Конечно, операция операции – рознь. Одни не оставили никаких воспоминаний. Другие же никогда не поблекнут» [21, с. 354]. На наш взгляд, к числу последних можно смело отнести и операцию «Долина».

Как видим, операция «Долина» проводилась в течение 20 дней. Было высажено 10 ТВД общей численностью 3981 чел., произведено 1278 вылетов с налетом 1359 час. Путем несложных вычислений получаем контрольную цифру: в среднем за вылет советские вертолеты перевезли 3 чел. с необходимыми для боя и жизнеобеспечения в течение 20 суток грузами.

Объективно оценить боевую эффективность армейской авиации ВВС СССР в Афганистане и реальный вклад в войну (что совсем не одно и то же) можно только в сравнении с «производительностью» американских вертолетов во Вьетнаме.

Итак, в 1965–1975 гг. вертолеты США совершили в Индокитае 36 млн. вылетов с налетом 13,5 млн. часов. Было зафиксировано 31 тыс. повреждений вертолетов (без учета южно-вьетнамской авиации), было сбито по различным данным, от 3,5 тыс. до 4,8 тыс. вертолетов [22, с. 59]. Отсюда средние потери составляют 1,3 американских вертолетов в день. Северный Вьетнам заявляет более 6 тыс. вертолетов, соответственно, дневные потери – почти 2. Таким образом, американский результат – 6000 вылетов на одну потерю, при этом, без учета 31 тыс. повреждений.

Вертолеты армейской авиации ВВС 40-й А за 1985 г. выполнили 123 тыс. полетов с налетом 121 тыс. часов. 1985 г. по многим параметрам считается средним по интенсивности, следовательно, за десять лет в Афганистане было совершено около 1 млн. 200 тыс. полетов.

В 1985 г. вертолеты АА ВВС 40-й А произвели 13 тыс. полетов на десантирование – высажено 100 тыс. чел. За этот год было потеряно 44 вертолета – рекордное число, а среднее число годовых потерь вертолетов в Афганистане – 35. Если эти данные выразить в виде ежедневных потерь, приблизительно – 0,1.

При этом налет на одну потерю составил 3514 боевых вылета. Казалось бы, этот показатель в два раза хуже американского. Однако необходимо пояснить, что грузоподъемность вертолета Ми-8 в два раза выше, чем вертолета Белл «Ирокез», поэтому и количество вылетов у советских вертолетов значительно меньше.

Для более объективного анализа обязательно нужно учитывать и боевую обстановку при проведении ТВД американцами во Вьетнаме и советскими вертолетчиками в Афганистане по такому жизненно важному показателю, как плотность и активность средств ПВО противника.

Авторы данной статьи в своих расчетах приняли этот показатель примерно равным, исходя из: во-первых, целесообразности высадки ТВД в глубине расположения противника; и во-вторых, практически одинаковых средствах поражения летательных аппаратов, которыми располагали северовьетнамские подразделения ВНА и Вьетконга в Юго-Восточной Азии и мятежные бандформирования в Афганистане: стрелковое оружие, зенитные горные установки (ЗГУ), крупнокалиберные пулеметы ДШК и ПЗРК,

Таким образом, и на основании расчетов можно с уверенностью констатировать высокую эффективность применения авиации 40-й армии в Афганистане. Действия армейской и фронтовой авиации в операция «Долина» не являются исключением. Второй Съезд народных депутатов СССР в декабре 1989 г. осудил политическое решение о вводе войск в Афганистан. Потребовалось около тридцати лет, чтобы пребыванию Ограниченного контингента советских войск в Афганистане дать более взвешенную и не скоропалительную оценку. 20 декабря 2018 г. на научно-практической конференции «Роль и место ОКСВА в выполнении задач в Афганистане в 1979–1989 гг.» была озвучена позиция Министерства иностранных дел Российской Федерации. Она заключается в следующем: 40-я А противостояла в Афганистане зарождающемуся международному терроризму, впоследствии распространившемуся по всему миру [23, с. 11]. Оценка сугубо военных аспектов однозначна – «личный состав ОКСВ, хотя и не без недостатков, в абсолютном большинстве с чувством высокой ответственности выполнил свой воинский долг» [6, с. 535]. И с этим нельзя не согласиться.

Библиографический список

1. Новейшая военная энциклопедия. Сила и гордость новой России / редкол.: А.П. Горкин [и др.]. – М.: РИПОЛ классик, 2007. – 1664 с.
2. Аэромобильные операции. – URL: <http://warfor.me/aeromobilnyie-operatsii/>.
3. **Марковский В.** Жаркое небо Афганистана / В. Марковский. – URL: <http://militera.lib.ru/h/markovsky/index.html>.
4. **Алехин Р.В.** Воздушно-десантные войска: история российского десанта / Р.В. Алехин. – М.: Эксмо, 2009. – 416 с.
5. Война в Афганистане. – М.: Воениздат, 1991. – 367 с.
6. Отечественная военная история. В трех томах. Т.2-3. – М.: Издательский дом «Звонница-МГ», 2003. – 656 с.
7. Отчет по боевым действиям в провинциях Пактия, Нангархар, Кабул в период с 12 августа по 3 сентября 1985 года «Долина» // Библиотека 1 ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов боевых действий в Афганистане. Т. 13. Инв. №38543. – Монино, 2004. – ЛЛ. 664–670.
8. **Кот В.С.** Анализ боевой деятельности в 1985 г. Пути повышения качества организации и обеспечения боевых действий, мероприятия по снижению боевых потерь / В.С. Кот // Библиотека 1 ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов боевых действий в Афганистане. Т. 7. Инв. №38512. – Монино, 2003. – ЛЛ. 261–272.
9. **Никитенко Е.Г.** Афганистан: От войны 80-х до прогноза новых войн / Е.Г. Никитенко. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 362 с.

10. Материалы подведения итогов в ВВС 40 армии за 1985 год // Библиотека 1 ВУНЦ ВВС ВВА. Сборник материалов боевых действий в Афганистане. Т. 10. Инв. № 38540. – Монино, 2003. – ЛЛ. 48–101.
11. Карта «План боевых действий ВВС по прикрытию войск и объектов 40 А на территории ДРА» 28.02.1985 г. // Библиотека 1 ВУНЦ ВВС «ВВА». Приложение № 15 к сборнику материалов боевых действий в Афганистане. Инв. № 36646. – Монино, 2004. – Л. 1.
12. Отчетная карта ведения боевых действий 103-й воздушно-десантной дивизии в период с 26.8 по 30.8.86 г. // Библиотека 1 ВУНЦ ВВС «ВВА». Инв. №38637. – Монино, 2004. – Л. 1.
13. **Усиков А.В., Бурутин Г.А., Гаврилов В.А., Ташлыков С.Л.** Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX–XXI века / Под общ. ред. А.С. Рукшина / А.В. Усиков, Г.А. Бурутин, В.А. Гаврилов, С.Л. Ташлыков. – М.: Воениздат, 2008. – 765 с.
14. **Жирохов М.А.** Опасное небо Афганистана. Опыт боевого применения советской авиации в локальной войне. 1979–1989 / М.А. Жирохов. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 319 с.
15. **Марковский В.Ю.** Боевая авиация в Афганской войне / В.Ю. Марковский. – М.: Яуза: Эксмо, 2016. – 336 с.
16. Опыт инженерно-авиационного обеспечения боевых действий частей ВВС 40 армии в 1985 году. Новое в работе ИАС // Библиотека 1 ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов боевых действий в Афганистане. Т. 5. Инв. № 38535. – Монино, 2003. – ЛЛ. 4–87.
17. Боевые возможности отдельного боевого вертолетного полка в горно-пустынной местности // Библиотека 1 ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов боевых действий в Афганистане. Т. 2. Инв. №38532. – Монино, 2003. – ЛЛ. 288–296.
18. **Горшков В.Г.** Основные пути повышения скрытности боевых действий авиации при обеспечении ОМСБР. Обозначение своего места расположения и целеуказание днем и ночью / В.Г. Горшков // Библиотека 1 ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов боевых действий в Афганистане. Т. 6. Инв. №38536. – Монино, 2003. – ЛЛ. 218–224.
19. Афганские хроники. 1985 год. – URL: http://www.kandagar.su/index/afganskije_khroniki_1985_god/0-68.
20. **Кот В.С.** Доклад об итогах работы управления ВВС Армии за январь 1986 г. / В.С. Кот // Библиотека 1 ВУНЦ ВВС «ВВА». Сборник материалов боевых действий в Афганистане. Т. 10. Инв. № 38540. – Монино, 2004. – ЛЛ. 5–47.
21. **Ларин М.Ю., Хватов А.В.** Неизвестные войны России / М.Ю. Ларин, А.В. Хватов. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2012. – 480 с.
22. **Гагин В.В.** Воздушная война во Вьетнаме / В.В. Гагин. – Воронеж, ИЛДВА, 1999. – 104 с.
23. **Амиров Р.З.** Война в Афганистане в 1979–1989 гг.: истоки и уроки в контексте обеспечения безопасности российского государства / Р.З. Амиров // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 1(83). – С. 10–17.

Воронежский государственный аграрный университет
имени Петра I
аспирант кафедры гуманитарных дисциплин,
гражданского и уголовного права
В.А. Герман
Россия, г. Воронеж,
тел. 89204485182
e-mail: g.w.a@bk.ru

Voronezh State Agrarian University named after
Peter I
postgraduate student of the chair of Humanitarian
Disciplines, Civil and Criminal Law
V.A. German
Russia, Voronezh,
tel. 89204485182
e-mail: g.w.a@bk.ru

В.А. Герман

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ С.И. ЕЛАГИНА ПО НАПИСАНИЮ ТРУДОВ ПО ИСТОРИИ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА РОССИИ

В статье рассматривается деятельность С.И. Елагина по созданию исторических работ, посвящённых становлению и развитию российского военно-морского флота. Приводятся первые статьи 50-х годов XIX в. С.И. Елагина в журнале «Морской сборник». Рассматриваются отчёты С.И. Елагина по результатам исследовательской работы в иностранных и зарубежных архивах 1860–1861 гг. Изучаются труды С.И. Елагина, которые были написаны по истории Азовского и Балтийского периодов русского флота в 60-е годы XIX в.

Ключевые слова: С.И. Елагин, российский военно-морской флот, история русского флота, военно-морская историография, журнал «Морской сборник», научная деятельность.

V.A. German

ACTIVITIES OF S.I. YELAGIN FOR WRITING WORKS ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN NAVY

The article deals with the activities of S.I. Yelagin on the creation of historical works dedicated to the formation and development of the Russian Navy. The first articles of the 50s of the XIX century are given. S.I. Yelagin in the journal "Sea Collection". The reports of S.I. Yelagin based on the results of research work in foreign and foreign archives of 1860–1861. The works of S.I. Yelagin, which were written on the history of the Azov and Baltic periods of the Russian fleet in the 60s of the XIX century.

Key words: S.I. Elagin, Russian navy, history of the Russian navy, naval historiography, «Marine Collection» magazine, scientific activity.

С.И. Елагин, будучи лейтенантом военно-морского флота России, в 1850 г. вошёл в состав Комитета по пересмотру морского устава, так как он был склонен к исследовательской деятельности. Благодаря знанию С.И. Елагиным немецкого, французского и английского языков, им в 1850 г. для журнала «Морской сборник» были переведены с иностранных языков две статьи: с французского – «Гибель Французской военной шхуны «La Legere» [1] и с английского – «Появление турецкого флота на Чёрном море в 1829 г.» [2]. Первая являлась переводом письма французского моряка, который выжил после крушения шхуны «La Legere», к своей матери, а вторая – записок лейтенанта английского флота Следа, который в 1829 г. был пассажиром на турецком корабле.

После назначения С.И. Елагина по воле Великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича учёным секретарём Морского учёного комитета при Морском министерстве в 1854 г. С.И. Елагин написал ряд статей для «Морского сборника» по истории английского морского флота.

Эти работы, несмотря на то, что они были основаны на иностранных источниках, можно отнести к самостоятельным трудам С.И. Елагина. В частности, в 1857 г. вышла статья «Спасительные лодки» [3], которая была посвящена истории создания спасательных судов в Великобритании и их техническим характеристикам и организации спасательного общества в стране. В этой работе С.И. Елагин рассматривал деятельность британского «Королевского национального учреждения для спасения при кораблекрушениях», которая занималась финансированием на побережье спасательных станций и оказанию первой помощи спасённым с 1824 г. [3, с.52]. В свою очередь, в статье был освещен конкурс, объявленный Учреждением, по разработке проекта новой спасательной лодки, для чего по словам С.И. Елагина, было определено 15 технических характеристик, необходимых в лодке, каждая из которых оценивалось различными баллами, в сумме составлявших 100 [3, с.56]. Другой самостоятельной работой С.И. Елагина, однако написанной на основе записок Е. Рида, была статья 1859 г. «Преобразования в английском флоте» [4], в которой рассматривались технические изменения в английских военных судах и в их вооружении в течении первой половины XIX в.

При этом в 1857 г. С.И. Елагин как учёный секретарь Морского учёного комитета в «Морском сборнике» опубликовал «Проект памятной книжки для матросов» [5], которая, однако, в журнале не была подписана автором. Планировалось привлечь других военно-морских офицеров для дополнения этой работы с целью её выпуска в печать и последующей раздачи её матросам русского флота, однако эти планы не были осуществлены. Во введении Проекта С.И. Елагиным были приведены флотские офицерские чины и корпуса, структурно входившие в состав российского военно-морского флота. Во втором разделе С.И. Елагин упомянул служебные обязанности матросов, в третьем – исторические примеры подвигов русских моряков, в четвёртом – финансовое и материальное обеспечение матросов. Наконец, в пятом разделе С.И. Елагин писал о порядке награждения матросов нашивками, нижестоящих воинских чинов орденом Святой Анны и знаком отличия Военного ордена [5, с.38].

В то же время работа С.И. Елагина в Комитете, по пересмотру Морского устава в 1850–1853 гг. способствовала публикации в 1859 г. книги «Материалы для истории русского морского законодательства» [6], которая стала первым собранием источников по истории военно-морского флота России. В частности, в этой работе С.И. Елагин приводил царский указ от 26 апреля 1669 г. князю Прозоровскому с инструкцией по экспедиции Бутлера на корабле в Астрахань, где содержались определённые правила, которые необходимо было соблюдать при плавании на корабле:

- 1) Когда капитан с корабля сойдет, тогда достоит ему приказати и оставить вместо себя на корабле инаго, который пребудет на корабле вместо его, пока он будет;
- 2) Также корабельщику, ни кормщику не вольно будет шествие пременять, но должен будет о том нарочно капитана спрашивать;
- 3) Будет капитан усоветует что напустить на корабль или иное судно, что в море увидится, и тот его совет вскоре последствован будет;
- 4) Никто да не отступит от своего места, под великим наказанием;
- 5) Также койждо готов к бою будет, и никто дерзнет стрелять на неприятеля, точно с повеления капитана;
- 6) Будет обрящет капитан благо от неприятеля отступить, и то все порядком и строем учинено будет;
- 7) Каждой должен будет чин свой исправляти со всяким усердием и повеление своих начальников слушати;
- 8) Никтож да дерзнёт клястися, или имя святое Божие туне именовати;
- 9) Никтож да осмелится на берегу ночевать, точию с позволения капитана;
- 10) Никтож на корабле дерзнёт упиться до пьяна;

- 11) Кто сии статьи приступит, наказание примет по делу смотря, в почитание капитана;
- 12) Капитану должно будет людей учить владеть оружием;
- 13) Капитану ж достоин добрым образом своих предшествовать, их наговаривая верности и смелости;
- 14) Также всем людям, которые на корабле, учинить присягу, что им быть верным и послушливым [6, с.3-8].

Одновременно в работе С.И. Елагин сравнил «Инструкция и Артикулы Военная Российскому флоту» 1710 г. с представленными в 1696 г. Петру I К. Крюйсом правил службы на судах в виде 63-х статей и Датским морским уставом [6, с.14-38]. Тем самым, С.И. Елагин показывал происхождение Инструкций и Артикулов 1710 г. от письма со статьями для русского флота К. Крюйса Петру I 1698 г., которые, в свою очередь, были заимствованы из Датского морского устава. Наконец, С.И. Елагин привёл в книге инструкцию 1715 г. офицеру, командующему кораблём, которая состояла из трёх статей:

- 1) Делать каждый день людям экзерциции пушками, також парусами и верёвками, ежели позволять обстоятельства, и в прочем, что надлежит к их должности обучать, не употребляя ни куда на собственные дела;
- 2) О чистоте на корабле и порядке относительно людей и провианта;
- 3) Относительно невмешательства в дела комиссариатские и провиантские и правила шкиперу о дачи расписки в казённых вещах, употреблённых по надобности [6, с.44].

В конце 1859 г. С.И. Елагину было поручено Великим князем Константином Николаевичем провести системную работу по составлению истории русского флота с момента его создания Петром I в конце XVII в. Однако для этого С.И. Елагину и его помощникам было необходимо провести работу в архивах по поиску неопубликованных источников по этой теме, что было осуществлено в 1860–1861 гг. По результатам проделанной работы С.И. Елагин опубликовал два отчёта в «Морском сборнике». Первый отчёт был опубликован в начале 1861 г. и был посвящён работе С.И. Елагина в архивах Воронежа, Таганрога и Николаева, городов, связанных с историей русского флота [7]. Во втором отчёте С.И. Елагин писал о командировке в 1861 г. в Европу для поиска недостающих материалов и, посвящённых истории создания Петром I русского флота, и их сопоставлению с российскими источниками. В результате С.И. Елагин посетил Стокгольм, Лондон, Гаагу, Амстердам и Вену, где им были посещены следующие архивы:

- 1) Шведский королевский архив;
- 2) Лондонский государственный архив;
- 3) Нидерландский государственный архив;
- 4) Венский архив [8].

По результатам разбора документов по истории русского флота С.И. Елагин выделил два периода: Азовский (1696–1712) и Балтийский (1702–1725). По первому периоду С.И. Елагин выпустил в 1864 г. монографию «История русского флота. Период Азовский» [9]. Структурно монография состоит из введения, 12 глав и примечаний. При этом в конце работы С.И. Елагиным был размещён «Список судов Азовского флота (1696–1712)» [10]. Введение С.И. Елагин посвятил краткой истории развития мореплавания на Западе с X до конца XVII века, где в качестве источников были использованы работы зарубежных историков:

- 1) Naval chronology Исаака Шомберга;
- 2) The Naval History of England Томаса Ледиарда;
- 3) The Naval History of Great Britain Уильяма Джеймса;
- 4) A History of the Royal Navy Харриса Николаса;
- 5) History of Marine Architecture Джона Чарнока;
- 6) The shipbuilding Маттея;
- 7) Archeologie Navale Жаля;
- 8) Etudes historique sur la Marine militaire Маиссина;

9) Sveriges Sjökrigs-Historia шведского историка Гилленграната [9, с.1].

Первая глава монографии называлась «Начало флота», которая начиналась с традиционного исторического описания увлечения Петра I мореплаванием и в которой упоминалось о строительстве первых галер в Подмоскovie для похода Петра I на Азов в 1696 г. [9, с.18-30]. Во второй главе работы была подробно исследована история деятельности кумпанств [9, с.53-55]. Третью главу С.И. Елагин посвятил организации строительства судов царским правительством [9, с.75-77], четвёртую – истории Великого посольства Петра I в европейские страны в 1697–1687 гг. [9, с.93-101], пятую – событиям в Азовском крае во время отсутствия Петра I в России [9, с.102-108], шестую – возвращению Петра I в Россию из путешествия по Европе [9, с.115-120]. В седьмой главе работы С.И. Елагин писал о Керченском походе русского флота 1699 г. [9, с.122-127], в восьмой – об истории создания и деятельности Адмиралтейства в Воронеже в 1700 г. [9, с.144-150], в девятой – о состоянии Азовского флота в первые годы XVIII в. [9, с.152-158]. Десятая глава была посвящена русско-турецким отношениям в начале XVIII в. [9, с.191-198], а одиннадцатая – личному составу Азовского флота [9, с.191-198]. Наконец, в заключительной двенадцатой главе С.И. Елагин писал о последних годах существования Азовского флота. В частности, первая часть главы была посвящена созданию в Таврово Адмиралтейства в 1705 г. и переносу туда судостроения из Воронежа [9, с.214-222]. Вторая часть – русско-турецкой войне 1710–1711 гг., по результатам которой по Прутскому миру Россия теряла выход к Азовскому морю вместе с Таганрогом и Азовом, что фактически привело к ликвидации Азовского флота. По словам С.И. Елагина, турки отказались пропускать 4 русских судна, включая «Гото Предестинацию» через проливы, однако купили их вместе с вооружением. При этом 3 корабля и 20 мелких судна отплыли в Черкасск, где были разломаны в 1716 г., когда оставшиеся суда в Таврово продолжили там стоять и в 1727 г. [9, с.237-242].

В примечании к монографии С.И. Елагин разместил таблицу с противопоставлением кораблей Азовского флота кораблям турецкого флота, которая была составлена Петром I в 1704 г. (См. таблицу)

Ведомость турецкого флота [9, с.304]

Название	Пушки	Фунты	Люди	Надписи Петра I
Новый	114	54	1200	
Мезоморт	108	54	1000	
Биук-Риала	110	54	800	
Капитания старая	80	70	600	
Хатэн Битула	80	70	600	
Колозли	80	70	550	Орёл
Ески-риала	74	66	550	Лес
Гиор-Али	74	66	550	Дуб
Ески-марабут	70	62	500	Самсон
Сики-биук	70	62	500	Георгий
Киор-Али	70	62	500	Викелгак
Джанум-хача	70	62	500	Дельфин
Сул-Аии	70	62	500	Наевы
Дели-балта	70	62	500	
Барам капитан	70	62	500	
Фонтана	66	60	450	
Сикал-дериси	66	60	450	
Ески-патрона	66	60	450	

Рамодан-капитан	56	50	350	Шпага
Марабут	54	48	300	Воронеж
Футиа	56	50	350	Сулица
Агмет-Карваз	54	18	300	Предестинация
Целеби	54	48	300	Ластка
Маратгос-Сулейман	54	48	300	
Суагий	36	15	300	Сделан из галеры
Сулейман капитан		40	12	200

В конце книги об Азовском флоте С.И. Елагин опубликовал «Список судов Азовского флота (1696–1712)», который был разбит на несколько столбцов, где содержались как тактико-техническая, так и общеисторическая информация о судах. В тактико-технических данных С.И. Елагиным были указаны ранг, класс судов, их вооружение, размер и численность команды, а в общеисторических сведениях – название и девиз судна, даты и места строительства, имена строителей, время спуска на воду и дальнейшая история судна, а также специально указывались кумпанства, на чьи средства происходило строительство судов [10, с.1-47].

По второму периоду истории русского флота С.И. Елагин опубликовал 4 тома, «Материалов для истории русского флота» [11,12,13,14], созданных на основе архивных документов, с целью упростить исследовательскую работу по данной теме последующим историкам. Несмотря на то, что в связи со смертью в 1868 г. С.И. Елагиным так и не была опубликована отдельная монография по истории Балтийского флота, он написал ряд работ по этому периоду. Так в начале 1866 г. в «Морском сборнике» вышла статья С.И. Елагина в «Утверждение России на балтийском побережье» [15], которая была разделена на две исторические части. Так, первая часть была посвящена действиям русских войск в русско-шведской войне 1656–1661 гг. [15, с.109-115], закончившаяся для России неудачей в попытке вернуть утерянное побережье Финского залива по Столовскому миру 1617 г., когда вторая часть относилась к начальному периоду в Северной войны 1701–1703 гг., которая заканчивалась захватом русскими войсками в 1703 г. у шведов острова Заячий, на котором была основана Петропавловская крепость, положившая начало созданию Санкт-Петербурга [15, с.116-127].

Одновременно к трудам С.И. Елагина по Балтийскому периоду русского флота можно отнести книгу «Начало Кронштадта» [16], основанную на 4-х статьях для газеты «Кронштадтский вестник» за 1866 г. В ней говорилось не только о захвате острова Котлин русскими войсками в 1704 г., основании на нём крепости Кроншлот, но и последующей истории строительства города Кронштадт вместе с военной гаванью, каменными домами и каналами. Наконец, стоит сказать, о справочнике «Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого, 1702–1725» [17], опубликованном в 1867 г. С.И. Елагиным. Этот список судов Балтийского флота был структурно похож на «Список судов Азовского флота» за исключением столбца с девизами судов. Надо отметить, что в основу монографии С.И. Елагина по истории Азовского флота был положен «Списка судов Азовского флота». Аналогично С.И. Елагин собирался писать исторический труд по Балтийскому периоду русского флота.

Таким образом, С.И. Елагин, будучи русским морским офицером, занялся написанием работ по истории военно-морского флота. В начале это были переводы иностранных статей на русский язык. Однако после назначения С.И. Елагина учёным секретарём Морского учёного комитета в 1854 г., он написал несколько оригинальных статей по истории британского флота XIX в. на основе английских источников. В тоже время С.И. Елагин по результатам работы в Комитете по пересмотру морского устава в 1850–1853 гг. опубликовал

книгу по истории русского морского законодательства, которая была первым сборником источников по истории русского флота. После поручения С.И. Елагину от Великого князя Константина Николаевича заниматься работой по написанию истории русского флота, С.И. Елагин совершил поездку в 1860–1861 гг. по российским и зарубежным архивам для сбора неопубликованных источников, по результатам которых им было опубликовано два отчёта. В результате С.И. Елагин по истории Азовского флота 1696–1712 гг. опубликовал одну научную монографию вместе со списком судов Азовского флота, когда по истории Балтийского флота 1702–1725 гг. кроме списка судов Балтийского флота, были опубликованы 4 тома собраний исторических документов, найденных в архивах, брошюра по истории Кронштадта при Петре I и статья в журнале «Морской сборник», связанная с военными действиями на побережье Балтийского моря в первые годы Северной войны. Тем самым, можно сказать, что С.И. Елагин был первым военно-морским историком, который системно занимался работой по написанию исторических трудов по этой теме.

Библиографический список

1. **Елагин С.И.** Гибель Французской военной шхуны «La Legere» / С.И. Елагин // Морской сборник. – 1850. – № 8. – С. 202 – 204.
2. **Елагин С.И.** Появление турецкого флота на Чёрном море в 1829 году / С.И. Елагин // Морской сборник. – 1850. – № 10. – С. 291 – 327.
3. **Елагин С.И.** Елагин С.И. Спасительные лодки / С.И. Елагин // Морской сборник. – 1857. – № 5. – С. 50-76.
4. **Елагин С.И.** Преобразования в английском флоте в течении нынешнего столетия / С.И. Елагин // Морской сборник. – 1859. – № 4. – С. 383-412.
5. **Елагин С.И.** Проект памятной книжки для матросов / С.И. Елагин // Морской сборник. – 1857. – № 10. – С. 1-45.
6. **Елагин С.И.** Материалы для истории русского морского законодательства / С.И. Елагин. – СПб.: тип. Мор. м-ва, 1859. – 53 с.
7. **Елагин С.И.** Отчет капитан-лейтенанта Елагина о поездке летом 1860 г. для осмотра архивов, и вообще о занятиях по истории флота / С.И. Елагин // Морской сборник. – 1861. – № 1. – С. 200 – 210.
8. **Елагин С.И.** Отчет капитан-лейтенанта Елагина о занятиях в иностранных архивах летом 1861 года / С.И. Елагин // Морской сборник. – 1862. – № 1. – С. 227 – 237.
9. **Елагин С.И.** История русского флота. Период Азовский / С.И. Елагин. – СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1864. – 319 с.
10. **Елагин С.И.** Список судов Азовского флота / С.И. Елагин // История русского флота. Период Азовский. – СПб.: Тип. Гогенфельдена, 1864. – 47 с.
11. Материалы для истории русского флота. В 17 ч. Ч.1 / Под ред. С.И. Елагина. – СПб.: Тип. Морского м-ва, 1865. – 704 с.
12. Материалы для истории русского флота. В 17 ч. Ч. 2 / Под ред. С.И. Елагина. – СПб.: Тип. Морского м-ва, 1865. – 724 с.
13. Материалы для истории русского флота. В 17 ч. Ч. 3 / Под ред. С.И. Елагина. – СПб.: Тип. Морского м-ва, 1866. – 726 с.
14. Материалы для истории русского флота. В 17 ч. Ч. 4 / Под ред. С.И. Елагина. – СПб.: Тип. Морского м-ва, 1867. – 740 с.
15. **Елагин С.И.** Утверждение России на балтийском побережье / С.И. Елагин // Морской сборник. – 1866. – № 1. – С. 109 – 128.
16. **Елагин С.И.** Начало Кронштадта / С.И. Елагин. – Кронштадт: Кронштадт. вестн., 1866. – 31 с.
17. **Елагин С.И.** Список судов Балтийского флота, построенных и взятых в царствование Петра Великого, 1702-1725 / С.И. Елагин. – СПб.: Тип. Морского м-ва, 1867. – 74 с.

*Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
доктор исторических наук, доцент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин*

С.Л. Гуринов

Россия, г. Воронеж, тел. 891024440434;

e-mail: gurinovsl@mail.ru

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I

doctor of historical sciences, associate professor of the department of history, philosophy and socio-political disciplines

S.L. Gurinov

Russia, Voronezh, tel. 891024440434;

e-mail: gurinovsl@mail.ru

С.Л. Гуринов

ЯПОНСКИЕ ШПИОНЫ В МОНГОЛИИ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904 – 1905 гг.

Перед началом русско-японской войны 1904 – 1905 гг. агрессивный восточный сосед Российской Империи активно насаждал идеологию единства всех представителей азиатской расы. Естественно японцы должны были, по их мнению, возглавить новое объединение против европейцев. Японские эмиссары разведки пытались привлечь к сотрудничеству против России китайцев, корейцев, монголов и другие народы. Русская контрразведка опасалась роста японского влияния в случае боевых действий на территории Монголии. Материалы российских периодических изданий «Новый край» и «Дальний Восток» раскрывают, насколько реальны были тревоги отечественных контрразведчиков.

Ключевые слова: Япония, разведка, Российская Империя, контрразведка, Урга, официальная пропаганда, русско-японская война 1904 – 1905 гг., Чингисхан, Монголия, Тимучин, газета «Новый край», единство азиатской расы, газета «Дальний Восток», монголы, «Великая Азия», японские эмиссары, шпионы, хунхузы, Дальний Восток.

S.L. Gurinov

JAPANESE SPIES IN MONGOLIA DURING THE RUSSIAN-JAPANESE WAR OF 1904 – 1905

Before the beginning of the Russo-Japanese war of 1904-1905, the aggressive eastern neighbor of the Russian Empire actively instilled the ideology of unity of all representatives of the Asian race. Naturally, the Japanese, in their opinion, had to lead a new association against the Europeans. Japanese intelligence emissaries tried to attract Chinese, Koreans, Mongols and other peoples to cooperate against Russia. Russian counterintelligence feared the growth of Japanese influence in the event of hostilities on the territory of Mongolia. The materials of the Russian periodicals «Novy Krai» and «Far East» reveal how real the worries of domestic counterintelligence agents were.

Key words: Japan, intelligence, the Russian Empire, counterintelligence, Urga, official propaganda, the Russo-Japanese war of 1904 – 1905, Genghis Khan, Mongolia, Timuchin, the newspaper «New Land», the unity of the Asian race, the newspaper «Far East», the Mongols, «Great Asia», Japanese emissaries, spies, hunkhuz, the Far East The East.

В начале XX в. Япония, ставшая одним из региональных внешнеполитических лидеров после успешной японо-китайской войны 1894 – 1895 гг., постепенно начинает претендовать на роль одной из ведущих мировых держав. Для достижения цели было необходимо одержать победу над Россией на Дальнем Востоке. Официальная японская пропаганда в начале XX в. активно продвигала идею формирования единого азиатского содружества, направленного против европейских колонизаторов. Поэтому эмиссары японской разведки занимались вербовкой шпионской сети среди практически всех представителей азиатских народов. (Рис. 1)

**Рис. 1. По утверждению японской прессы
– Чингисхан был японцем**

Данная активность японской разведки [1] в сочетании с пропагандой идеи создания «Великой Азии» [2] неоднократно упоминалась в научных трудах Д.В. Ливенцева и других исследователей российского и советского Дальнего Востока.

Старалась противостоять идее единой азиатской расы в начале XX в. и российская дальневосточная пресса. Например, 24 января 1903 г. газета «Новый край» опубликовала на своих страницах письмо одного из прямых потомков Чингисхана по имени Т. Джетбытсбат. Потомок великого монгольского полководца выражал искреннее удивление по поводу распространенного утверждения японской прессы о том, что Чингисхан являлся японцем по национальности. Т. Джетбытсбат потребовал от японских ученых обоснованных доказательств. При этом автор письма в российскую газету «Новый край» свидетельствовал о своем прямом документально подтвержденном происхождении от Чингисхана [4, с. 4].

После чего, Т. Джетбытсбат опубликовал в газете «Новый край» собственную статью, где говорил о фантастическом предположении японской прессы, сводившемся к японскому происхождению Чингисхана. Японские журналисты издали заметки с информацией, что на самом деле Чингисхан представлял собой японца, переселившегося в Монголию и уже там ставшего великим полководцем. Т. Джетбытсбат приводил сведения о прадеде Тимучина Кары-Нойоне, деде Тимучина Курм-Найоне и отце Тимучина Ксукай Найоне. Жизнь Тимучина с 1770 по 1227 г., прожившего 57 лет, как утверждал Т. Джетбытсбат, полностью изучена к началу XX в. Отсюда Т. Джетбытсбат, происходивший от колена Удай-хана, доказывал, что его великий предок просто не мог быть японцем [3, с. 4].

С началом русско-японской войны 1904 – 1905 гг. русская контрразведка опасалась сотрудничества жителей Монголии с японцами. 25 мая 1905 г. газета «Дальний Восток» опровергла упорные слухи, распространившиеся среди дальневосточных обывателей о сотрудничестве монголов с японской разведкой и формировании японцами из монголов

специальных бандитских шайк с целью нападения на русские пограничные поселения. Отмечалось, что никому из российских подданных, проживавших в Северной Монголии и хошунах (название монгольских княжеств – Авт.), не были известны факты деятельности японской разведки по организации бандитских отрядов. Собственно на монгольской территории отсутствовали сами японцы. Один японский подданный, занимавшийся торговлей, проживал в Урге (столица Монголии – Авт.) до русско-японской войны 1904 – 1905 гг., но сразу уехал с началом боевых действий. Другой, неудачно выдававший себя за китайца, провел в Монголии недолгое время и покинул ее при первых подозрениях российской контрразведки. (Рис. 2)

Рис. 2. Урга в начале XX в.

Более того, для монголов являлась выгодной продажа русским купцам следующих видов товаров:

- Пушнина.
- Шерсть.
- Скот. (Рис. 3)

Рис. 3. Дом купца Воробьева в Монголии

В результате российские купцы и офицеры свободно, не вступая в конфликты с местным населением, передвигались по территории Монголии. Китайский воинский контингент в Урге, обозначенный в официальных бумагах количеством в 250 военнослужащих, практически насчитывал 130 – 150 человек. Китайские солдаты не обучались военному делу японскими офицерами-инструкторами и соответственно не могли испытать на себе влияние японской разведки. Не обладала российская разведка сведениями и о наличии в Монголии организованных японскими инструкторами шаяк хунхузов (название китайских бандитских группировок – Авт.). На территории Монголии находились только Хуа-цзы – шайки нищих китайских побирušек, не представлявшие реальной угрозы для жизни российских подданных.

Нельзя не отметить, и определенную благодарность со стороны монголов к русским предпринимателям за честную меновую торговлю. Кстати, Монголия принимала участие вместе с Россией в подавлении общеизвестного «боксерского» восстания в Китае [5, с. 2]. (Рис. 4)

Рис. 4. Пленные хунхузы

Получается, что, несмотря на опасения, выдвинутые российской контрразведкой накануне русско-японской войны 1904 – 1905 гг. и разделяемыми дальневосточными обывателями, для выступления монголов против России в период боевых действий с японцами отсутствовали объективные предпосылки. Все слухи о японских шпионах на территории Монголии являлись вымыслом из-за отсутствия самих японских подданных. Не могли повлиять японцы и на настроения малочисленного китайского воинского гарнизона в Урге, т.к. в нем не проходили службу японские офицеры-инструкторы. В Монголию не заходили даже отряды подготовленных и вооруженных японцами китайских бандитов хунхузов. К этому необходимо добавить взаимовыгодные торговые отношения, установившиеся между российским купечеством и монголами. (Рис. 5)

Рис. 5. Ханские нукеры

В итоге японские эмиссары не приступили к формированию монгольской разведывательной шпионской сети. Японцам оставались только фантазии их печатных изданий о японском происхождении Чингисхана для доказательства доминирующей роли собственной нации в будущей «Великой Азии».

Библиографический список

1. **Ливенцев Д.В.** Военная элита Японии в советско-японской войне // Материалы 32-ой Всероссийской заочной конференции: Классы и социальные группы в судьбах России. – Изд. Нестор. СПб., 2003. – С. 279 – 282.
2. **Ливенцев Д.В.** Советские военно-морские и речные силы в дальневосточной внешней политике (1917 – 1945 гг.). – Изд. НАУКА-ЮНИПРЕСС, Воронеж. 2013. – 580 с.
3. **Один из Чингизидов** Чингисхан – японец // Новый Край. – 24 января 1903(№ 10).– С. 4.
4. Письмо в редакцию // Новый Край. – 24 января 1903(№ 10).– С. 4.
5. Японцы в Монголии // Дальний Восток. – 25 мая 1905 г. (№ 113). – С. 2.

УДК [94(47+430+458+560).066]

Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры философии и гуманитарной подготовки
В.И. Дуров
Россия, г. Воронеж
Тел. +7(920)-423-47-64
e-mail: wiktordurov@mail.ru

Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
PhD in Historical Sciences, Docent, Senior lecturer of Philosophy and Humanities Study
Chair
V.I. Durov
Russia, Voronezh
tel. +7(920)-423-47-64
e-mail: wiktordurov@mail.ru

В.И. Дуров

ЯПОНСКИЙ ФАКТОР В ТАКТИКЕ ПОЛЬСКОГО И ФИНЛЯНДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМОВ ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются попытки японской разведки использовать польское и финляндское национальные движения для подрыва Российской империи изнутри. Показано, что Япония была отчасти успешна. В тоже время, националистам не удалось вывести свою борьбу на внимание международной общественности.

Ключевые слова: разведка, русско-японская война, польский национализм, финляндский национализм, Российская империя, международные отношения.

V.I. Durov

THE JAPANESE FACTOR IN THE TACTICS OF THE POLISH AND FINNISH NATIONALISMS DURING THE RUSSIAN-JAPANESE WAR

The article discusses the attempts of Japanese intelligence to use the Polish and Finnish national movements to undermine the Russian Empire. Japan has been successful here. However, the nationalists failed to bring their struggle to the attention of the international community.

Key words: intelligence, Russo-Japanese War, Polish nationalism, Finnish nationalism, Russian Empire, international relationships.

Русско-японская война стала для Токио не только первой победой над сильным противником (Китай династии Цин не в счет), но и первым опытом создания внутреннего фронта на территории своего соперника. Конечно, еще древние римляне действовали согласно выражению: «враг моего врага, мой друг». Для современного же мира опора на оппозицию конкурента стала обычной практикой. Но молодая буржуазная Япония пробовала себя впервые на арене мировых закулисных интриг.

Целью данной статьи является показать планы и результаты работы японской разведки по ослаблению внутреннего положения Российской империи для переключения внимания правительства и общества с внешней политики на необходимость защиты режима.

В зарубежной историографии обозначенная проблема наиболее изучена.

Западными историками были подготовлены исследования, рассматривающие как в целом подрывную деятельность японской разведки среди российских революционных сил [например, см.: 1], так и применительно к отдельным национальным движениям, например польским и финляндским [2; 3]. В первой группе особо следует выделить публикацию 1988 г. в Хельсинки документов и рапортов японского разведчика полковника Мотодзиро Акаси, и также содержащиеся в этом сборнике статьи, как обобщающего характера, так и раскрывающих отдельные аспекты проблемы [4]. Например, достаточно фактологическая статья (скорее даже очерк) редактора сборника Антти Куяла о конференциях в Париже и Женеве, организованных русскими революционерами и представителями национальных меньшинств [4, с. 85-168]. Оригинальным исследованием стала работа Д. Краули, выполненная в конструктивистской парадигме. Затрагивая отчасти вопрос о миссии Ю. Пилсудского, автор показывает, как польские культурные деятели выстраивали, основываясь на позитивном отношении к Японии, свою идентичность в качестве «Другого/Иного» применительно к России [5].

В отечественной литературе уже вскоре после окончания русско-японской войны выходят издания, поднимающие вопрос о поддержке революционеров из Японии. Однако исторические работы появляются позднее. В фундаментальной работе «Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864-1914 гг.» авторы лишь одним абзацем говорят о миссии Пилсудского в Японию, немного больше внимание уделяется отношению Лиги народной и Р. Дмовского к войне и позиции поляков в ней [6, с. 181-183; 190]. Авторы обращают внимание на стремление Р. Дмовского своими записками к официальным японским лицам убедить в отсутствии почвы для антироссийских настроений в Царстве Польском [6, с. 182]. С большей источниковой базой и новыми подходами к роли Ю. Пилсудского в ходе русско-японской войны подошел корифей современной российской исторической полонистики Г.Ф. Матвеев [7, с. 72-85].

Несколько значимых работ, посвященных в целом подрывным действиям Японии среди российских и национальных революционеров, были подготовлены Д.Б. Павловым [8, 9]. Впервые обратившись к теме в 1990-х гг., в 2011 г. исследование приобрело форму монографии, основанной на большой количестве источников и исследовательской литературы.

Однако отметим, что обзорного исследования по работе японской разведки с польскими и финляндскими националистами нам не известно. Отчасти настоящая статья предназначена внести в разрешение этого небольшой вклад.

Факт финансирования революционных и национальных движений в России японской стороной не был секретом для отечественной контрразведки. Это подтверждается хотя бы тем, что уже в 1906 г., в первый год российской буржуазной революции 1905-1907 гг. для обличения действий восставших была выпущена типографией Сытина книга с говорящим названием «Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства», содержащая документы о подрывной деятельности японских разведчиков, добытые царской контрразведкой [10, с.3].

Скажем несколько слов об организации японской разведки. У нее на службе находились кадровые офицеры армии и флота. Для такой ответственной работы отбирали наиболее подготовленных и способных. Особое внимание уделялось преданности офицеров. Известно, что к разведывательной деятельности японцы привлекали представителей азиатских народов, например, китайцев, малайцев и других. Они наблюдали за передвижением русских войск, их численностью, давали характеристику офицерскому составу [10]. Данная деятельность японцев была вскрыта благодаря российской войсковой разведке [см. 11].

Но были среди агентуры у японцев европейцы. Особенно здесь уместно снова вернуться к революционным движениям Российской империи.

Японцы потратили внушительную сумму на поддержание внутреннего противника царского режима. Так, если, готовясь к войне с Россией, Токио затратил около 12 млн иен, то на поддержку революционных партий в России было выделено из этой суммы около 1 млн иен, что составляет примерно 60 млн долларов США в перерасчете по современному курсу [10].

Большую роль в организации поддержки революционных и национальных организаций в России сыграл японский разведчик и дипломат, полковник Мотодзиро Акаси. Именно ему приписывается идея раскачать ситуацию в России вплоть до восстания [2]. Акаси был очень образованным человеком: обучался в военной Академии и Колледже в Токио, знал несколько иностранных языков. В 1903-1904 гг. находился в России в качестве военного атташе [4]. С началом войны японская миссия переместилась в Стокгольм, где М. Акаси сосредоточил разведывательную деятельность. Ему удалось организовать получение информации о русской армии и флоте от шведских офицеров. Отечественный исследователь С.В. Мироненко считает, что М. Акаси как профессионал высоко ценился начальством. Свой вывод он строит на том, что в конце своей деятельности М. Акаси совмещал пост командующего японскими вооруженными силами и губернатора на Тайване. Он был полный генерал и носил баронский титул [10].

Именно из Стокгольма М. Акаси активно работал в направлении поддержки революционных партий России. Причем следует отметить, что японская военная разведка стремилась добиться согласованности действий между различными движениями, что было достаточно сложно. Контакт с революционными партиями М. Акаси поддерживал через Конни Циллиакуса, лидера нелегальной революционной Финляндской партии активного сопротивления и Г.Г. Деканозовым, лидером грузинских националистов [9, с.3].

Другим деятельным пособником в подрывной работе японской разведки стал финский конституционалист И. Кастреном, который способствовал установлению М. Акаси контактов с польской националистической Лигой народной. Причем отметим, что, получив от И. Кастренома в марте 1904 г. рекомендательные письма Акаси для установления личного контакта отправился в Краков, где провел переговоры с одним из лидеров Лиги народной Романом Дмовским. Они пришли к договоренности и вскоре Дмовский оказался в Токио. В японской столице по просьбе начальника Генерального штаба генерала Г. Кодама польский политик подготовил две обширные записки о внутривнутриполитическом положении в России и польском вопросе [10].

Представители Польской социалистической партии (ППС) во главе с Юзефом Пилсудским с началом русско-японской войны оценили возможный исход войны не в пользу России, основываясь на анализе внутривнутриполитической обстановки и состояния армии. Они мыслили, что при одновременном ударе по России с запада ослабление Петербурга было бы не минуемо. С запада, по их мысли, удар могли нанести Германия и Англия. Но другой возможностью было восстание в Царстве Польском. Именно за осуществление второго варианта представители ППС решили взяться. (Примечательно, что ирландские националисты также рассчитывали воспользоваться русско-японской войной в интересах разрешения «ирландского вопроса». В ирландских националистических кругах, публицистике критиковали Россию за то, что, видя агрессивность Японии, Петербург не нанес упреждающий удар. Теперь, по мнению одного ирландского автора, война между Россией и Англией (имела союзных договор с Токио) неизбежна, и к этому событию нужно готовиться [12, с. 51-52]).

В феврале 1904 г. в переписке с соратниками Ю. Пилсудский высказывал мысли о необходимости активизации деятельности в массах и создания военной группы, которая могла бы решать различные задачи. Вскоре была создана боевая организация ППС [7, с. 73].

Поляки, видевшие в России главного врага своей национальной свободе, были готовы вступить в союз «даже с дьяволом» лишь бы разгромить Российскую империю.

Тактическими действиями для достижения своих целей сепаратисты считали организацию вооруженного выступления и установление контактов с Японией для взаимодействия и облегчения ей победы над общим врагом. Поляки нереалистично смотрели на ситуацию, рассчитывая, что смогут стать равноправным партнером японского правительства в разразившемся конфликте.

Для организации выступления важным было создание общественного мнения, одобрявшего вооруженное выступление против Петербурга, а также требовались подготовка командных кадров, создание боевых дружин и обеспечение их вооружением.

Поляки искали контакты с японскими представителями в Вене, Париже и Лондоне. Операция по работе с японской военной получила кодовое название «Вечер». Основными положениями, на основе которых небольшой круг представителей ППС рассчитывал работать с японцами были: 1) подготовка воззвания к солдатам-полякам в русской армии с призывом перехода на сторону японцев; 2) осуществление диверсий и саботажа внутри России; 3) получение от японцев крупной суммы денег для поддержания своей деятельности; 4) создание на стороне Японии польского легиона из военнопленных или эмигрантов [7, с. 75].

Последнее предложение носило исключительно политический характер и в итоге было отвергнуто японцами.

Контакт с японцами был установлен через британского журналиста Дэвиса Дугласа. Для проработки конкретных условий в Лондон отправился Йодко-Наркевич, который в марте 1904 г. провел ряд встреч с японскими дипломатами. Так началось сотрудничество революционной ППС с японским Генеральным Штабом, продолжавшееся до конца войны. На встрече с японским посланником в Лондоне Тадасу Хаяси и Йодко-Наркевич договорились о сотрудничестве только в военной области, которая заключалась в предоставлении Японии информации разведывательного характера. Японцы обещали полякам заплатить 10 тыс. фунтов стерлингов [7, с. 76]. Это огромная сумма по тем временам! Но выплатить ее обещали не сразу, а по частям. При этом отметим, что японцы требовали от поляков контактов и с другими революционными организациями России.

Более детальные переговоры о сотрудничестве проходили непосредственно в Японии, где летом 1904 г. находился Ю. Пилсудский. Пилсудскому не удалось встретиться с политическим и дипломатическим руководством Японии и добиться таким образом равноправного статуса. Официальные власти дистанцировались от польского националиста. А вот Генеральный Штаб использовал возможности поляков в получении разведывательной информации о России и для осуществления диверсий на Транссибирской магистрали. Главным переговорщиком стал генерал Ацуси Мурата [7, с. 84]. Именно в Токио Ю. Пилсудскому подтвердили выделение 10 тыс. фунтов стерлингов на поддержку революционной деятельности. Деньги эти выплачивались не одномоментно, и перечислялись ППС даже после окончания войны до октября 1905 г. [там же]. Но все-таки общий итог миссии в Японию разочаровал Ю. Пилсудского, которому так и не удалось встретиться с политическим руководством Японии. Но ему обещали крупную сумму, которая в последующем поможет продержаться партии вплоть до 1908 г. Полученный опыт Ю. Пилсудский использует позднее в налаживании контактов с австро-венгерской разведкой. Важным для Ю. Пилсудского станет зарождение мысли о необходимости подготовки военной организации как ядра будущих вооруженных сил в борьбе за независимую Польшу. Именно такой организацией станет образованный в 1908 г. в Галиции Союз активной борьбы [13].

Японцы, как уже говорилось выше, работали также с национальными демократами в лице Романа Дмовского, который находился параллельно с Ю. Пилсудским в Токио. Японцы также выиграли от сотрудничества. Они получали достаточно ценную информацию.

С целью организации взаимодействия между российскими и националистическими радикальными движениями японцы организовали в Европе две конференции. При этом, естественно, что они стремились скрыть свою причастность к ним и действовали, прежде

всего, через К. Циллиакуса [14]. Так, 30 сентября 1904 г. в Париже начала работать первая в истории российского освободительного движения межпартийная конференция, где были представлены революционные и оппозиционные партии. 4 октября на заключительной сессии конференции была принята резолюция, главная мысль которой заключалась в создании затруднений для призыва новобранцев в русскую армию [4, р.100-112; 9, с. 89-96]. Таким образом, японцы добились достаточно важного для себя итога съезда партий.

Затянувшаяся война к концу 1904 г. поставила японское правительство в тяжелое положение, когда война на истощение могла переменить весь ход войны. Определенные надежды на благоприятный исход внесли революционные события в Петербурге в январе 1905 г.

Японская разведка кроме финансовой помощи осуществляла закупку вооружения. Так, согласно перехваченного российской контрразведкой письма К. Циллиакуса М. Акаси для социалистов-революционеров было выделено 8 тыс. ружей, для Грузинской революционной партии - 5 тыс. ружей, для финляндских националистов - 8 тыс. ружей и для ППС - 5 тыс. ружей [15]. (Отметим, что русская социал-демократия возглавляемая В.И. Лениным отказалась от сотрудничества с японцами). Это вооружение было приготовлено для переправки в Россию, которую лихорадило от революционных манифестаций и уличных столкновений взбунтовавшихся масс с жандармами и казаками.

Для доставки оружия в Финляндию и Грузию К. Циллиакус и Деканозов зафрахтовали весной 1905 г. два судна: «Джон Графтон» и «Сириус». Циллиакус с целью конспирации истинных источников средств заявил о финансовой помощи от сочувствующих русской революции американцев.

Как известно, в начале сентября 1905 г. «Джон Графтон», находившийся у берегов Финляндии, напоролся на каменистую отмель и затонул. Лишь небольшую часть оружия финнам удалось спасти (она будет позднее использоваться в финской гражданской войне в 1918-1919 гг.). Большая же часть (до 2/3 груза) была изъята властями на месте крушения [9, с. 135-170].

Более успешным оказался пароход «Сириус», который в конце ноября 1905 г. сумел доставить оружие и боеприпасы и выгрузить их недалеко от Поти. В операции принимали участие четыре баркаса, которые развезли ценный груз по заранее определенным точкам. Лишь 25% груза власти смогли конфисковать [9, с.171-180].

В заключении следует еще раз подчеркнуть, что российской контрразведке удалось узнать о подрывной деятельности японцев в Европе. Для более детального расследования была организована миссия чиновника особых поручений при министерстве внутренних дел И.Ф. Манасевич-Мануйлова. Он смог внедрить агентов в японские посольства во Франции и Англии, часть других японских представительств. Предпринятые меры позволили получить часть японского дипломатического шифра, раскрыть истинную роль М. Акаси, Деканозова и Циллиакуса. Часть полученных разоблачительных документов была опубликована в 1906 г. типографией Сытина [10].

Таким образом, японской разведке удалось получить определенные дивиденды от сотрудничества с российскими и национальными революционными организациями. Эти выгоды заключаются в расшатывании внутренней политической обстановки в России, которой способствовала начавшаяся революция. Появление внутреннего фронта в некоторой степени повлияло на стратегию России в русско-японской войне.

Общим для польских и финляндских националистов являлась попытка придания своим национальным надеждам статус международного вопроса, получить оружие для поднятия восстания в стране. Однако, японская сторона не ставила лидеров националистов в равное с собой положение, не давая таким образом им официального признания.

В то же время, хотя российская разведка сумела вскрыть подрывную деятельность японцев в Европе, полученные сведения не были должным образом использованы.

Упрощение революционной ситуации и попытка представления русской революции исключительно как иностранная инспирация не были приняты российской общественностью.

Библиографический список

1. **Futrell M.** Colonel Akashi and Japanese Contacts with Russian Revolutionaries in 1904-1905 // *Far Eastern Affairs*. 1967. No 4. PP. 7-22.
2. **Falt O.K.** Collaboration between Japanese Intelligence and the Finnish Underground during the Russo-Japanese War // *Asian Profile*. No 4. 1976. PP. 205-237.
3. **Thackeray F.W.** Pilsudski, Dmowski and the Russo-Japanese War: An Episode in the Diplomacy of a Stateless People // *Eastern Europe and the West: Selected Papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European Studies*. Harrogate, 1990. PP. 52-67.
4. Rakka Ryusui: Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War / ed. by O.K. Flaet and A. Kujala. Helsinki, 1988. 202 p.
5. **Crowley D.** Seeing Japan, Imagining Poland: Polish Art and the Russo-Japanese War // *Russian Review*. 2008. Vol. 67, No1. PP. 50-69.
6. Общественные движения на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864-1914 гг. / Отв. ред. А.М. Орехов. М.: Наука, 1988. 334 с.
7. **Матвеев Г.Ф.** Пилсудский / Г.Ф. Матвеев. – М.: Молодая гвардия, 2008. 474 с.
8. **Pavlov D.B.** Japanese Money and the Russian Revolution, 1904-1905 // *Acta Slavica Iaponica*. 1993. No 11. PP. 79-87.
9. **Павлов Д.Б.** Японские деньги и первая русская революция / Д.Б. Павлов. М.: Вече, 2011. 288 с.
10. **Мироненко С.В.** Спецслужбы Японии против России: новый взгляд / С.В. Мироненко. - URL: <http://svgbdv.ru/istoriya/spetssluzhby-yaponii-protiv-rossii-novyi-vzglyad> (дата обращения: 20.04.2022).
11. **Вотинов А.** Японский шпионаж в русско-японскую войну / А. Вотинов. М.: Госвоениздат Наркомата Обороны СССР, 1939. 72 с.
12. **Дуров В.И.** Германский фактор в развитии идеологии и практики ирландского национализма (1900-1919 гг.): дис. ... канд. истор. наук / В.И. Дуров. Воронеж, 2010. 258 с.
13. **Дуров В.И.** Польская националистическая организация «Союз активной борьбы»: основные вехи / В.И. Дуров // *Запад и Восток: история и перспективы развития: сб. статей 30-й Юбилейной Междунар. науч.-практ. конф., 18-19 апреля 2019 года*. Рязань. С. 20-24.
14. **Мультиатули П.** Финляндия – плацдарм революции 1905 года / П.Мультиатули. – URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=155200> (дата обращения: 14.04.2022).
15. **Георгиев Ю.** Пять тысяч ружей для «Г» / Ю. Георгиев. – URL: <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/2201> (дата обращения: 23.04.2022).

УДК 94

*Воронежский государственный
технический университет
доктор исторических наук, профессор
кафедры философии, социологии
и истории*

Н. А. Душкова

Россия, г. Воронеж,

тел.: +7(473) 246-22-91;

e-mail: dushkova_vstu@mail.ru

*Воронежский государственный
технический университет*

студент Д. М. Боев

студент Д. Е. Тимков

Россия, г. Воронеж,

тел.: +7(473) 246-22-91

e-mail: dushkova_vstu@mail.ru

*Voronezh State Technical
University*

*doctor of Historical Sciences,
professor, chair of philosophy,
sociology and history*

N. A. Dushkova

Russia, Voronezh

tel.: +7(473) 246-22-91;

e-mail: dushkova_vstu@mail.ru

*Voronezh State Technical
University*

student D. M. Boev

student D. E. Timkov

Russia, Voronezh

tel.: +7(473) 246-22-91;

e-mail: dushkova_vstu@mail.ru

Н.А. Душкова, Д.М. Боев, Д.Е. Тимков

**ПЛАКАТЫ «ОКНА ТАСС» КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПАМЯТНИК ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В работе представлена история зарождения плакатов «Окна ТАСС», их содержание и значимость в годы Великой Отечественной войны. Особенно говорится о мужестве и самоотверженности представителей отечественной культуры, которые создавали и печатали ежедневно указанные плакаты

Ключевые слова: плакат, художник, поэт, писатель, война, героизм, мужество

N.A. Dushkova, D.M. Boev, D.E. Timkov

**POSTERS "WINDOWS OF TASS" AS AN ARTISTIC AND HISTORICAL MONUMENT
OF THE GREAT PATRIOTIC WAR**

The paper presents the history of the origin of the posters "Windows of TASS", their content and significance during the Great Patriotic War. It is especially said about the courage and dedication of representatives of the national culture who created and printed these posters every day

Key words: poster, artist, poet, writer, war, heroism, courage

В годы Великой Отечественной войны, когда на защиту своей Родины поднялся весь наш народ, каждый гражданин старался внести свой вклад в разгром фашистской Германии, даже если он и не участвовал в боевых действиях. Среди таких граждан были художники, писатели, поэты. Проблема об участии творческой интеллигенции в жизни нашей страны как никогда актуальна и в наше не простое время, когда от нее требуется четкое выражение своей позиции по всем вопросам внутренней и внешней политики России. Пассивность, инертность, стремление пересидеть за границей наиболее острые моменты в истории нашего государства никогда и никому из представителей интеллигенции не приносили пользу ни в личной жизни, ни в творческой деятельности.

С первых месяцев Великой Отечественной войны целый ряд художников и поэтов, осознавая, какое важное значение имеет информационная и идеологическая борьба в вооруженном противостоянии, приняли участие в создании политических агитплакатов «Окна ТАСС», которые издавались Телеграфным Агентством Советского Союза. Это были патриотические или сатирические, острые плакаты, сопровождающиеся краткими стихотворными текстами, которые высмеивали и разоблачали фашистов, Гитлера и его пособников.

Их предшественниками являлись плакаты «Окна РОСТА» (Окна Российского Телеграфного агентства), выпускавшиеся в период Гражданской войны и иностранной интервенции в 1918-1920 гг. Первые плакаты были созданы графиком, карикатуристом М.М. Черемных. Затем к нему присоединились поэт В.В. Маяковский, художники-карикатуристы И.А. Малютин, Д.С. Моор и др. Плакаты сначала выставлялись в Москве, в витринах магазинов, а в скором времени их стали создавать и выставлять художники в Петрограде, Баку, Киеве, Саратове и других городах.

Самые талантливые художники, поэты и писатели времен Великой Отечественной войны продолжили дело своих предшественников. В мастерской «Окна ТАСС», расположенной в Москве на Кузнецком мосту, работало около 140 художников и более 80 поэтов. Среди них были те, которыми восхищались не только в СССР, но и за рубежом. Это были: Михаил Куприянов, Порфирий Крылов, Николай Соколов, входившие в творческий коллектив «Кукрыниксы», Константин Симонов, Демьян Бедный, Самуил Маршак, Василий Лебедев-Кумач, Ольга Бертгольц. Здесь же были задействованы представители и других творческих профессий: живописцы, скульпторы, графики, театральные художники, искусствоведы, а также сотни печатников, работавшие днем и ночью [1].

Первый плакат «Окон ТАСС» вышел в свет 27 июня 1941 года. В последующем они создавались ежедневно, вплоть до окончания войны. При этом следует отметить, что издавался не один плакат, а сразу же несколько сотен экземпляров. К завершению войны это были уже тысячи. Как правило, плакат изготавливали в течении 24 часов, но в экстренных случаях – около 4-х часов.

Со временем подобные плакаты стали создавать художники, поэты и в других городах: в Баку, Фрунзе, Ташкенте, Ашхабаде, Хабаровске, других городах и даже в блокадном Ленинграде. В тяжелейших условиях в Ленинграде первыми стали рисовать плакаты художники В. Слыщенко и М. Ваксер. Затем эстафету принял В. Селиванов, который с 1942 по 1943 гг. в одиночку рисовал и расклеивал плакаты в осажденном городе [2].

Плакаты выставлялись традиционно в витринах магазинов, а также доставлялись на фронт, где тасовцы организовывали прямо на передовой переносные выставки. Бойцы ждали каждый свежий тираж плакатов не меньше, чем поступлений боеприпасов и военной техники.

На одних цветных плакатах передавались в гражданско-патриотической форме важнейшие известия с фронта, освещались события в тылу или в мире, на других – высмеивались в карикатурной форме фашистские оккупанты и их лидеры, организовавшие нападение на СССР. Плакаты «Окна ТАСС», выполненные с большим мастерством и вдохновением, с одной стороны, являлись сильнейшим идеологическим оружием, которое беспощадно поражало нацистов и их высшее командование, а с другой стороны, вселяли в советский народ твердую уверенность в Победу, прославляли подвиги наших людей, рождали пламя патриотизма, разжигали ненависть и гнев к врагу, напоминали о героическом прошлом. О плакатах хорошо было известно как на фронте, так и в тылу, в подполье на оккупированной территории и в партизанских отрядах, а также в большинстве стран мира, и даже в Германии. Плакаты «Окна ТАСС» в годы войны были представлены на выставках в Тегеране, Стокгольме, Йоханнесбурге. Лучшие плакаты продолжали перепечатывать и в послевоенные годы издания 20 стран мира.

Партизаны и подпольщики наклеивали плакаты с переведенными текстами на немецкий язык на броню фашистских танков, на борт самолетов, на помещения гестаповцев. В бессильной злобе оккупанты, порой не сумев отодрать плакаты от стен, начинали по ним стрелять. Хорошо известно, что главный нацистский пропагандист и один из ближайших сподвижников Гитлера Геббельс, расписавшийся в своей беспомощности остановить процесс воздействия плакатов, угрожал при первой же возможности жестоко расправиться со всеми участниками редакции «Окон ТАСС» [3. С. 19].

Особое значение для стойкости и подъема патриотического чувства имели плакаты в дни защиты Москвы. В условиях оборонительных боев, несмотря на то, что основному составу редакции «Окон ТАСС» пришлось эвакуироваться на восток страны вместе со многими предприятиями и учреждениями культуры, небольшая группа тассовцев, возглавляемая художником П.П. Соколовым-Скаля, продолжала свою работу. Они помогали своей деятельностью Красной Армии отстаивать столицу. Для убедительности, что редакция «Окон ТАСС» не сломлена, что враг неминуемо будет разгромлен, на каждом плакате, кроме даты выхода его в свет, обязательно указывали место издания «Москва». Только за 2 месяца – октябрь и ноябрь 1941 года – было подготовлено свыше 200 плакатов. Тем самым художники и поэты внесли свой вклад в победу под Москвой, совершив героический подвиг. Советское правительство еще в ходе Великой Отечественной войны высоко оценило работу редакции «Окна ТАСС». В 1942 г. 9 Государственных премий было присуждено группе художников и поэтов. Их получили: Кукрыниксы, С. Маршак, П. Соколов-Скаля, М. Черемных, Г. Савицкий, П. Шумихин, Н. Радлов [4].

В последнее время стало традицией организовывать в процессе празднования юбилейных дат Победы советского народа в Великой Отечественной войне, а также круглых дат с начала работы «Окон ТАСС» выставки плакатов. Недавняя выставка проходила летом 2021 г. в связи с 80-летием «Окон ТАСС» - Проекта агентства ТАСС времен Великой Отечественной войны. В честь юбилея на Тверском бульваре в витринах штаб-квартиры была открыта фотовыставка. В экспозиции были выставлены наиболее известные плакаты, выполненные в стиле народно-героической тематики и политической карикатуры. В числе представленных плакатов можно было увидеть «Умножим нашу славу» «Брехомет», «Свирепость бешеного пса», «Гордость Родины» и другие.

Открывая выставку, С.Михайлов – Генеральный директор ТАСС, подчеркнул, что 80-летие «Окон ТАСС» - это знаковая и важная дата, что данный проект является проявлением истинной преданности и патриотизма тассовцев к нашей Родине. Это ярчайший пример того, как кисть, краски и слово могут стать сильнейшим оружием в руках литераторов и художников в опасное для Отчизны время и сразить противника, сказал он в заключении.

Интерес к плакатам «Окна ТАСС» по-прежнему велик. Московские номера плакатов в настоящее время хранятся в Государственном музее истории Санкт-Петербурга. Они привезены в музей из Библиотеки Академии наук СССР в начале 70-х годов прошлого века. После проведенной длительной работы по реставрации плакатов вся коллекция была опубликована в мае 2020 года в альбоме-каталоге под названием «Окна с видом на Победу» и создана виртуальная выставка плакатов «Окна ТАСС». Все это дает возможность всем желающим в любое время прикоснуться к такому необычайно важному и значимому для нашего народа художественному и историческому памятнику.

Периодически выставки плакатов организуются в тех городах России, где они создавались в годы войны по московскому образцу. А фотовыставки плакатов проводятся повсеместно. При этом экспонаты размещаются прямо на улицах, чтобы как можно больше людей их увидели. И мимо, как правило, никто не проходит.

Плакаты «Окна ТАСС», по существу являющиеся поэтической и художественной летописью Великой Отечественной войны, навсегда вошли в историю культуры нашей страны, как ее одна из самых ярких страниц. А ответственная гражданская позиция

выдающихся представителей творческой интеллигенции, которые всеми силами помогали ковать Великую Победу над фашизмом, безусловно, является примером беззаветной преданности Родине и служения своему народу.

Библиографический список

1. Эти плакаты разили как снаряды // <https://sovkalmymkia.ru/slab-foundation/eti-plakaty-razilz-kak-snaryady-cto-takpe.html>
2. **Максимова М.** Как «Окна ТАСС» приближали Победу // <https://www.liveinternet.ru/users/zinur/post350464459/>
3. **Колесниченко Д.В.** Плакаты «Окна ТАСС» как художественный символ памяти Великой Отечественной войны// Гуманитарный акцент. Ежеквартальный научный журнал. М., 2020. № 3. С. 17-24.
4. **Платонов Н.И., Назарова Н.Н.** История агитационных плакатов времен Великой Отечественной войны // <https://scienceforum.ru/2022/article/2018028751>

УДК 94(47).047/07

*Воронежский государственный технический
университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
А.А. Дорош
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 246-22-91;
e-mail: andrrej-dorosh@yandex.ru.*

*Voronezh State Technical
University
PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the
chair of Philosophy, Sociology and History
A.A. Dorosh
Russia, Voronezh,
tel. (473) 246-22-91;
e-mail: andrrej-dorosh@yandex.ru.*

А.А. Дорош

**РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ
КАК КУЗНИЦА БЕЗБОЖИЯ В СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПАГАНДЕ
В 1923-1925-Е ГГ.**

Союз безбожников» (затем переименованный в «Союз воинствующих безбожников») являлся одной из самых массовых и известных общественных организаций СССР, действовавших в первые десятилетия с момента образования Советского государства. Ячейки данного общественного объединения активно функционировали не только в ряде территориально-административных единиц СССР, но и на базе различных советских предприятий и учреждений. Особенного внимания заслуживает изучение вопроса освещения советской антирелигиозной пропагандой деятельности данной организации в Рабоче-крестьянской Красной армии, т.к. деятельность «Союза безбожников» в воинских формированиях СССР имела особенную специфику и являлась неотъемлемой частью атеистической пропаганды среди советского населения.

Ключевые слова: антирелигиозная деятельность, антирелигиозная пропаганда, безбожие, общественная организация, воспитательная работа, коммунизм, коммунистическое общество, марксизм-ленинизм, политрук, Советская власть, СССР, РККА, ПУР, ОДГБ, Союз безбожников СССР, Союз Воинствующих Безбожников.

A.A. Dorosh

**WORKERS AND PEASANTS RED ARMY
AS A FORGE OF GODDESS IN SOVIET ANTI-RELIGIOUS PROPAGANDA
IN 1923-1925 YEARS**

The Union of Atheists (later renamed the Union of Militant Atheists) was one of the most massive and well-known public organizations in the USSR that operated in the first decades after the formation of the Soviet state. The cells of this public association actively functioned not only in a number of territorial-administrative units of the USSR, but also on the basis of various Soviet enterprises and institutions. The study of the issue of coverage of the activities of this organization in the Workers 'and Peasants' Red Army by Soviet anti-religious propaganda deserves special attention. The activities of the Union of Atheists in the military formations of the USSR had a special specificity and were an integral part of atheistic propaganda among the Soviet population.

Key words: Anti-religious activity, anti-religious propaganda, atheism, public organization, educational work, communism, communist society, Marxism-Leninism, political instructor, Soviet power, USSR, Red Army, PUR, ODGB, Union of Atheists of the USSR, Union of Militant Atheists.

Советское государство с самого момента своего создания являлось атеистическим государственным образованием, в котором никакой иной идеологии или религии кроме марксизма-ленинизма не было места. Любое инакомыслие, фактически всю историю СССР, считалось враждебным государству рабочих и крестьян.

Религиозное мировоззрение объявлялось буржуазным пережитком, который является одним из препятствий построения социалистического, а затем и коммунистического общества, и по этой причине подлежало в скорейшее время полному искоренению из сознания народных масс.

Проблема осуществления, задуманного заключалась лишь в том, что большая часть граждан СССР являлась последователями того или иного религиозного культа.

Именно с целью максимально быстрого, окончательного решения «религиозного вопроса» в Советском государстве осуществлялась весьма агрессивная антирелигиозная пропаганда (по мнению автора гораздо более подходящим термином, в данном случае, является именно «воинствующие безбожие» – Авт.). Именно по причине явной необходимости в осуществлении активной антирелигиозной работы среди населения летом 1925 г. и была создана организация «Союз безбожников СССР», которая затем была переименована в «Союз воинствующих безбожников» [1].

Однако атеистические организации, ячейки безбожников вели активную деятельности задолго до создания централизованной организации и именно данный период в отечественной историографии остается гораздо менее изученным по сравнению с периодом активной официальной деятельности всесоюзной организации «Союза воинствующих безбожников». На наш взгляд это существенный и весьма печальный пробел в исторической науке, т.к. именно данный период, от появления первых антирелигиозных объединений и до создания единой, централизованной организации советских безбожников, заслуживает пристального внимания исследователей. Именно на данном этапе происходит постепенное объединение советских безбожников вокруг газеты «Безбожник» и формирование предпосылок, послуживших определенным толчком для возникновения единой советской организации безбожников. В свою очередь, после своего официального создания, данная организация получила весьма широкое распространение на всей территории СССР. С уверенностью можно утверждать, что в 20–30-е гг. XX в. «Союз воинствующих безбожников» являлся наиболее влиятельной общественной организацией СССР, уступая лишь государственным партийным организациям (ВКП(б) и ВЛКСМ – Авт.).

Существенный интерес для исторической науки представляет вопрос освещения советской антирелигиозной пропаганды деятельности ячеек безбожников в Рабоче-крестьянской Красной армии в период формирования предпосылок для возникновения единой и централизованной всесоюзной организации безбожников, а также на начальном этапе функционирования «Союза безбожников», т.к. изучение данной проблематики позволяет оценить не только особенности развития безбожных организаций в советских вооруженных силах, но и понять какая роль отводилась РККА в советской антирелигиозной пропаганде, в деле распространения воинствующего атеизма в СССР в период с 1923 по 1925-е гг.

Нельзя не отметить, что исследованием антирелигиозной деятельности в первые годы с момента установления в России Советской власти занимался целый ряд отечественных исследователей, среди которых можно выделить Д.В. Ливенцева, написавшего целый ряд научных статей по данной проблеме: «Антирелигиозное воспитание моряков Амурской флотилии в 1920-е гг.» [2], «Военная пропаганда революционного флота в октябре 1917 г. - феврале 1918 г.» [3]. Вопросы антирелигиозной пропаганды в СССР, и косвенно деятельности «Союза Воинствующих Безбожников» касается в своей статье «Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940-1960-е годы» [4, с.207] А.В. Апанасенок. Изучением особенностей проведения антирелигиозных мероприятий большевиков в годы Гражданской войны в Российской провинции занимались такие исследователи как С.Н. Емельянов и Е.Н. Шатанкова [5]. Нельзя не отметить научную работу О.С. Охтеня «Антирелигиозная агитация и пропаганда в Красной армии Западной Сибири в 1922-1923 гг.» [6].

Таким образом, проблемы антирелигиозной пропаганды и, в частности, антирелигиозная пропаганда в вооруженных силах Советского государства в первые годы с

момента его создания – являются весьма распространенными темами научных исследований российских ученых, что само по себе говорит об актуальности данной статьи, так или иначе затрагивающей все вышеперечисленные проблемы в Отечественной исторической науке.

В тоже время, к сожалению, мы можем отметить, что проблема пропагандистского освещения деятельности ячеек безбожников в РККА на начальном периоде формирования единой всесоюзной организации советских безбожников осталась без должного внимания ученых специалистов и поэтому мы считаем целесообразным частично восполнить данный пробел в Отечественной исторической науки.

Рабоче-крестьянская Красная армия являлась не только вооруженной силой Советского государства и основной защитой диктатуры пролетариата от посягательств враждебного капиталистического мира, но и мощнейшим социальным институтом советского общества в котором происходило формирование принципиально нового типа гражданина – приверженца идей большевизма. Политическому воспитанию военнослужащих уделялась особая роль, т.к. за время пребывания в Красной армии человек должен был не только сам измениться, стать убежденным приверженцем большевистских идеалов, но и при увольнении или отпуске с военной службы, вернувшись в свою родную социальную среду, бывший военнослужащий должен был выступить в качестве проводника новой идеологии в народные массы.

Безусловно, принимая во внимание тот факт, что неотъемлемой частью коммунистической идеологии выступал воинствующий атеизм, а борьба с религией во всех ее проявлениях являлась делом особой, первостепенной важности, на которое были брошены немалые государственные ресурсы, то стоит подчеркнуть, что акцент в воспитательной работе с военнослужащими делался именно на атеистическое воспитание. Особая значимость антирелигиозного воспитания в рядах Красной армии подчеркивалось официально: «Красноармеец, который не понимает значения церкви и значения религии в борьбе рабочего класса и крестьянства, наполовину слеп» [7, с. 5].

Об особом значении антирелигиозного воспитания в Красной армии, проводившегося в рамках политической работы, могут наглядно и неоспоримо свидетельствовать многие факты. Так, в Красную армию направлялось большое количество антирелигиозной литературы, в том числе целенаправленно разработанной для военнослужащих. В качестве примера можно привести «Красноармейский антирелигиозный учебник» [7], в составлении и разработке которого принимали участие Центральный Совет Союзов безбожников СССР и Политическое управление Рабоче-Крестьянской Красной армии. Более того, данное издание было допущено Государственным Ученым Советом СССР. Данный факт свидетельствует, что в деле воспитания атеизма в рядах Красной армии принимали непосредственное участие не только политруки, но и такая общественная советская организация как «Союз воинствующих безбожников». Причем, данное взаимодействие осуществлялось на самом высоком уровне.

Более того, наряду с ВКП (б) и ВЛКСМ – официальными государственными политическими организациями, в Красной армии официально действовали ячейки советской общественной организации «Союза воинствующих безбожников». Отметим так же, что деятельность подобных антирелигиозных ячеек начала осуществляться задолго до создания единой централизованной организации безбожников в СССР.

Так, в № 12 газеты «Безбожник» от 4 марта 1923 г. помещена статья под названием «Против бога. XI полк», в которой сообщается о том, что в полку недавно был организован антирелигиозный кружок, который удачно провел первый диспут «о Боге» в казармах. Также, автор упоминает о том, что в казармах во время диспута имелась большое количество антирелигиозной литературы [8]. Подобный антирелигиозный кружок был организован в ноябре 1923 г. и в Воронежской школе младшего командного состава. По имеющейся информации в составе кружка принимало активное участие более 50-ти членов.

Деятельность кружка сводилась не только к прочтению лекций и проведению диспутов как на научную, так и на антирелигиозную тематику, но и к разработке отдельных вопросов антирелигиозной пропаганды с целью дальнейшего распространения атеистического мировоззрения среди сослуживцев и будущих подчиненных военнослужащих [9].

В воинских частях активно создавались ячейки «Общества друзей газеты «Безбожник» – организации предшествующей «Союзу безбожников». В качестве примера можно назвать подобную ячейку, действовавшую в 1925 г. в роте связи одного из армейских корпусов размещавшегося в г. Владикавказе. Ячейка насчитывала несколько десятков активных членов, которые не только проводили лекции в своей красноармейской среде, но и вели активную антирелигиозную пропаганду среди местного крестьянства, с которым имели сношения во время проведения полевых учений. О серьезности работы данной ячейки может свидетельствовать тот факт, что они в 1925 г. направили на безбожные курсы при Горском совете ОДГБ трех своих сослуживцев [10], что в свою очередь совершенно невозможно было осуществить без одобрения вышестоящего командования. Данный факт прямо свидетельствует о том, что командиры РККА поощряли развитие ячеек безбожников во вверенных им подразделениях. И не только поощряли, но и принимали самое непосредственное участие в деле антирелигиозного воспитания. Как правило, именно политработники проводили антирелигиозные занятия с личным составом в виде лекций и диспутов, в которых подвергали резкой критике религиозное мировоззрение, основываясь на научных и псевдонаучных позициях тех лет. Иногда на подобные диспуты приглашали местное духовенство, с которым вступали в споры [11]. Подобные приемы применялись для достижения максимального эффекта в антирелигиозной пропаганде.

Красноармейские безбожники не ограничивались одной лишь антирелигиозной пропагандой, но зачастую принимали самое непосредственное участие в культурно-бытовой жизни воинских частей, так или иначе связанном с антирелигиозной деятельностью и разрушением старого, традиционного армейского быта. Так, в 1923 г. на гарнизонном беспартийном собрании одной из воинских частей, красноармейцы постановили: здание бывшей гарнизонной церкви занять под клуб [12]. Аналогичная ситуация произошла в том же году и в г. Гомеле, где курсанты дивизионной школы вынесли постановление о закрытии бывшей гарнизонной церкви вблизи казарм и использовании ее помещения в качестве клуба [13]. Курсанты 3-й Казанской учебной дивизионной школы в 1923 г. вынесли постановление о закрытии церкви находящейся во дворе казармы. В здании церкви курсанты обустроили музей Красной армии [14].

В ряде случаев, описываемых газетой «Безбожник», активная богоборческая позиция советских военных напрямую затрагивала и гражданское население. Так красноармейцы и командный состав отделения Демидовского Кавалерийского эскадрона 4-й Смоленской дивизии, заслушав доклад по религиозному вопросу, в своей резолюции заявили: «Мы в бога не верим. Требуем снять колокола с колокольной церковью и употребить их на поднятие крестьянского хозяйства, как и оставшиеся в храмах после изъятия церковные ценности. Мы просим другие части Красной армии, а также трудящиеся массы в ближайшее же дни обсудить этот вопрос и поддержать наш голос» [15]. В г. Павлограде в Екатеринославщине красноармейцы заняли помещение православного храма, которое находилось рядом с их расположением и, несмотря на протесты местного населения и духовенства, переоборудовали его под клуб [16].

Отметим, что далеко не всегда организации безбожников, действовавшие в РККА осуществляли свою работу с высокой эффективностью и проявляли большую активность. Об этом, в частности, может свидетельствовать письмо в газету «Безбожник» от военного корреспондента Строганова, который в нем жалуется на низкую активность кружка безбожников, действовавшего в 85-м полку. Автор письма утверждает, что во время проверки клубной работы на вечере самодеятельности все действовавшие кружки показали свои достижения и только кружок безбожников не смог этого сделать [17].

Следует отметить, что активность ячеек безбожников в РККА была обусловлена не тем, как можно подумать, что в Красную армию попадали преимущественно безбожники, а тем, что система политического воспитания, применяемая к личному составу красноармейцев, целенаправленно воспитывала в них воинствующий атеизм.

Большая часть новобранцев была религиозна, так как происходила преимущественно из крестьянской среды, которая оставалась в изучаемый нами период времени наиболее консервативной частью советского общества.

О высокой религиозности лиц, призванных в РККА, имеется ряд документальных свидетельств.

Так, красноармеец Баранов вспоминает, что по приезду в воинскую часть Красной армии он увидел, что у многих новобранцев при себе имелись кресты и иконы, которые затем, когда они утвердились в безбожии, сами же ими и были сожжены. По словам красноармейца Баранова, Красная армия сделала из них «крепких безбожников» [18]. Красноармеец-безбожник Коловин вспоминал, что до армии он был религиозным и молился богу и даже в армии пробовал несколько раз соблюдать установленные Православной церковью посты. Из книг читал только Евангелие, но потом, внимательно ознакомившись с имевшейся в воинской части антирелигиозной литературой, стал убежденным безбожником [19]. Небезынтересно и письмо красноармейцев хозяйственной команды 134-го полка Касимова и Гаврилова в редакцию местной газеты «Красная армия»: «Двадцать лет мы носили кресты и никогда не задумывались, зачем они нам нужны. Но вот пришли мы в армию и говорим: «Довольно попам дурачить народ религией! Поповские «аллилуи» скоро отойдут в нашей трудовой стране в область предания. Просим товарищей красноармейцев, которые еще носят кресты, следовать нашему примеру» [20].

Показательны воспоминания неизвестного красноармейца, опубликованные в статье «Мне помогла антирелигиозная книга», вышедшей в № 35 (136) за 30 августа 1925 г., которые мы приводим полностью для более точной передачи атеистических мыслей и чувств красноармейца-безбожника: «До службы в Красной армии книг и газет у меня не было. Было только одно Евангелие, которое я получил по окончании сельской школы. И то оно уцелело у меня лишь потому, что я еще был очень религиозным и боялся курить святые книги, а то я его скурил!

По прибытию в Красную армию в первую очередь меня заинтересовал религиозный вопрос. Начал посещать каждый день свою полковую библиотеку. И в скором времени из книг я узнал, что такое религия и кому она нужна» [21]. Автор данной статьи убежден, что после того как данный неуставленный красноармеец стал атеистом, он все-таки поддался своей порочной страсти к табакокурению и скорее всего безбожно скурил Святое Евангелие.

Несмотря на то, что в своем большинстве на службу в РККА попадали люди религиозные, которые уже затем под влиянием антирелигиозной воспитательной работы становились безбожниками, были и исключения, когда в ряды РККА попадали уже состоявшиеся атеисты из простого народа.

Так, по утверждению красноармейца Захарова, он стал безбожником задолго до службы, т.к. его отец и дед были «богомазами» (иконописцами-Авт.) и когда писали иконы, то зачастую матерились и вели себя иным неподобающим образом, явно несоответствующим православным канонам, досконально регламентирующим поведение иконописца, что в конечном итоге укоренило красноармейца Захарова в атеизме, а уже служба в рядах Красной армии, с его слов, сделала из потомка «богомазов» убежденного безбожника [22]. Красноармеец Селиванов так же пришел на службу в ряды РККА атеистом, на формирование его атеистических убеждений повлияли услышанный им после Октябрьской революции антирелигиозный доклад, изучение естественных наук в школе и прочтение романа «Овод», где представитель духовенства предстает в качестве отрицательного персонажа [23]. Но учитывая то, что процент людей религиозных в СССР был весьма значительный, мы

считаем, что подобные случаи были скорее всего исключением из общей тенденции. В то же время отметим, что даже у атеистов служба в Красной армии вызывала еще большую убежденность в правильности атеистического мировоззрения.

Отдельного внимания заслуживают факты атеистической работы в РККА с сектантами. Так в совхозе «Красный хутор», расположенном в окрестностях г. Самары, работали красноармейцы, отказавшиеся от службы в РККА по своим религиозным убеждениям. В совхоз они прибыли в мае 1924 г. по очередному призыву на военную службу. Большинство из них являлись немцами-колонистами, по социальному происхождению относящиеся к «кулакам». Меньшая часть из них являлась русскими по национальности, которые, как правило, являлись представителями «бедноты». По вероисповеданию данные красноармейцы относились к менонитам и к баптистам. В ходе повседневной работы политработник начал выявлять их имущественное и семейное положение и оказалось, что среди призывников, в одном и том же подразделении проходят службу «кулак» и его наемный работник. Политработник, выявив данный факт, начал проводить активную идеологическую работу с бывшим батраком, чем целенаправленно вызвал его ненависть к своему бывшему хозяину и единоверцу, что вылилось в конечном итоге в предвзятом отношении со стороны бывшего батрака, которого назначили старшим по казарме, к своему бывшему хозяину. Батрак-красноармеец заставлял своего бывшего хозяина, испытывая к нему классовую ненависть, трудиться больше остальных. Помимо этого, батрак-красноармеец стал убежденным атеистом и начал вести активную антирелигиозную пропаганду среди своих сослуживцев-сектантов. Непосредственные командиры были всем происходящим крайне довольны и полагали, что бывший батрак и те его единоверцы-красноармейцы среди которых он провел успешную пропагандистскую работу «скоро перейдут в строевую часть, а за ними по одному потянутся и остальные» [24].

В приведенном нами случае обратим внимание на профессиональный подход политрука. Он не только активно пропагандировал атеистическое мировоззрение в сектантской среде, но и, используя классовый подход разрушал социально-общинные связи менонитов и привычный для них уклад. Отметим, что именно для сектантов характерна существенная зависимость их религиозности от связи с микрогруппой единоверцев и именно на ее разрушении акцентировал свое внимание политрук. Данный факт говорит о том, что действовали политруки в деле антирелигиозной пропаганды весьма профессионально, используя личностный, индивидуальный подход к объекту своего воздействия.

Далеко не последнюю роль в деле воспитания безбожников-красноармейцев играла газета «Безбожник» и активисты ОДГБ. В частности, об этом свидетельствует красноармеец А. Брегер: «Еще в прошлом году, при призыве в Красную армию, мне пришлось встретить очень много религиозно-настроенных крестьянских парней с крестами на груди, а теперь они уже отрицают и религию, и бога, читают аккуратно газету и журнал «Безбожник», посещают кружки» [25]. Аналогичного мнения придерживался его современник, активист-безбожник А. Кислов: «Газета «Безбожник» сейчас одно из самых мощных орудий в борьбе с поповщиной и религиозным дурманом. Поэтому, первые шаги по углублению антирелигиозной работы в частях Красной армии надо связать с «Безбожником». Разумеется, ПУР сумеет эту работу развернуть» [26]. И действительно, газета «Безбожник» активно использовалась в воспитательной работе политруками РККА [27].

Явным заблуждением было бы полагать, что целью антирелигиозной работы в РККА являлось всего лишь перевоспитание красноармейцев из людей религиозных в убежденных безбожников. Планы советских безбожников, в этом случае, были гораздо шире и перед безбожниками красноармейцами ставилась задача по дальнейшему распространению безбожия в их родной социальной среде и, прежде всего, среди консервативного крестьянства. Причем работа по распространению атеизма осуществлялась как индивидуально действующими военнослужащими, так и в составе группы – путем спланированных действий ячейки безбожников. В дальнейшем отпускники (солдаты ушедшие в отпуск – Авт.) и демобилизованные военнослужащие, если верить

антирелигиозной пропаганде, уже в гражданской жизни активно занимались антирелигиозной пропагандой. И даже, не ведя активной пропаганды, многие отпускники старались всем своим видом демонстрировать свое атеистическое мировоззрение среди верующих. Так, например, один отпускник-красноармеец, являвшийся убежденным безбожником, целенаправленно издевался над религиозностью своего хозяина и его супруги [28].

Более подробно коснемся распространения безбожия в гражданской среде действующими военнослужащими. Данная работа осуществлялась несколькими путями, как в ходе личного контакта, так и в ходе дистанционного общения.

Примером личного контакта красноармейцев-безбожников с гражданским населением в рамках широкого распространения атеистического мировоззрения может послужить тот факт, что по полкам г. Армавира в 1923 г. велись лекции на антирелигиозные темы, которые сопровождались инсценировками. Например, был показан некий «музей библейских ценностей» со следующими экспонатами: черепок, которым скоблил свою проказу Иов, кожа осла, на котором Иисус Христос ехал в Иерусалим, манна небесная и т.п. При этом на лекциях, по словам очевидцев, бывали многие местные жители из числа станичников-кубанцев, т.к. кавалеристы-безбожники, расквартированные в г. Армавире поставили себе цель в «заражении их своим неверием» [29]. Также, определенное распространение у красноармейцев-безбожников получили подшефные деревни, куда отправлялась антирелигиозная литература, в том числе и выписываемая для воинского подразделения газета «Безбожник», а иногда осуществлялись выезды с целью проведения пропагандистских лекций [30].

При дистанционном общении красноармейцы, находясь на службе в рядах РККА, активно общались со своими земляками и знакомыми путем как личной, так и открытой переписки, в которой пропагандировали безбожие.

Например, безбожник-красноармеец И. Прохоров находясь на службе в Красной армии и ведя переписку со своими родными проживающими в с. Хреновом, Воронежского уезда, узнал, что в его селе обновляются иконы и повышается религиозность населения, что вызвало у него явное возмущение, и потому И. Прохоров не только критиковал в письмах своих религиозных односельчан, но и написал открытое письмо-призыв к молодежи деревни, которая должна, по его мнению, активно заняться антирелигиозной пропагандой. Более того, сам автор открытого письма планировал активно заняться антирелигиозной пропагандой после демобилизации из РККА [31]. Зачастую красноармейцы-безбожники писали родным и близким письма антирелигиозного содержания, где убеждали их незамедлительно порвать с религией: «Брось, брат, возиться с попами, поп с нас последние гроши за требы обирает. Плюнь на попа и женись гражданским браком... К вам поп обещался на Рождество приехать с молебствиями. Гоните его в три шеи, а деньги, что на уплату попу собирали, пожертвуйте беспризорным детям» [32].

Отдельного внимания заслуживает деятельность красноармейцев-отпускников, на которых советские безбожники возлагали особые надежды. «Когда красноармеец уходит в отпуск или совсем уезжает к себе на родину – это наше безбожное бродило в деревне» [33].

Об особой роли красноармейцев-безбожников в антирелигиозной пропаганде могут свидетельствовать выпускавшиеся «Союзом воинствующих безбожников» памятки, предназначенные для отпускников-безбожников [34] и ряд статей-воззваний на страницах газеты «Безбожник»: «Отпускник, иди в ряды безбожников!» [35], «Отпускники! Будьте проводниками нового в деревне» [28].

Подобные статьи появлялись с завидной регулярностью. Красноармеец А. Черняк со страниц газеты «Безбожник» утверждал: «Красная армия должна прийти на помощь коммунистической партии и подготовить красноармейца к будущей (антирелигиозной – Авт.) работе в деревне» [36].

Зачастую публиковались статьи-инструкции: «Как отпуснику вести антирелигиозную работу в деревне» [37], «Что надо знать отпуснику?» [38]. В данных статьях отпуснику или демобилизовавшемуся красноармейцу настоятельно советовали заниматься антирелигиозной пропагандой, взаимодействуя в данном направлении с партийными и комсомольскими организациями. Рекомендовалось так же создание ячейки безбожников в населенном пункте или на предприятии, где трудится бывший красноармеец.

Отметим, что зачастую отпусники и демобилизованные красноармейцы действительно осуществляли активную антирелигиозную деятельность среди гражданского населения [39]. Скорее всего она пользовалась определенным успехом, т.к. в крестьянской среде и в особенности в изучаемый нами период времени, служивый считался человеком бывалым, пользующимся авторитетом односельчан, и поэтому его мнение по тому или иному вопросу было в данной среде весомым.

В то же время, немаловажно отметить и то, что несмотря на все старания советских безбожников превратить за время службы красноармейцев в отъявленных атеистов, их активная деятельность в данном направлении не всегда увенчивалась безусловным успехом, т.к. находились в красноармейской среде те, кто не захотел отречься от своих религиозных убеждений.

Так, некто Куликов, происходивший из старообрядцев, демобилизовавшись из РККА и вернувшись домой открыто исповедовал свои религиозные убеждения, чем вызвал гнев и публичное осуждение со стороны местных безбожников [40]. Другой семейный красноармеец провинился тем, что в своей комнате, где он проживал с супругой у него висела икона с изображением святого Николая Чудотворца. На данный факт обратили внимание его сослуживцы-безбожники и за это подвергли его насмешкам [32].

Во всех случаях, по мнению советской пропаганды, верующие красноармейцы подвергались травле и осуждению со стороны красноармейцев-безбожников.

Конечно, газета «Безбожник», являющаяся основным источником для данной статьи, являлась антирелигиозным пропагандистским изданием и ее целью была пропаганда антирелигиозного мировоззрения широким слоям населения СССР, и именно поэтому масштабы активности и эффективности деятельности безбожников в рядах РККА могли быть существенно преувеличены и даже фальсифицированы.

Так можно было бы полагать при отсутствии архивных документов, подтверждающих высокую активность безбожников в вооруженных силах Советского государства, но подобные документы частично сохранились до нашего времени.

В частности, в качестве примера можно привести два архивных дела из фонда «2-й объединенной школы учебного отряда Морских сил Балтийского Моря (1917-1928 гг.)» Российского Государственного архива Военно-Морского флота: «Планы, работа и списки «Союза безбожников» [41] и «Протоколы собраний членов союза безбожников» [42]. На основании данных материалов можно сделать выводы о том, что активность военнослужащих-безбожников в действительности была высокой и заключалась в проведении пропагандистских мероприятиях среди личного состава учебного отряда [41, л. 20], активном участии военнослужащих-безбожников в мероприятиях проводимых вышестоящим органом «Союза безбожников, в частности в районной конференции, проводившейся Кронштадтским районным советом «Союза безбожников», куда и были направлены два делегата [41, л. 18], организации «безбожных уголков» в воинском подразделении [41, л. 16]. Немаловажно отметить, что активно военнослужащие-безбожники работали и с гражданским населением, регулярно отправляя письма, а также газеты и журналы антирелигиозного содержания отдельным советским гражданам [41, л. 21]. О том, что антирелигиозная пропаганда имела немалую эффективность среди личного состава 2-й объединенной школы УО МСБМ может свидетельствовать тот факт, что за период с сентября по ноябрь 1925 г. количество членов «Союза безбожников» увеличилось с 14 до 23 членов [42, л. 5].

Таким образом, информация, представленная советской пропагандой об активности военнослужащих-безбожников, имела под собой вполне реальную подоплеку и не являлась безосновательной выдумкой безбожника-пропагандиста, хотя отрицать факты преувеличения подобных сведений мы не можем.

Таким образом, на основании вышеизложенного следует сделать следующие выводы:

1. Антирелигиозная пропаганда являлась неотъемлемой частью политической и воспитательной работы с личным составом РККА;

2. В воинских подразделениях РККА действовали ячейки и кружки атеистической направленности, которые после создания единой централизованной организации безбожников преобразовались в ячейки «Союза безбожников», таким образом, можно утверждать, что «Союз безбожников», а затем и «Союз воинствующих безбожников» вел активную деятельность в рядах РККА;

3. Политическое управление Рабоче-крестьянской армии осуществляло тесное взаимодействие с «Союзом безбожников», деятельность ячеек безбожников в Красной армии поощрялась командным составом РККА;

4. В деле антирелигиозной пропаганды в РККА немалую роль играла газета «Безбожник», которая выписывалась безбожниками-красноармейцами и зачитывалась личному составу политруками воинских подразделений;

5. Антирелигиозная пропаганда в Красной армии, по мнению советских пропагандистов, имела высокую эффективность, и благодаря этому многие ранее религиозные красноармейцы становились безбожниками именно под ее влиянием;

6. Антирелигиозная деятельность кружков и ячеек безбожников-красноармейцев, по мнению советской пропаганды, оказывала как прямое, так и косвенное пропагандистское влияние на гражданское население;

7. Цель антирелигиозного воспитания красноармейцев заключалась в подготовке убежденных безбожников, противников любой религии, которые затем будут оказывать влияние на гражданское население в деле построения безбожного общества;

8. Многие демобилизовавшиеся красноармейцы, по мнению советских пропагандистов, активно занимались антирелигиозной деятельностью в мирной жизни и широко пропагандировали безбожие в советском социуме;

9. Ошибочно рассматривать сведения об активности красноармейцев-безбожников и успехах антирелигиозной пропаганды в РККА как обыкновенный пропагандистский вымысел, т.к. активность военнослужащих-безбожников подтверждается архивными документами, в тоже время нельзя исключать и отдельных фактов преувеличения успехов антирелигиозной пропаганды в вооруженных силах Советского государства.

Таким образом, советской антирелигиозной пропагандой в 1923-1925 гг., создавался образ Рабоче-крестьянской Красной армии как кузницы советского безбожия, внесшей существенный вклад в дело построения антирелигиозного общества в СССР.

Библиографический список

1. **Варакин С.А.** Союз Воинствующих Безбожников накануне и в годы Великой Отечественной войны (на материалах Горьковской области) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16577> (дата обращения 04.04.2022)

2. **Ливенцев Д.В.** Антирелигиозное воспитание моряков Амурской флотилии в 1920-е гг. // Твой Товарищ. 2017. № 18. – С. 2 – 5.

3. **Liventcev D. V.** War Propaganda on the Revolutionary Navy in October 1917 – February 1918 // Propaganda in the World and Local Conflicts. 2018. 5(1). – P. 3 – 8.

4. **Апанасенок А.В.** «Господи, помоги мне сдать экзамен»: православные практики советских учащихся в 1940-1960-е годы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. т. 11, № 5. – С. 205 – 216.
5. **Емельянов С.Н., Шатанкова Е.Н.** Особенности проведения антирелигиозных мероприятий большевиков в годы Гражданской войны в Российской провинции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2018. Т. 8, № 4 (29). – С. 259 – 265.
6. **Охтенъ О.С.** Антирелигиозная агитация и пропаганда в Красной армии Западной Сибири в 1922-1923 гг. // Омский научный вестник. 2006. № 5 (39). – С.16-19.
7. Красноармейский антирелигиозный учебник. – М.: Акц. издательство общество «Безбожник», 1929. – 308 с.
8. Против бога. XI полк // Безбожник. 1923. 4 марта. №12. – С. 5.
9. Воронежский кружок безбожников // Безбожник. 1924. 24 февраля. №7 (60). – С.3
10. Красноармейцы-безбожники // Безбожник. 1925. 12 июля. № 28 (129). – С. 7.
11. Поп «провалился» // Безбожник. 1923. 25 марта. №15. – С. 5.
12. Церковь под гарнизонный клуб // Безбожник. 1923. 25 марта. № 15. – С. 5.
13. Церковь – под клуб // Безбожник. 1923. 18 марта. №14. – С.5.
14. Вместо церкви-музей // Безбожник. 1923.18 марта. № 14. – С.5.
15. Красноармейцы требуют снятия колоколов // Безбожник. 1923. 18 марта. № 14 – С. 5.
16. Выкурили поповский дух! // Безбожник. 1923. 11 марта. № 13. – С. 3.
17. Заснули // Безбожник. 1925. 15 марта. № 11 (112). – С. 3.
18. До и после // Безбожник. 1925. 30 августа. № 35 (136). – С. 3.
19. Свет и знания передам деревне // Безбожник. 1925. 30 августа. № 35 (136). – С. 3.
20. Поснимали кресты // Безбожник. 1924. 2 ноября. №41 (94). – С. 3.
21. Мне помогла антирелигиозная книга // Безбожник. 1925. 30 августа. № 35 (136). – С. 3.
22. Как я стал безбожником // Безбожник. 1925. 30 августа. № 35 (136). – С. 2.
23. Как я перестал верить в бога // Безбожник. 1925. 30 августа. № 35 (136). – С. 2.
24. Менониты-красноармейцы // Безбожник. 1924. 19 октября. № 39 (92). – С. 7.
25. Красная армия-хорошая школа // Безбожник. 1925. 28 июля. № 26 (127). – С. 7.
26. «Безбожник» среди красноармейцев // Безбожник. 1924. 5 октября. № 37 (90). – С.7.
27. «Безбожник» в казарме // Безбожник. 1923. 3 июня. № 24. – С. 3.
28. Отпускники! Будьте проводниками нового в деревне // Безбожник. 1924. 26 февраля. №7 (60). – С. 4.
29. У кавалеристов-безбожников // Безбожник. 1923. 18 марта. № 14. – С. 5.
30. Борьба с религией // Безбожник. 1925. 28 июля. № 26 (127). – С.7.
31. Молодежь деревни, помоги нам! // Безбожник. 1925. 30 августа. №35 (136). – С. 2.
32. Красноармеец и бог // Безбожник. 1924. 24 февраля. № 7 (60). – С. 4.
33. Вооружайте передовых бойцов безбожия! // Безбожник. 1925. 2 августа. №31 (132). – С. 6.
34. Памятка отпускнику. – Ярославль: Ивполиграфтрест, 1930. – 12 с.
35. Отпускник, иди в ряды безбожников! // Безбожник. 1925. 30 августа. №35 (136). – С. 3.
36. Об уголках «Безбожника» в Красной армии // Безбожник. 1925. 15 марта. №11 (112). – С. 3.
37. Как отпускнику вести антирелигиозную работу в деревне // Безбожник. 1925. 30 августа. №35 (136). – С.6.
38. Что надо знать отпускнику // Безбожник. 1925. 30 августа. №35 (136). – С. 6.
39. Из казармы в деревню // Безбожник. 1923.11 марта. № 13. – С. 3.
40. Вот так красноармеец // Безбожник. 1924. 13 июля. № 25 (78). – С. 5.
41. РГА ВМФ (Российский Государственный архив Военно-Морского флота). Ф. Р-116. Оп. 2. Д. 59.
42. РГА ВМФ. Ф. Р-116. Оп. 2. Д. 51.

УДК 7.035 + 7.044

*Воронежский государственный университет
доктор исторических наук, доцент, кафедра
регионоведения и экономики зарубежных стран,
кафедра истории зарубежных стран и
востоковедения
М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж,
тел. 89805447525
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
doctor of Historical Sciences Associate Professor, Chair
of Regional Studies and Foreign Countries Economies,
Chair of Foreign History and Oriental
Studies
M V. Kirchanov
Russia, Voronezh,
tel. 89805447525
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

М.В. Кирчанов

ОБРАЗЫ ИМПЕРИИ В БРАЗИЛЬСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ 1820 - 1880-Х ГГ.

Целью данного исследования является анализ визуализации императора в контексте бразильской монархии XIX века. Автор анализирует тактики и стратегии визуализации Империи через актуализацию образов императора, политических церемоний и ритуалов в контекстах национализирующегося пространства. Новизна исследования заключается в анализе особенностей визуальной образов императора в Бразилии как части развития политической культуры и идентичности, а также трансформаций бразильской гражданской нации как воображаемого сообщества в контекстах визуализации монархических церемоний и ритуалов как изобретенных традиций. В статье анализируются тактики и стратегии визуализации монархии в контекстах взросления императора, ритуалов коронации, политической иконографии, актуализации пространственных образов. В статье также показано влияние живописи на развитие бразильской политической идентичности в ее имперском варианте. Предполагается, что портретная живопись в Империи была попыткой визуализировать императора физически и символически, актуализируя различные измерения и аспекты сакрализации императорского тела. Результаты исследования позволяют предположить, что первые формы визуализации власти как сакрально-символической категории возникли в искусстве Бразильской империи, которая интегрировала фигуру императора в политические сценарии, актуализируя его вклад в развитие Бразилии как гражданской нации.

Ключевые слова: Бразильская Империя, живопись, монархия, император, портретная живопись, коронация, национальное пространство

M.V. Kirchanov

IMAGES OF THE EMPIRE IN THE BRAZILIAN FINE ART OF THE 1820-1880s

The purpose of this study is to analyze the visualization of images of the emperors' figure in contexts of the Brazilian monarchy in the 19th century. The author analyzes the tactics and strategies of visualizing the Empire through the actualization of the images of the emperor, political ceremonies and rituals in contexts of the nationalizing space. The novelty of the study lies in the analysis of the features of the visual actualization of the images of the emperor in Brazil as a part of the development of both political culture and identity, and the transformations of Brazilian civil nation as an imagined community in contexts of visualization of monarchical ceremonies and rituals as invented traditions. The article analyzes the tactics and strategies for visualizing the monarchy in contexts of the emperor's maturation, coronation rituals, political iconography, and the actualization of space images. The article also shows the impact of painting to the development of the Brazilian political identity in its imperial version. It is assumed that portraiture in the Empire was an attempt to visualize the emperor physically and symbolically, actualizing various dimensions and aspects of the sacralization of the imperial body. The results of the study suggest that the first forms of visualization of power as a sacred and symbolic category arose in the art of the Brazilian Empire, which integrated the figure of the emperor into political scenarios actualizing his contribution to the development of Brazil as a civil nation.

Key words: Brazilian Empire, painting, monarchy, emperor, portrait painting, coronation, national space

Формулировка проблемы. В современной междисциплинарной историографии к числу перспективных направлений развития исторических исследований принадлежат штудии, сфокусированные не интеграции результатов, ранее полученных в различных областях исторической науки, включая новую социальную историю, культуральную историю и направления научных исследований, которые актуализируют достижения как минимум двух поворотов в новейшей историографии, включая визуальную и перформативную историю. Сферы применения достижений, полученных в рамках этих направлений, могут быть различны, но традиционная событийная история предпочитает оперировать преимущественно позитивистскими или неопозитивистскими моделями конструирования нарративов. Что касается тех направлений в историографии, которые начали динамично развиваться, начиная с 1980-х гг., то они в большей степени подвержены влиянию со стороны различных трендов и тенденций постмодернистской модели исторического воображения.

Если на протяжении 1960 – 1970-х гг. новые методы преимущественно использовались историками-медиевистами, что привело к прогрессу в развитии исторической антропологии, микроистории, истории ментальностей, то в 1980 – 1990-е гг. историки, которые занимались проблемами новой истории, осознав потенциал междисциплинарности, интегрировали ее в свои исследовательские практики. Одним из направлений современной междисциплинарной историографии, которая начала активно интегрировать потенциал изучения социальной истории, включая такие ее проявления как визуальность и перформативность, стала имперская история. В историографии отсутствует единая дефиниция «имперской истории» как научного направления. Число исследований, сфокусированных на истории империй, велико, что позволяет выделять несколько историографических течений.

Если одни историки одновременно и конструируют реконструируют опыт империй в контекстах их экзистенциальных альтернатив (наций и национальных государств), то другие стремятся описать имперский феномен вне ограничений, которые неизбежно сопутствуют позитивистской историографии. Одним из эпистемологических вариантов выхода за пределы подобных предписаний стало использование для анализа феномена империй принципов визуальной истории и перформативного поворота. Визуальной и перформативность относятся к числу тех категорий, чье использование может дать оригинальные и интересные результаты, то сфера их применения ограничена и они не могут претендовать на универсальность. В этом контексте визуальность и перформативность – частные случаи универсального модуса конструирования истории империй в контекстах культуральной и новой социальной истории.

Цель и задачи статьи. Поэтому в центре авторского внимания в представленной статье будут проблемы визуального и перформативного воображения и изобретения образа императора как основы государственности на примере опыта Бразильской Империи. Целью статьи является анализ различных форм и стратегий визуализации фигуры императора в контекстах развития политической идентичности и культуры Бразильской Империи. Что касается задач, то они ограничены изучением основных тематических направлений визуализации фигуры императора, а также анализом символических и сакральных смыслов официально санкционированных форм визуализации императора в культурном дискурсе Бразилии периода Империи.

Историография. Что касается историографии истории империй, то она крайне велика и тематически разнообразна. Значительное число исследований посвящено общей проблематике имперской истории, что предусматривает кодификацию понятийного аппарата, а также изучение типологии имперских государственных и классических империй. Наибольшее число штудий сфокусировано на истории конкретных империй. В этой разнообразной историографии некоторые аспекты истории империй, имперского политического воображения, культурного позиционирования империй в мире подобных структур иди для внутреннего потребления пребывают в тени других сюжетов, которые формируют основной корпус текстов по проблемам имперской истории.

Формы и проявления визуальности и перформативности в имперских проектах и идентичностях относятся к числу таких «маргинальных» сюжетов в современной историографии империй. Первым историком, который в середине 1990-х гг. указал на важность и необходимость изучения этого измерения имперской государственности и идентичности стал Ричард Уортман [1; 2], оперирующий преимущественно российским историческим материалом. Во второй половине 1990-х гг. отдельные элементы визуальности и перформативности в имперских политических проектах были актуализированы в исследованиях российского филолога-классика Бориса Успенского [3]. Исследовательские стратегии Р. Уортмана и Б. Успенского, интегрированные в историографию постсоветской России [4], основаны преимущественно на изучении нарративных источников, а география их штудий ограничена европейскими сюжетами франкской, византийской или российской истории.

Ни идеи Р. Уортмана, ни воззрения на проблематику империй Б. Успенского нельзя относить исключительно визуальной или перформативной истории: оба историка оперировали преимущественно традиционными стратегиями конструирования нарративов, хотя и показали принципиальную важность как визуальности, так и перформативности в актуализации символических и сакральных функций императорской власти. Что касается истории Бразильской Империи, то в западной историографии она конструируется в категория событийной или политической истории, хотя некоторые авторы склонны интегрировать достижения интеллектуальной и культурной истории с достижениями изучения национализма и идентичностей, но и в такой относительно гетерогенной историографической ситуации некоторые вопросы визуальности и перформативности фигуры императора остаются фактически неизученными.

В российской историографии история Бразильской империи, к сожалению, относится к числу маргинальных сюжетов, а число специальных исследований о самой Империи невелико [5; 6]. Проблемы символического и сакрального компонента в истории императорской власти практически не изучаются российскими историками [7]. Такая структура историографии истории Бразильской Империи, ее значительная специализация и наличие историографических лакун придает актуальность анализу проблем визуальности и перформативности в процессах актуализации фигуры императора как фундаментальной «воображаемой» основы власти в империи.

Методология. Методологически статья опирается на принципы конструктивистской историографии, первоначально предложенные в первой половине 1980-х годов для изучения проблем национализма и развития идентичностей, что нашло свое отражение в текстах Бенедикта Андерсона [8], Эрика Хобсбаума и Тэренса Рэйнджера [9]. Эти историки заложили основы восприятия исторически существовавших политических, социальных и культурных институтов как конструкторов, показав их в значительной степени манипулятивный, инспирированный и инициированный характер.

Если мы воспринимаем Бразильскую Империю в контексте других современных ей империй в качестве лаборатории культурной и социальной модернизации, то ее анализ будет неполным без обращения к визуальным и перформативным проявлениям и измерениям политических ритуалов монархии. Использование этих методологических принципов актуализирует возможность нового прочтения истории империй не как социальных и политических структур, но вдохновляет ее ревизию в направлении «культурного объяснения» [10] опыта империи, допуская многочисленные интерпретации «практик и дискурсов, которые переплетаются в динамичную открытую систему “имперской ситуации”» [11] как на уровне их конструкции, и деконструкции применительно к более ранним и современным историографическим контекстам.

Политические ритуалы коронации и другие изобретенные традиции бразильской монархии могут быть проанализированы не только в рамках традиционного набора

исследовательских практик, стратегий и инструментов имперской истории, но и в контекстах перформативного поворотов [12] в современной междисциплинарной историографии, что актуализирует важность визуальных источников, которые в предшествующей литературе, посвященной истории Бразильской Империи, были востребованы в меньшей степени в отличие от традиционных нарративных источников.

Источниковый корпус. Особенностью источникового корпуса, который применен для анализа проявлений визуальности и перформативности в Бразильской Империи, является то, что он сформирован и ограничен памятниками бразильской живописи XIX – начала XX вв., которые актуализировали образы монархии, отражая ритуальные и символические измерения идентичности.

Визуализация империи: предварительные ориентации. В современной междисциплинарной гуманитаристике признается важность изучения визуального, но большинство подобных исследований ограничивается культурными, этнографическими, социальными или антропологическими штудиями [13]. Трансплантация приемов интерпретации визуального, выработанная в этих направлениях, представляется применимой и для использования в рамках изучения политической культуры и идентичности имперских обществ, включая Бразильскую Империю. Визуализация фигуры императора в Бразильской империи представляла собой совокупность художественных практик, направленных как на формирование, так и на продвижение аттрактивного и позитивного образа монарха. Анализируя культурные тактики и стратегии визуализации империи через образ императора в Бразилии 19 века, во внимание следует принимать ряд особенностей, которые существенно влияли на стилистику и эстетику анализируемого пласта в истории бразильского искусства.

Во-первых, процессы актуализации образов императора были не только частью художественного дискурса, но и выполняли политические задачи, связанные с формированием и продвижением как национальной, так и политической идентичности бразильцев как не просто поданных империи, но и ее граждан, среди которых первостепенная роль отводилась самому императору.

Во-вторых, практики и стратегии визуализации фигуры императора в Бразильской Империи не были статичны. В истории того сегмента бразильского искусства, которое в 19 веке обслуживало потребности императорской власти, следует выделять два этапа, которые хронологически совпадают соответственно с временем правления Педру I и Педру II.

В-третьих, анализируя формы и стратегии визуализации образов императорской власти, во внимание следует принимать, что в эти процессы были вовлечены как бразильские, так и европейские художники, которые выполняли заказы на написание портретных и тематических полотен, актуализировавших образы как императора, так и института императорской власти в контекстах ее церемоний и ритуалов.

В-четвертых, искусство, сосредоточенное на решении задач, о которых речь шла выше, носило преимущественно синтетический характер. Одновременно с фиксацией образов Империи через визуализацию Императора как основного героя полотна, формирующие рассматриваемый культурный дискурс, актуализировали связи императора с подчиненным ему пространством и различные формы его коммуникации с поданными – от коронации до отречения.

Именно эти особенности визуализации образа Императора будут проанализированы в последующих разделах статьи. Кроме этого, во внимание следует принимать и тематические диспропорции в историографии Бразильской Империи. Трансплантируя предположение Николаса Мирзоеффа в бразильские контексты, заметным становится «разрыв между богатством визуального опыта в культуре и способностью его проанализировать» [14, р. 1], что указывает на важность ревизии сложившихся нарративов в написании и конструировании истории Бразильской Империи в направлении их возможной визуализации.

Император в пространстве: национализация ландшафта. Первый пласт анализируемых визуальных источников актуализирует взаимосвязи фигуры императора и национального бразильского пространства. Современный российский исследователь А.С.

Реутов полагает, что «культура является по преимуществу визуальной, то есть человек окружен плотным кольцом визуальных образов и посредством них может обращаться к миру» [15, с. 17], что представляется вполне применимым для описания политической культуры Бразильской Империи как монархической государственности. Функционирования страны как монархии предусматривало развитие особого типа политической идентичности, среди центральных элементов которой была фигура императора, что делало неизбежным визуализацию его образа в рамках как высокой культуры (живопись), так и повседневности (банкноты).

Проблемы взаимосвязи монарха и пространства отражены в целом ряде визуальных источников (Иллюстр. 1 – 3). Два прижизненных портрета Педру I – портрет кисти Энрике Жозе да Силвы 1824 г. и портрет Педру I на фоне Сан-Паулу кисти Симплициу Родригеса ди Са визуализируют природные пространства империи. Работа кисти Энрике Жозе да Силвы интересна тем, что фиксирует гору Сахарная голова в Рио-де-Жанейро. Примечательно и то, что на этом полотне фигура императора стоит в непосредственной близости от стола, на котором лежат карты и чертежи, что призвано указать на его статус как кодификатора национального бразильского пространства. Подобные памятники бразильской живописи можно интерпретировать как «политические послания, основанные на использовании традиционных элементов, актуализирующих начальный этап процесса создания национального образа» [16].

*Иллюстр. 1. Педру I.
Картина кисти
Бенедито Каликсо
(1902)*

*Иллюстр. 2. Педру I.
Портрет кисти
Энрике Жозе да Силва
(1824)*

*Иллюстр. 3. Педру I на фоне
Сан-Паулу. Портрет кисти
Симплициу Родригеса ди Са
(1822)*

В рамках именно такой логики картина кисти Бенедито Каликсо, (1902 г.) визуализирует образ первого императора также на фоне пространства, но в несколько ином контексте – задний план представлен как природой, так и урбанизированной территорией, что актуализирует функции монарха как покорителя стихии дикой природы и систематизатора, устроителя пространства. Этот мотив оказался распространенным, так как живопись, начиная с XVIII века стала «привилегированным пространством для проецирования национальной идентичности, во многом благодаря идеям о существенной связи между климатом, ландшафтом и нацией... поэтому специфические черты ландшафта рассматривались как составляющие основу морального характера народа... изображать ландшафт означало превозносить своеобразие нации» [17].

Несмотря на такое значение пространства, атрибуты империи были не менее важны в процессах визуализации императорской власти. Например, на портрете, выполненном Симплициу Родригеса ди Са, на мундире императора атрибутируется орден Южного Креста,

что можно интерпретировать как попытку визуализации Бразильской Империи, которая тогда делала свои первые шаги и поэтому нуждалась в легитимации, в том числе – и символической, которая, с одной стороны, проявилась в учреждении национальной наградной системы с сопутствующими и приписываемыми ей символическими значениями. С другой, «смыслы циркулируют визуально» [18], что, по мнению Ирит Рогофф, в некоторой степени делает их более понятными. Поэтому попытки визуализации образа императора были в определенной степени направлены на большую «циркуляцию» его символического присутствия и атрибутов монархической власти в общественных и культурных пространствах Бразильской Империи.

Портрет Педру I кисти Мануэла де Араужу Порту Алегри (1826 г.) актуализирует роль императора, на мундире которого относительно четко атрибутируются Орден Южного Креста и Орден Башни и Меча, как покорителя, создателя и кодификатора национального пространства – поэтому неслучайно, что в правой руке монарх держит рукоять меча, а левой опирается на книгу, стоящую на газетах, что признано подчеркнуть как преемственность с ранней государственной традицией Португалии, так и качественно другой, просвещенный, характер новой монархии. Ордена на мундире императора в этом контексте могут быть определены как «морфологические инварианты, активизируемые различными социальными и политическими контекстами» [19].

Иллюстр. 4. Педру I. Портрет кисти Мануэла де Араужу Порту Алегри (1826)

Иллюстр. 5. Педру II. Портрет кисти Иоганна Морица Ругендаса (1846)

Иллюстр. 6. Педру II. Портрет кисти Франсуа Маро (1871)

Иллюстр. 7. Педру II. Портрет кисти Виктора Мейреллеса

Именно поэтому на заднем фоне присутствует уже укрощенное пространство, где природа интегрирована в архитектурную застройку. Что касается Педру II, второго бразильского императора, то полотна Иоганна Морица Ругендаса (1846), Виктора

Мейреллеса и Франсуа Маро (1871) визуализируют образы монарха на фоне и в контексте пространства в середине 1840-х, вероятно 1860-е гг. и в начале 1870-х гг. Столь активное участие художников в актуализации образов монархии, вероятно, свидетельствует о ее превращении в один из системных элементов политической идентичности Бразильской Империи, а также о постепенной трансформации культурных элит в направлении их национализации, так как в Бразилии росло понимание того, что страна нуждается в развитии собственных направлений национальной живописи [20], так как «национальное искусство должно создаваться национальными художниками» [21], которые в различной степени могли бы актуализировать как идеальные образы монарха, так и Родины как воображаемого сообщества, подлежащего визуализации.

Вероятно Педру II принадлежит заслуга превращения бразильского искусства в национальное, так как именно он, по мнению Джессики Косты Празерес и Марианы Косты заставил живопись «в идеологическом плане функционировать в основном вокруг националистического движения, умело им же организованным, так как император осознавал проблемы, возникающие из-за отсутствия культурного единства в такой огромной стране, что стимулировало его поддерживать попытки представить образ Бразилии перед миром как цивилизованной и прогрессивной страны» [22]. Эти визуализированные проявления цивилизации и прогресса в живописи Бразильской Империи получили различное отражение. На полотне Иоганна Морица Ругендаса Педру II, окружённый преимущественно дикой природой, запечатлён в возрасте 20 лет, т.е. в 1846 году, а колонны и здание на заднем фоне, апеллирующее к античной архитектурной традиции, составляет лишь незначительную часть пространства.

Визуализация образов античности в качестве фона не является случайном в искусстве Империи, которое идеологически удовлетворяло запросы доминирующего дискурса. Комментируя интерес бразильского общества 1840 – 1850-х гг. к античности Мануэл де Араужу Порту Алегри указывал на то, что хотя «Афины были меньше, чем Рио-де-Жанейро они содержали в себе то возвышенное, что славно прошло через превратности последующих времен» [23]. Именно понимание универсальности античного наследия вынуждало превращать его в фон для визуализации фигуры императора. Подобная композиция, вероятно, указывает на предписываемое монарху предназначение быть покорителем природно-пространственной стихии. На двух более поздних полотнах пространство редуцировано до интерьера кабинета с атрибутами, актуализирующими прогрессивный характер правления, включая глобус, книги, бюст философа и статую в античном стиле (портрет кисти Виктора Мейреллеса) и фона небес (картина кисти Франсуа Маро).

Император как герой церемоний: визуализация коронации. Второй компонент в визуализации фигуры монарха связан с актуализацией в бразильской живописи политических церемоний и ритуалов, отражение которых в искусстве было неизбежным в силу того, что, как полагает Николас Мирзоефф, «визуальная культура связана с визуальными событиями» [24], а для традиционных и модернизирующихся многосоставных обществ, которые существуют в рамках имперской модели, к числу таких событий относятся и коронации монархов.

Важнейшим политическим ритуалом стала коронация, которая не только наделяла императора легитимной властью, но и актуализировала его преемственность как с португальскими королями, так и институтом королевской власти в Европе в целом, так как политические традиции монархического правления в Бразильскую Империю были привнесены извне, а сама Империя на протяжении нескольких десятилетий оставалась единственной стабильной монархией в Южной Америке. Трансплантированные политические ритуалы и церемонии европейских монархий, включая приписываемые им сакральные смыслы и символические значения [25], в Бразильской Империи были ассимилированы, будучи интегрированными в дискурс национальной культуры, что

стимулировало уникальные стратегии и практики визуализации института императорской власти в общественных и публичных пространствах.

Процессы ассимиляции европейского политического опыта совпали в освоением приемов визуализации монархической власти [26], ранее сложившимися в Европе. Коронация Педру I состоялась в 1822 г. [27], что положило начало одной из центральных политических традиций Империи, которая нуждалась в легитимации, в том числе и на символическом уровне, достижением чего стали попытки визуализации события. Картина кисти Жана-Батиста Дебре [28], датируемая 1822 г. (Иллюстр. 8), фиксирует момент коронации первого императора Бразильской Империи – Педру I [29]. С точки зрения оригинальности, коронационные мотивы в визуализации фигуры императора в Бразилии, вероятно, восходят к более ранним европейским культурным моделям, например – к работам Ж.-Л. Давида [30].

Ж.-Б. Дебре, которого следует относить к т.н. «французской миссии» [31] – группе художников, прибывавших в Бразилию из Франции [32], стремился ассимилировать в бразильских культурных условиях начала 1820-х гг. те приемы визуализации императорской власти, которые применял Ж.-Л. Давид [28] с той лишь разницей, что Педру I предстает уже коронованным в то время как во французском источнике композиции и сюжета бразильских полотен, фиксирующих коронацию, Наполеон сам возлагает корону. Латинская Америка, по мнению ряда историков, была вынуждена копировать европейские культурные образцы, будучи не в состоянии «игнорировать влияние, которое Франция и Французская революция оказали на латиноамериканские политические и художественные идеи в 19 веке, так как именно Франция считалась цивилизационной моделью», в том числе – и в том, как и каким образом следует визуализировать монаршую власть в целях «конструирования национального дискурса» [33].

Иллюстр. 8. Коронация Педру I. Картина кисти Жана-Батиста Дебре (1822)

Традиции визуализации монархии, которые в начале 1820-х гг. складывались в Бразилии, в определенной степени были близки французской модели революционного искусства [34] с различиями почти исключительно в визуализации предписываемых смыслов, связанных в большей степени с актуализацией самой идеи империи. В контекстах тех политически ритуальных практик, которые использовались для легитимации первого императора, особый интерес представляет пропагандистский рисунок, приуроченный к коронации Педру I, который представляет собой аллегорию получения императором власти над Бразилией, так как корону ему вручает коленопреклонённый индеец, что было призвано актуализировать имперский характер государственности и особенности коммуникации между монархом и его разноплеменными подданными.

В этом контексте визуальные образы начинают, с одной стороны, выполнять функции нарратива [35], так как памятники живописи несли политические и идеологически мотивированные послания наряду с собственно нарративными конструктами, представленными текстами. С другой стороны, такая политически и идеологически мотивированная визуальность может быть описана в категориях «культурного конструкта» [36], так как подобные образы не только конструировали официальные и санкционированные образы монарха, но и продвигали их, содействуя их большей визуализации в социальных и культурных пространствах как изобретенной традиции. По мнению А.С. Реутова, общества не могут функционировать в «преимущественно визуальной эпохе», так как «современность не закрепляет автоматически гегемонию видения» [15, с. 34].

Тем не менее, отдельные национальные культуры, в особенности – их сегменты, направленные на воспроизводство символически значимых и политически сакрализованных образов, активно использовали потенциал визуального, в том числе – для легитимации институтов императорской власти. Что касается коронации Педру II, которая, по мнению некоторых историков, «была величайшим гражданским ритуалом Бразильской Империи» [37], то она была визуализирована, как минимум, дважды, что относится к полотнам Франсуа Маро и Мануэла де Араужу Порту Алегри. Эти две работы существенно отличаются композиционно и идейно, фиксируя разные ипостаси политической фигуры монарха как сына Церкви, преклонившего колени, с одной стороны, и как отца нации, хотя во втором случае также заметна роль религиозного фактора в визуализации монархической миссии императора, путь которому указывает епископ.

*Иллюстр. 9. Коронация Педру II.
Картина кисти Франсуа Маро (1842)*

*Иллюстр. 10. Коронация Педру II.
Картина кисти Мануэла де Араужу
Порту Алегри*

Центральное место этих полотен в истории бразильской живописи периода империи позволяет Гильерме Фразу Кондурю определять подобные произведения в качестве попыток «визуализировать конструкцию бразильского национального искусства» [38]. Франсуа Маро и Мануэл де Араужу Порту Алегри фактически визуализировали разные моменты коронации второго бразильского императора, которая, продлившись три часа, включала вход Педру в церковь, где его встретили шесть епископов, сопроводивших его на пути к престолу и в пресвитерию, после чего ему помазали правое запястье и плечи, облачили в императорские одеяния. Согласно церемониалу Педру, восседая на троне, отслужил мессу, после которой подошел к алтарю, где получил императорские регалии для того, чтобы сев на трон во второй раз прослушать католический гимн «Te Deum».

Попытки визуальной фиксации политического ритуала коронации важны в том смысле, что «визуальная культура в своей основе рассматривает социальную конструкцию визуального поля» [15, с. 35], а в случае с коронацией как ритуалом это визуальное поле могло совпадать с политическим. Бразильские интеллектуалы понимали важность актуализации государственных церемоний, включая коронации, для развития идентичности. Вероятно, именно поэтому Педру Америку указывал на практическую значимость искусства для решения политических задач, указывая на то, что «искусство везде является материальным выражением мыслей, зримым и неопровержимым доказательством того, что у народа есть его собственные идеи, чувства и стремления. Страна, где нет искусства или хотя бы литературы, не может быть подлинной родиной для людей, так как представляет собой просто страну, не имеющей намерения реализовать свое предназначение» [39]. Именно на решение подобных задач были направлены произведения бразильской живописи, которые актуализировали ключевые моменты коронации императоров.

Полотна, посвященные коронациям двух бразильских императоров, актуализировали и визуализировали регалии императорской власти, включая Императорскую корону Бразилии (изготовленную ювелиром Карлосом Марином, весившую 1.9 килограмма и состоящую из 639 бриллиантов короны дон Педру I и цепочки из 77 жемчужин, принадлежавших его матери, императрице Марии Леопольдине), Императорский скипетр (скипетр 2,5 метра в высоту с геральдическим гербом семьи Браганса), меч Ипиранги, мантию, принадлежавшую дону Педру I, новый императорский меч, Конституцию Бразилии 1824 года, коронационное кольцо и трон Педру II, спроектированный Мануэлем де Араужу Порту Алегри и вдохновленный трон Наполеона Бонапарта. К коронационным полотнам в определенной степени близки официальные портреты двух бразильских императоров. Портрет Педру I кисти Энрике Жозе да Силва (1825 г.) визуализирует образ императора, придерживающего рукой императорскую корону (Иллюстр. 11).

Картины кисти Антониу Араужу Соузы Лобу, созданные между второй половиной 1860-х и 1900-и гг. визуализируют Педру II с императорской короной, скипетром и мечом (Иллюстр. 12). На портрете кисти Жозе Антониу да Куньи Коуту (1868 г.) второй бразильский император Педру II запечатлен рядом с императорской короной (Иллюстр. 13). Педру II на картине Педру Америку представлен с монархическими регалиями на открытии Всеобщего собрания. Педру Америку достаточно четко визуализировал «символы власти, собственно позу императора, уподобив его великим европейским королям, его взгляд вперед, устремленный в будущее, что открывает важность величия и царственности» [22]. Фон, на котором изображен император, имеет не менее ярко выраженное политическое значение, визуализируя «классическую архитектуру в стиле традиционных портретов королевской семьи, представленную большой дорической колонной» [22].

В целом, по мнению Джессики Косты Празерес и Марианы Косты, Педру Америку (Иллюстр. 14) достаточно четко смог передать «навязываемую тропикам помпезность и европейский церемониал монархии потому, что Дон Педру II изображен в соответствии с местными традициями, включением мурсу, как часть одеяние императора, сделанную из перьев тукана... своего рода местный головной убор, адаптированный к потребностям королевского церемониала, синтезируя, тем самым, гибридный образ тропической монархии» [22]. Таким образом, монархия, представленная в Бразилии императорской властью, в живописи периода Империи воспринималась в качестве системного элемента новой политической идентичности, основанной на синтезе привнесенного европейского мифа о сакральности монархического правления и местными культурными элементами.

Иллюстр. 11. Педру I. Портрет кисти Энрике Жозе да Силвы (1825)

Иллюстр. 12. Педру II. Портрет кисти Антониу Араужу Соуза Лобу (1850).

Иллюстр. 13. Педру II. Портрет кисти Ж. А. да Куньи Коуту (1868)

Иллюстр. 14. Педру II в регалиях на открытии Всеобщего собрания. Полотно кисти Педру Америку.

Содержательно и тематически к этим полотнам близки и портреты бразильских императоров, представленные, например, полотнами Симплисиу Родригеса ди Са, Антониу Жоакима Франко Веласку (Педру I), Дельфима да Камара, Франсуа Маро и Фердинанда Крумхольца (Педру II). Портретная живопись, связанная с визуализацией образа императора в Бразильской Империи, являлась составным элементом политической иконографии, согласно которой «образы несводимы к символическим проявлениям мировоззрения, а также не являются видимой частью глубинных социальных и экономических тенденций, участвуя в создании политической реальности, так как портрет монарха может способствовать стабилизации монархии» [40]. Портретная живопись в Бразильской Империи как форма

актуализации образа императора, визуализировала его в качестве «фигуры героя, стремясь к индивидуальному измерению истории, так как подлинный герой должен быть легко узнаваем в процессе включения живописи в создание национального нарратива потому, что память и история через отношения между образами и текстами в контексте политической мифологии стимулировали развитие иконографии, отражая и изменения в восприятии исторических фактов» [41].

Вероятно именно поэтому портреты выполняли несколько функций, будучи призванными визуализировать представления об идеальном теле императора как носителя верховной власти. Именно поэтому подобные полотна актуализировали несколько системных характеристик политической иконографии Бразильской Империи. В частности, императора следовало изображать в военной форме, декорированной, как правило, бразильскими и в ряде случаев иностранными наградами; военная форма могла быть различной, варьируясь от парадного кителя сухопутных войск до военно-морского мундира: в период правления Педру II в условиях динамичного развития фотографии¹⁵, с одной стороны, и растущими тенденциями к замене лояльности монархии различными формами идентичности нации как политического сообщества [42], стали появляться портретные изображения монарха в гражданской повседневной одежде.

Подобная трансформация практик визуализации образа второго императора стала следствием процессов социальной и политической модернизации, которые привели к усилению гражданской идентичности [43], ставшей альтернативой традиционным формам самосознания, частично унаследованных от колониального периода с той разницей, что вместо фигуры короля как консолидирующего фактора такие функции перешли императору. В целом, портреты императора в Бразильской Империи были призваны визуализировать его роль и функции как гаранта существования государственности, что содействовало развитию политической иконографии, центральным элементом которой был унифицированный и кодифицированный образ монарха.

Перформативные (событийные) уровни визуализации образа императора. Американский культуролог Николас Мирзоефф полагает, что утверждать, что «мы живем в культуре, которая визуализирует, значит ничего не утверждать» [44], подчеркивая, тем самым, как важность, так и неизбежность визуализации человеческого поведения. Поэтому третий компонент в визуализации образов императора в Бразильской империи представлен полотнами, которые условно могут быть определены как «событийные», отражая различные проявления личности и поведения двух императоров. Например, несколько картин визуализируют «Клич на Ипиранги» – комплекс событий, связанных с провозглашением независимости Бразилии [45], вокруг которых позднее возник ряд мифов, интегрированных в канон национальной исторической памяти и идентичности.

Полотно Франсуа-Рене Моро (1844 г.) фиксирует Педру I в момент провозглашения независимости Бразилии (Иллюстр. 15). Педру представлен в окружении как офицеров, так и гражданских подданных, что актуализировало роль живописи в Империи в качестве канала для укрепления политической и гражданской идентичности. Аналогичные мотивы доминируют и на полотне Педру Америку «Независимость или смерть» (1888 г., Иллюстр. 16). Примечательно, что в самой бразильской историографии визуализации образа первого императора в контексте этих произведений искусства не рассматривается в изоляции от общего культурного контекста, что существенно расширяет число смыслов, вкладываемых в понятие «визуализации», включая попытки монументализации вклада Педру I [46].

¹⁵ На большинстве сохранившихся фотографий Педру II предстает в гражданском костюме.

Иллюстр. 15. Император Педру I, провозглашающий независимость Бразилии в 1822. Полотно кисти Франсуа-Рене Моро (1844)

Иллюстр. 16. Независимость или смерть. Полотно кисти Педру Америку (1888)

Полотно кисти Аугусто Брасе визуализирует еще одно измерение личности Педру I не просто как первого императора, но и как одного из основателей национальной идентичности: на полотне монарх изображен в момент исполнения национального гимна. Император на полотне Аугусто Брасе не только его поет, но и сам аккомпанирует на пианино. Подобные тенденции визуализации образа императора актуализировали процессы культурной трансформации [47], связанной с процессами изменения в значительной степени традиционных групп в сообщество, как правило, в историографии описываемое в качестве «воображаемого».

Известны и другие примеры визуализации Педру I в событийном контексте, что относится к полотну Жана-Батиста Дебре [48], которое визуализирует свадьбу Педру I и Амелии Лейхтенбергской, которая интересна присутствием детей императора от Марии – Педру, Жануарии, Паулы и Франсишку. Картина Аурелиу ди Фигейреду актуализируют другой момент истории Империи, связанный с передачей императором 7 апреля 1831 года парламенту письма об отречении. Франсуа Маро в 1867 г. визуализировал второго бразильского императора в окружении министров в момент посещения лечебницы, где

монарх присутствует не только среди сановников империи (Набуку де Араужу, Педру де Алькантара Белигарди, Антониу Паулину Лимпу де Абреу, Император, Луиш педрейра де Соуту Ферраз, Онориу Эрмету Карнейру Леау), но рядом с ним заметны и его подданные. Образы последних были призваны актуализировать и разнообразие бразильского общества, представив императора как справедливого монарха и для белых, и для негров, что отражало трансформации самосознания в направлении гражданской идентичности.

Выводы. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов, которые определили особенности визуализации образов бразильской монархии в искусстве как Бразильской Империи, так и Республики, что актуализировало континуитет в восприятии монархии как важного компонента в истории становления политической нации и ее гражданской идентичности.

Во-первых, визуализация «тела» императора была немыслима без актуализации внешних сред, что актуализировало его неразрывную связь с пространственной географией Империи, позиционируя монарха как не только главу государства, но и как источник санкционирования его территориального существования. Примечательно то, что подобные полотна визуализировали, с одной стороны, реальную природу Бразилии в качестве фона для фигуры императора, подчеркивая тем самым его роль в приручении и покорении девственной природы. С другой стороны, в прирученный природный ландшафт вписывались явно привнесенные образы, представленные, например, колоннами, стилизованными под античные, что фактически было призвано актуализировать символическую связь с античностью, также изменявшей пространства.

Во-вторых, портретная живопись стала важным каналом актуализации фигуры императора, визуализируя его тело не только физически, но и символически, отражая, например, уровни и аспекты сакрализации императорского тела, облаченного не только парадные одежды, символизирующие мощь Империи, но и украшенного династическими наградами. Императорские награды и регалии в этом контексте были призваны визуализировать символические измерения власти, показав как менялись образы тела императора – от монарха как отца-основателя государства и нации, провозглашавшего его независимость и исполняющего гимн до императора, который становился гражданином. Поэтому в визуализации императора в портретной живописи заметна тенденция, направленная на снижение портретов в военной форме и с наградами, на смену которым приходили содержательно другие модели визуализации, которые позволяли видеть монарха не просто в гражданском костюме, но среди подданных и часто с книгой, что было призвано подчеркнуть его значение как отца-нации и ее просветителя.

В-третьих, живопись эпохи Империи фиксировала и процессуальные формы присутствия императора, включая коронации и связанными с ними символические акты коммуникации с подданными, преподносящими дары, то есть фактически актуализирующими свою лояльность. Примечательно и то, что среди образов подносителя даров могла присутствовать фигура индейца, что актуализировало и визуализировало участие императора не просто в освоении пространства, но и его политическом подчинении. Другим проявлением включенности венценосного тела императора в события Империи стала фиксация церемоний свадеб монарха, его коммуникации с членами семьи, участия в политическом процессе, санкционировании самого факта независимости, например, в форме исполнения императором гимна.

Спектр сюжетов подобных памятников бразильской живописи был достаточно разнообразен, включая не только коронации, но и отречения, что свидетельствовало о значительной свободе живописцев, в том числе – и в визуализации политически и идеологически мотивированных актов с участием императора. Если Педру I в бразильской имперской живописной традиции предстает как человек, ответственный за появление Бразильской Империи, как один из авторов национального гимна, и как политик, который принял решение об отречении от власти, то визуальные образы Педру II в большей степени актуализируют его роль как отца нации.

В целом, в живописи Бразильской Империи сложилось несколько форм визуализации сакральных уровней и символических измерений власти, в рамках которых фигуры императоров были интегрированы в заранее прописанные, предписанные и определенные сценарии, актуализирующие не только вклад в становление государства, но и его трансформацию в направлении гражданской нации. Таким образом, в XIX веке в Бразилии сложилась уникальная модель визуализации фигуры императора, самым тесным образом связанная с развитием политической идентичности, которая нуждается в дальнейшем изучении в рамках междисциплинарных интерпретационных моделей.

Библиографический список

1. **Wortman R.** Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton: Princeton University Press, 1995.
2. **Wortman R.** Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. II. From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton: Princeton University Press, 2000.
3. **Успенский Б.** Царь и император. Помазание на Царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с.
4. **Dolbilov M.** “The Political Mythology of Autocracy: Scenarios of Power and the Role of the Autocrat”. *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2. no 4(2001): 773 – 795.
5. **Кирчанов М.В.** Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822—1889). Воронеж: Научная книга, 2008. 155 с.
6. **Кирчанов М.В.** Империя и нация: проблемы интеллектуальной истории Бразильской Империи. Воронеж: Научная книга, 2013. 295 с.
7. **Кирчанов М.В.** “Бразильский император как монарх: политические ритуалы, церемонии и традиции в Бразильской Империи (введение в проблему)”. *Политические изменения в Латинской Америке*. no 23 (2019):157–175.
8. **Anderson B.** Imagined communities. L.: Verso, 1991.
9. **Hobsbawm E., Ranger T.** Eds. The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
10. **Burke P.** What is Cultural History? L. – NY.: Polity, 2008.
11. **Mogilner M.** “New imperial history. Post-Soviet historiography in search of a new paradigm for the history of empire and nationalism”. *Revue d’études comparatives Est-Ouest*. 45. no 2 (2014):25 – 67.
12. **Domanska E.** Historie niekonwencjonalne. Refleksja o przeszłości w nowej humanistyce. Poznan: Wydawnictwo Poznanskie, 2006.
13. **Dikovitskaya M.** Visual Culture: The Study of the Visual after the Cultural Turn. Cambridge, MA: The MIT Press, 2006.
14. **Mirzoeff N.** “An Introduction to Visual Culture”. Mirzoeff, Nicholas. Ed. An Introduction to Visual Culture. L. – NY.: Routledge, 1999:1 – 3.
15. **Реутов А.** Визуальные исследования современной культуры: феноменологический аспект. Нижний Новгород: ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2018.
16. **Chillón A.M.** “O Gênio do Brasil e as Musas: Um manifesto ideológico numa nação em construção”. *Dezenovevinte*. IX. no 1 (2015). URL: http://www.dezenovevinte.net/obras/obras_amc.htm
17. **Mattos Claudia Valladão de,** “Paisagem, Monumento e Crítica Ambiental na Obra de Félix-Émile Taunay”. *Dezenovevinte*. V. no 2 (2010). URL.: http://www.dezenovevinte.net/obras/obras_fet_cvm.htm

18. **Rogoff I.** “Studying visual culture”. Mirzoeff, Nicholas. Ed. *The Visual Culture Reader*. L. – NY.: Routledge, 1998:14 – 26.
19. **Joschke Ch.** “À quoi sert l’iconographie politique?”. *Perspective*. no 1 (2012). URL: <http://perspective.revues.org/646>
20. Porto Alegre, Manuel de Araujo, “30 teses para debate em 1855”. *Revista do Patrimônio Histórico e Artístico Nacional*. no 14(1959):57 – 61.
21. **Braga T.** “Nacionalização da arte brasileira”. *Ilustração Brasileira*. X. 1922. URL.: http://www.dezenovevinte.net/artigos_imprensa/ilustracao_brasileira/ib_1922_09_tb.htm
22. Prazeres, Jéssica Costa; Costa, Mariana. “A representação da simbologia do poder na obra Dom Pedro II na Abertura da Assembleia Geral, de Pedro Américo”. *Dezenovevinte*. VI. no 4 (2011). URL.: http://www.dezenovevinte.net/obras/pa_dompedro.htm
23. Porto Alegre, Manuel de Araujo, “Discurso pronunciado na Academia das Belas Artes em 1855, por ocasião do estabelecimento das aulas de matemáticas, estéticas, etc.”. *Dezenovevinte*. III. no 4 (2008). URL.: http://www.dezenovevinte.net/txt_artistas/mapa_1855_discurso.htm
24. **Mirzoeff N.** “What is visual culture?”. Mirzoeff, Nicholas. Ed. *The Visual Culture Reader*. L. – NY.: Routledge, 1998:3 – 13.
25. **Ribeiro Maria Eurydice de.** *Os símbolos do poder: cerimônias e imagens do Estado monárquico no Brasil*. Brasília: UnB, 1995.
26. **Xexéo P.** “As artes visuais e a Missão Francesa no Brasil do século XIX”. *Bandeira*, Julio; Xexéo, Pedro M.C.; Conduru, Roberto. *Org. Missão Francesa*. Rio de Janeiro, Sextante, 2003:67 – 139.
27. Salles Oliveira, Eduardo Romero. “O império da lei: Ensaio sobre o cerimonial de sagração de D. Pedro I (1822)”. *Tempo*. 14. no 20 (2009):133 – 159.
28. **Trevisan A.R.** “A Construção Visual da Monarquia Brasileira: Análise de Quatro Obras de Jean-Baptiste Debret”. *Dezenovevinte*. IV. no 3 (2009). URL.: http://www.dezenovevinte.net/obras/obras_jbd_art.htm
29. **Schubert G.** *A coroação de d. Pedro I*. Rio de Janeiro: Arquivo Nacional, 1973.
30. Friedlaender, Walter. *De David a Delacroix*. São Paulo: Cosac e Naify, 2001.
31. **Bandeira Julio; Xexéo Pedro M.C.; Conduru Roberto.** *A Missão Francesa*. Rio de Janeiro, Sextante, 2003.
32. **Prado João Fernando de Almeida.** *O artista Debret e o Brasil*. São Paulo: Companhia Editora Nacional – Editora da Universidade de São Paulo, 1990.
33. **Vota María Silvina Sosa; Silva Rosangela de Jesus.** “A pintura histórica na construção de projetos nacionais: “primeiras missas” na América Latina”. *Dezenovevinte*. XII. no 2 (2017). URL.: http://www.dezenovevinte.net/obras/rjs_pinturahistorica.html
34. **Gombrich E. H.** “The dream of reason: symbols of French Revolution”. Gombrich, Ernst Hans. *The uses of images: studies in the social function of art and visual communication*. L.: Phaidon, 2000:162 – 183.
35. **Wolf W.** “Narrative and narrativity: A narratological reconceptualization and its applicability to the visual arts”. *Word and Image. A Journal of Verbal and Visual Enquiry*. XIX. no 3 (2003):180 – 197.
36. **Mitchell W.** “Showing Seeing: Critique of Visual Culture”. *Journal of Visual Culture*. 1. no 2 (2002):165 – 181.
37. **Kraay H.** “Ritual cívico e política na reação monárquica: Rio de Janeiro e Salvador, 1837-41”, *Almanack*. no 20 (2018): 66-84.
38. **Conduru Guilherme Frazão.** “As origens da nação na pintura de história: de Victor Meirelles a Belmiro de Almeida e além”. *Dezenovevinte*. XV. no 1 (2020). URL.: http://www.dezenovevinte.net/obras/gfc_ph.htm
39. **Américo P.** “Cartas de um Pintor”. *Gazeta de Notícias*. no 236 (1884):1.
40. **Joschke Ch.** “Para que serve a iconografia política?”. *Dezenovevinte*. XV. no 1 (2020). URL.: <http://www.dezenovevinte.net/ha/joschke.htm>

41. **Barbosa L.C.** “Uma imagem para a pátria: o retrato de Artigas por Juan Manuel Blanes”. Dezenovevinte. XII. no 1 (2017). URL.: http://www.dezenovevinte.net/obras/lcb_blanes.htm
42. **Schwarcz L.M.**. As barbas do imperador: d. Pedro II, um monarca nos trópicos. São Paulo: Companhia das Letras, 1999.
43. **Barman R.** Citizen emperor: Pedro II and the making of Brazil, 1825 – 1891. Stanford: Stanford University Press, 1988.
44. **Skidmore M.** “Nicholas Mirzoeff on the real impact of sharing 700 million snapchats every day”. Itsnicethat. 2015. June 4. URL.: <https://www.itsnicethat.com/articles/nicholas-mirzoeff>
45. **Melo P.** “O brado do Ipiranga ou a Proclamação da Independência do Brasil”. Salles Oliveira, Cecília Helena de, Mattos, Cláudia Valladão de. Org. Brado do Ipiranga. São Paulo, EDUSP, 1999:11 – 59.
46. **Salles O, Cecilia H.** “Independence and Revolution: themes of politics, History and visual culture”. Almanack. no 25 (2020):1 – 45.
47. **Graham R.** “Constructing a nation in nineteenth century Brazil: old and new views on class, culture, and the state”. The Journal of the Historical Society. 1. no 2 – 3 (2002):17 – 66.
48. **Lima V, J.-B Debret**, historiador e pintor. A viagem pitoresca e histórica ao Brasil (1816 – 1839). Campinas: Editora da UNICAMP, 2007.

*Елецкий государственный университет им.
И.А. Бунина
доктор исторических наук, заведующий кафедрой
истории и историко-культурного наследия
Д.А. Ляпин
Россия, г. Елец,
тел. (47467) 6-02-37;
e-mail: denis-l@mail.ru*

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
doctor of Historical Sciences, Head of the Department of
History and Historical and Cultural Heritage
D.A. Lyapin
Russia, Yelets,
tel. (47467) 6-02-37;
e-mail: denis-l@mail.ru*

Д.А. Ляпин

ВОРОНЕЖСКАЯ ЛАНДРАТСКАЯ КНИГА 1716 Г. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ¹⁶

В статье рассматривается ландратская книга Воронежского уезда 1716 г. Автор показывает структуру и особенности ландратской книги как исторического источника по социальной истории региона Белгородской черты. Ставится вопрос о достоверности сведений ландратской книги и использовании ее данных для изучения истории данной территории.

Ключевые слова: Воронеж, ландратская книга 1716 г., крестьяне, помещики, сельские поселения, Белгородская черта.

D.A. Lyapin

THE VORONEZH LANDRAT BOOK OF 1716 AS A SOURCE ON THE HISTORY OF THE REGION OF THE BELGOROD LINE

The article deals with the landrat book of the Voronezh district of 1716. The author shows the structure and features of the landrat book as a historical source on the social history of the Belgorod line region. The question is raised about the reliability of the information of the Landrat book and the use of its data to study the history of this territory.

Key words: Voronezh, landrat book of 1716, peasants, landowners, rural settlements, Belgorod line.

Ландратские книги – исторические источник, который имеет большие информативные возможности для получения фактических сведений о населении Российского государства Петровского времени. Данная статья является продолжением предыдущих исследований, связанных с анализом ландратских книг [7; 8]. На этот раз в центре внимания автора находится ландратская книга по Воронежскому уезду 1716 г. Ее сведения очень важны для понимания происходящих в регионе социальных изменений, связанных с историческим наследием построенной здесь в 1650-е годы Белгородской черты – комплекса военно-оборонительных укреплений для защиты местного населения и дальнейшего продвижения на Юг.

«Ландратские книги» – условное название, появившееся в историографии из-за того, что очередная массовая перепись населения была поручена ландратам. Сама должность ландратов появилась в 1712 г.: так назывались помощники губернаторов из числа дворян или отставных офицеров, которые представляли местную провинциальную элиту.

© Ляпин Д.А., 2022

¹⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина"

Идея очередной переписи была связана с тем, что попытка проведения предыдущего описания в 1710 г. не удовлетворила правительство и была официально признана неудачной [5, с. 302; 11, с. 471-472]. По указу от 10 декабря 1715 г. следовало начать новое описание дворов и жителей (без «утайки и поноровки») во всех губерниях России [16, с. 185]. Повсеместная перепись началась в начале 1716 г. и была рассчитана на 2 года. Однако на деле она затянулась на 4 года, и, не дожидаясь ее полного окончания, Петр I в 1718 г. принял решение о переходе к новой системе сбора прямых налогов — подушевой [15, с. 618-620].

Ландратская перепись проводилась по традиционному принципу: сбор сказок, составление черновых вариантов переписных книг, а затем на их основе — итоговых чистовых вариантов. Сегодня все ландратские книги находятся в фонде номер 350 РГАДА вместе с переписными книгами 1710 г., различными частными переписями, а также сказками и перечневыми книгами (всего — 502 единицы хранения).

Отношение исторического сообщества к ландратским книгам, в целом, было скептическим. В пользу достоверности некоторых данных этого вида документов иногда звучали вполне аргументированные доводы [6, с. 420-425; 13, с. 388-389]. Однако отсутствие специальной обстоятельной работы о ландратских книгах продолжало поддерживать отношение настороженности и недоверия к ним в научной среде. Так, Я.Е. Водарский в работе о населении России в конце XVII – начале XVIII вв. остановился на данных двух переписей – 1678 г. и первой ревизии подушной подати 1719 г. [2], обосновывая игнорирование ландратской переписи тем, что ее материалы до этого почти не изучались [2, с. 12].

Сегодня исследователи обращаются к данным ландратских книг как к источнику сведений для генеалогических разысканий или с целью изучения юридических особенностей ревизского учета податного населения [9; 4; 1; 10]. Появились отдельные работы, связанные с деятельностью ландратов [20; 21]. Можно указать также на интересную работу С.В. Фурсова о ландратской переписи Добровского уезда в 1716 г. [22].

Воронежская ландратская книга была составлена в 1716 г. Несмотря на то, что официально уездов, как административных единиц, на момент проведения переписи не существовало, переписчики исходили из старой традиции подсчетов именно по границам уезда и сама перепись подразумевалась как уездная. Это связано с тем, что она составлялась параллельно с прошлой переписью 1710 г., данные которой опирались на сведения предыдущего описания (1678 г.). По традиции, переписчики выделяли также станы уезда. Традиционная система описания должна была позволить переписчикам проследить движение податного населения. Согласно административному делению на 1716 г. Воронеж был центром губернии, разделенной на отдельные единицы – доли.

Сохранность воронежской ландратской книги в целом удовлетворительна, несмотря на то, что часть ее листов потемнела, вероятно, по причине плохих условий хранения [18]. Рукопись имеет сразу три пагинации: две сделаны арабским цифрами, одна – буквами (традиция буквенного обозначения цифр продолжала существовать в первые десятилетия XVIII в.).

Ландратская книга представляет собой объемный фолиант в 1469 листов [17]. Структура описания населения здесь достаточно сложна. Вначале следует перечень сел и деревень, где живут помещики, имеющие крестьянские дворы с указанием поименно и крестьян, и самих помещиков. Параллельно с этим упоминаются церковные вотчины. В конце каждого населенного пункта даются общие подсчеты по различным грациям: мужчин, женщин, «обоего полу», «убылых», «наличных». Отдельно выделено описание слобод и храмов Воронежа с отдельными обобщениями по каждой слободе с такими же грациями. После этого вновь описаны сельские населенные пункты с указанием служилых людей без крестьян – «помещиковых однодворцев». Все они также перечислены поименно, но общие подсчеты по ним отсутствуют. Вся имеющаяся информация разделена на два

столбца по тексту: «наличные» и «убылые», где отмечаются данные по населению с обязательным указанием того, как «убыл» или «прибыл» тот или иной человек в сравнении с переписью 1710 г.

Отсутствие общих подсчетов по однодворцам может свидетельствовать о неполноте данных по этой категории населения. Известно, что в это время правительство еще не решило, как окончательно поступить с этими мелкими землевладельцами, не имеющими крестьян. Их то обязывали платить большие подати, освобождая от службы, то объединяли в военные формирования, то рекрутировали в низшие офицерские чины [12; 19]. Крестьянское население и помещики, которые владели крестьянскими дворами, формально представлены в ландратской книге в полном объеме, но на деле эти данные также относительны.

Описание уезда начинается с Чертовицкого стана, затем Карачунского, далее – Борщевского и, наконец, Усманского стана. Общее количество сел превышало число деревень. Если наличие села считать показателем успешного хозяйственного освоения определенной территории, то наиболее развитым выглядит, по этим данным, Борщевский стан, а наименее развитым – Усманский. Общее количество упоминаемых населенных пунктов составило 62, из них 37 – села (диаграмма 1).

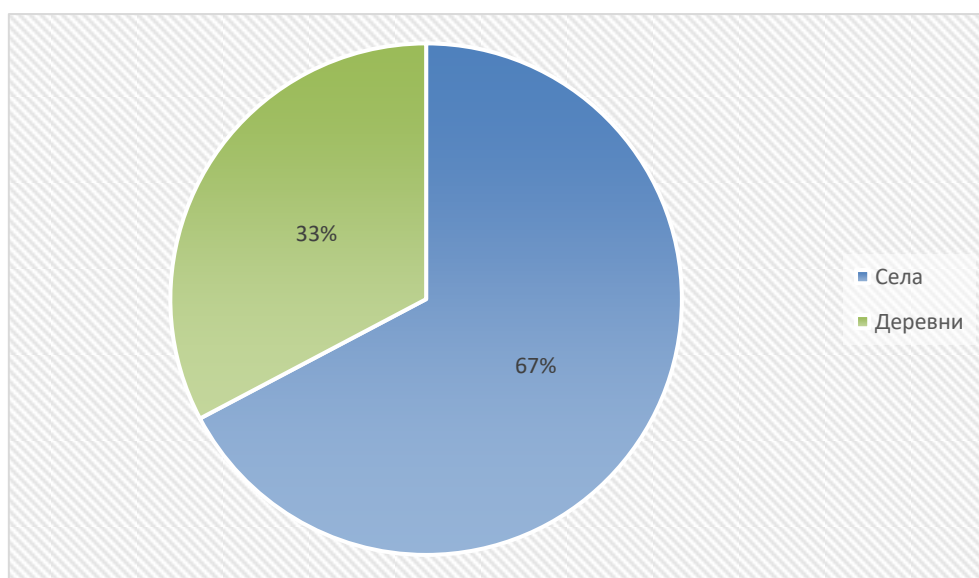

Диаграмма 1. Соотношение сел и деревень территории Воронежского уезда по данным Ландратской книги 1716 г.

Свое отражение в ландратской переписи получили также церковные земельные владения. В частности, село Карачун значилось владением Карачунского монастыря [17, л. 813-826]. За воронежским Алексеевским монастырем значились д. Трегубова (Отрожки) и д. Клементьевская [17, л. 915-927 об.]. Архиепископу Воронежскому и Елецкому Арсению принадлежала «новопоселённая» д. Кривоборье [17, л. 915-927 об.]. Интересно, что церкви упоминаются не во всех селах, а только там, где за священнослужителями значились вотчинные земли. Это относится к селам Борщево, Голышево и Покровское, здесь находились владения архиепископа Арсения и митрополита Пахомия [17, л. 1090-1157].

Социальный состав населения описываемой территории достаточно однообразен: это жители сел и деревень, владеющие землями, крестьяне и однодворцы. Поскольку у нас нет полного доверия к данным по однодворческой группе, то несомненный интерес вызывают сведения о крестьянах. В сравнении с данными 1710 г. нет ни одного населенного пункта, где наблюдалось увеличение их численности. Нам удалось обнаружить только одно село – Карачун, принадлежавшее Карачунскому монастырю, где количество крестьян не изменилось (17) [17, л. 826]. По всем остальным поселениям отмечается убыль крестьянской массы, причем по отдельным пунктам она очень существенная. Например, в с. Старое

Животинное численность крестьян упала с 47 до 22 человек, в с. Грязное – с 25 до 3 человек, в с. Пруцкое – с 56 до 26 человек, в д. Сушиловка – с 32 до 3 человек, в д. Синдякино – с 20 до 4 человек [17, л. 750-759; 795 об.-812 об.].

Если в 1710 г. в уезде было зафиксировано 1858 крестьян, то в 1716 г. – всего 870 человек мужского пола. В целом падение численности крестьянского населения за шесть лет составило 46%. Эту цифру нельзя считать достаточно достоверной, поскольку крестьяне переводились из одного места жительства на другое. По примерным данным таких было около 20%, остальные 26% – беглые и умершие. Но и эти сведения не обязательно могли быть верными, поскольку население активно стремилось укрыться от переписи.

В связи с этим актуальным является вопрос о степени достоверности воронежской ландратской книги 1716 г. Полагаем, что данные переписи можно признать достоверными наполовину, но в уезде это касается только числа крестьян и однодворцев. Служилые люди, обеспеченные крестьянскими дворами и ставшие в последствии шляхетством, т.е. дворянством нового времени, безусловно, были зафиксированы в более полном объеме. Это связано с тем, что их было не так много и в силу служебного положения укрыться от переписи было сложно. К тому, же ландратские комиссии, состоящие из местного дворянства, прекрасно ориентировались в фамильном составе местной элиты.

Традиционно служилые люди «по отчеству» были представлены в переписных книгах наиболее полно. При этом следует учитывать, что эта перепись составлялась в Воронеже параллельно описанию 1710 г., а в большинстве соседних регионов еще и с данным переписных книг 1678 г. Даже если данные переписи 1678 г. в воронежской книге не фигурировали, все равно писцы описывали границы уезда, следуя старым записям – такова была принятая в то время методика [14, с. 8-9]. Имевшие земли и крестьян воронежские помещики были в большинстве своем потомками детей боярских XVII в., и их предки упоминаются как землевладельцы в переписях 1646, 1678 и 1710 гг. Между тем, по мнению Я.Е. Водарского, данные переписных книг достоверны на 75% [2, с. 133-143]. В.Н. Глазьев установил, что по Воронежскому уезду достоверность переписи 1646 г. может быть сведена к показателю 70% [14, с. 23].

Следовательно, если воронежская перепись 1646 г. была достоверной на 70%, то следующая перепись, проведенная в 1678 г., должна иметь примерно такой же процент достоверности, так как составлялась по такому же принципу, исходя из прошлых данных. Таким образом, перепись 1710 г., опирающуюся на сведения 1678 г., и ландратскую перепись 1716 г., составляющуюся еще более скрупулезно, с прямым соотношением данных прошлых переписей, также следует признать достоверной в пределах 70%, но это касается **только одной социальной группы – местной служилой элиты, помещиков достаточным количеством крестьянских дворов (более трех)**. В целом же перепись не может служить источником надежных сведений, как и другие ландратские книги, свидетельствующие об убыли населения, так как данные первой ревизии 1719-1727 гг. показали, что количество населения реально выросло [13, с. 154].

Таким образом, материалы воронежской ландратской книги 1716 г. требуют осторожного подхода, поскольку не все ее данные достоверны. Сведения по населенным пунктам, социальному составу и местной служилой элите вполне заслуживают доверия. Общие данные по численности и движению населения не могут использоваться в качестве надежного источника сведений. Тем не менее в целом, сведения воронежской ландратской книги 1716 г. отразили исторические процессы, происходившие на территории Белгородской черты в Петровскую эпоху: увеличение количества сельских населенных пунктов, окончательное расслоение служилой массы на элиту и однодворцев, появление новых служилых групп.

Библиографический список

1. **Борщик Н. Д.** Переписи населения Курского края в XVII—XIX вв.: к историографии проблемы / Н. Д. Борщик // Вестник ТГУ. 2008. – Вып. 12 (68). – С. 285-289.
2. **Водарский Я. Е.** К вопросу о достоверности переписных книг XVII в. / Я. Е. Водарский // История СССР. – 1968. № 2. – С. 133-143.
3. **Водарский Я. Е.** Население России в конце XVII–начале XVIII вв.: численность, сословно-классовый состав, размещение) / Я. Е. Водарский. – М. : АН СССР, 1977. – 263 с.
4. **Дементьев В. С.** История учета населения России до начала XX в. / В. С. Дементьев // Географический вестник. – 2015. – № 4 (35). – С. 11-17.
5. **Доклады и приговоры состоявшиеся в правительственном Сенате в царствование Петра Великого.** Под ред. Н. Ф. Дубровина. – Т. VI. – Кн. 1. – СПб. : Тип. Императорской акад. Наук, 1901. – 464 с.
6. **Ключков М. В.** Население России при Петре Великом по переписям того времени / М. В. Ключков. – СПб. : Сенатская типография, 1911. – 435 с.
7. **Ляпин Д. А.** Ландратские книги: характеристика источника и его информационный потенциал / Д. А. Ляпин // Quaestio Rossica. – 2021. – Вып. 9 (1). – С. 254-264.
8. **Ляпин Д. А.** Опыт изучения ландратских книг Петровского времени / Д. А. Ляпин // Российская история. – 2021. – № 1. – С. 37-45.
9. **Ляпин Д. А.** Бехтеевы : родословная роспись / Д. А. Ляпин, И. Г. Лильп. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – 210 с.
10. **Мельников П. Ю.** Правовые основы ревизского учета населения в российской империи в начале XVIII века / П. Ю. Мельников // Вестник Саратовской юридической академии. – 2012. – № 2 (84). – С. 49-54.
11. **Милюков П. Н.** Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII в. и реформа Петра Великого / П. Н. Милюков. – СПб.: Типография В.С. Балашова, 1905. – С. 471-472.
12. **Нечаев В. В.** Поземельные отношения однодворцев и их потомков с государством в Козловском уезде в XVIII – XIX веков / В. В. Нечаев // Filo Ariadne. – 2021. – № 3. – С. 38-57.
13. **Очерки по истории СССР. XVIII в. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I.** Под ред. Б. Б. Кофенгауза, Н. И. Павленко. – М. : АН СССР, 1954. 815 с.
14. **Переписная книга Воронежского уезда 1646 года / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В. Н. Глазьева.** – Воронеж : ВГУ, 1998. – С. 8-9.
15. **ПСЗ. Т. 5.** – СПб. : Типография Е.И.В. Собственной канцелярии, 1830. № 3287. – С. 618–620.
16. **ПСЗ. Т. 5.** – СПб. : Типография Е.И.В. Собственной канцелярии, 1830. № 2964. – С. 185.
17. **РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 1. – Д. 113.**
18. **РГАДА. – Ф. 350. – Оп. 1. – Д. 94. – Ч. 2.**
19. **Рабинович М.Д.** Однодворцы в первой половине XVIII в. / М. Д. Рабинович // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 1971. – С. 137-144.
20. **Редин Д.А.** Сибирская ландратура : место вятских ландратов в структуре губернского управления периода первой областной реформы Петра Великого / Д. А. Редин // Известия Уральского Федерального университета. – Серия 2. Гуманитарные науки. – 2012. № 3 (105). – С. 31–47.
21. **Редин Д.А.** Сибирские ландраты. 1714–1720 гг. (Материалы к исследованию) / Д. А. Редин // Петровское время в лицах – 2005. – СПб., 2005. – С. 181–194.
22. **Фурсов С.В.** Город Добрый и уезд по материалам ландратской переписи 1716 г. / С. В. Фурсов // История: факты и символы. – 2018. – № 4 (17). – С. 86–94.

УДК 93/94

Воронежский государственный технический университет

*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры философии, социологии
и истории*

Д.В. Ливенцев

Россия, г. Воронеж

тел. 89802481930;

e-mail: liva2006@yandex.ru.

*Voronezh State Technical
University*

*doctor of historical sciences, professor,
professor of the chair of philosophy, sociology
and history*

D.V. Liventsev

Russia, Voronezh,

tel. 89802481930;

e-mail: liva2006@yandex.ru.

Д.В. Ливенцев

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ,
ИЛИ ВОЗМОЖЕН СПОРТ ВНЕ ПОЛИТИКИ?**

Специальная российская военная операция в Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 г., привела к массовому изгнанию отечественных спортсменов с международных спортивных арен. При этом повсеместно нарушается один из фундаментальных принципов олимпийского движения о том, что спорт находится вне политики. Возникает закономерный вопрос об уже имевшихся прецедентах некорректного поведения в недалеком прошлом со стороны руководителей международного спорта в отношении русских спортсменов. Целью данной статьи стало выяснение проблемы функционирования принципа международного спортивного движения, не ангажированного политикой на практике.

Ключевые слова: Международное спортивное движение, олимпиады, советский спорт, дореволюционный спорт, соревнования, олимпийские спортивные принципы, политическая ангажированность, международное сообщество.

D.V. Liventsev

**SOME FEATURES OF THE HISTORY OF INTERNATIONAL
SPORTS MOVEMENT, OR IS SPORT
POSSIBLE OUTSIDE OF POLITICS?**

A special Russian military operation in Ukraine, which began on February 24, 2022, led to the mass expulsion of domestic athletes from international sports arenas. At the same time, one of the fundamental principles of the Olympic movement, that sport is outside politics, is being violated everywhere. A natural question arises about the precedents of incorrect behavior in the recent past on the part of the leaders of international sports in relation to Russian athletes. The purpose of this article was to clarify the problem of the functioning of the principle of the international sports movement, not engaged in politics in practice.

Key words: International sports movement, Olympic Games, Soviet sports, pre-revolutionary sports, competitions, Olympic sports principles, political engagement, international community.

Начало специальной военной операции в Украине 24 февраля 2022 г. привело к многочисленным экономическим санкциям, направленным против Российской Федерации. Однако помимо экономики санкции западных государств затронули сферы культура и спорта. Нельзя не отметить, что после вхождения Крымского полуострова в состав России весной 2014 г., международные спортивные организации неоднократно позволяли себе политические акции против отечественных спортсменов. Достаточно привести постоянные допинговые скандалы, которые привели к выступлению российских спортсменов на олимпиадах и международных соревнованиях без национального флага.

Более того, заслуженные медали спортсменам Российской Федерации вручались не под звуки гимна, а под музыку выдающегося русского композитора П.И. Чайковского.

Противостояние западного мира по отношению к российской политической позиции, связанной с Донецкой и Луганской народными республиками нашло характерное отношение именно в деятельности международного спортивного движения. Однако после 24 февраля 2022 г. руководители международного спорта заняли практически непримиримую позицию, свидетельствующую об их полной политической ангажированности. Российские спортсмены были отлучены от олимпийского движения. Отечественных атлетов не допустили до любых значимых международных соревнований. Футбольная сборная страны не поехала на чемпионат мира в Катар, а профессиональные клубы исключили из соревнований УЕФА. Невероятным фактом стало исключение российских футболистов из компьютерной игры FIFA. Чиновники и общественность западных стран позволили себе выдвигать требования к единичным спортсменам, пока принимающим участие в соревнованиях на международной арене об осуждении с их стороны специальной военной операции российских войск в Украине. В результате международное спортивное движение массово отступило от собственного базового принципа, заключавшегося в известной формуле отсутствия при проведении соревнований политической подоплеки.

Возникает вопрос о том, возможен ли в принципе спорт вне политики? К сожалению, богатая история российского спорта скорее позволяет дать отрицательный ответ. Как всем известно, массовое современное олимпийское движение сформировалось при проведении в 1896 г. первой олимпиады в греческих Афинах. Как известно, их организовал известный общественный деятель барон Пьер де Кубертен. Уже на этих играх в состав Международного олимпийского комитета вошел представитель Российской Империи генерал А.Д. Бутовский. В 1912 г. в России сформировали национальный олимпийский комитет. (Рис. 1)

Рис. 1. А.Д. Бутовский

В начале XX в. в Российской Империи происходит бурное развитие спортивной жизни [13, с. 14-15]. Практически в каждом крупном губернском городе в массовом порядке открываются яхт-клубы [8] [5] и общества спасания на водах [3, с. 9-10]. На базе яхт-клубов происходят соревнования по следующим видам спорта:

- Парусные гонки [10, с. 71-72].
- Гребля.
- Лаун-теннис.
- Гимнастика.
- Крокет.
- Футбол [12, с. 49-50].

Одновременно возникают специализированные спортивные газеты и журналы [9, с. 21-22]. До 1917 г. спортсмены Российской Империи успели принять участие в нескольких летних олимпиадах:

- 1900 г. (Париж).
- 1908 г. (Лондон).
- 1912 г. (Стокгольм).

В 1900 г. от России в соревнованиях приняли участие трое фехтовальщиков и конники в показательных выступлениях, но без каких-либо наград. Всего за три олимпиады перед Первой мировой войной российские спортсмены удостоились одной золотой, четырех серебряных и трех бронзовых медалей. Кстати, великое княжество Финляндское выступало собственной олимпийской командой. Первое русское золото олимпиады принес фигурист Н.А. Панин-Коломенкин. После чего, из-за политических разногласий русские спортсмены не принимали участия в олимпийских играх до 1952 г. Именно Хельсинки в 1952 г. стали уже первой летней олимпиадой с участием СССР. (Рис. 2)

Рис. 2. Н.А. Панин-Коломенкин

Получается, что советские спортсмены пропустили целый ряд летних олимпийских игр:

- 1920 г. (Бельгия).
- 1924 г. (Франция).
- 1928 г. (Нидерланды).
- 1932 г. (Североамериканские Соединенные Штаты).
- 1936 г. (Германия).
- 1948 г. (Великобритания).

С 1924 г. начинают регулярно проводиться зимние олимпийские игры, на которые так же не приглашаются советские спортсмены. СССР не принимает участие в следующих зимних олимпийских играх:

- 1924 г. (Франция).
- 1928 г. (Швейцария).
- 1932 г. (Североамериканские Соединенные Штаты).
- 1936 г. (Германия).
- 1948 г. (Швейцария).
- 1952 г. (Норвегия).

В результате суммарно отечественные спортсмены пропустили 6 летних и 7 зимних олимпийских игр. Русский спорт с 1916 по 1952 гг., т.е. тридцать шесть лет существовал за рамками международного олимпийского движения. Можно ли после этого утверждать, что спорт находится вне политики?

Весь вышеназванный исторический период, по большей части, советский спорт существовал в изоляции от международного спортивного движения. Еще в годы Гражданской войны и интервенции в России развиваются многие виды спорта, и возникает советская спортивная пресса [1, с. 110-111]. 22 апреля 1918 г. создается Всевобуч, военизированная организация по начальной военной подготовке населения [2, с. 34-35]. Именно Всевобуч уделяет повышенное внимание физической подготовке будущих бойцов армии и флота [6, с. 9-10]. В каждом губернском городе открываются организации Всевобуча [7, с. 68-69]. Между Всевобучами происходили соревнования и обмен программами физической подготовки [16, с. 59-60]. Спортсмены Всевобуча организовали физкультурные парады [20, с. 32-33] и прочие мероприятия для населения [19, с. 37-38].

В свою очередь, Политические органы в РККА и РККФ стараются проводить массовые спортивные мероприятия [14, с. 160-161]. Причем на красном флоте впоследствии спортивные соревнования получили большую популярность [15]. Краснофлотцы соревновались отдельными кораблями и военно-морскими соединениями [11, с. 49-50].

Весьма интересной стала советская спортивная политика на международной арене. 23 июля 1921 г. формируются спортивная организация, не имевшая раньше аналогов в мире – Красный спортивный интернационал [17, с. 339-340]. В нее входят 35 иностранных спортивных рабочих обществ из 30 стран мира. Помимо этого заявления подали непризнанные национальные территории:

- Западной Украины.
- Западной Белоруссии.
- Судетской области.
- Саарской области.
- Эльзас-лотарингской области.
- Алжирской французской колонии.

Кстати, и Всевобучем и Красным спортивным интернационалом руководил Н.И. Подвойский [18, с. 88-89]. (Рис. 3)

Рис. 3. Н.И. Подвойский

Само новое спортивное движение несло мощную идеологическую составляющую, связанную с физической подготовкой рабочего класса для успешной борьбы против мирового капитализма. Чего только стоило название значка за спортивные достижения – «Готов к классовой борьбе» [21, с. 111-112]. (Рис. 4)

Рис. 4. Знак Красного Спортивного интернационала

С 1921 по 1936 гг. прошли 4 конгресса, 6 расширенных пленумов и 2 конференции представителей международного рабочего движения. Красный спортивный интернационал провел несколько спартакиад:

- 1928 г. (летняя спартакиада в Москве).
- 1928 г. (зимняя спартакиада в Осло.)
- 1931 г. (летняя спартакиада в Берлине).
- 1937 г. (летняя спартакиада в Антверпене).

Собственно организация международного рабочего спортивного движения СССР стала закономерной реакцией на запрет участия национальной сборной в летних и зимних олимпиадах. (Рис. 5)

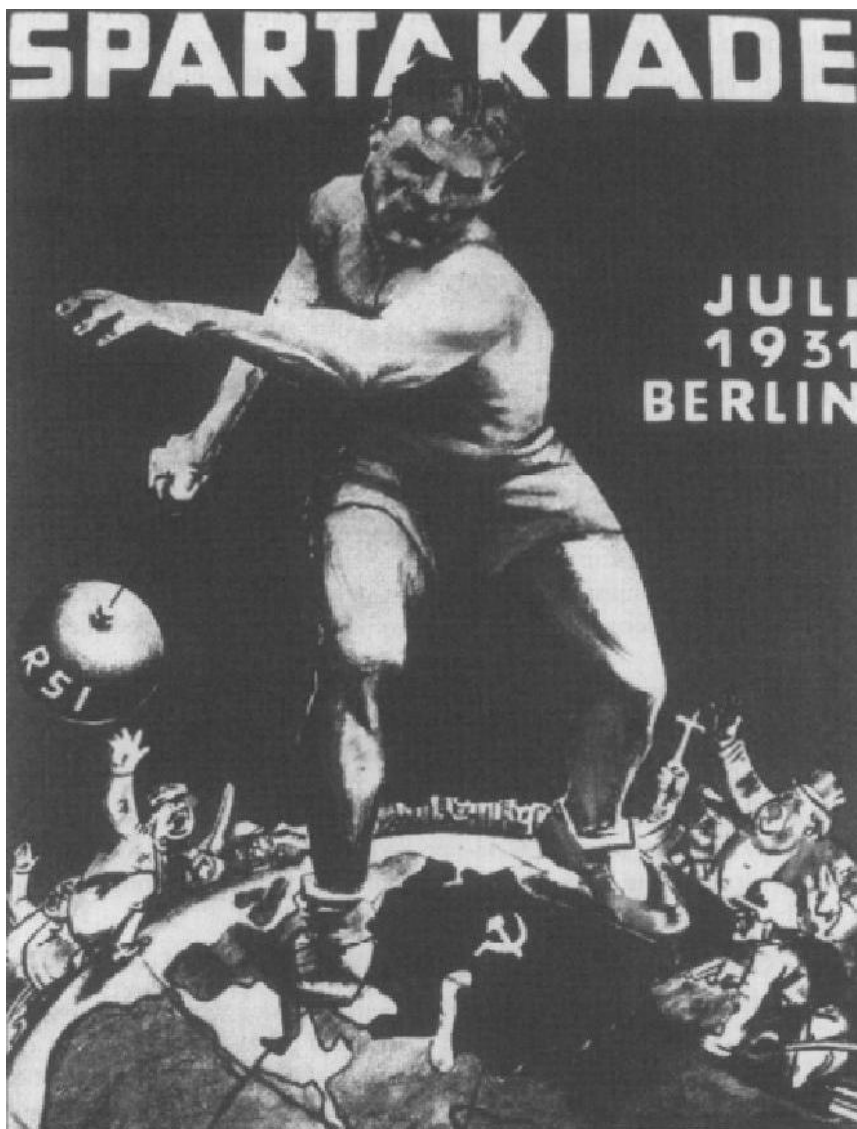

Рис. 5. Афиша берлинской спартакиады

Таким образом, после возрождения международного олимпийского движения на протяжении всего XX в. спорт был полностью политически ангажирован. Достаточным доказательством является тридцати шестилетнее отсутствие российских спортсменов на летних и зимних олимпийских играх. Только в 1952 г. СССР допустили до участия в олимпийском движении. Дискриминация отечественного спорта по политическим мотивам возродилась уже в XXI в., проделав долгий путь от допинговых скандалов с лишением российских спортсменов права выступать на международной арене под национальным

флагом и с государственным гимном до полного отлучения от олимпийского движения. Естественной реакцией советского правительства на запрет участия в олимпиадах стало развитие национального спорта и организация международного рабочего спортивного движения. Собственно когда СССР пригласили к участию в олимпийских играх, советские спортсмены показали выдающие результаты. Отсюда, можно сделать вывод о правильном пути организации спортивной жизни в условиях международной изоляции, принятом советской властью сто лет назад. Скорее всего, подобный путь предстоит пройти и Российской Федерации уже в XXI в. Речь идет, о поддержке национального спорта и приглашении к участию в соревнованиях на российской территории всех стран и международных спортивных движений, не вписавшихся в «новый мировой порядок», установленный США.

Библиографический список

6. **Алексеев К.А.** Спортивная журналистика после октября 1917 года: особенности происхождения советской физкультурно-спортивной печати // Вестник Московского университета. – 2015. – № 2. – С. 103 – 119.
7. **Бакешин К.П.** Роль Всеобуча в становлении советского физкультурно-спортивного движения в постреволюционную эпоху (1918 – 1923 гг.) // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2019. – № 5(171). – С. 33 – 37.
8. **Безуглов А.М.** Гуманитарное значение воронежского общества спасения на водах в начале XX в. // Рубежи истории. – 2019. – № 1(2). – С. 9 – 11.
9. **Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.** Красный спортивный интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Вып 2. – С. 107 – 114.
10. Большая иллюстрированная энциклопедия яхт-клубов // <http://book.nationalclass.ru/encyclopediayaht-klub>. (Дата обращения 3.04. 2022 г.).
11. **Деметр Г.С.** Всеобуч его роль в создании советской системы физического образования // Теория и практика физической культуры. – 1978. – № 4. – С. 7 – 10.
12. **Дорошенко А.А.** Советский спорт как социально-политический проект в период Гражданской войны // Омский научный вестник. – 2019. – Т. 4. – № 3. – С. 67 – 72.
13. **Копылов С.Н., Ливенцев Д.В.** Развитие Эстляндского морского яхт-клуба в конце XIX в. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 1 (57). – [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 3.04.2022.).
14. **Космодемьянский Д.Ю., Ливенцев Д.В.** История управления спортом в Российской Империи // Рубежи истории. – № 1(7). – 2020. – С. 20 – 24.
15. **Коробчук А.О.** Организация Петровского Воронежского яхт-клуба. // Культура физическая и здоровье. – 2013. – № 3 (45). – С. 71 – 73.
16. **Ливенцев Д.В.** Массовый спорт на Тихоокеанском флоте в 20 – 30-е гг. XX в. // Культура физическая и здоровье. – 2014. – № 4 (51) – С. 49 – 50.
17. **Ливенцев Д.В.** На заре воронежского футбола // Культура физическая и здоровье. – 2014. – № 2. – С. 48 – 50.
18. **Ливенцев Д.В.** Петровский Воронежский яхт-клуб как центр городской культурной жизни // Теория и практика инновационных технологий в АПК. 2013. – С. 13 – 15.
19. **Павленко А.И.** Спортивные мероприятия на Рабоче-крестьянском красном флоте в первый год советской власти // Известия Юго-Западного Федерального университета. – 2021. – № 1. – Т.11. – С. 155 – 163.
20. **Павленко А.И.** Организация спортивной жизни на Рабоче-крестьянском красном флоте в 1918 – 1919 гг. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского

государственного университета. – 2021. – № 1 (57). – [Электронный ресурс] URL: (дата обращения: 3.04.2022.).

21. **Парфенов Р.А.** Военно-физкультурное движение в Нижнем Новгороде в 1918 – 1923 годах // Известия российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 58 – 63.

22. **Филиппов А.Н.** Международные контакты советского спорта в 1920-х – 1930-х годов: противостояние красного и люцернского спортинтернационалов // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2012. – № 1. – С. 338 – 341.

23. **Хоршева А.В.** Деятельность Красного спортивного интернационала // Вестник Московского государственного университета. – 2018. – № 5. – С. 86 – 105.

24. **Чудинов И.Г.** Гимнастика и спорт в Советской республике в период Гражданской войны // Теория и практика физической культуры. – 1941. – № 5. – С. 33 – 39.

25. **Чудинов И.Г.** Физическая культура и спорт в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны в Советском Союзе (1918 – 1920 гг.) // Теория и практика физической культуры. – 1940. – № 7. – С. 30 – 37.

26. Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. – М.: Сабля – Яхт-клуб. – Т. 3. – 1963. – 423 с.

УДК 297

*Елецкий государственный университет им.
И.А. Бунина
доктор исторических наук, профессор
В.П. Литвинов
Россия, г. Елец,
e-mail: vladlenli@yandex.ru
Елецкий государственный университет им.
И.А. Бунина
студент 2 курса
И.С. Мигунов
Россия, г. Елец, тел. 89086999709
e-mail: ilya.maloy.03@mail.ru*

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
doctor of Historical Sciences, Professor
V.P. Litvinov
Russia, Yelets,
e-mail: vladlenli@yandex.ru
Yelets State University named after
I.A. Bunin
2nd year student
I.S. Migunov
Russia, Yelets, tel. 89086999709
e-mail: ilya.maloy.03@mail.ru*

В.П. Литвинов, И.С. Мигунов

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ОСНОВЫ СУФИЗМА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ
ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ДОКТРИНЫ VII-X ВВ.**

Статья посвящена социальным и духовным основам суфизма на начальном этапе. Данное направление в основном получило развитие в персидской культуре и во многом именно суфийская религиозная модель помогла прижиться исламу в Иране. Основопологающей социальной базой для суфизма изначально стали городские низы и ремесленные слои населения Ирана. По мнению большинства исследователей, суфизм начал формироваться VII в., а к концу X- началу XI в. он определился в основных своих понятиях, пройдя эволюцию от практического аскетизма к созданию самостоятельной теоретической базы. Безусловно, основные постулаты суфизма имели свое развитие и дальше, однако это носило уже поверхностный характер, имевший цель приспособить суфийскую доктрину под конкретные исторические, этнические или иные условия.

Ключевые слова: Суфизм, ислам, религиозные традиции, аскетизм, социальная доктрина, философская база.

V.P. Litvinov, I.S. Migunov

**SOCIAL AND SPIRITUAL FOUNDATIONS OF SUFISM AT THE INITIAL STAGE
OF THE FORMATION OF THE RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL DOCTRINE
OF THE 7TH-10TH CENTURIES**

The article is devoted to the social and spiritual foundations of Sufism at the initial stage. This trend was mainly developed in Persian culture and in many ways the Sufi religious model helped Islam to take root in Iran. The fundamental social base for Sufism initially became the urban lower classes and artisan strata of the population. According to most researchers, Sufism began to form in the seventh century, and by the end of the tenth and beginning of the eleventh century, it had defined its basic concepts, having evolved from practical asceticism to the creation of an independent theoretical base. Of course, the main postulates of Sufism had their development further, but this was already superficial in nature, with the aim of adapting the Sufi doctrine to specific historical, ethnic or other conditions.

Key words: Sufism, Islam, religious traditions, asceticism, social doctrine, philosophical base.

Важным вопросом в исследовательской практике, посвященной суфизму, является вопрос о том, связан ли суфизм корневыми связями с исламом или это течение является чем-то отдельным, противоречащим основным исламским установлениям. На это, отчасти, указывает то, что суфизм возник под сильным влиянием более древних, чем ислам, религиозных практик Востока. Об этом говорили многие видные исламоведы и востоковеды.

Российский исследователь П. Позднев указывал на тот факт, что первые суфийские общины были связаны «с домухаммеданскими философско-религиозными сектами, которые были распространены в Аравии и Персии» [6, с. 41].

Этого же мнения придерживался и выдающийся венгерский исламовед И. Гольдциер, указывавший на то, что в суфизме имеются влияния христианского монашества, буддизма, манихейства и зороастризма [3, с. 141]. В частности, он утверждал, что «суфийское учение о *фана* – уничтожение личности – совпадает с буддийским учением о нирване, а легенда о жизни известного мистика VIII в. Ибрахима ибн Адхама корреспондируется с биографией Будды» [3, с. 148]. О том же писал и отечественный знаток ислама и Востока, академик А. Крымский, в частности он указывал на то, что влияние на суфизм оказали два независимых друг от друга источника – «Первая струя – арабо-мохамеданская, усиленная влиянием христианства, вторая – преимущественно восточная и руслом ее служат страны, в которых раньше было влияние буддизма» [4, с. 47].

Безусловно, исламские богословы и суфийские шейхи отрицают подобное влияние, и признают суфизм в качестве самобытного исламского течения, имеющего неразрывную генетическую связь с исламом. Более того, представители т.н. «умеренного» суфизма утверждают, что суфизм есть суть и сердцевина Корана, его духовная основа. Даже видные исламские богословы, относящиеся к числу непримиримых врагов суфизма, такие, например, как Ибн аль-Джаузи (ок.1116-1201) и Ибн Таймия (1236-1328) не допускали даже мысли о том, что суфизм есть продукт чужеродного влияния. Однако они указывали на основные противоречия, которые существуют в суфизме по отношению к ортодоксальной исламской доктрине. При этом следует указать, на условность такого понятия как «ортодоксальная исламская доктрина», поскольку ислам никогда не знал четко выработанной и общепринятой религиозной доктрины. В суннитском исламе существует несколько религиозно-этических направлений (мазхабов), которые не сходятся во мнении по некоторым важным этическим, правовым и обрядовым вопросам. И даже при столь либеральной религиозно-мировоззренческой модели ислама, суфийская доктрина противоречит в основных своих положениях основополагающим исламским установлениям. В частности, ислам запрещает аскетизм и монашество, в то время как для суфизма эта общая практика. Ислам запрещает поклонение могилам людей, какими бы великими они не были, единственным местом для паломничества, и на это указывает пятый столп ислама, является храм Каабы в Мекке. Для суфизма же является общепринятым поклонение могилам великих шейхов и пиров. Кроме этого, ряд суфийских орденов использовали в практике алкоголь и гашиш.

Необходимо отметить, что спор по поводу того, что такое суфизм и является ли он частью исламской традиции, или нет, имеет не только академический интерес. Дело в том, что большинство современных радикальных течений ислама четко выводят суфизм за пределы исламской традиции и указывают на его враждебную сущность.

При всей разноголосице мнений о влиянии на суфизм, одно мнение можно считать общепринятым – суфизм в основном получил развитие в персидской культурной среде. В трудах зарубежных и отечественных исследователей, а также мусульманских богословов, где рассматривается вопрос возникновения суфизма, уделяется особое внимание влиянию иранской культурной и религиозной традиций на суфизм. Уже упомянутый исследователь П. Позднев отмечает, что в Иране еще до распространения ислама был целый ряд сект, которые по своему учению были очень близки к учению суфиев. Более того, по его мнению, именно суфийская религиозная модель помогла прижиться исламу на иранской почве, он пишет: «Принимая суфийство персы почти ничего не изменили в своих прежних воззрениях, потому что, усвоив его они на самом деле принимали свои же собственные верования; однако они становились в то же время и мусульманами.» [6, с. 48-49].

Иран практически сразу попал в орбиту ислама, после ожесточенных битв при Кадисии (636) и Нехавенде (642 г.) арабские войска смогли разрушить Сасанидское государство. Несмотря на то, что государство было разгромлено, более высокая культура и большой исторический опыт персидской государственности были восприняты арабами, они

же, как известно, подобного опыта не имели. Много из числа тех, кто при Сасанидах приобрел опыт государственного и хозяйственного управления, смогли применить его в делах управления Арабским халифатом. Таким образом, будучи более образованными и культурными персы смогли навязать арабам свои культурные и религиозные традиции. Известная академия в Гундишапуре при Сасанидах была одним из крупнейших научных и культурных центров того времени. При этом иранская интеллектуальная элита вынуждена была перенять веру и язык завоевателей. Дело в том, что зороастризм, господствовавший в Иране до прихода арабов, рассматривался ими, в отличие христианства и иудаизма, как язычество, а поэтому подвергся искоренению. Приняв ислам и изучив арабский, персы принялись переводить древнеперсидские книги, имевшие исключительное значение для будущего ислама. Также известно, что представители арабской знати часто прибегали к помощи персов во время борьбы за власть. Общеизвестно, что именно персидская знать в значительной степени способствовала приходу к власти Аббасидской династии. Захватив власть в халифате, Аббасиды построили свою новую столицу Багдад на старом месте столицы Парфянского царства. Само слово «багдад» имеет персидское происхождение в значении «божий дар». Общеизвестно, что именно на правление этой династии приходится расцвет арабской культуры и науки, при Аббасидах Багдад стал городом ученых, философов и богословов. Видный французский востоковед А. Массе пишет: «Роль иранцев в богословских науках была очень значительна... Все великие ученые, изучавшие основы правоведения, все кто выдвинулся в области догматического богословия, и почти все толкователи Корана были иранцами. Преподавание всех наук стало специальностью иранцев» [5, с. 85]. Это можно сказать и применительно к суфизму. Первым крупным ученым, кто превратил суфизм в систематическое учение и сформулировал основные теоретические основы суфизма был перс аль-Газали (1059-1111). Великие шейхи раннего суфизма: Мааруф Кархи (ум. 815), Баязид Бистами (804-874), Абу Саид Абулхейр (1278-1316) и целый ряд других были по национальности иранцами. Согласно суфийским приданиям организатором первого суфийского братства был ближайший сподвижник пророка Мухаммеда – Салман Перс (Салман аль-Фарси), он был первым иранцем, принявшим ислам.

Всякое идейное течение, претендующее на широкое распространение, в основе своего учения должно иметь социальную доктрину, которая позволяет привлечь на свою сторону широкие слои населения, в ином случае оно рискует остаться просто философской идеей или замкнуться в рамках небольшой секты. Только если оно способно отвечать необходимым запросам и потребностям определенной части общества, оно действительно становится религиозным течением. И этот момент, на наш взгляд, является важным этапом в формировании и развитии любого религиозного движения.

Основополагающей социальной базой для суфизма изначально стали городские низы и ремесленные слои населения. Большинство исследователей отмечает, что на начальном этапе своего существования суфийские общины имели тесные связи с ремесленным слоем городского населения, и в первую очередь, как отмечает академик Е.Э. Бертельс с распространенными в Иране «тайными организациями ремесленников (футувва)» [2, с. 28]. Тесная связь, которая прослеживается между суфизмом и ремесленными и торговыми объединениями, позволяли суфийским братствам иметь широкую социальную поддержку в массах. В тоже время, как отдельные шейхи, так и суфийские братства оказывали содействие и покровительство ремесленникам и купцам, что тоже был не маловажным аспектом взаимоотношений. Несмотря на то, что суфизм ратует за аскетизм и нестяжательство, тем не менее, позднее отдельные братства владели значительными материальными и финансовыми возможностями, которые могли пускать в оборот. Как правило, суфийские братства имели широкую сеть своих единомышленников во многих странах мусульманского мира, по этой причине многие из них были задействованы в международной торговле.

Первый этап в формировании суфизма, по мнению большинства исследователей, был период с VII-IX вв., это время, когда понятие суфизм еще не получило широкого распространения. В этот период по отношению к исламским аскетам чаще применяли термин «зуххад» - «отрешенные от мира». В это время еще не существовало четкой разработанной доктрины, и поэтому главным источником для аскетов были Корана и Сунна, которые интерпретировались ими в свете своих представлений.

Ключевым понятием на этом этапе было понятие «зухд» («воздержание»). Это понятие трактовалось исключительно как культивирование бедности и как способ благочестия, направленный на самосовершенствование и морально-нравственное очищение. Таким образом, на раннем этапе это течение не предлагало ничего мистического, поэтому может рассматриваться исключительно как духовно-практическая система, направленная на исполнение внешней обрядности. Видный шведский востоковед Т. Андре следующим образом определяет ранний период в суфизме: «Первоначальное аскетическое благочестие с его суровой и мрачной отрешенностью от земного, презрением к мирскому, и бесплодной аскезой одухотворяется живой, горячей любовью к Богу, во имя единения с Богом, слияния с Ним» [1, с. 18]. Кстати, Т. Андре указывал на то, что суфизм на этом этапе в значительной степени находился под влиянием христианского аскетизма, а деятели этого движения в своем отрешении от мира старались подражать Христу.

В биографиях шейхов раннего периода подчеркивается крайний аскетизм. У наиболее рьяных последователей этой идеологии даже возможность заработать средства честным трудом, рассматривалась как недоверие Богу. Часть суфиев отталкивалась от того, что Аллах не может оставить своих рабов без пропитания, и все необходимое человеку назначено предвечно, поэтому «никакими усилиями раб божий не может ни умножить своей доли, ни уклониться от ее получения. Следовательно, не нужно зарабатывать, нужно ждать того, что бог по своей милости ниспошлет» [2, с. 27]. Однако большинство исходило из того, что зарабатывать все же можно, но честным трудом. Из всех доступных тогда видов заработка, им разрешалась доставка воды из общественных водохранилищ и рек, а также сбор и доставка колочки из пустыни, вода и колочки не имели цены, поскольку никому не принадлежали, поэтому деньги брались только за их доставку. При этом, если возникал избыток, его следовало отдать нуждающимся.

До IX в. в исламе продолжалась интенсивная работа по формированию философской базы. Во времена Аббасидов переводились и изучались труды философов античности. Среди крупных переводчиков и философов того времени нередко встречались представители разных национальностей и вероисповеданий. Особенно много было представителей различных еретических течений христианства, вынужденных эмигрировать с византийских территорий, где окончательно восторжествовало Православие. Именно трудами этих «заблудших христиан» и представителей других конфессий ислам приобрел стройную богословскую концепцию.

Эта же ситуация была характерна для раннего суфизма, который сохраняя заметный аскетический заряд, стал добавлять в свое учение философское содержание. Изначально большой вклад в это дело, по мнению Е.Э. Бертельса, внесла книга «Соблюдение прав Аллаха», написанная Абу Абдаллах ибн Асад аль Анази аль Мухасибом (ум. 857). Аль Мухасиб предпринял попытку с помощью философии дать определение основным суфийским понятиям и проследить особенности влияния поступков и действий человека на его душевное состояние. В частности, он детально рассмотрел экстатическое состояние *хал*. Произведение Аль Махасиба имело исключительное значение для дальнейшего развития доктрины суфизма. В течение долго времени, все кто предпринимал попытки разобраться в суфизме или теоретически развить учение, ссылались на эту книгу.

Подобными исследованиями занимался нубиец Абу-л-Фаид ибн Ибрахим Зу-н-Нун аль Мисри (ум.860). Его главный вклад в суфизм заключается в том, что он подробно рассмотрел особые душевные состояния. Видимо, Зу-н-Нун находился под значительным влиянием александрийской философской школы, поскольку его учение о градации душевных

состояний, по мнению Е.Э. Бертельса, создано «в какой-то связи с христианским учением типа учения известного Иоанна Лествичника» [2, с. 30].

Появление произведений этих двух авторов произвели переворот в суфизме, поскольку они предложили совершенно иной подход в деле морально-нравственного очищения. Они требовали уйти от внешнего показного благочестия к внутреннему самонаблюдению и самосовершенствованию. К тому времени аскетизм уже превратился к одну из распространенных форм безделья. Разного рода отшельники и аскеты спекулировали своим учением, и, по сути, превратились в надоедливых попрошайек, для которых аскетизм стал ремеслом, а святость выгодным товаром.

На волне против превращения суфизма в одну из форм безделья в Иране в г. Нишапур возникает новое движение суфиев – *маламатиййа* (люди упрека). Основное требование последователей этой школы самонаблюдение, очищение помыслов и сердца от всякой скверны. Представители этого направления внешне себя никак не проявляли, по этой причине они никогда не носили шерстяного плаща, который стал к тому времени атрибутом каждого аскета. Они исходили из того, что все, творящееся в душе есть тайна. Внешнее отношение окружающих не учитывалось, любое проявление лицемерия являлось большим грехом, чем отступления от исламской заповеди. Незначительные отступления от исламских норм, впрочем, допускались, и даже поощрялись. Это учение получило достаточно широкое распространение в исламском мире того времени. Позже это учение развил багдадский суфий Абу-л-Касим ибн Махуммед ибн аль Джунайд аль Хазам (ум. 911). Но получил хорошее философское и богословское образование. Главная мысль его учения состояла в том, что человек не может иметь никаких внешних заслуг, по причине того, что всякое его действие – это дар Бога, а поэтому он не в праве получить награду. Рассматривая человека с этой позиции, очевидно, что человек является всего лишь орудием в руках Бога, не имеющее воли и желаний, по сути, за человеком признается лишь его ничтожество. Это позиция, с этого времени, становится краеугольным камнем суфийской доктрины. Все действия суфия должны исходить не из желания заслужить признание со стороны окружающих или получить награду в будущей жизни, вся суть его действий должна быть направлена обретение самозабвенной любви Божества, которое ведет к полному уничтожению собственного «Я». Во время экстатических радений «Я» должно исчезнуть, остаться только божество – это состояние в суфизме получило название «*фана*». Именно этот термин в определениях Джунайда стали общепринятыми для всех суфийских направлений. Фана – является конечной точкой на пути суфия.

Таким образом, к концу X- началу XI в. суфизм определился в основных своих понятиях, пройдя эволюцию от практического аскетизма к созданию самостоятельной теоретической базы, основанной на глубоком философском понимании самосовершенствования. Безусловно, основные постулаты суфизма имели свое развитие и дальше, однако это носило уже поверхностный характер, имевший цель приспособить суфийскую доктрину под конкретные исторические, этнические или иные условия.

Библиографический список

1. **Андре Т.** Исламские мистики – СПб.: Евразия, 2003. – 238 с.
2. Бертельс, Е.Э. Происхождение суфизма и зарождение суфийской литературы //Избранные труды. Т.3, М.: Восточная литература, 1959. – 524 с.
3. **Гольдциер И.** Лекции об исламе - СПб: Брокгауз-Ефрон, 1912. – 314 с.
4. **Крымский А.Е.** Очерк развития суфизма до конца III века гижры - М.: Тип. О.О. Гербек, 1895. – 49 с.
5. **Массэ А.** Ислам: Очерки истории. – М.: Наука, 1982. – 229 с.
6. **Позднев П.** Дервиши в мусульманском мире. - Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1886. - 336 с.

*Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
кандидат исторических наук, преподаватель
кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин С.А. Меганов
Россия, г. Воронеж,
тел. (473)277-51-34;
e-mail: sergmeg@rambler.ru*

*Military educational scientific center of the air force
Air Force Academy named after Professor N.E.
Zhukovsky and Y.A. Gagarin
PhD. in History, senior lecturer humanities and social
and economic sciences chair
S. A. Meganov,
Russia, Voronezh,
tel. (473) 277-51-34;
e-mail: sergmeg@rambler.ru*

С.А. Меганов

ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ В КАЗАЧЬИХ СЕМЬЯХ

В статье проанализированы традиции воспитания подрастающего поколения в казачьих семьях. Основная задача казачьей педагогики сводится к тому, чтобы каждый казак и казачка, были развитой личностью, ответственным перед Богом за свои деяния и готовые понести наказание перед казачьей общиной. Особенности воспитательного процесса казачества, основанные на ценностях и идеалах, являются своего рода национальным аспектом воспитания, который дает современному российскому обществу основы духовных традиций и национальных ценностей. Уходя своими корнями вглубь веков, казачья культура воспитывает патриотов своей Родины, верных сынов Отечества, которые гордятся историей своей великой страны.

Ключевые слова: казачество, воспитание, поколение, традиции

S.A. Meganov

TRADITIONS OF EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION IN COSSACK FAMILIES

The article analyzes the traditions of educating the younger generation in Cossack families. The main task of Cossack pedagogy is to ensure that every Cossack and Cossack woman is a developed personality, responsible before God for their deeds and ready to suffer punishment before the Cossack community. Features of the educational process of the Cossacks, based on values and ideals, are a kind of national aspect of education, which gives the modern Russian society the foundations of spiritual traditions and national values. With its roots going back centuries, Cossack culture brings up patriots of their Motherland, faithful sons of the Fatherland, who are proud of the history of their great country.

Key words: Cossacks, education, generation, traditions

Духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения во многом зависит от семьи. Казачье общество уделяет огромное внимание процессу воспитания, основой которого является патриотизм, чувство ответственности за вою Отчизну, готовность служить, гордо нести свою воинскую службу. Казаки, свято чтившие веру православную, относились к семье как святыне. Именно семья формировала у подрастающего поколения такие ценности, как любовь, уважение старших, любовь к Отчизне.

Процесс обучения и воспитания в казачьих семьях характеризуется своими особенностями, основанными на традициях семье и веры православной. Казаки стремились прививать подрастающему поколению самое ценное качество – добродетель.

Воспитание казаков занимало центральное место в общине, тем самым казачье общество строго за этим следило.

История казачества, уходя вглубь веков, является актуальной темой исследований не только для ученых, но и для представителей самой широкой общественности. Многолетние исследования позволили накопить и проанализировать огромный материал, посвященный жизни казаков. Главная ячейка общества – это семья. Институт брака в казачьих семьях играет важную роль, так как именно она закладывает основу личности ребенка. Огромное внимание уделяется институту брака в казачьих семьях. Семья – это святое не только для казака, но и для каждого человека. Создание семьи казаки считали нравственным долгом каждого человека. Передавая историческую память из поколения в поколения, юные казачата видят значимость исторических событий и значимость каждого защитника в обществе. Святыня для казака это его семья, основой которой является патриархат. В казачьих семьях строго соблюдается казачье управление. Казачья семья уже с малых лет закладывала духовный образ казака, приучая казачат к культуре казачества. Ведь именно систему ценностей прошлого и духовную связь происходит приумножение духовных ценностей. Своеобразная система воспитания у казаков является одной из составляющих традиционной культуры казачества в целом [2,с.89].

Суть данной системы заключалась в том, что ее основой служило православие, ведь не зря существует выражение «Казак без веры - не казак». Православная вера определяла жизненный путь казака, о рождении и до смерти. Казаки стремились через свою систему воспитания формировать у подрастающего поколения черты национального самосознания. Молодежь через систему ценностей осознавала свой исторический долг и значимость своих помыслов, человеческой чистоты и ценность семьи как основу духовной крепости. Одной из важнейших ценностей в семье являлся авторитет родителей, основателей рода. Родители своим примером, чувством ответственности перед детьми, уважением к старшему поколению, воспитывали у детей чувство духовного и культурного наследия казачьей семьи. Не закрепленное правило «Старший сказал – закон» является подтверждением почитания и уважения к родителям. Также уважение старших подтверждалось семейным обрядом, когда хозяин первым нарезал хлеб и первым зачерпывал еду из миски. Нередким было явление, когда отец мог наказать своих уже взрослых семей. Обычай: «Объясняй и советуй только тогда, когда у тебя совета спросят», еще раз подтверждает уважение к старшим, никогда нельзя было вмешиваться в дела и разговоры старших людей. Старшее поколение у казаков было оплотом мудрости и знаний, своего рода идеалами жизни.

Занимаясь воспитанием подрастающего поколения, казаки основной своей задачей в воспитании юношей выделяли физическое развитие, формирование стойкого воина-казака. Воспитанием подрастающего поколения занималось все казачье общество. Это характеризовалось всеобщим контролем и приоритетом социальных норм [3,с.159]. Процесс воспитания казаков зависел от разных факторов, которые были связаны с воинскими делами, хозяйственной деятельностью, природно-географическим положением, социальными отношениями и определенным укладом жизни кубанской земли. Издавна считалось, что казак – это славный воин Отчизны своей. Основная цель военно-патриотического воспитания – боевые навыки и умения и чувство патриотизма, которые и были главнейшими составляющими в социализации казака. Как только рождался казак, именно с этого момента и начиналось обучение и воспитание будущего воина. Поддержкой и опорой казака всегда были старшие, которые передавали ему свой опыт. Казачья община принимала активное участие в воспитании казака, прививая ему значение и значимость нахождения казака в казачьем обществе. Семейное воспитание казаков было строго разделено, что и обусловило педагогический подход для развития и становления личности казака. Для семейного воспитания был характерен дифференцированный подход к детям, что и создавала условия для гармоничного развития и самовыражения личности [6,с.43].

С первых дней жизни у казака начинали формировать особый дух казачества. Казачат с юных лет приучались участвовать в обрядах, церковных празднованиях, что и влияло на национальное самосознание казачат. Процесс казака-воина начинался уже «с пелёнок». Как только казак «появлялся на свет божий», «на зуб» ему клали пулю, а ручонками давали потрогать шашку и ружьё. Данный казачий обычай показывает значимость оружия для казака, ведь именно оно будет ему «родным». Особое значение казаки уделяли крестным казака. Именно на крестного ложилась большая нагрузка военного воспитания, он был для юного казака примером воинского духа. Крестный объективно относился к наказаниям и поощрениям казака. Подрастая, казачат приобщали к кулачным поединкам, что давало им стимул показать себя и свою ловкость. Данные поединки формировали у казачат основы воинской науки, стойкости и умения нести ответственность за свои поступки. Проявив себя в таких играх, казак уже был на виду у атамана, который докладывал об успехах в войсковое правление. С 13 лет казачат учили фехтовать на настоящих, но тупых шашках. Достигнув 14 лет, они были уже «подказачниками», дважды в год, на 2–3 недели отправляли казачат в специальные лагеря для обучения воинским наукам. Особое внимание уделялось элементам верховой езды. В народных поговорках про казаков повторяется одна мысль о том, что «без коня казак не казак». Конь был главным участником многих обрядов, в том числе и состязательного характера. Конные игры представляли собой своего рода проверку связи между подготовкой коня и его всадника. Именно в таких состязаниях и проявлялась сила, ловкость и отвага казака и его верного друга. Казачьи игры способствовали формированию у молодого поколения ловкости, стойкости и силы. Эти качества казака были главнейшими составляющими казачьего воспитания. Казачата обучались навыкам меткой стрельбы. Одним из показателей меткости была казачья забава, когда один зажимал в вытянутой руке между пальцами монету, а другой стрелял, выбивая монету, не задев руки. Данное испытание вырабатывало выдержку и уверенность в своем товарище.

Очень высоко ценилась роль женщины казачьей общины. Женщина служила примером для дочерей, которым передавали покорность и уважение к мужчинам – хозяевам, защитникам. Девушки знали о том, как важно вечно хранить память о погибших отцах, братьях, мужьях и сыновьях. Мать с раннего детства приучала дочь к домашним делам. Особое внимание уделялось привитию девочкам чистоты и опрятности.

Замуж девушек выдали в возрасте 17-18 лет, казаки прислушивались к мнению своих детей о выборе своего супруга или супруги. Но запрет выходить замуж за иногороднего был строгим. Девушки знали о том, что выйдя замуж за иногороднего, они теряют не только свои казачьи привилегии, но и привилегии своих будущих детей. Привитие культа предков имело большое значение в духовно-нравственном воспитании казаков. С самого раннего детства казакам говорилось о том, что казаки это вольные люди, которые обладают силой и мужеством [2,с.64].

Казачатам давали наставление помнить и чтить свои корни, с уважением и благодарностью передавать из поколения в поколение историю своего рода, фамилии и семейные фотографии. Особое внимание в казачьих семьях уделялось семейным заветам и военным реквизитам семьи – шашки, винтовки. Основная цель духовно-нравственного воспитания казаков было направлено на преданность вере православной, стремление к трудолюбию и осознание гордости за свою Отчизну. Основа духовно-нравственного воспитания казаков – православная вера. Вера давала понимание главного предназначения казака, формировала послушание, через него терпение, смирение и выдержку [1,с.12]. Приучая детей к соблюдению заповедей Господних, родители говорили : «Если кому-то что-то позволительно нарушать, то нам нельзя – мы – казаки!». Важным этапом приобщения к вере православной было крещение. Именно оно показывало особую духовную связь человека с миром православным. Божья благодать, обладая целительным действием, помогала казаку сформировать его мировоззрение, встать на путь истинный. С раннего возраста казака учили молитвам, в основном это было обязанностью матери и бабушки, водили его в храм. Казачата пели в церковном хоре, где исполняли колядки, «щедривки»,

рождественские и новогодние ритуальные песни. Составляющими элементами воспитания в казачестве являлись традиции и цели [3,с.36].

Традиции исполняли роль путеводителя во всех сферах жизни, определяли дела и поступки. Что касается целей воспитания детей, то в казачестве для мальчиков и для девочек они были четко определены. Первоначально, обращаясь к истокам становления казачества и его культурным ценностям, важно выделить стремление казаков к «воле», быть свободными, а также стремление к единению на основе веры православной. Это было обусловлено, стремлением выполнять главную миссию казачества – защита Отчизны и веры православной. Со становлением российской государственности возрастала роль казачества для единения народа на единстве казачьих традиций. Традиционная казачья педагогика играла огромную роль в становлении казака, оказав значительное влияние на его самосознание и мировоззрение. Отличительными чертами процесса воспитания казачьих детей был общественный контроль и общественные социальные нормативы. Опираясь на сохранение связи между поколениями, основывается воспитательный процесс казачат. Старшее поколение казаков выполняет особую задачу по привитию у будущих казачат военных знаний и умений, а так же формирует православные ценности. Религиозное воспитание оказывало несомненное влияние на семейную жизнь казачьих семей. Старшее поколение помимо трудовой деятельности, прививало казакам обязанность к обучению, повышению образованности. Это было обусловлено тем, что основная обязанность казака это была «государева служба», и поэтому помимо воинских обязанностей не стоило забывать и о получении базового образования. Со временем казачье воспитание подверглось существенным изменениям по вопросам социализации личности подрастающего поколения. Своеобразие семейного казачьего воспитания заключается во влечении в воспитательный процесс старшего населения казачьей общины. Семейная педагогика казачества, несомненно, пересекается с традиционной педагогикой. Главной своей задачей казаки считали приобщение подрастающего поколения к культурным ценностям, отражавшие любовь, доброту, отзывчивость, приобщение к народной культуре казачества. Значение, в воспитании будущего воина-казака, придавалось подвигам своих предков, которые заключались в любви к Отчизне, семье и своему роду, героизме и отважности, готовность пожертвовать свою жизнь. Процесс влияния на воспитание подрастающего поколения казаков можно проследить, через рекомендации, такие как наставления и заповеди, запреты и дозволения, немало важную роль также играло и народное творчество, пословицы и поговорки. Семья готовит будущих сынов Отечества, готовых всегда встать на защиту своей Отчизны. Постепенно со временем уже были выработаны формы и методы обучения и воспитания подрастающего поколения казаков. Традиции казачеству являются именно той составляющей частью культуры, которая характеризуется своеобразием и индивидуальностью казачьих традиций воспитания. Семейная казачья педагогика, основанная на вековых традициях воспитания, носит национально-педагогическую систему, которая оказывает существенное влияние на современный процесс воспитания и обучения подрастающего поколения. На современном этапе развития очень важно возрождение и дальнейшее развитие казачьей культуры.

Казачья культура как феномен духовно-воспитательного процесса современного развития обозначен рядом факторов. Возрождение культуры казачества, в первую очередь связано с социальным заказом нашего государства. Образ патриота и человека российской культуры заключается в приобщении и усвоении ценностей культуры и ее идеалов. Основными принципами казачьего воспитания являются принципы культурного многообразия и патриотизма, единства народа и духовности. Взаимодействие детей и взрослых формирует духовно-воспитательный аспект образования. Именно в данном взаимодействии и формируется потенциал культуры казачества. Воспитание казаков в духе

православия формирует духовную составляющую жизни казака и казачьей общины, тем самым помогая процессу приобщения к Богу.

Основная задача казачьей педагогики сводится к тому, чтобы каждый казак и казачка, были развитой личностью, ответственным перед Богом за свои деяния и готовые понести наказание перед казачьей общиной. Особенности воспитательного процесса казачества, основанные на ценностях, идеалах, являются своего рода национальным аспектом воспитания, направленным на формирование целостной казачьей системы воспитания в российском обществе. Казачья система воспитания дает современному обществу основы духовных традиций и национальных ценностей. Уходя своими корнями вглубь веков, казачья культура воспитывает патриотов своей Родины, верных сынов Отечества, которые гордятся историей своей великой страны.

Библиографический список

1. **Алмазов Б.А., Мурзина И.Я.** «Богатырь ты будешь с виду и казак душой...» Исконные традиции воспитания казачат // Российское казачество. 2013. №1(25) С. 10-16
2. **Гомзякова Н. Н., Коровин В. М.** Кубанские казаки – лихие джигиты и пластуны // Военно-исторический журнал. 2007. № 2. С. 63–66.
3. **Матвеев О.В.** Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII – начало XX вв.): категории воинской ментальности // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6. С. 36.
4. Основы Казачьей культуры.: Учебное пособие / Рябова Е. Л., Щупленков О.В. Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. 192 с.
5. **Рябова Е. Л., Щупленков О. В.** Казачество юга России: история и современность : учебное пособие. М.: «Этносоциум», 2011. 256 с.
6. **Щупленков О. В.** История и традиции казачества – основа патриотического воспитания молодежи // Альманах Казачество. 2014. № 8. С. 41–60.

УДК 908

*Воронежский государственный университет
доктор исторических наук, профессор
А. Ю. Минаков
Россия, г. Воронеж
тел. 89204539293
e-mail: minak.arkady2010@yandex.ru
Воронежский государственный университет
бакалавр 4-й курса исторического факультета
С. С. Сергеев
Россия, г. Воронеж
тел. 89525524558
e-mail: sergeev.j47325@yandex.ru*

*Voronezh State University
doctor of historical sciences, professor
A. Y. Minakov
Russia, Voronezh.
tel. 89204539293
e-mail: minak.arkady2010@yandex.ru
Voronezh State University
4th year bachelor of the history faculty
S. S. Sergeev
Russia, Voronezh.
tel. 89525524558
e-mail: sergeev.j47325@yandex.ru*

А.Ю. Минаков, С.С. Сергеев

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИК В ВОРОНЕЖСКОЙ
ОБЛАСТИ В 1965 -1966**

В статье анализируется первый период формирования ВООПИК на территории Воронежской области в 1965 - 1966 гг. Особое внимание уделяется деятельности по сохранению культурного наследия и процессу формирования первичных организаций в районах области. Для написания статьи привлекались архивные документы ранее не публиковавшиеся в открытых источниках и печати.

Ключевые слова: ВООПИК, культурное наследие, Воронежская область, памятники, культура, археология, архитектура.

A.Y. Minakov, S.S. Sergeev

**FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE DEPARTMENT OF VOOPIK IN THE
VORONEZH REGION IN 1965 -1966**

The article analyzes the first period of the formation of VOOPIK in the Voronezh region in 1965-1966. Special attention is paid to direct activities to preserve the cultural heritage and the process of forming primary organizations in the regions of the region. To write the article, archival documents were previously not published in open sources and the press.

Key words: VOOPIK, cultural legacy, Voronezh region, monuments, culture, archaeology, architecture.

Одной из наиболее актуальных тем в вопросе сохранения культурного наследия в современной России становится налаживание эффективного взаимодействия государственных структур и общественных организаций.

В качестве примера обычно представляется западноевропейский опыт работы государства и гражданского общества. Однако и Россия имеет богатый опыт сотрудничества заинтересованной части общества и профильных структур.

Одним из ярких примеров является Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Основанное в середине 60-х гг. XX в., оно смогло объединить и институционализировать деятельность большого количества разрозненных групп и отдельных активистов по всей РСФСР.

Естественно, что ВООПИК не был частью гражданского общества в полном смысле слова, хотя бы потому, что решение о его формировании было принято административно, а вся его (общества) структура опиралась на разветвлённую сеть областных, краевых, районных органов власти, однако общественные импульсы, которые привели к созданию организации, свидетельствовали о высоком уровне сознательности общества в целом.

Целью работы - изучить первый этап формирования областного отделения ВООПИК в Воронежской области в 1965-1966 гг., выявить основные направления деятельности организации и основные результаты.

Созданию ВООПИК предшествовала длительная дискуссия. Идея борьбы за сохранение культурного наследия РСФСР стала актуализироваться в конце 50-х начале 60-х гг. Одновременно с так называемой эпохой «оттепели».

В 1958 - 61 годах разразилась активная общественная дискуссия вокруг строительства гостиницы «Россия». 3 апреля 1958 года в «Литературной газете» ряд деятелей культуры во главе с академиком И. Э. Грабарем выступили с инициативой создания парка Зарядье и сохранения памятников архитектуры. Эту инициативу поддержала плеяда виднейших деятелей культуры среди которых были: академик Б. А. Рыбаков, творческий коллектив Кукрыниксы, профессор архитектуры Н. Д. Виноградов, скульптор Е. Ф. Белашова и др [9, с. 320].

Активная позиция общественности привела к созданию в Советском комитете защиты мира (СКЗМ) Комиссия по памятникам и музеям. Вокруг комиссии в которой состояли виднейшие деятели культуры и науки сложился актив, который посылал с мест информацию о состоянии памятников [9, с. 320].

Деятельность комиссии сразу же дала существенные результаты. Благодаря работе активистов на местах и Комиссии было сохранено 110 деревянных церквей которые или находились в упадке или были под угрозой сноса.

В 1964 году в Москве стало развиваться сеть студенческих вечеров целью которых стало обсуждение судьбы культурного наследия в условиях активной застройки Москвы.

Вскоре в идеологический отдел ЦК поступила инициатива о создании общества охраны памятников. Инициатива была передана министру культуры Е. А. Фурцевой.

Первым добровольным обществом по охране памятников культурного наследия стало созданное в Москве общество «Родина» и «Россия» в Ленинграде [8, с. 23]. В 1965 году клуб «Родина» организовал серию вечеров на которых выступали деятели науки и культуры (В. А. Солоухин, В. П. Тыдман, Н. Н. Воронин, И. С. Глазунов и т.д.) [9, с. 322].

Вскоре позиция Совета Министров РСФСР сменилась с негативного восприятия идеи создания общества к положительному. Признаком этого стала публикация статьи «Памятники Отечества» в газете «Правда». Автором статьи выступил зам. Председателя Совета министров В. И. Кочемасов. В своей работе он аккумулировал запрос части интеллигенции [9, с. 322].

Таким образом инициаторами создания ВООПИК выступили заместитель председателя Совета министров РСФСР В. И. Кочемасов, ставший первым председателем ВООПИК, писатель Л. М. Леонов, художники И. С. Глазунов, П. Д. Корин и Н. А. Пластов, композитор Г. В. Свиридов, директор Эрмитажа Б. Б. Пиотровский, академики АН СССР И. В. Петрянов-Соколов и Б. А. Рыбаков [9, с. 322].

23 июля 1965 года было принято Постановление Совета Министров РСФСР об организации Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в целях привлечения широкой общественности к активному участию в охране памятников.

Председателем ВООПИК был избран академики АН СССР Игорь Васильевич Петрянов-Соколов. Вскоре был принят устав с целями, правами и задачами общества. Являясь организацией созданной «сверху» ВООПИК главной своей целью ставил содействие работе государственных органов, популяризация истории и культуры и конечно вовлечение в деятельность организации как можно большего числа участников. Опираясь на

государственный аппарат ВООПИК смог в кратчайшие сроки сформировать сеть организации на всех уровнях - автономные края, области, районы, города.

Задачи по наблюдению и контролю за созданной организацией были возложены на Министерство культуры РСФСР. Оно же занималось и формированием разветвлённой структуры общества [1, с. 1].

Для обеспечения реализации решений Министерства культуры в Воронежской области был создан организационный комитет по подготовке и проведению учредительной конференции. В состав комитета вошли - Радымалин И. И. (зам. Председателя Облсполкома), Никифоров Н. П. (начальник Областного управления культуры), Пономарев П. Д. (председатель отделения художников), Прохоров В. А. (редактор комитета радиовещания), Москаленко А. Н. (доцент ВГУ) и др. Всего 23 человека [3, с. 3-4].

16 февраля на областной учредительной конференции ВООПИК был избран президиум областного совета состоящий из 12 человек. Председателем был избран Степынин В. А. (профессор Пединститута), зам.председателя стала Владиславская М. С. (зам.директора музея), секретарём стала Никифорова Н. К. (ответственный секретарь) [1, с. 3].

В своём первом постановлении президиум наметил задачи и направления деятельности.

На момент 16 февраля 1966 года в Воронежской области насчитывалось 400 памятников истории и культуры часть из которых не была в должном состоянии. Особенно плохо содержались памятники гражданской войны. Так же существовали серьёзные проблемы с информированностью населения [2, с. 2].

В этом же постановлении президиум обязывал областной Совет организовать на всех предприятиях, государственных и общественных организациях первичные ВООПИК.

В качестве ближайших задач воронежского отделения ВООПИК были установлены следующие:

1. В 1966 - 1967 г. привести в порядок к 50-летию Советской власти историко-революционные памятники.
2. Проведение в течении 1966 - 1967 гг. По всем памятникам находящихся в неудовлетворительном состоянии минимальных реставрационных работ [2, с. 3].

Двигаясь далее по пути институционализации президиум провёл учредительную конференцию где прозвучали доклады о целях и задачах ВООПИК, обсуждался проект устава общества, а также были выбраны делегаты на Всероссийский учредительный съезд общества. Всего на конференции присутствовало 73 делегата и 17 приглашённых лиц.

На конференции прозвучали темы и сегодня актуальные для города Воронеж и области. Неудовлетворительное состояние дома Гардениных, братских могил в Грибановском, Терновском, Бобровском, Анинском и Борисоглебском районах [2, с. 6].

Вместе с тем судя по документам не во всех районах было однозначное отношение к формированию культурно-просветительского общества. Так А. П. Соловьева отметила, что в некоторых районах не видели необходимости создания общества [4, с. 5]. Однако, преобладало мнение озвученное представителем Борисоглебского района ВО Бросалиной П. П. в котором преобладало одобрение новой инициативы [2, с. 7]. Кроме того опять же отмечалась крайне низкая осведомлённость горожан об истории города.

В рассуждениях делегатов отсутствовали шапкозакидательские настроения. Как справедливо замечал один из участников конференции общество не могло провести реставрационные работы даже на наиболее важных объектах в ближайшее год - два т.к на это требовались большие средства [2, с. 7].

Звучали также идеи о невозможности постановки на охрану всех памятников дореволюционной эпохи, а только тех, которые представляли особую культурную ценность для города.

Конференция даёт нам ряд важных эмпирических данных касающихся успехов в организации структуры областного ВООПИК.

На момент организации конференции в области уже было создано 278 первичных организаций объединяющие около 2 тысячи членов. Во всех городах и районах на учредительных конференциях были созданы городские и районные отделения общества, избраны руководящие органы.

Сразу же после организации отделений на местах члены ВООПИК наметили ряд мероприятий на 1967 г. Перечень наименований мероприятий был самый широкий и затрагивал все те сферы которые могли бы поспособствовать популяризации и сохранению историко-культурного наследия Воронежской области. Среди мероприятий были и организация фотоконкурсов, издательская деятельность, выезды в районные отделения для оказания помощи местным организациям [2, с. 7].

Большое внимание общество уделяло археологии. На 1967 год были запланированы - разведка археологических памятников в пойме реки Воронеж, проведение открытых лекций на тему «Что дают археологические раскопки» (лектор Москаленко А. Н.), продолжались работы по выявлению новых памятников истории [3, с. 1].

Центральная организация ВООПИК в Воронежской области находилась в городе Воронеж.

Городская учредительная конференция прошла в январе 1966 года.

Первым делом в городском отделении стали формироваться секции: Совета городского отделения и административно-хозяйственная секция.

В качестве прикладной деятельности городского отделения можно выделить следующие: выделение денежных средств горисполкомом на проектирование ремонтных работ Успенской церкви и колокольни Акатова монастыря, уточнение границ памятников истории в черте города Воронеж, формирование картотеки памятников и создание различной печатной продукции посвящённой краеведению и круглым датам, в частности, 50-ти летию Советской власти).

В принципе мы можем сказать, что деятельность городской организации шла в общем русле с трендами в районах.

В это время в районах с разной степенью активности шло формирование первичных организаций.

Для проведения этой работы были привлечены инспекторы областного Управления культуры и научные сотрудники музеев.

Так в Ольховатском районе Воронежской области на 1 квартал 1967 года было сформировано 4 первичных организации в которых состояло 56 человек и не было ни одного коллективного участника (т.е отсутствовали организации) [4, с. 1]. Однако это не помешало проводить в районе активную деятельность. Председатель Ольховатского совета Еламкова Е. А. организовала деятельность по приведению в порядок памятных мест и братских могил гражданской и Великой Отечественной войн. Было запланировано создание парков и скверов у памятных мест и братских могил.

С другой стороны в Борисоглебском районе была сформирована серьёзная местная организация. Было создано 23 первичных организаций с общим количеством участников в 4650 человек. Кроме того в Борисоглебском обществе состояло 20 коллективных члена [2, с. 3]. В этом районе основной упор был сделан на уточнение памятников, сбор информации для установки памятных досок и агитационную деятельность через радио и местную печать [6, с. 2].

Согласно справке о работе ВООПИК члены организации приняли активное участие в обсуждении проектов строительства павильона над раскопками остатков жилищ первобытного человека в селе Костенки Хохольского района, сложенного из костей мамонта. Цель павильона - сохранение комплекса [5, с. 2].

Острой проблемой в середине 60-х годов стало сохранение памятников петровской эпохи в городе Воронеж.

Проблема возникла в связи со строительством воронежского водохранилища на реке Воронеж. Это поставило под угрозу затопления историческое место создания русского

военно - морского флота. В частности под угрозой полной потери оказался цейхгауз Петра I, цитадель (сами здания были разрушены во время Великой Отечественной войны) и Успенский собор к тому моменту уже взятый под охрану, как памятник архитектуры, но находившийся в состоянии упадка.

Особый резонанс это дело вызвало в результате заявления отправленного членом ВООПИК Кольцовым Георгием Васильевичем президиуму Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. В своём заявлении Кольцов Г. В. дал своё виденье ситуации вокруг памятников и высказал ряд аргументов в их защиту [6, с. 6]. Особое возмущение у активиста вызвал тот факт, что общественность не была проинформирована о начале строительства. К слову из трёх памятников на сегодняшний день сохранился лишь один.

Вместе с тем согласно годовому отчёту областного отделения ВООПИК за 1966-1967 годы уже в первый период своего существования областная организация начала на практике реализовывать свои цели в сфере сохранения культурного наследия.

Всего за год своего существования областное отделение потратило 116360 рублей. Административно-управленческие расходы составили 14160 рублей [7, с. 5]. Но на консервацию, реставрацию, и благоустройство памятников истории и культуры было потрачено 50000 рублей [7, с. 5].

Основными источниками дохода служили вступительные взносы которых было собрано 18060 рублей и членские взносы собранные на сумму 38800 рублей. Большой вклад вносили и организации отчислявшие ВООПИК на сохранение культурного наследия 28000. Всего за первый год организация получила доход в размере 116860 рублей. Таким образом ВООПИК потратил на реставрацию и административные расходы весь годовой доход. Однако финансовых средств не хватало чтобы реализовать все свои планы.

Таким образом, уже в первый полный год своей работы воронежское отделение ВООПИК смогло добиться своих первых административных целей (расширить сеть первичных организаций в городе и области, сформировать президиум, секции), начать реальную практическую деятельность в сфере реставрации, выявления, сохранения памятников и начать культурно-просветительскую деятельность.

Библиографический список

1. Материалы (постановления, решения и др.) об организации Воронежского областного отделения ВООПИК за 1965 г. // ГАОПИ ВО. Ф. 1463. Оп. 1. №1. Л.15.
2. Материалы (протокол, доклад и др.) учредительной конференции Воронежского областного отделения ВООПИК // ГАОПИ ВО. Ф. 1463. Оп. 1. №2. Л. 34.
3. План работы областного, городского и районных отделений общества на 1967 // ГАОПИ ВО. Ф. 1463. Оп. 1. №7. Л. 13.
4. Годовые статистические отчеты о работе областного и районных отделений и объяснительные записки к ним за 1967 г. // ГАОПИ ВО. Ф. 1463. Оп. 1. №8. Л. 25.
5. Переписка с Центральным Советом ВООПИК, Обкомом КПСС, Облисполкомом, по вопросам охраны памятников истории и культуры // ГАОПИ ВО. Ф.1463. Оп.1. №13. Л.28.
6. Штатное расписание и смета административно-управленческих расходов областного отделения на 1967 г. // ГАОПИ ВО. Ф. 1463. Оп. 1. №30. Л. 16.
7. Годовой отчет областного отделения по основной деятельности за 1967 г. // ГАОПИ ВО. Ф. 1463. Оп. 1. №31. Л. 12.
8. **Горлова Н.И.** Из истории развития реставрационного добровольческого движения в СССР в 60-80-е годы / Н. И. Горлова // Ученые записки Орловского Государственного Университета. 2017. №2. С. 23-25.
9. **Ливцов А.В.** Участие Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИИК) в сохранении культурного наследия народов Российской Федерации / А. В. Ливцов // материалы Международной научно-обществ. конференции. М: Международный центр Рерихов, 2011. С. 317-336.

*Воронежский государственный технический университет
кандидат исторических наук, доцент кафедры,
философии, социологии и истории
Л.И. Маслихова
Россия, г. Воронеж,
тел. 8-951-854-17-76;
e-mail: maslikhova@vgasu.vrn.ru
Воронежского государственного технического
университета
магистрант 1 курса
В.С. Битюков
Россия, г. Воронеж,
тел. 8-920-468-41-02;
e-mail: vbitzzz7@gmail.com*

*Voronezh State Technical
University
PhD in historical sciences, associate professor of the chair
of Philosophy, Sociology and History
L.I. Maslikhova
Russia, Voronezh,
tel. 8-951-854-17-76;
1 e-mail: maslikhova@vgasu.vrn.ru
Voronezh State Technical
University
1- st year master student
V.S. Bityukov
Russia, Voronezh,
tel. 8-920-468-41-02;
e-mail: vbitzzz7@gmail.com*

Л.И. Маслихова, В.С. Битюков

РАБОТА ПО СОХРАНЕНИЮ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ГБУК «МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ДИВНОГОРЬЕ»

В статье рассматриваются результаты работы по сохранению памятников археологии и архитектуры на территории музея-заповедника «Дивногорье», а также дальнейшие перспективы развития. По мнению авторов статьи за тридцать лет деятельности музея-заповедника были сделаны значительные шаги по сохранению объектов культурного наследия, однако остался ряд проблем, которые предстоит решать музею-заповеднику в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Музей-заповедник «Дивногорье», реставрация, храм Сицилийской иконы Божьей матери, Пещерные комплексы, памятники археологии, Маяцкая крепость, Дивногорье 9.

L.I. Maslikhova, V.S. Bityukov

WORK ON THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS ON THE TERRITORY OF THE STATE BUDGETARY INSTITUTION "DIVNOGORIE MUSEUM- RESERVE"

The article discusses the results of work on the preservation of archaeological and architectural monuments on the territory of the Divnogorye Museum-Reserve, as well as further development prospects. According to the authors of the article, over the thirty years of the museum-reserve's activity, significant steps have been taken to preserve cultural heritage objects, but there are still a number of problems that the museum-reserve will have to solve in the near future.

Key words: Divnogorie Museum-Reserve, restoration, church of the Sicilian Icon of the Mother of God, Cave complexes, archaeological monuments, Mayak Fortress, Divnogorie 9.

Достопримечательное место «Природно-культурный комплекс «Дивногорье» – это место, насыщенное объектами археологического, архитектурного и природного наследия.

Важной функцией сотрудников музея является сохранение этих объектов. Какая же работа была проведена по сохранению объектов культурного наследия на территории музея-заповедника Дивногорье?

Стоит начать с меловых останцев. Это пещерные комплексы, которые являются храмами.

По поводу основания этих храмов ведутся множество споров, однако большая часть исследователей склоняется к XVII в. Эти памятники занимают особое место среди искусственных пещерных комплексов. Все они вырублены в меловом массиве правобережья рек Тихая Сосна и Дон на участке протяженностью около 8,5 км. Протяженность самой маленькой пещеры всего 27 метров, а самой крупной — 351 метр [1]. Всего на территории находится 6 пещерных комплексов, однако состав в музея-заповедника входят лишь большие Дивы, имеющий название храм Сицилийской иконы Божьей матери.

Какие же проблемы существуют по сохранению этого памятника? Что же удалось предпринять по сохранению церкви? Пещерный комплекс разрушался на протяжении долгого времени из-за деятельности людей. Пещеры использовали для тренировок альпинисты и скалолазы, люди залазили на скалы, чтобы запечатлеть фото. В 1983 году храм очень сильно обрушился из-за того, что была подрублена опорная колонна [2, с.245]. Стоит добавить, что меловые останцы разрушаются в по причине эрозии, воздействия осадков. В результате действия всех этих факторов, в особенности техногенного характера, храм Сицилийской иконы Божьей матери потерял свой изначальный вид. После ряда разрушений начались работы активистов и волонтеров по восстановлению храма. В дальнейшем за работу взялись спелеологи и реставраторы. В результате работ храм был отреставрирован, 28 августа освещён и вошёл в состав в музея-заповедника Дивногорье [3].

Огромную работу по сохранению памятника продельывает музей-заповедник. Всё началось с создания музея-заповедника, который был основан в 1988 как филиал краеведческого музея, а с 1991 как самостоятельное учреждение. На протяжении многих проводится информирование туристов о том, что залезать на храм категорически запрещено, были поставлены таблички, на которых указана та же информация, также был установлен дежурный охранный пост у храма: охранник следит за тем, чтобы туристы не взбирались на храм. Также установлено видеонаблюдение у храма, позволяющее следить с охранного поста за памятником ночью [4]. Стоит отметить, что также был отреставрирован список Сицилийской иконы Божьей матери в 2009 г. Таким образом, были на протяжении 30-ти лет были проведены ряд мер по сохранению пещерного комплекса.

Теперь стоит коснуться памятников археологии. На сегодняшний день в музее-заповеднике обнаружено 48 памятников археологии от эпохи позднего палеолита до средневековья [5]. Основательно изучается памятник Дивногорье 9 – место гибели диких лошадей времён палеолита, стоянка позднего палеолита Дивногорье 1 [6]. Исследован памятник эпохи средневековья — Маяцкий археологический комплекс, северо-западный форпост Хазарского каганата IX-X веков [7].

Основательное исследование памятников на территории музея-заповедника началось в 2004 году. С 2004 года по 2013 год было выявлено 33 ОАН: 24 поселения и стоянки, 7 местонахождений, 2 одиночных кургана. Наиболее важным аспектом этого периода явилось обнаружение верхнепалеолитических стоянок Дивногорье-1,2,9.

Выполненная работа привела к определённым результатам: в 2013 году, 22 июля, постановлением департамента культуры и архивного дела Воронежской области было организовано и законодательно оформлено достопримечательное место «Природно-культурный комплекс «Дивногорье» [8]. Примечательно, что в 2016 году категория охраны Достопримечательного места была изменена с регионального до федерального значения, что натолкнуло на дальнейшее исследование территории.

С 2014 по 2020 год на территории в границах охранных зон достопримечательного места было выявлено еще 33 ОКН: 5 одиночных курганов, 7 курганных групп, 19 стоянок и поселений, 2 местонахождения. Таким образом, с 2004 по 2020 год включительно, в границах охранных зон объекта культурного наследия федерального значения достопримечательное место «Природно-культурный комплекс «Дивногорье» силами объединенной Дивногорской

экспедиции было выявлено: 66 ранее неизвестных объекта археологии: 9 местонахождений, 40 поселений, 3 стоянки верхнего палеолита, 7 одиночных курганов, 7 курганных групп.

Важное место в работе по сохранению культурного наследия занимает мониторинг объектов культурного наследия, что объясняется расширением территории музея-заповедника. Стоит отметить, что музей-заповедник «Дивногорье» продолжает работу по проведению охранных исследовательских работ на ОАН, расположенных на его территории. Ежегодно проводятся работы на верхнепалеолитической стоянке Дивногорье 9, и периодически – на стоянке Дивногорье 1. Также по мере необходимости проводятся охранные спасательные работы на территории Маяцкого могильника и Маяцкого селища, последние проводились в 2020 году.

Большой объём был проведён по снижению антропогенной нагрузки на объекты культурного наследия. Проблема заключается в том, что часть объектов подлежат экскурсионному показу туристам: Маяцкая крепость, селище, одиночный курган у хутора гончаров, хутор гончаров, Верхнепалеолитическая стоянка Дивногорье 9, место гибели древних лошадей [9]. Огромное воздействие оказывается на Маяцкое городище. Для уменьшения такого воздействия были созданы экскурсионные дорожки, за которые нельзя заходить. В дальнейшем были поставлены верёвки и деревянные таблички. В 2017 году был полностью ограждён вход на Маяцкую крепость, однако до конца эту проблему не удалось решить.

Другим памятником археологии, испытывающим антропогенную нагрузку, является стоянка Дивногорье 9. Засыпка его не производится, и при размывании осадками периодически обнаруживаются различные находки, которые и привлекают посетителей [10]. Что же было сделано? Был установлен охранный пост, что значительно ограничило количество людей, желающих самостоятельно попасть на стоянку. В дальнейшем была разработана специальная экскурсия с посещением на данный памятник, что позволило туристам увидеть этот объект, но под наблюдением экскурсовода.

Таким образом, за тридцать лет деятельности музея-заповедника были сделаны значительные мероприятия по сохранению объектов культурного наследия, однако остался ряд проблем, которые предстоит решать музею-заповеднику в ближайшем будущем.

Библиографический список

1. Дивногорье природный архитектурно-археологический музей-заповедник. Электронный ресурс. Режим доступа: – URL: <https://divnogor.ru/sights/architec>. (дата обращения: 04.07.2022).
2. **Кондратьева С. К.** Восстановление пещерных комплексов Дивногорья в конце XX – начале XXI вв. / С. К. Кондратьева // Восточно-европейские древности. 2012. Вып. 2., С. 244-250.
3. Дивногорье природный архитектурно-археологический музей-заповедник. Электронный ресурс. Режим доступа: – URL: <https://divnogor.ru/sights/archeology>. (дата обращения: 04.07.2022).
4. Приказ от 30 июля 2013 года N 543-ОД. Электронный ресурс. Режим доступа: - URL: <https://docs.cntd.ru/document/460180998>. (дата обращения: 04.07.2022).

УДК 93/94

*Московский государственный институт культуры
кандидат философских наук
старший преподаватель
кафедры философии
С.В. Ряполов
Россия, г. Москва,
тел. +7 950 75 88 403
e-mail: poincareconjecture@yandex.ru
Воронежский государственный университет
Зональная научная библиотека
реставратор
В.Н. Ряполов
Россия, г. Воронеж,
тел. +7 908 131 87 75
e-mail: ryapoloff.v@yandex.ru*

*Moscow State Institute of Culture
PhD in Philosophy
senior lecturer of the chair
of Philosophy
S.V. Ryapolov
Russia, Moscow,
tel. +7 950 75 88 403
e-mail: poincareconjecture@yandex.ru
Voronezh State University
Zonal Scientific Library
restorer
V.N. Ryapolov
Russia, Voronezh,
tel. +7 908 131 87 75
e-mail: ryapoloff.v@yandex.ru*

С.В. Ряполов, В.Н. Ряполов

**ЖИЗНЬ И ДУХОВНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВЯЩЕННИКОВ
БРАТЬЕВ АВСЕНЕВЫХ**

Статья посвящена истории жизни и духовно-просветительской деятельности трех братьев Авсенева, оставивших свой след в церковной истории Воронежского края. Один из них Петр Семенович Авсеньев (в монашестве Феофан) стал не только профессором Киевской духовной академии, но и одним из самых интересных, самобытных философов России.

Ключевые слова: Воронежская Епархия, Воронежская духовная семинария, Киевская духовная академия, история Русской православной церкви, православное богословие, история русской философии.

S.V. Ryapolov, V.N. Ryapolov

**THE LIFE AND CHURCH AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE PRIESTS OF
THE ASEEV BROTHERS**

The article is devoted to the history of the life and church and educational activities of the three brothers Aysenev, who left their mark in the church history of the Voronezh region. One of them, Pyotr Semyonovich Aysenev (archimandrite Theophan), became not only a professor at the Kiev Theological Academy, but also one of the most interesting, original philosophers of Russia.

Key words: Diocese of Voronezh, Voronezh Theological Seminary, Kiev Theological Academy, history of the Russian Orthodox Church, Orthodox theology, history of Russian philosophy.

В истории Воронежа есть немало примечательных семей, внесших свою лепту в развитие русской науки, искусства, философии. Об одной из таких семей и пойдет речь. Это семья Авсенева, сыгравшая заметную роль в церковной истории Воронежского края. Родоначальником семьи, по крайней мере, из тех, о ком сохранились хоть какие-то сведения, был священник Семеон Авсеньев, отец шестерых братьев. Все они пошли по стопам родителя, окончив Воронежскую духовную семинарию. Вообще, фамилия Авсенева, достаточно часто упоминаемая в материалах, посвященных воронежскому духовенству XIX века, возможно, имеет общий корень, уходящий в глубину веков истории Воронежской земли. Но вернемся к братьям, детям указанного отца Семеона.

Так в Биографическом справочнике «Выпускники Воронежской Духовной семинарии 1745 – 2015 гг.», опубликованном в 2015 году, имеются краткие сведения о них:

Первый из братьев Авсенов Николай Симеонович, сын священника села Новопокровское Воронежского уезда, 23 выпуска из семинарии (1826-1827 гг.) [1, с.42].

Второй – Петр Семенович Авсенов (в монашестве Феофан; 1810 – 31.03.1852 гг.) окончил семинарию в 24 ее выпуске (1828 – 1829 гг.). Сын священника села Новопокровское Воронежского уезда. «Способностей довольно хороших, прилежания похвального и поведения довольно хорошего». Окончил Киевскую Духовную академию в 1833 году, кандидат богословия [1, с.43].

Затем в справочнике упоминаются Авсенов Василий Семенович и Авсенов Андрей Семенович, сыновья священника села Новопокровское Воронежского уезда, одного года выпуска с Петром Семеновичем [1, с.46].

Пятый брат был выпущен по второму разряду в числе 27 выпуска (1834 – 1835 гг.) – Иоанн Семенович Авсенов (1814 – 24.02.1892 гг.). Указано так же: сын священника Воронежского уезда села Новопокровское. С 1844 года священник Воронежской Покровской церкви. Служил в священническом сане 56 лет [1, с.58-59].

И шестой, окончил семинарию год спустя после выпуска И.С. Авсенева в числе 28-го выпуска (1836 – 1837 гг.) – Александр Семенович Авсенов (1815 – ? гг.). «Способности хорошие, прилежание постоянное и поведение очень хорошее». Окончил Киевскую Духовную Академию, магистр богословия [1, с.61].

К сожалению, других сведений о Николае, Василии и Андрее нам обнаружить пока не удалось, не известны их даты рождения, которые можно примерно определить исходя из года их поступления в семинарию, ни даты смерти. Вероятно, что если бы они служили в разных селах Воронежской епархии, то в этом случае о них хоть что-то было бы известно, но, по-видимому, они продолжили свой земной путь в других губерниях страны. Потому речь пойдет только лишь о Петре, Иоанне и Александре.

Что касается отца братьев Авсеновых, то сведений о нем, к сожалению, сохранилось ничтожно мало. Известно, что священник Семеон Авсенов был протоиереем храма Покрова Пресвятой Богородицы в селе Новопокровском Воронежского уезда и на 1 января 1878 года, находясь за штатом, получал пенсию в размере 90 рублей по указу Св. Синода от 23 Сентября 1876 года за № 2862 [2, с.129].

Передавая биографические сведения о братьях Авсеновых, необходимо сделать небольшое уточнение относительно места их рождения. Упоминаемое село Новопокровское на реке Хворостани появилось в начале XVIII века, как небольшой хутор, принадлежавший Воронежскому Покровскому женскому монастырю, и назывался Черницын (*черница – монахиня*). В 1764-м правительство изъяло его у монастыря, передав в экономическую коллегию. Между 1765 и 1770-м гг. решением властей несколько десятков семей экономических крестьян были переселены на этот хутор из Данковского уезда (*сейчас город Данков Липецкой области*). Первое время хутор, а за тем и село одновременно имели три названия: Черницын, Новопокровское – по названию монастыря и Данково – по месту происхождения крестьян-переселенцев. Однако во второй половине XIX века утвердилось последнее название – Данково, существующее и по сей день [3, с.87]. Таким образом, встречающееся в ряде документов, связанных с биографией Авсеновых, село Новопокровское упоминается и как Данково, а в «Воронежский Епархиальных Ведомостях» (далее – ВЕВ) за 1885 год, в материалах, посвященных вопросу открытия школы, село упоминается, как «Новопокровское, Черницыно тож» [4, с.71].

Старший из рассматриваемых в статье братьев, русский религиозный мыслитель, богослов, философ, один из основоположников психологической науки в России, профессор Киевской духовной академии, архимандрит Феофан (Петр Семенович Авсенов) после окончания Воронежского духовного училища и Воронежской духовной семинарии [5, с.383], в 1829 году поступил в Киевскую духовную академию. Нужно отметить, что на протяжении всей своей жизни П.С. Авсенов, а впоследствии архим. Феофан, старался навещать в

Воронеже своих родственников. Так, в письме к прот. Серафиму (Серафимову) от 24 августа 1848 года он пишет: «Письмо Ваше ко мне, всегда получаемое с радостью, долго оставалось без ответа, потому что я был во время вакации в Воронеже для производства ревизии и свидания с родными. <...> Посылаю Вам из Воронежа гостинец, финифтевую икону св. Митрофана в среброоизлащенной оправе» [6, с.233]. В опубликованном в Журнале Министерства Народного Просвещения в 1853 году некрологе ученик П.С. Авсенева, архим. Антонин (Капустин) отмечал особенную любовь философа к его родителям. Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на то, что после окончания Воронежской духовной семинарии П.С. Авсенов и провел большую часть жизни в Киеве, он, несомненно, сердцем, и когда это было возможно, лично старался бывать рядом со своими родными.

Важную роль в становлении П.С. Авсенева как самостоятельного мыслителя сыграл преподаватель философии в Воронежской духовной семинарии, священник И.Я. Зацепин, в юности бывший участником литературного кружка будущего митрополита Евгения (Болховитинова), а позже воспитавший целую плеяду философов, оказавших влияние на становление русской самостоятельной философской культуры. Это обстоятельство отмечает, например, Н.А. Куценко в своей работе «Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы», указывая на этом основании на необходимость исследования преподавания философии в Воронежской духовной семинарии [7, с.90]. Так, учеником И.Я. Зацепина в Воронеже был, например, В.Н. Карпов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии, философ, первым осуществивший полный перевод на русский язык сочинений Платона, дополнив каждый том собственными подробными комментариями и пояснениями, самими по себе представляющими немалый интерес для истории русского платонизма. Не избежал влияния яркого и оригинального педагога и П.С. Авсенов. Д.В. Поспехов, упоминаемый в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834 – 1884), составленном и изданном под редакцией ордин. проф. В.С. Иконникова» как «издатель лекций Авсенева», в Биографической заметке к, опубликованным в 1869 году в Киеве, сочинениям П.С. Авсенева, отмечает истоки интереса мыслителя к философии шеллингианства: «Первое предрасположение его к ней отозвалось бессознательно, по всей вероятности, еще в бытность его в Воронежской семинарии, где в то время еще довольно живо и сильно было впечатление, произведенное там известным шеллингистом Зацепиным; а в Академии, где он в студенчестве с особенной любовью изучал сочинения Шеллинга, перешло в сознательное расположение» [8, с.VIII].

После окончания в 1833 году со степенью магистра богословия Киевской духовной академии П.С. Авсенов был сперва назначен бакалавром по классу немецкого языка, а позже бакалавром философских наук. В 1839 году был назначен экстраординарным, а с 1845 года ординарным профессором. Как отмечает в работе «Философские очерки» А.И. Введенский, именно П.С. Авсенову «студенты Киевской академии после Скворцова больше всех были обязаны своим философским развитием» [9, с.21]. Кроме того, с 1838 года П.С. Авсенов состоял адъюнктом по кафедре философии в Университете св. Владимира, а в 1842 году был избран секретарем 1 отд. философского факультета. Пытался П.С. Авсенов выставлять свою кандидатуру и на кафедру философии Московского университета, но безуспешно. Причиной чего, по мнению П.П. Кудрявцева, было сильное увлечение мыслителя немецкой философией, влиянию которой противился попечитель Московского учебного округа С.Г. Строганов [10, л.2].

Неслучайно то влияние, которое оказал П.С. Авсенов на своих учеников, в числе которых были П.Д. Юркевич, С.С. Гогоцкий, св. Феофан Затворник (Говоров) и др. Г.Г. Шпет в «Очерке развития русской философии» пишет: «Сама личность Авсенева привлекает к себе внимание. Его репутация как философа ставилась высоко: “Его имя, – сообщает автор некролога, посвященного Авсенову, – долгое время во всех учебных округах духовного

ведомства, после имени Ф.А. Голубинского, было синонимом философа» [11, с.195]. Так, св. Феофан Затворник (Говоров) в своих письмах прямо ссылается на своего бывшего учителя. В одном из них он пишет о «душе мира»: «Помню, на это нам в академии уроки читал Авсенеv – сначала Петр Семенович, а потом архим. Феофан» [12, с.109].

П.С. Авсенеv был подлинным образцом для многих, кто был с ним знаком в жизни. Чувство огромной благодарности и любви к своему учителю ярко выражено в воспоминаниях архим. Антонина (Капустина): «Надобно сказать, что его добрая и чистая душа, его всегда дружеский и ласковый тон, его сердечный голос, держали его всегда в некоторой особенной связи со слушателями, влекли к нему и внимание и сердце. <...> Эта гармония мысли и веры, встречаемой у него там, где иной не мог бы и думать о ней, была поистине поразительна, и слово мудрого наставника делала совершенною драгоценностью. Молва о нем росла с каждым годом. Для посетителей Киева видеть смиренного философа считалось почти так же важным, как и видеть знаменитого проповедника киевского (ректора академии, а потом еп. Иннокентия). <...> Не любил он никогда ни славы, ни денег, ни роскоши, ни забав, ни особенных удобств домашней жизни. <...> В домашней жизни он был прост, открыт, ласков, общителен, тих и невзыскателен, щедр и благотворителен до самоотвержения; не прилагал сердца ни к чему, что имел, кроме книг, но и на книги не смотрел, как на мертвый капитал; любил давать их всякому читать и сам набивался на это. <...> Любил музыку, но не столько за ее приятность, сколько за ее математическое и психологическое значение. Проводя всюду параллель между духовным и чувственным бытием, на все изящные искусства смотрел он только с точки их высшего, философского значения. Так смотрел он и на все окружающие его предметы, и на все события истории и своей собственной жизни: от того весь характер его жизни был несколько идеальный» [13, с.7-8].

Отзывчивость и сердечность П.С. Авсенева отмечает и М.К. Чалый, который в опубликованных на страницах «Киевской старины», «Воспоминаниях» пишет: «Товарищ мой Андрюша Болотницкий, живший на Подоле по соседству с Петром Семеновичем, много рассказывал о домашней жизни этого труженика науки. <...> Единственным развлечением для моего приятеля, при изнурительных и часто бесплодных его занятиях, стали гусли, на которых он разыгрывал божественные канты, следуя примеру своего идеала П. С-ча, от него же Андрюша получал и ноты духовных пьес, пользуясь по временам его музыкальными уроками. <...> К сожалению, мой коллега был человек малодаровитый. Усиленным трудом он думал заменить недостаток способностей и вогнал себя в чахотку, чему немало способствовала скаредность отца, который во всем ему отказывал, даже в самом необходимом. <...> Отец до того простер свою скупость, что наотрез отказался хоронить своего сына, отговариваясь неимением денег; а человек он был небедный, обладая тремя домами на Спасской улице. Товарищи сделали складчину и похоронили на свой счет. В складчине принял участие и Петр Семенович и присутствовал на погребении» [14, с.280].

В «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834 – 1884)» о П.С. Авсенеve есть следующие строки: «Это была симпатичная личность: скромный, ко всему доброжелательный, непрестанно трудившийся над саморазвитием, в собеседовании об ученых предметах всегда ровный и спокойный, – в душе глубоко религиозный и, по складу своего характера, более склонный к монашеской жизни и кабинетной деятельности, чем к жизни светской и семейной» [13, с.516-517]. В 1844 году П.С. Авсенеv был пострижен в монахи митрополитом Киевским и Галицким Филаретом (Амфитеатовым) с именем Феофана, а спустя два года возведен в сан архимандрита. Эту склонность П.С. Авсенева к монашеству отмечает и его ученик, архим. Антонин (Капустин): «Решиться на это ему не стоило большого труда, потому что образ жизни его давно уже был истинно монашеский. Постриженный с именем Феофана (11 октября 1844 г.), он понял и принял монашество самым строгим образом, точно так, как оно давно представлялось ему в идее, и как изображено в поразительном священнодействии пострижения» [13, с.8]. Безусловно, решение это было абсолютно искренним желанием

мыслителя и в полной мере соответствовало как его нравственным качествам, так и обстоятельствам личной жизни философа.

П.П. Кудрявцев называет П.С. Авсенева «киевским Шубертом» [10, л.20]. Это неслучайное сравнение: именно Готтхильф Генрих фон Шуберт может быть назван автором, оказавшим наибольшее влияние на русского философа. Основной философский интерес П.С. Авсенева составляет вопрос о духовной жизни человека. При этом философская антропология у П.С. Авсенева приобретает этическое измерение. При рассмотрении духовной жизни человека философ обращается к различным проявлениям исключительных, необычных состояний души, в котором, по мысли П.С. Авсенева, открывается путь к постижению *внутреннего, потаенного человека – сердца*, скрытого в глубине *внешнего человека*. Состояние *магнетического ясновидения*, например, удостоверяет в святости законов нравственности и религии, открывает человеку тайны духовного мира и обнаруживает «способ предугадывать будущую славу души по совлечению с нее грубой оболочки тела» [15, с.123-124]. В классической работе по истории русской религиозной философии «Пути русского богословия» прот. Георгий (Флоровский) отмечает: «В ряду киевских философов всего ярче образ П.С. Авсенева, затем архимандрита Феофана (1810 – 1852), принявшего пострижение уже в профессорском звании, по внутренней склонности и влечению. Читал он смело и вдохновенно, много говорил о “ночной жизни” души, о загадочных и магических душевных явлениях, о сне и лунатизме, о болезнях души, “о бесновании, магии и волшебстве”» [16, с.239]. Именно рассмотрению таких исключительных проявлений человеческой психики посвящены сочинения Г.Г. фон Шуберта [17, с.284], и потому, как пишет Г.Г. Шпет, поскольку «Авсенева тянуло к себе “сверхъестественное” в его ближайшем соприкосновении с жизнью человека во всех исключительных проявлениях нашей психики <...> – того, что Шуберт удачно назвал ее ночною стороною. <...> Естественно, что Авсенева нашел для себя в Шуберте излюбленного руководителя» [11, с.195-196]. Тем не менее, как уже позже признавался сам философ, немецкая философия, особенный интерес к которой он испытывал, оказалась вторичной в сравнении со святоотеческим богословием: «Друзья, пятнадцать лет посвятил я изучению германской философии; потерял я зрение, перечитывая писания немцев. Теперь, когда привел меня Господь к изучению Его Откровения в божественном, священном Писании, вижу, что все, чем восхищался я в области мыслей философов, все это давным-давно высказано в божественных Писаниях пророков и апостолов, и воспроизведено в трудах Отцов» [18].

Другим важным основанием философии П.С. Авсенева является философия платонизма и сочинения Аристотеля. Как отмечает в «Очерках по истории раннего платонизма в России» Е.И. Мирошниченко, в осмыслении философии Платона П.С. Авсенева «мы встречаемся не просто с восприятием некоторых идей Платона, но уже с восприятием дискурсивным, нацеленным на диалог» [19, с.93]. Так, например, по мнению Е.И. Мирошниченко, в философии смерти П.С. Авсенева и в его учении о душе как жизненном начале можно обнаружить своеобразную интерпретацию философии Платона [19, с.92-93], а в некоторых местах своих текстов он прямо отсылает читателя к сочинениям античного философа.

К несчастью, «болезненный от природы» [20, с.5] П.С. Авсенева заболел чахоткой. В 1844 году он был уволен от службы в университете, а в марте 1850 года по болезни и от академической службы. Безусловно, склонный к философии, его тяготила административная работа, которую ему приходилось исполнять. В конце жизни он был направлен в Рим настоятелем посольской церкви. Предполагалось, что там П.С. Авсенева сможет укрепить здоровье, но, к сожалению, было уже поздно, и 31 марта (12 апреля) 1852 года философ умер. Похоронен он на римском кладбище вблизи ворот св. Павла (№ 165) рядом с могилой К.П. Брюллова (№166).

«Прибыв летом 1851 г. в Рим, на данное ему настоятельское место при нашей посольской церкви, он в следующем году, ко дню Пасхи, почувствовал близость смерти и готовился к ней, как истинный христианин, хотя впрочем он уже давно был приготовлен к ней. Он скончался в глубоком размышлении: и можно бы дерзнуть подумать, что начатый здесь ряд его мыслей, продолжался неизменно там, доколе блаженное видение того, что он здесь уловлял только тусклыми идеями не вызвало боголюбивого философа от размышления к вечному созерцанию» [13, с.8-9], – вспоминает архим. Антонин (Капустин). В своем письме к прот. Серафиму (Серафимову) он пишет: «Я ездил на свидание в Рим к о. Феофану. Разумеется, не застал его в живых...», и в другом письме: «С нетерпением ожидаю, кроме того, целого книжного наводнения и откуда б ты думал? Из Рима. Я покупаю имущество покойно и незабвенного отца Феофана. Уже получил на это уполномочие от Александра Семеновича (Авсенева – прим. авт.)» [6, с.223]. Н.И. Флоринский, оставивший воспоминания о П.С. Авсенева [18, 21], пишет: «О профессорах философии – Авсенева и Гогоцком скажу, что оба были искренно любимы и уважаемы студентами за интересность лекций их и вместе за их добрые отношения к студентам, в особенности Гогоцкого. Чтения отца Феофана по психологии, и в особенности по так называемой в науке: Истории души, в которых он немало руководился философом-психологом из немцев Шубертом, были преинтересные. Его философия истории также немало нас увлекала. Но нравственная философия о. Феофана была верх совершенства. Отец Феофан вызван был по Высочайшему повелению – в русскую миссию в Рим. Там и скончался этот боголюбезный воистину архимандрит. Скончался замечательно – в первый день святые Пасхи, после божественной литургии, тихо заснувшим вечного покоя, за книгою в руках. Надлежало бы – кому следует – и лекции отца Феофана издать в печать в полном их составе, что весьма удобно и в настоящее время сделать: так как лекции его по психологии и истории души пожертвованы профессором при отъезде в Рим – в библиотеку кафедрального Киево-Софийского собора, где доселе и сохраняются» [18].

Действительно, при жизни П.С. Авсенева опубликовал очень мало своих сочинений, и все основные тексты были изданы уже после смерти мыслителя на основании рукописи, которую он передал И.М. Скворцову, в составе «Сборника из лекций бывших профессоров Киевской дух. академии, архимандрита Иннокентия, протоиерея И.М. Скворцова, П.С. Авсенева (архимандрита Феофана) и Я.К. Амфитеатрова, изданного академией по случаю пятидесятилетнего юбилея (1819 – 69) ее» в Киеве в 1869 году, и, вероятно, были подвергнуты редакторской правке. Исключение составляют несколько статей, опубликованных в журнале Киевской духовной академии «Воскресное чтение», редактором которого он был в 1848 – 1850 гг., и статья «Из наблюдений над умирающими. Письмо к другу» в журнале «Москвитянин», № 20 за 1852 год, издававшемся М.П. Погодиным, с которым П.С. Авсенева был в приятельских отношениях.

Актуализация и изучение философского наследия П.С. Авсенева играют важную роль не только как сохранение истории русской философской культуры, являются значимой проблемой не только в контексте истории православного богословия и русской философской мысли, но и в процессе обозначения будущего современной русской философии и выявления путей ее развития. Именно на основании оригинальной русской философии может быть выстроено понимание ее будущей перспективы. Особенно важно хранить память об оригинальном русском мыслителе в Воронеже, поскольку именно в стенах Воронежского духовного училища и Воронежской духовной семинарии началось его формирование и становление как самобытного философа.

Судьба священника Иоанна Авсенева менее интересна, чем судьба его старшего брата, но он прожил жизнь доброго, сердечного, всеми любимого и любящего городского батюшки.

В 1829 году он окончил Воронежское духовное училище, и как уже упоминалось, в 1835-м Духовную семинарию. Был рукоположен во диакона, а уже в 1836 году во священника архиепископом Воронежским Антонием II. С 1846 года Иоанн начал служить в

Покровской церкви города Воронежа, за оградой которой и закончил свой земной путь. В церкви он попал под начало одного из самых уважаемых священников Епархии, протоиерея Евфимия Светозарова, который стал не только его духовным руководителем, но и приобщил к общепархиальной жизни: как правило, наиболее талантливые, обладавшие организаторскими способностями священники города привлекались в те или иные сферы жизни Епархии, такие, как учебная, просветительская, благотворительная, миссионерская и др.

Что касается отца Иоанна, то его, выражаясь современным языком, можно было определить, как «крепкого хозяйственника», обладавшего опытом и знаниями в деле строительства. Это можно проследить по решениям тех или иных священнических съездов на страницах «ВЕВ». Так решением Заседания съезда депутатов от духовенства Воронежского училищного округа от 11 января 1877 года, он был включен в Комиссию, которой поручалось «войти в соглашение с архитектором для составления плана и сметы расходов по перестройке училищных зданий сообразно потребностям училища» [22, с.122]. Нужно добавить, что Воронежское Епархиальное духовное училище, в те годы, располагалось на территории Свято-Митрофанова монастыря. В январе 1878 года вместе с протоиереем Евфимием Светозаровым отец Иоанн вновь вошел в Комиссию как депутат съезда духовенства Воронежской Епархии. От комиссии требовалось «собрать все необходимые сведения о достоинстве, ценности (размере производства и условиях продажи) готовых свечных заводов, а также в случае надобности, все нужные данные относительно постройки в г. Воронеже Епархиального свечного завода» [23, с.32]. А уже спустя год, 6 февраля 1879 года решением съезда депутатов Воронежского округа, он вошел в состав строительной комиссии вместе все с тем же отцом Евфимием и священником Петром Ивановым [24, с.133]. Целью комиссии было строительство нового здания Епархиального духовного училища: видимо, то, которое находилось на территории Митрофанова монастыря сильно обветшало и ремонту уже не подлежало, или было принято решение использовать его после ремонта в других целях. Вновь построенное в то время здание Духовного училища сохранилось до наших дней, как один из учебных корпусов Воронежского государственного университета.

Что касается самого строительства, то с учетом возможностей тех лет, оно двигалось достаточно быстро. Так 20 августа 1882 года собрался съезд депутатов Воронежского училищного округа, на который была приглашена выше упоминаемая строительная комиссия, о деятельности которой было записано: «На съезд приглашены были члены строительного комитета по постройке здания училища протоиереи: Евфимий Светозаров, Иоанн Авсенов и Петр Иванов. Съездом предложен был им вопрос о том: вполне ли готово здание училища и скоро ли можно войти в оное? На что отцы Строители ответили, что здание, с применением к ходу училищного дела, вполне готово и перейти в него можно в сентябре месяце». Решением съезда отец Иоанн вошел и в Комиссию по приемке здания Училища после полного окончания его строительства [25, с.573, 578].

14 января 1882 года собрался очередной Общеeparхиальный съезд духовенства, на первом заседании которого, ряд священников вошли в некоторые комиссии. Не остался в стороне и отец Иоанн. Так в постановлении вечернего заседания было записано: «И, кроме того, по примеру прежних лет, найдено нужным образовать еще особую Комиссию для подробного рассмотрения всех отчетов по училищу девиц из протоиереев Михаила Некрасова и Иоанна Авсенева, и священника Андрея Соболева, коих съезд просит приступить к подробной ревизии училища девиц в возможной скорости, и о результатах своих исследований подробно отпечатать в Епархиальных Ведомостях не позже июня месяца сего года» [26, с.542-543].

Не остался в стороне отец Иоанн и от просветительской деятельности в Епархии. В 1885 году в Покровском храме были организованы, так называемые, «внебогослужебные

чтения», которые решением Святейшего Синода были распространены по всем Епархиям России. Это уже были не обычные проповеди. На «внебогослужебных чтениях» перед прихожанами священники вели беседы не только на религиозные темы, но и на исторические, нравственные, среди лекторов был и протоиерей Покровского храма отец Иоанн Авсенеv [27, с.938].

1 января 1886 году в жизни отца Иоанна произошло знаменательное событие, исполнилось 50 лет его священнического служения. В Покровском храме и дома у отца протоиерея собрались гости. Поздравления отец Иоанн получил не только от родных и друзей. Важное в жизни священника событие не осталось незамеченным в Епархии: на страницах «ВЕВ» был опубликован небольшой очерк «Празднование 50-летнего юбилея Протоиерея Иоанна Авсенева».

Обратимся к тексту этого очерка: «В день нового года редкий случай выпал на долю нашего духовенства праздновать 50-летний юбилей Священнического служения одного из старейших своих сочленов - протоиерея Покровской церкви отца Иоанна Авсенева; но, к сожалению, торжество это не могло состояться в самый день нового года, а должно было быть отложено до другого дня, т. е. до 2 Января, так как в этот день не только многие из прихожан, но и из духовенства не имели возможности принять в нем участия. Почему на другой день, именно 2-го января, в 9 часов утра раздался благовест большого колокола в Покровской церкви, возвещая прихожанам о начале юбилейного торжества. Не смотря на будний день, вскоре после раздавшегося благовеста, начали стекаться в храм молящиеся прихожане и сослуживцы юбиляра, как то духовной Консистории, так и прежние настоятели Покровской церкви: отцы Е. Светозаров и М.И. Скрябин, и ко времени приезда Преосвященного Епископа Макария и Ректора Семинарии отца Архимандрита Димитрия, храм уже был переполнен.

Торжественное богослужение совершал сам Епископ Макарий в сослужении отца Архимандрита и других заслуженных духовных лиц. По окончании литургии, преосвященный Макарий, прежде всего, обратясь к прихожанам, сказал прекрасное поучение, как о значении долголетнего служения юбиляра на пользу нескольких поколений, так и о похвальной любви прихожан к своему пастырю; затем преосвященный, в сопровождении всего присутствующего духовенства, отправился на средину храма для служения молебствия, и когда уже все было приготовлено к начатию молебствия, церковный староста, в сопровождении почтеннейших лиц из прихожан, поднес юбиляру пожертвованный прихожанами золотой наперсный крест с бриллиантовыми украшениями.

Подарок этот сначала принят был Преосвященным Макарием и затем возложен им на юбиляра, при сочувственном поздравлении и пожелании; при чем один из прихожан, Н.И. Русанов, прочитал адрес прихожан к юбиляру следующего, приблизительно, содержания: «Ваше Высокопреподобие Высокопочитаемый отец Иоанн!

Вчера, в день нового года, исполнилось 50 лет служению Вашему в священническом сане. В этот столь продолжительный период Вашего пастырского служения, Вы более 40 лет состояли нашим приходским священником, всегда были добрым нашим наставником и руководителем в деле веры, заботливым блюстителем церковного порядка и благочиния и усерднейшим радетеlem в поддержании храма в должном благолепии. Желая выразить Вам, как своему пастырю, чувства любви, уважения и глубокой признательности за Ваше долголетнее священно служение и бескорыстное христианское отношение к своей пастве, мы, нижеподписавшиеся прихожане Покровской церкви, просим Вас принять, в память знаменательного для Вас дня, 50-летнего юбилея, подносимый нами, с разрешения Высокопреосвященнейшего архиепископа Воронежского и Задонского Серафима от лица всех прихожан наперсный золотой крест с бриллиантовыми украшениями. С глубоким уважением к Вам, высокопочитаемый пастырь, имеем честь пребыть преданными Вашими прихожанами».

По окончании чтения адреса, отец Иоанн ответил растроганным голосом благодарностью за любовь и внимание своих прихожан. Когда же духовенство и прихожане

собрались к юбиляру на дом для поздравления его, то от прихожан поднесена была хлеб-соль, от Митрофанова монастыря прислана была икона Святителя Митрофана, и получено было несколько поздравительных телеграмм из других городов, в числе которых оказалась одна от Преосвященного Вениамина, бывшего ректора Воронежской Духовной Семинарии. Трогательно было видеть маститого юбиляра, окруженного, на дому, своими родными, почтенных лет, не только детьми и племянниками, но и взрослыми внуками» [28, с.48-50].

На этом поздравления и награды не закончились. Спустя пять месяцев отец Иоанн получил уже государственную награду: «Высочайшим указом, данным в 1-й день сего мая [1886] на имя капитула российских Императорских и царских орденов, Всемиловейше сопричислены, за 50-тилетнюю отлично-усердную службу в священном сане к ордену св. Владимира 4-й степени: Покровской г. Воронежа [церкви] Иоанн Авсенеv» [29, с.435].

Тут хотелось бы добавить, что это была не единственная награда отца протоиерея. Из всех возможных, на страницах «ВЕВ» удалось найти еще две, это: в 1872 году среди духовных лиц Епархии отец Иоанн был удостоен награды наперсным крестом от Святейшего Синода выдаваемым [30, с.700], а летом 1878 года удостоился Благословения Святейшего Синода без грамоты – «города Воронежа, Покровской церкви, священник Иоанн Авсенеv» [31, с.245].

Что касается семейного положения отца Иоанна, то имя его жены история не сохранила. Известно, что женился он в год окончания семинарии. В 1907 году священник села Новопокровского Иоанн Ферронский написал рукопись под названием «Летопись Покровской церкви села Новопокровского, Черницыно и Данково тож, Воронежского уезда», увидевшую свет в Воронеже только лишь в 2009 году. В рукописи указано, что у отца Иоанна Авсенева была дочь Валентина, около 1841 года рождения, замужем за священником все той же Данковской Покровской церкви отцом Александром Протопоповым [32, с.124].

До последних дней своей жизни отец Иоанн был на ногах, служил в храме, работал в Консistorии и скончался скоропостижно, как говорили в то время «от удара» или от инсульта. Епархия откликнулась на смерть уважаемого батюшки. В распоряжениях Епархиального начальства, опубликованных в «ВЕВ» за 1892 год было указано: «За смертью исключаются из списков: Протоиерей Покровской церкви г. Воронежа, член Духовной Консistorии (сверхштатный) Иоанн Авсенеv, с 24 Февраля [1892]» [33, с.114], а уже в рубрике «Местные известия», опубликованной в том же номере «ВЕВ» сообщалось: «23-го Февраля скоропостижно (от удара) скончался на 78 году жизни Протоиерей Покровской гор. Воронежа церкви отец Иоанн Семенович Авсенеv, прослуживший в сане священника 56 лет. 25 Февраля тело почившего отца Протоиерея было перенесено из дома в церковь. В тот же день, в доме его преосвященнейшим Анастасием, епископом Воронежским и Задонским, и викарием Воронежским епископом Острогорским Владимиром была совершена панихида, при хоре архиерейских певчих. Литургию и погребение отца Иоанна совершал, 27 Февраля, преосвященный Владимир. Отец Иоанн похоронен в ограде Покровской церкви, при которой он священствовал 46 лет» [33, с.214].

На момент смерти отца Иоанна в ограде Покровской церкви уже существовало небольшое кладбище из могил двух священников, двух церковных старост, купца и купчихи благотворителей. В настоящее время эти могилы не сохранились, за исключением одной – митрополита Воронежского и Липецкого Иосифа, ушедшего от нас в 1961 году, когда Покровский храм из трех уцелевших в годы Великой Отечественной войны церквей Воронежа, имел статус кафедрального собора [34, с.13].

Что касается младшего из трех упоминаемых братьев, А.С. Авсенева, то судьба была к нему не так благосклонна. Известно, как указывалось выше, что в 1837 году он окончил Воронежскую духовную семинарию. Будучи человеком, наделенным хорошими способностями и прилежанием, поступил в Киевскую духовную академию. В материале, опубликованном в «ВЕВ» за 1869 год под названием «Воспитанники Киевской духовной

академии (1819 – 1869 гг.), поступившие из Воронежской духовной семинарии» указывалось: «В X-м курсе (1839 – 1846 гг.) окончил курс со степенью магистра: Александр Семенович Авсенов (бывший профессором словесности, а потом церковной истории, ныне же учитель Усть-Медведицкой гимназии)» [35, с.932].

Разъяснил эту короткую запись о странных перемещениях А.С. Авсенева преподаватель Воронежской семинарии П.В. Никольский, написавший в двух частях, и издавший в 1898 и 1899 годах «Историю Воронежской духовной семинарии», переизданную в Воронеже в 2011 году: «Магистр Александр Семенович Авсенов (1841–1866 гг.) обучался в Воронежской семинарии и Киевской академии. 17 августа 1841 г. определен учителем словесности в 3-е низшее отделение Воронежской семинарии. С 19 июля по 19 ноября 1843 г. и с 1 июня по 28 июля 1844 г. исправлял должность инспектора семинарии. Этот временный и, пожалуй, преждевременный служебный успех, по-видимому, вскружил голову молодому учителю: он возмечтал о настоящем инспекторстве. В том же 1844 г. он обратился к обер-прокурору Святейшего Синода графу Протасову с письмом в этом духе. Письмо это очень характерно для выяснения личности Авсенева, одного из типичных учителей нашей семинарии. “Особенным счастьем поставляю служить под милостивым покровительством Вашего сиятельства. Вы столько изливаете милостей и благодеяний на всех наставников семинарии, что нам остается только благодарить Бога, вверившего Вам жребий наш и просить его о продолжении дней благотворной для нас жизни Вашей.

Ваше великодушие, милости и благодеяния доставили и мне смелость беспокоить Ваше Сиятельство просьбою. В продолжение службы моей при Воронежской семинарии своими трудами и усердием я заслужил благоволение начальства моего. В прошлом году удостоился особенного внимания, обозревавшего Воронежскую семинарию ректора Киевской академии и имел счастье быть награжденным тем, что мне по случаю болезни ректора семинарии архимандрита Стефана поручено было исправление инспекторской должности, которую я проходил 4 месяца. Покорнейше прошу утвердить меня инспектором Воронежской семинарии, когда откроется в ней вакансия. Светское мое звание, при котором я с удобностью могу наблюдать за учениками, живущими в квартирах по всему Воронежу, степень магистра, усердие мое к делу, уже известное начальству, и самое рождение и воспитание мое в этой губернии ручаются за пользу, которую я мог бы принести духовному юношеству”. Граф Протасов предложил духовно-учебному управлению иметь в виду Авсенева при открытии вакансии инспектора Воронежской семинарии. Но мечты Авсенева не осуществились: инспектором опять назначили монашествующего. Впрочем, он мог утешиться тем, что его скоро назначили экономом семинарии. Здесь Авсенов заявил себя излишней заботливостью о своем благосостоянии. Между прочим, он продал поставщику кирпича и сена 120 сажень семинарских дров на 2 400 р., вероятно, думая, когда нужно будет, купить для семинарии дрова на более выгодных условиях. Но дело испортил поставщик, с которым у Авсенева были денежные счета. Хотя жалоба на эконома официально не оправдалась, но он сильно уронил себя в глазах начальства. К тому же его обвиняли во взяточничестве. “Не могу не заметить, – писал преосвященный Иосиф, – что не профессорское дело торговать дровами. Взявшись не за свое дело, Авсенов и себя запутал, и кладет пятно на семинарское правление. Поставить это Авсеневу на вид и выводить в потребных случаях на справки”. “Жалобы на Авсенева слышатся мною и с другой стороны”. В должности эконома Авсенов пробыл до 2 ноября 1853 г. Между тем и педагогическая репутация Авсенева сильно пошатнулась после того, как его небрежность отметил один из самых снисходительных ревизоров архимандрит Леонтий. 28 ноября 1855 г. он был перемещен в 1-й класс высшего отделения на церковную историю и соединенные с ней предметы. 26 июля 1856 г. уволен из духовного звания. На представлении правления о его увольнении преосвященный Иосиф писал: “На увольнение господина Авсенева из духовного звания согласен. Не вхожу в суждение о прежней его службе. Но с поступления моего на епархию я не усматривал в нем усердия и исправности по службе. Посему я и отметил в послужном списке, что полезнее было бы сего наставника заменить другим”. Вследствие

этого неодобрительного отзыва Авсенева был лишен следующего чина. В семинарии он продержался до 1866 года» [36, с.310-312].

К несчастью, это было не единственное прегрешение А.С. Авсенева. В семинарском архиве сохранилось только одно дело о взяточничестве учителя. Еще в 1853 году уволенный ученик Смирнов донес архиерею, что профессор Авсенев взял с него 25 рублей, обещая перевести его в следующий класс, но не исполнил своего обещания. Дело было передано в семинарское правление, которое признало обвинение несправедливым [36, с.281]. Но, по-видимому, мнение начальства о А.С. Авсеневе было испорчено, что и подтвердилось вышеупомянутым делом о дровах.

Исходя из записи в «ВЕВ» за 1869 год, А.С. Авсенева в тот год служил учителем Усть-Медведицкой гимназии. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Биографии братьев Авсеневых словно бы иллюстрируют собой то, как по-разному может сложиться участь родных братьев: это может быть и жизнь философа-монаха, и история церковного служения, и пример судьбы учителя гимназии. Тем не менее, история Воронежского края, как и история России не может быть до конца осмыслена и понята без обращения к жизни и личностям столь непохожих и вместе с тем близких людей.

Библиографический список

1. Выпускники Воронежской Духовной семинарии 1745-2015 гг. Материалы к биографическому справочнику. – Воронеж: ВПДС, 2015. – 384 с.
2. Воронежские Епархиальные Ведомости №8 от 15 апреля 1878 года.
3. **Прохоров В.А.** Вся Воронежская земля / В.А. Прохоров. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1973. – 368 с.
4. Воронежские Епархиальные Ведомости №3 от 1 февраля 1885 года.
5. Русский биографический словарь: Яблоновский – Фомин. Издаваемый Императорским Русским Историческим Обществом. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1913. – 493 с.
6. Архимандрит Феофан Авсенева в своих письмах к одесскому протоиерею Серафиму Антоновичу Серафимову / архим. Феофан (Авсенева) // Сочинения. – Киев: НПУ им. М. Драгоманова, Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2016. С. 208 – 235.
7. **Куценко Н.А.** Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы / Н.А. Куценко. – М.: ИФ РАН, 2005. – 138 с.
8. **Поспехов Д.В.** Биографическая заметка / архим. Феофан (Авсенева) // Из записок по психологии. – Киев: В Типографии Киевского Губернского Управления, 1869. С. I – XVI.
9. **Введенский А.И.** Философские очерки / А.И. Введенский. – Санкт-Петербург: Типография “В.С. Балашев и К”, 1901. – VIII + 212 с.
10. **Кудрявцев П.П.** Авсенева Петр Семенович // Институт рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. – Ф.V. – Ед.хр.5344.
11. **Шпет Г.Г.** Сочинения / Г.Г. Шпет. – М.: Правда, 1989. – 602 с.
12. **Феофан (Говоров), епископ.** Собрание писем. Вып. 2 / епископ Феофан (Говоров). – Москва: Типо-Литограф. И. Ефимова, 1898. – 240 с.
13. Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского университета св. Владимира (1834 – 1884), составлен и издан под редакцией ордин. проф. В.С. Иконникова. – Киев: В типографии Императорского университета св. Владимира, 1884. – XXXVI + 816 + II с.
14. **Чалый М.К.** Воспоминания // Киевская старина. Том XXVII. – Киев: 1889. С. 121 – 142, 257 – 280, 495 – 545.
15. **Авсенева П.С.** Из записок по психологии / П.С. Авсенева. – СПб.: Тропа Троянова, 2008. – 335 с.

16. **Георгий (Флоровский)**, протоиерей. Пути русского богословия / протоиерей Георгий (Флоровский). – Минск: Изд-во Белорус. Экзархата, 2006. – 608 с.
17. **Schubert G.H. von.** Ansichten von der nachtseite der Naturwissenschaft / G. H. von Schubert. – Dresden u. Leipzig, 1840. – 284 ss.
18. **Флоринский Н.И.** Из студенческих воспоминаний // Душеполезное чтение. 1900. Ч.3. С. 4 – 14, 184 – 191, 193; 1901. Ч.2. С. 348 – 361. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Florinskij/iz-studencheskih-vospominanij/
19. **Мирошниченко Е.И.** Очерки по истории раннего платонизма в России / Е.И. Мирошниченко. – СПб.: Алетейя, 2013. – 172 с.
20. **Замалеев А.Ф.** «Его имя было синонимом философа» (Петр Семенович Авсенеv) / П.С. Авсенеv // Из записок по психологии. – СПб.: Тропа Троянова, 2008. С. 3 – 14.
21. **Флоринский Н.И.** Воспоминания об отце Феофане (Авсенеvе) // Душеполезное чтение. 1867. Ч.2. С. 113 – 126.
22. Воронежские Епархиальные Ведомости №6 от 15 марта 1877 года.
23. Воронежские Епархиальные Ведомости №4 от 15 февраля 1878 года.
24. Воронежские Епархиальные Ведомости №8 от 15 апреля 1879 года.
25. Воронежские Епархиальные Ведомости №21 от 1 ноября 1882 года.
26. Воронежские Епархиальные Ведомости №20 от 15 октября 1882 года.
27. Воронежские Епархиальные Ведомости № 23 от 1 декабря 1885 года.
28. Празднование 50-летнего юбилея Протоиерея Иоанна Авсенева // Воронежские Епархиальные Ведомости №2 от 15 января 1886 года.
29. Воронежские Епархиальные Ведомости №12 от 15 июня 1886 года.
30. Воронежские Епархиальные Ведомости №16 от 15 августа 1872 года.
31. Воронежские Епархиальные Ведомости №12 от 15 июня 1878 года.
32. **Ферронский И.Г.** Летопись Покровской церкви села Данково / И.Г. Ферронский. – Воронеж: Научная книга, 2009. – 231 с.
33. Воронежские Епархиальные Ведомости №6 от 15 марта 1892 года.
34. **Акиншин А.Н.** Храмы Воронежа. – 2-е изд., испр. и доп. / А.Н. Акиншин. – Воронеж: Издательство «Кварт», 2003. – 240 с.
35. Воспитанники Киевской духовной академии (1819-1869 г.), поступившие из Воронежской духовной семинарии // Воронежские Епархиальные Ведомости №22 от 15 ноября 1869 года. Отдел неофиц. С. 904-937.
36. **Никольский П.В.** История Воронежской Духовной семинарии / П.В. Никольский. – Воронеж: Издательский отдел Воронежской Православной Духовной Семинарии, «Образ», 2011. – 656 с.

УДК 930.85

*Российский государственный гуманитарный университет
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры музеологии
Б. Л. Шапиро
Россия, г. Москва, тел. (495) 250-68-82;
e-mail: b.shapiro@mail.ru.*

*Russian State University for the Humanities
Ph.D. in History, associate Professor of Museology chair
B. L. Shapiro
Russia, Moscow, tel. (495) 250-68-82;
e-mail: b.shapiro@mail.ru.*

Б.Л. Шапиро

**«РОССИЯ В ШУБЕ»
РУССКИЙ МЕХ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ**

Исследование посвящено более чем тысячелетней истории русского меха как культурному коду, раскрывающему своеобразие национального образа России. Благодаря авторскому подходу, находящемуся на стыке политической и социально-экономической истории России, истории ее культуры, костюма и моды, мех рассматривается как многоуровневый гипертекст, включающий не только общепринятую культурно-историческую составляющую. Не менее важными представляются и многие другие микро-и макро-«тексты» – от хозяйственных до социально-политических и семиотических, объединенных общим смысловым контекстом.

Ключевые слова: руссиеведение, имагология, русская культура, история материальной культуры, культурный код, история костюма, история моды.

B.L. Shapiro

**“RUSSIA IN A FUR COAT”
RUSSIAN FUR AS A CULTURAL CODE: PROBLEM STATEMENT**

This research is devoted to more than a thousand-year history of Russian fur as a cultural code revealing the originality of the national image of Russia. Thanks to the author's approach at the junction of political and socio-economic history of Russia, the history of its culture, costume and fashion, fur is considered as a multilevel hypertext, including not only the generally accepted cultural and historical component. Many other micro- and macro- “texts”, from economic to sociopolitical and semiotic, united by a common semantic context, also seem to be very important.

Key words: Russian studies, Imagology, Russian culture, history of material culture, cultural code, history of costume, history of fashion, fur fashion.

Интерес к России не утихает уже несколько столетий – ее политическим событиям, ее истории, истории ее культуры, базисным культурным архетипам. Горячо обсуждается традиционная концепция «загадочной русской души», о которой еще Н.А. Бердяев писал, что «для западного культурного человечества... даже Толстой и Достоевский привлекают западного человека как экзотическая пища, непривычно для него острая» [1, с. 2]. Набирает популярность и относительно новая идея, которую кратко можно сформулировать как «эти странные русские», необъяснимые и непредсказуемые.

Русская культура находится на пике общественного внимания не только на Западе, что вполне объяснимо, но и в самой России, где после Перестройки и последующего распада СССР явственно прослеживается культурный «поворот к самим себе». Чаще всего обсуждение сводится к проблемному полю противоречивости русской культуры и непостижимости русской души («умом Россию не понять»).

В пылу дискуссий о том, что такое Россия и русские, и в чем состоит специфика ее культуры (русский характер»), обнаруживается много интересного.

Основной сквозной сюжет следующий: чем обусловлен экзотизм России: ее пограничностью между Востоком и Западом? Причины ищутся не столько в географическом контексте (оно очевидно), сколько в контексте русской «непонятной» ментальности и ее культуры. Насколько уникальна и ценна эта культура, до конца не разгаданная ни иностранцами, ни даже самими русскими: это самобытная система, имеющая «собственное лицо» в виде определенных концепций и механизмов развития, или всего лишь совокупность неких понятий, связанных между собой объективной, но все же формальной связью?

Со временем понятие характера уступило место концепту идентичности, где «я» понимается через отнесение к «мы», при этом не просто говорит о «нас», но непрерывно соотносит «нас» с остальным миром – смежными или родственными цивилизациями [2, с. 105-106; 3, с. 283; 4, с. 28, 30]. Опосредующим звеном между человеком и окружающим миром выступает культура [5, с. 138].

Этот более чем тысячелетний диалог с миром довольно противоречив: национальные культуры стремятся вынести свои проблемы и достижения, свое видение всемирного целого вовне, требуя постоянного подтверждения, казалось бы, безусловных истин. Причина этого кроется в высокой динамичности всех компонентов этого процесса: вместе с культурно-историческим процессом («национальной судьбой») непрерывно меняются «я», «мы» и, конечно же, «они», вступая в сложные взаимоотношения [6]. Меняется и национальный образ восприятия «себя-в-мире» – как в «нашем мире», так и в некоем «большом, внешнем мире» – всемирной культуре в целом.

Сформировавшаяся к настоящему времени концепция русской идентичности, несомненно, обнаруживает себя и в материальной культуре как в многоуровневой семиотической системе. Одним из ее инвариантов – устойчивых моментов, лежащих в основе ментальности – оказывается мифологема о тесной связи русской материальной культуры и традиций употребления меха. О том, что на Руси все ходят в мехах, культурная Ойкумена знала со времен первых контактов с русскими. Любовь русских к меховой одежде стала общим местом рассуждений о специфике русской моды на протяжении всей ее истории: при всех своих изменениях Россия оставалась Россией, да и характер ее западного восприятия со времен Бердяева навряд ли изменился сколько-нибудь значительно.

Эта характеристика представлялась в виде малообъяснимых, и потому волнующих противоречий: здесь «...дамы в мантии из соболей огромной ценности... Бок о бок к ним толпа крестьян в долгополых овчинных тулупах... Я признаюсь, что Невский проспект – одна из самых интересных улиц, где я бродил когда-либо», – такой увидел русскую столицу специальный корреспондент «Дейли телеграф», побывавший на бракосочетании одного из цесаревичей. «Эта странная столица» [7, с. 20-21], – продолжал он, описывая Санкт-Петербург как город контрастов, где крайности сосуществуют, смешиваясь и соприкасаясь.

Мифологема русского меха стала общим местом некоего романтизированного «сказания о России», где баснословная стоимость обсуждаемой вещи как объекта желания не препятствовала мечте, а наоборот, подстегивала воображение, «намагниченное чужим интересом, завистью и ревностью» [8, с. 19]. Именно на этой характерной особенности статусного потребления основан затейливый сюжет «Русских соболей» О. Генри, где главный герой, обитатель одного из самых неприглядных кварталов Манхэттена, обладая якобы «русскими» соболями, жаждет роста собственной социальной значимости, пользуясь тем, что его ближайшему окружению «... еще никогда не доводилось видеть подлинных русских соболей (но они, безусловно, о них слышали! – прим. Б.Ш., Д.Л.). Вест о них облетела квартал, и все окна и двери мгновенно обросли гроздьями голов... По улицам разносились восторженные “ахи” и “охи”, и баснословная сумма, уплаченная за соболя, передаваясь из уст в уста, неуклонно росла» [9, с. 35-43].

Хорошо известно, что любое одеяние человека является своеобразной витриной – системой знаков, средством коммуникации. Сугубо функционального прочтения этого

языка, конечно же, недостаточно для понимания его сути. «Меховой язык» особенно интересен для исследователя, поскольку является частью костюма – одной из древнейших символических систем, выраженных в материальной культуре. Одежда из меха (меховой шкуры) – самая древняя и самая традиционная из единственно возможной для изготовления одежды (конечно же, в досинтетическую эру) триады «мех/кожа – войлок – текстиль» [10, с. 77].

Умению обрабатывать меховую шкуру человек научился намного раньше, чем прясть и ткать. Можно предполагать, что сознательное использование меховой шкуры было известно уже в ранне-ашельской культуре (ранний палеолит). Более достоверные сведения относятся к времени позднего мустье (средний палеолит) и верхнему палеолиту, когда живший в условиях ледникового климата *Homo neanderthalensis* утеплял (завесами-ветровыми заслонами) и украшал себя, свое жилище, и своих богов (ритуально-магическое «оживление» образа) меховыми шкурами [11, с. 53, 68]. Именно ритуал оказался чревом, из которого вышло неисчислимое множество форм и феноменов культуры («культура родилась из культа; истоки ее сакральны» [12, с. 270]).

Главнейшим видом охоты в это время был промысел крупных млекопитающих (мамонта, шерстистого носорога, пещерного медведя, бизона, зубра, дикой лошади, кулана, северного оленя и др. [13, с. 21]) с достаточно толстой, трудной для выделки кожаной тканью и густым косматым мехом. Такие шкуры использовались в несшитом виде: их просто оборачивали вокруг тела или набрасывали на плечи, на голову. Вероятно, что уже тогда пушной промысел начал отделяться от промысла пищи: очевидно, что на леопарда, пещерного льва, барса, волка, лисицу, росомуху, песца охотились не для получения мяса [14, с. 10; 15, с. 6; 16, с. 40]. Наиболее аттрактивной иллюстрацией этого положения может служить погрудная реконструкция шикарной лисьей «шубы» возрастом более 44 тыс. лет, украшенной орлиными когтями – части костюма неандертальца эпохи позднего мустье из Гротта-ди-Фумане на севере Италии, одного из крупнейших палеолитических памятников Европы (работа палеонтолога Ф. Фольяцца из миланского Музея естественной истории [17]).

Технологические достижения мустьерской культуры были адаптированы и развиты культурой ориньяк, когда наступил максимум последней волны сильного похолодания, и климат стал близок к современному арктическому [18, с. 17-24]. Суровые условия оледенения потребовали высокой степени приспособления к ним и интенсивного усложнения материальной культуры. Со временем роль доминирующих объектов охоты получили представленные массово средние и мелкие животные (лисы, песцы, зайцы, волки) с более податливой для обработки кожей. Сначала несшитые, а затем и сшитые в штаны и туники шкуры плотно фиксировались на теле с помощью импровизированной перевязи или пояса, сберегая тепло. Простейшая шитая меховая одежда известна не позднее 20 тыс. лет до н.э. В эпоху неолита появляется пушная охота на соболя и бобра, которая будет развита в специализированный промысел в эпоху бронзы [14, с. 10.].

Очевидно, что уже в то далекое время оформились, пусть только в основных чертах, три основных направления бытования меха и меховой одежды. Первое, самое очевидное – как практическое приспособление к природным условиям, для защиты от непогоды, благодаря носкости меха и его теплозащитным свойствам. Но климат не был тем единственным и исключительным фактором, благодаря которому культура ношения меха сформировалась в том виде, каком мы ее знаем. История знает многочисленные примеры бытования меховой одежды в случаях, которые никак не могут быть объяснены климатической необходимостью. В этом случае мех выступает либо как часть сакрального мира (например, магическая, а не практическая защита хозяина) либо как атрибут роскоши и успеха, когда более важны не утилитарные, а эстетические качества меха, его блеск и густота, мягкость, неповторимая и разнообразная фактура, уникальные тактильные ощущения, которые дает его осязание. А главное – его труднодоступность и дороговизна.

Тысячи лет мех служил людям, но эти основные моменты неизменно сохранялись, переходя в область традиции. Наблюдая динамику «меховой традиции» в максимально длительной исторической перспективе, можно сказать, что ее становление было связано не только с разнообразием первоначального сырья (известная древнейшая базовая выкройка наплечной одежды предназначалась для кроя из шкуры медведя [10, с. 77], но и с технологическим уровнем развития общества: вместе с ним развивалась и технология обработки меховой шкуры и изготовления одежды из меха. В XII – XIV вв. появляется меховая одежда, более или менее точно повторяющая контуры человеческого тела. К этому же времени относятся первые известные нам сегодня русские шубы – Ивана Калиты (1328 г.) и Кирилла Белозерского (1380-1390-е гг.). Уникальные условия России – холодный климат на большей ее части и богатейшие ресурсы животного мира – способствовали формированию огромного и емкого рынка самых разнообразных меховых товаров. Но главной героиней русской истории меха, безусловно, нужно назвать шубу как культурный феномен – явление, которое уже давно не вписывается в отведенные для «просто одежды» рамки.

Особый культурный статус получила золотная шуба, собравшая воедино «мягкое золото» (т.е. собственно мех), золотные ткани (атлас, бархат, тафта и камка, аксамит) и золотой металлический декор (пуговицы). Так былинная Забава Путятишна «надевала шубу соболиную, цена-то шубе три тысячи, а пуговицы – в семь тысяч» [19, с. 26]. Вполне реальная русская шуба Б.Ф. Годунова, полученная им от царя Федора Иоанновича «за прогнание крымских татар» [20, с. 176], из-за золотых пуговиц оценивалась в тысячу рублей. От других золотых предметов – кубков, денежных выдач и прочих предметов роскошного быта – такую шубу отличало то, что она выступала и средством формирования облика ее носителя, и частью этого облика, определенным визуальным кодом, указывающим на особый статус. Такие шубы были драгоценными не только в прямом смысле, и в переносном, поскольку одновременно служили и олицетворением материальной состоятельности, принадлежности к элитарной культуре, и свидетельством близости к власти.

«Костюм есть наглядная форма человека», – утверждал романист и романтик XIX столетия Теофиль Готье (1858) [21, с. 68]. «История одежды... это просто история человечества», – спустя столетие, смотря на вопрос еще шире, продолжил диалог литератор, искусствовед и историк костюма Рудольф Броби-Йохансен (1968) [22, с. 11]. При таком подходе предмет «мехового» исследования занимает стыковое пространство между политической и социально-экономической историей России, историей ее культуры (в особенности – материальной культуры), культурной антропологией, историей костюма и моды, и имагологией – относительно новым научным направлением, чьим проблемным полем являются вопросы формирования национальных образов.

Соответственно, шуба как часть русского национального костюма и как часть культурной истории России, является не просто внешней оболочкой людей, ее населяющих; в гораздо большей степени, чем все прочее вещественное окружение, она представляет символ, но не только определенной культурной группы, но – шире – этноса, нации, эпохи.

«Меховая» тема сегодня практически не изведена – и в мировом (за исключением небольшого количества работ [23; 24; 25], и, тем более, в русскоязычном исследовательском сегменте, где пока бытует лишь популярная и научно-популярная литература, музейные каталоги [26; 27; 28]. Необходимо исследование, призванное восполнить имеющуюся лакуну: не история фасонов и силуэтов, а история идей – политических, социально-экономических, научных, сопровождающих движение истории русского меха.

На протяжении многих сотен лет Россия производила до 35% мирового натурального меха [29, с. 54]. Многомиллионные обороты «мягкого золота» – а стоимость ценной пушнины часто была буквально сопоставима с стоимостью золота – составляли одну из исторических особенностей России. Россия была крупнейшим мировым экспортером меха, и во внешнем мире русский мех по праву считался предметом гордости, престижным атрибутом, показателем высокого положения в социально-экономической иерархии. Она же

была законодательницей моды на мех, поддерживая репутацию северной страны с суровым климатом, где русские «Венеры вынуждены кутаться... в, как лед, холодном... мире, в просторные, тяжелые меха» (Л. Захер-Мазох, 1869) [30, с. 14].

И в XXI веке, несмотря на очевидные изменения в культуре потребления, мало что изменилось в мифологеме русского меха: и сейчас он является объектом пристального внимания внешнего мира. Это особенно показательно в современный период, в эпоху, когда концепция «мех как вопрос жизни и смерти не только животных, но культур» [31] становится как никогда ранее актуальной. Постепенно, но неуклонно интерес к натуральному меху как экономической ценности смещается в сторону ценности культурной. Описываемый процесс происходит на наших глазах, и он еще далеко не завершен.

Но и сейчас, в эпоху исторических преобразований культур и их глобальных трансформаций, русская зима по-прежнему ассоциируется с ясным морозным небом, снегом, похрустывающим под ногами, заиндеветыми бровями и ресницами, и, конечно же, теплой одеждой, надежно защищающей от холода. «В теплых шубах мы смеемся над трескучим морозом», – было верно замечено еще Н.М. Карамзиным («Письма русского путешественника», 1789) [32, с. 290]. С тех времен, не сильно изменившись и конструктивно, и стилистически, русская шуба перестала быть всего лишь одним из видов зимней одежды. Приняв на себя роль полноценного феномена более чем тысячелетней русской культуры, со своими характерными социокультурными особенностями, с богатой историей, она воспринимается как ее овеществленный символ. Тысячи магазинов продают натуральный мех по всему миру, как и раньше, продавая не столько теплую одежду, сколько красивую «русскую сказку» – часть непостижимой и потому привлекательной культуры России.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Судьба России. – М.: Philosophical society of the USSR, 1990. – 240 с.
2. Кондаков И. В. Евразийский глобалитет (к постановке проблемы) // *Universum: Вестник Герценовского университета*. – 2013. – № 1. – С. 105-114.
3. Кондаков И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // *Вопросы социальной теории*. – 2010. – Т. 4. – С. 282-304.
4. Яковенко И. Г. Базовые идентичности и социокультурные основания их трансформации: факторы, тренды, сценарии // *Мир психологии*. – 2004. – № 2 (38). – С. 28-37.
5. Кондаков И. В. Самосознание культуры на рубеже тысячелетий // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 4. – С. 138-148.
6. Дудина Т. П. Мифологизация истории как фактор литературной динамики начала XIX века: выдуманный героизм или восстановление исторической целостности? // *История: факты и символы*. – 2018. – № 2(15). – С. 63-71.
7. Dicey E. A Month in Russia During the Marriage of the Czarevitch. – London: Macmillan, 1867. – 248 p.
8. Корнев В. В. Философия повседневных вещей. – М.: Юнайтед Пресс, 2011. – 250 с.
9. Генри О. Русские соболя // Генри О. Трест, который лопнул: Рассказы. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – С. 35-43.
10. Орфинская О. В. Три источника, или К вопросу о классификации кроя одежды // *Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время. Материалы международного научно-образовательного семинара, 9-10 ноября 2012 г.* – М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. – С. 76-92.

11. **Зильберман М. И.** Некоторые культовые представления эпохи палеолита // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. – 2017. – № 2. – С. 47-77.
12. **Бердяев Н. А.** О культуре // **Бердяев Н. А.** Философия неравенства. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – С. 269-285.
13. **Косвен М. О.** Очерки истории первобытной культуры. – М.: АН СССР, 1957. – 240 с.
14. **Ермолова Н. М.** Охотничья деятельность человека // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 181. Каменный век. – М.: Наука, 1985. – С. 9-12.
15. **Любин В. П., Барышников Г. Ф.** Охотничья деятельность древнейших (ашело-мустьерских) обитателей Кавказа // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 181. Каменный век. – М.: Наука, 1985. – С. 5-9.
16. **Павлов П. Н.** Пушной промысел в Сибири XVII в. – Красноярск: Красноярский рабочий, 1972. – 352 с.
17. Renesto S. Fabio Fogliazza, un artista al Museo / 07.03.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nikonland.it/index.php?/blogs/entry/369-reportage-fabio-fogliazza-un-artista-al-museo/> (дата обращения 10.02.2022)
18. **Лазуков Г. И.** Взаимоотношения географической среды и палеолитического человека // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. – М.: Ин-т географии АН СССР, 1974. – С. 17-24.
19. **Постникова-Лосева М. М.** Русское ювелирное искусство, его центры и мастера: XVI – XIX вв. – М.: Наука, 1974. – 374 с.
20. Древности // Журнал Министерства народного просвещения. – 1849. – № 63. – С. 155-179.
21. **Fortassier R.** Les écrivains français et la mode: de Balzac a nos jours. – Paris: PUF, 1988. – 233 p.
22. **Broby-Johansen R.** Body and Clothes. – London: Faber, 1968. – 236 p.
23. **Faiers J.** Fur: A Sensitive History. – Yale: Yale University Press, 2020. – 240 p.
24. **Gilligan I.** Climate, Clothing, and Agriculture in Prehistory. Linking Evidence, Causes, and Effects. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 326 p.
25. **Gilligan I.** Ein Pelzmantel für Homo sapiens (“A fur coat for Homo sapiens”) // Bild Der Wissenschaft. – 2018. – № 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wissenschaft.de/magazin/bdw-archiv/kraftwerk-gehirn/> (дата обращения 10.02.2022)
26. **Васильев А. А.** История моды: Меха и мода. – Вып. 15. – М.: Этерна, 2010. – 64 с.
27. **Никишин А. В.** Русский мех. Иллюстрированная история. – М.: Национальный музей Русской Водки, 2013. – 368 с.
28. «Шубы, шубки, казакины...»: коллекция верхней одежды из собрания Российского этнографического музея. – М.: Северный паломник, 2012. – 134 с.
29. **Тихомирова А.** Бизнес мягкий и пушистый // Прямые инвестиции. 2011. №1 (105). С. 54-57.
30. **Захер-Мазох Л.** Венера в мехах. Демонические женщины. – М.: Республика, 1993. – 367 с.
31. **Мельхиор М.Р.** Мехом наружу // Теория моды: одежда, тело, культура. 2016. №. 2. С. 327-335.
32. **Карамзин Н. М.** Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1984. – 716 с.

УДК 93/94

*Елецкий государственный университет имени
И.А. Бунина
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории и историко-культурного наследия
Д.В. Щукин
Россия, г. Елец,
тел. (47467) 6-06-64;
e-mail: dionysios@yandex.ru
бакалавр 5 курса, институт истории и культуры
Е.А. Звягина
Россия, г. Елец,
тел. 8 (910) 306-46-61
e-mail: zvagina.k@mail.ru*

*Yelets State University named after
I.A. Bunin
PhD in History, Associate Professor of the department of
history and archaeology
D.V. Shchukin
Russia, Yelets,
tel. (47467) 6-06-64;
e-mail: dionysios@yandex.ru
bachelor of 5 courses, Institute of history and culture
E.A. Zvyagina
Russia, Yelets,
tel. 8 (910) 306-46-61
e-mail: zvagina.k@mail.ru*

Д.В. Щукин, Е.А. Звягина

**ОСОБЕННОСТИ И СПЕЦИФИКА СОСТОЯНИЯ И СТРУКТУРЫ РОССИЙСКОГО
ОБЩЕСТВА В 1990 ГОДАХ XX ВЕКА**

В статье рассматривается важный общественный итог социальной политики и проводимых реформ в России в 1990-х годах XX века и возникшая новая социальная структура российского общества. Автором анализируются этапы развала и проблемы социальной сферы, проблемы бедности, и обострения социальной напряженности между руководителями России и «простым народом».

Ключевые слова: социальная политика, экономические реформы, социальная стратификация, расслоение общества, негативные последствия реформ, прожиточный минимум, олигархия, бедность.

D.V. Shchukin, E.A. Zvyagina

**FEATURES AND SPECIFICS OF THE STATE AND STRUCTURE OF RUSSIAN
SOCIETY IN THE 1990S OF THE TWENTIETH CENTURY**

The article examines the important social outcome of social policy and ongoing reforms in Russia in the 1990s of the twentieth century and the emerging new social structure of Russian society. The author analyzes the stages of the collapse and problems of the social sphere, the problems of poverty, and the aggravation of social tension between the leaders of Russia and the "common people".

Key words: social policy, economic reforms, social stratification, stratification of society, negative consequences of reforms, living wage, oligarchy, poverty.

В конце XX века в России в социальной политике возникла острая проблема двух полюсов социальной стратификации. В 1990-х годах особенно обострилось неравенство в доходах населения, в стране обозначились два противоположных лагеря «богатые» и «бедные», в которых волею судеб могли оказаться даже родственники. Два этих мира были абсолютно изолированы друг от друга, они жили, словно, на разных планетах. И правительству так и не удалось решить проблему взаимодействия этих двух сторон. Экономические реформы 1992 – 1993 годов и финансовый кризис августа 1998 года еще больше увеличили неравенство в социальных слоях общества.

Результат неравномерного распределения доходов и благ между различными группами общества называют социально-экономическим неравенством, которое характеризуется неравномерным распределением дефицитных ресурсов между разными слоями населения. К ним относятся материальные блага, образование, деньги, престиж и власть. Данное выступает основой для шкалы неравенства.

В 1990-ые годы от бывшего равенства в СССР ничего не осталось. Структура российского общества была кардинально изменена в ходе реформ, проводимых Б.Н. Ельциным. Ключевую роль в этом сыграли как экономические преобразования в стране, приватизация, так и дефолт 1998 года.

Одной из целей, которую достигло СССР, было достижение социальной однородности. К 1990-м годам в России социум был поделен на две категории:

1) «номенклатура», которая контролировала ресурсы государства и имела доступ к власти.

2) «трудящиеся» или «советский народ», который имел формальные политические права и не обладал собственностью.

Т.о., тенденции 1990-х годов демонстрировали быстрое формирование неравенства среди населения России. При этом было зафиксировано слияние номенклатурной и теневой собственности «на основе сохранения власти и собственности прежде всего у номенклатуры» [13, с. 290–291].

Социальная стратификация крайне запутана и противоречива. Положение усложняется еще и тем, что научные представления об обществе не успевают меняться с самим обществом. В итоге в государстве на основе материальной обеспеченности появилось несколько вариантов деления населения. По одному из таких вариантов самым многочисленным был слой «нищих» (65%) и «бедных» (25%). Среднеобеспеченный слой составлял 7%, «богачей» – 3%. По другому варианту слой «нищих» и «бедных» уравнивался и составлял в обеих категориях по 40%. Среднеобеспеченный слой увеличивался до 12-15%, «богачи» составляли 3-5%. % [16, с. 9].

В декабре 1993г. прожиточный минимум составлял 42 тыс. рублей. По официальным данным, процент людей, чей доход был ниже прожиточного минимума, составлял 27% [16, с.10]. Это свидетельствовало о том, что в стране начинался процесс массового обнищания и имущественной поляризации населения

В социологии было установлено, что присутствует прямая зависимость уровня дохода от социального положения в обществе. Российские социологи 1990-х годов предлагают следующую классификацию:

- «бедные», составляли 70 % населения. Они делились на:
- «низший низший слой», где уровень дохода составлял ниже прожиточного минимума (меньше 150 долл. на семью)
- «средний низший слой» – от 150 до 450–500 долл.;
- «высший низший слой» – от 450–500 до 1 тыс. долл. на семью;
- «средний класс», составляли 25%.
- «низший средний слой» – доход от 1 тыс. до 2–2,5 тыс. долл.;
- «средний средний слой» – от 2–2,5 тыс. до 5–6 тыс.;
- «высший средний слой» – от 5–10 тыс. долл.;
- «богатые», составляли 1,5% от населения страны. Из них:
- «низший высший слой» – 10–25 тыс.;
- «средний высший слой» – от 25–50 тыс.;
- «высший высший слой» – доход свыше 50 тыс. долл. [8, с.36].

Однако данное деление довольно таки условно. Связано это с тем, что приведенная классификация была составлена до кризиса августа 1998 года. После этого события показатели «богатых» и «среднего слоя» были снижены.

Россия по уровню социального неравенства в 1990-х годах находилась на 12-13 месте,

что доказывает усиление разрыва между слоем «богатых» и «нищих» [17, с.6].

Российские социологи того периода указывали, что больший процент населения находился на уровне бедности и сильно зависело от государства. В стране отмечались такие явления, как задержка заработной платы, отсутствие частной собственности, сужение свободы и прав человека. Более трети населения находится за чертой бедности и не в состоянии удовлетворить свои потребности. Можно сказать, что они находились на грани выживания [12, с.25-34].

В 1990-х годах в России была создана модель социальной стратификации, изображённая в виде пирамиды. На ее вершине находился слой правящей элиты и «богатых», что составляло примерно 3-5% населения. Основание пирамиды - самый широкий и многочисленный слой – составляли бедные и беднейшие (80%). Средняя часть пирамиды (12-15%) образовывали менеджеры, фермеры, предприниматели и т.д. Но эту модель принято считать неточной, т.к. она не отслеживала людей, находящихся на границе этих сословий, и процесс расслоения внутри этих слоев.

По мнению С. Хенкина, мера социальной адаптации – главный фактор в идейно-политической и социальной дифференциации [20, с.48-56]. А Исследователи М. Горшков и А. Ослон, наоборот, главным фактором считают ценностные установки. Так, М.Горшков утверждает: «В России сегодня сосуществуют две различные модели ценностных систем. Одна из них тяготеет к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа, а другая связана с носителями традиционалистской российской ментальности и тяготеет к патриархально-коллективистской модели ценностей» [4]. А.Ослон развил же эту мысль, говоря уже не только о ценностных установках, но и о «разных ментальных странах» [10]

Аналитики в области социологии утверждали, что расслоение общества было гораздо масштабнее, чем это показывала официальная статистика. По их мнению, страна не делилась только на «богатых» и «бедных», основная часть населения России находилась между этими двумя полюсами [18, с.3].

Отметим, что 1990-е годы отличались попыткой создания в России образа «частного собственника» и рыночной экономики в целом. Е. Гайдар, А. Чубайс, Г. Бурбулис считали, что в рыночной экономике важно не только эффективное использование средств, ресурсов, основных фондов, но также и «гарантия свободы общества и независимости граждан» [21]. Придя к власти в 1991 году, Гайдар и его сторонники начали сразу реализовывать свои программу: быстрый переход к рыночной экономике от командно-административной, применение методов радикальной борьбы с дефицитом бюджета и инфляцией. По его мнению, все это было направлено на стабилизацию экономического развития.

Отметим, что либеральная реформа так и не оправдала свои ожидания. Развитие мелкого и среднего бизнеса не было стимулировано. В реальности произошла концентрация капиталов в руках небольшого круга лиц, которые умело использовали приватизацию для своего собственного обогащения.

Рис. 1. Демонстрации противников либеральных реформ, Россия, 1990-е годы

Подчеркнём, что в реформах Гайдара, носивших название «шокотерапия», рыночные отношения ставились во главу государственной экономики, где важное место занимало свободное ценообразование. Также уделялось внимание частной собственности. По мнению А. Чубайса, она должна была быть раздробленной. Это бы исключило возможность обладания права командовать остальными, определять и назначать им доходы, их уровень положения в обществе. Вся власть собственника над другими реализуется лишь в его способности предложить большее потребителям, чем его конкуренты [21].

В российской истории период 1990-х гг. именуется сложным, экономически трудным периодом в жизни общества и страны. Его яркими явлениями были многолюдные очереди за продуктами питания, пустые прилавки, гуманитарная помощь Запада, широкая уличная и придорожная торговля всяческими товарами, «горбушки», «пятоки», гиперинфляция и активный рост цен, бартерная форма от оплаты товаров до выдачи заработной платы.

Рис. 2. Торговля бытовой техникой и игровыми приставками на трассе, город Елец, Россия, 1997 год

В своей статье в 1992 году Е.Гайдар согласился с тем, что опасно ставить будущее страны в зависимость от реформ. Но в тоже время он не соглашался с возможностью спасти Россию без «радикальных рыночных реформ», утверждая, что у правительства просто не было времени для формирования предпосылок для изменения экономики. Он требовал, чтобы «рынок работал». Политика реформ Гайдара больно била по каждой социальной группе. Общие интересы противоречили с частными интересами [1].

Реформы Е.Гайдара перестали поддерживать развитие малого бизнеса. Советник Гайдара по вопросам экономики Дж. Сакс утверждал, что правительство не ставило главной целью развитие частного предпринимательства. Но вместе с тем, Дж. Сакс поддерживал рост спонтанной уличной торговли в Москве, но которая, по мнению других аналитиков, создала условия для развития коррупции и активизации российской мафии, а также превратила Москву в свалку [9, с.37-45]. В 1995 году Е. Гайдар откровенно говорил, что поддерживала его реформы лишь малая часть элиты бизнеса. Он понимал, что капитализм в России нельзя было остановить. Важно было решить, каким он будет: бюрократическим или демократическим [2, с. 40].

На наш взгляд теории Гайдара не соответствовали практике реформ. Поэтому одной из причин отставки его правительства явилась полная некомпетентность в решении практических задач в экономике. Многие политики того времени отмечали, что большинство теоретических планов Гайдара были выполнены лишь на половину, в силу того, что в его команде было мало хозяйственников. Молодые демократы были хорошими теоретиками, но не могли управлять страной. Это была их первая ошибка. Второй и не менее важной ошибкой являлось полное доверие в вопросах экономики иностранным консультантам.

Вместе с тем в России все это время продолжалось ухудшение экономической обстановки: доходы населения падали. Так в 1994 году население с уровнем дохода ниже прожиточного минимума составляло 25 % (37 млн. человек), что на 3 % выше, чем в 1993 году (33 млн. человек). В середине 1995 года эти показатели увеличились – 44,5 млн. человек, что составило 30% населения [19]. По оценке зарубежных и отечественных политиков в России в начале 1990-х годов произошел крупнейший экономический кризис. А. Ратиков, руководитель аналитического центра администрации президента России, сравнил состояние современной экономики с состоянием экономики во время гражданской и мировых войн и пришел к выводу, что такого краха в экономике не было никогда [14, с. 59].

Зарплата работников бюджетной сферы не доходило до прожиточного минимума. В 1996-1997 годы распространенным явлением стала задержка выплат заработной платы работникам бюджетной сферы. Эти деньги местное руководство распределяло на другие нужды. Многие предприятия, не реализовавшие продукцию, выдавали заработную плату своим работникам «натурой» - продукцией, которую сами и производили. Работники были вынуждены самостоятельно продавать товары на улицах, в общественном транспорте и т.д. Не в легком положении оказались и сельское хозяйство. Аграрные реформы, направленные на организацию фермерских хозяйств не принесли желаемого успеха. Большинству крестьян пришлось жить за счет своих приусадебных хозяйств.

В 1998 году правительство России вместо В. Черномырдина, политика которого также не привела к стабильности экономики, возглавил С. Кириенко. Однако его премьерство было не долгим и после так называемого кризиса - «дефолта» 17 августа 1998 год он был снят со своего поста.

Отметим, что 1990-е годы стали расцветом для российских олигархов, которые увеличивали свои доходы с помощью криминала. Именно в это время на страницах американского журнала «Форбс», впервые появились русские фамилии: Б.Березовский (3 млрд долл.), М. Ходорковский (2,4 млрд), В. Алекперов (1,4 млрд), Р. Вяхирев (1,1 млрд), В. Потанин (0,7 млрд), В. Гусинский (0,2 млрд) [6]. Все чаще в российских СМИ стала мелькать информация о связи власти с крупными олигархами. При этом упоминалось имя и

первого президента РФ – Б.Н. Ельцина. Утверждалось, что своей победой на выборах Борис Николаевич обязан «дружбе» с А.Чубайсом, Б. Березовским, Р. Абрамовичем [3, с.9]. 1996-1997 годах капиталы олигархов активно использовались в политической власти. Это участие олигархов в руководстве страны получило понятие «семья», которое ввела политолог и социолог О. Крыштановская [8]. Кроме этого, в обиход вошли понятия «кремлевское политбюро» и «семья президента». Все это говорило о слабой власти президента. «Семья» участвует в формировании правительства РФ, контролируя 86 млрд. долл. правительственных средств [7].

Социологическое исследование 1990 годов показывает, что российское общество было крайне недовольно политической элитой страны. На вопрос о том, в чьих интересах действует правительство в настоящее время ответы опрошенных расположились таким образом:

- в интересах отдельных групп - 52%
- в интересах богатых слоев – 25,8%
- в интересах общества – 3,8% [16, с.10].

С таким положением дел в стране Россия не могла называться демократическим государством. Это была чистая олигархия, когда политическая власть сращивалась с финансовым капиталом. Массовые недовольства вылились в умеренные народные забастовки (100-150 тыс. человек). Но большинство россиян старалось приспособиться к новым экономическим реалиям.

Еще одним фактором, который характеризует российское общество 1990-х годов, является демография. По данным переписей населения 1989 и 2002 годов, численность граждан РФ сократилось на 2,1%. Одной из причин, повлиявших на это, социологи называют нестабильность жизни, экономические трудности, высокий уровень преступности. Снизился уровень рождаемости. Сравнивая показатели 1990 года (2 млн.) и 1999 года (1,2 млн.) можно увидеть, что он сократился почти вдвое. Снизилась и средняя продолжительность жизни: если у мужчин в 1990 году он составлял 64 года, а у женщин 74 года, то уже к 1999 году возраст мужчин уменьшился на 4 года (60 лет), у женщин на 2 года (72 года) [18, с.4].

В конечном итоге, можно отметить, что изменения, произошедшие в стране в 1990-х годах, отрицательно сказались на простых людях: ухудшился привычный уклад жизни, многим пришлось устраиваться на несколько работ, кому то пришлось сменить профессию, а кто-то поменял и место жительства. В стране появились новые социальные группы, изменились слои общества. Но, несмотря на все трудности, с которыми пришлось столкнуться обычному человеку, многие россияне смогли сохранить духовные, семейные ценности. Национализм и социальная ненависть не смогли захлестнуть страну.

Библиографический список

1. **Гайдар Е.** Россия и реформы / Е. Гайдар // Известия. – 1992. – № 187. – 19 авг.
2. **Гайдар Е.** Фашизм и бюрократия / Е. Гайдар // Сегодня. – 1994. – № 110. – С. 10.
3. **Гаман-Голутвина О.** Бюрократия или олигархия? / О. Гаман-Голутвина // НГ-сценарии. – 2000. – № 3. – 15 марта. – С. 9-15.
4. **Горшков М.** Что с нами происходит? / М. Горшков // НГ-сценарии. – 1997. – 15 мая.
5. **Крутаков Л.** Человек без лица / Л. Крутаков // Московский комсомолец. – 1999. – 17 июня. – С. 9.
6. **Крыштановская О.В.** Анатомия российской элиты / О.В. Крыштановская. – М. : Наука, 2005. – 384 с.
7. **Крыштановская О.В.** Финансовая олигархия в России / О.В. Крыштановская // Известия. – 1996. – 10 янв.
8. **Лепехин В.А.** Стратификация в современной России и новый средний класс / В.А. Лепехин // Общественные науки сегодня. – 1998. – № 4. – С. 36-38.

9. **Нельсон П., Кузес И.** Экономическая диалектика и строительство демократии в России / П.Нельсон, И. Кузес // СОЦИС. – 1996. – № 1. – С. 37–45.
10. **Ослон А.** Последний год России / А.Ослон // НГ-сценарии. – 1997. – 10 апр.
11. **Перегудов С.П.** Корпоративный капитал в российской политике / С.П. Перегудов // Полис. 2000. – № 4. – С. 25–34.
12. **Поленкова З.Т.** Гражданское общество в России / З.Т. Поленкова // СОЦИС. – 1997. – № 3. – С. 25–37.
13. **Радаев В.В.** Социальная стратификация: Учебное пособие для высших учебных заведений / В.В. Радаев, О.И. Шкаратан. – М. : Наука, 1995. – 293 с.
14. **Ракитов А. И.** Экономика, технология, образование / А.И. Ракитов // Наука, образование и технология в России. –1996. – С. 59.
15. Российский статистический ежегодник. 1994 г. – М.: Госкомстат России, 1994. – 799 с.
16. Россия: надежды и прогнозы //Социально-политический журнал.-1994. – № 3–6. – С. 10.
17. **Руткевич М.Н.** Процессы социальной деградации в российском обществе / М.Н. Руткевич // СОЦИС. – 1998. – № 6. – С. 6.
18. Социально-экономическое положение России в 1994 году // М.: МВШСЭН. - 1995. – С. 3-10.
19. Управление страной – семейный бизнес // Аргументы и факты.- 1999. – № 971 (22). – С. 2-3.
20. **Хенкин С.М.** Российский электорат: факторы дифференциации и типологические группы / С.М. Хенкин // Вестн. РОПЦ. – 1996, май. – С. 48–56.
21. **Чубайс А.** Что такое приватизация? / А. Чубайс // Известия. – 1992. – 28 сент.

*Елецкий лицей сферы бытовых услуг
преподаватель дисциплин профессионального цикла
Л.М. Щукина
Россия, г. Елец,
тел. 8 (47467)2-53-65
e-mail: shchukina1957@yandex.ru*

*Yelets Lyceum of sphere of household services
teacher of disciplines of the professional cycle
L.M. Shchukina
Russia, Yelets,
tel. 8 (47467)2-53-65
e-mail: shchukina1957@yandex.ru*

Л.М. Щукина

МОДА В ИСТОРИКО – КУЛЬТУРНОМ И СОЦИАЛЬНО – ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СССР ПЕРИОДА 1953 – 1964 ГГ.

В статье рассматриваются особенности и характерные черты развития моды в пространстве советской повседневности периода 1953 – 1964 гг. Проводится анализ специфики развития данной сферы общественно – социального бытия, выделяются характерные черты женской, мужской моды, работы советской лёгкой промышленности. Внимание уделяется работе советских модельеров, продвижению советского стиля на страницах журналов и газет.

Ключевые слова: история, СССР, Н.С. Хрущёв, мода, повседневность, стиль, модельер, ткань, гардероб, промышленность, культура.

L.M. Shchukina

FASHION IN THE HISTORICAL, CULTURAL AND SOCIO – PUBLIC SPACE OF THE USSR IN THE PERIOD 1953 – 1964

The article examines the features and characteristic features of the development of fashion in the space of Soviet everyday life of the period 1953 – 1964. The analysis of the specifics of the development of this sphere of socio – social existence is carried out, the characteristic features of women's and men's fashion, the work of the Soviet light industry are highlighted. Attention is paid to the work of Soviet fashion designers, the promotion of Soviet style on the pages of magazines and newspapers.

Key words: history, USSR, N.S. Khrushchev, fashion, everyday life, style, fashion designer, fabric, wardrobe, industry, culture.

Моду эпохи «хрущёвской оттепели» невозможно рассматривать без учёта оценки политических, экономических, общественных, культурных и социальных особенностей данного периода с набором его исторических реалий. Действительно, смена политического лидерства в СССР повлекла за собой интерес к созданию нового образа советского человека, формированию «советского стиля», отличных от сталинского периода.

Отметим, что в пространстве советской реальности мода всегда была призвана отражать успехи, достигнутые легкой промышленностью СССР. Так, к 1960-му г. советское правительство планировало увеличить выпуск ворсовых, меланжевых, одеяльных, декоративно-мебельных хлопчатобумажных тканей, чистошерстяных тканей, жаккардовых тканей, костюмных и плательных тканей из штапельного волокна, высококачественных чулочно-носочных изделий, шелкового трикотажного белья, шерстяного и полушерстяного верхнего трикотажа, швейных изделий и обуви разнообразных фасонов и моделей [1, С. 45-46]. В текстильной промышленности планировало не только увеличить количество ткацких станков, но и усовершенствовать сам процесс производства и обработки изделий.

В обувной же промышленности наметился окончательный переход к автоматизированному производству. Также немалое значение придавалось созданию новых предприятий легкой промышленности и модернизация действующих. Об успехах передовых предприятий активно сообщалось в прессе.

В журнале «Работница» в 1963 г. была опубликована статья «Здесь начинается завтра», посвященная визиту Н.С. Хрущева на опытно-показательную фабрику шелкового комбината им. Свердлова [2, С. 17]. Фабрику отличали от аналогов наличие системы кондиционирования, исключительно электрическое освещение, автоматизация практически всех процессов производства. На фабрике был установлен двухсменный график работы, что значительно облегчало каждодневный труд ткачих, модернизировано оборудование и хорошо отлажен производственный быт. Фабрика им. Свердлова была запущена на полную мощность накануне ноябрьского пленума ЦК КПСС и не имела аналогов среди отечественных предприятий легкой и текстильной промышленности.

Волнующей темой в исследуемый период оставались ассортимент и качество одежды, тканей, обуви. Тканями признанными наиболее популярными являлись ворсовые, меланжевые, ситцевые, а также камвольные ткани из штапельного волокна. Они были наиболее просты в обработке и пошиве, а также отличались износостойкостью. Партийное руководство планировало организовать в широких масштабах производство искусственных волокон и увеличить их выпуск в 1960 г. до 300 тыс. тонн [1, С. 47]. Приоритет в производстве искусственных тканей отдавался капрону, хлорину, аниду, лавсану, нитрону, стекловолокну и искусственной верхней кожи. Отдельное внимание уделялось созданию и массовому производству синтетических тканей. Невероятную популярность среди советских женщин получил искусственный мех.

Отметим, что производство тканей определялось в СССР не только желанием и возможностями, но и модой на те или иные цвета. Так в 1957 г. художники колористы текстильной промышленности учли пожелания модельеров Общесоюзного Дома моделей и на прилавках появились розовые, лиловые, вишнево-красные, бирюзово-синие ткани в различных мягких оттенках – основные цвета сезона. Отметим, что яркие ткани или ткани с вычурным рисунком находились под негласным запретом. Бежево-розовые, голубовато-бирюзовые, голубовато-серые и прочие пастельные оттенки. Принты на ткани согласовывались с модельерами Общесоюзного Дома моделей (ОДМО) (рис. 1).

Законодателями и монополистами в процессе создания новых образцов одежды являлись модельеры Общесоюзного Дома моделей, но и им приходилось считаться с реальной картиной в производстве. При этом им удавалось формировать моду на цвета и фактуры, хотя легкомысленники и текстильщики не всегда могли пополнить рынок необходимыми товарами. Большинство внедряемых тканей отличалось простотой в пошиве и невероятной носкостью.

Дом моды на Кузнецком мосту, который проводил открытые показы модной одежды, создавал коллекции для 300 швейных фабрик СССР, продавал выкройки и даже шил одежду для советской элиты. А регулярный выход журнала мод, сезонные демонстрации элегантной одежды, приезды зарубежных модельеров создали в указанный период потребность в советском обществе в красивой одежде. Здесь стоит отметить, что первым западным модным домом, посетившим СССР стал Дом Кристиана Диора. 1959 г. в этом отношении стал знаковым для моды в Советском Союзе, а сам визит моделей Диора запечатлен в истории благодаря фотографии журнала «Life» Говарду Сочуреку (рис. 2).

Показы коллекций модного дома Кристиана Диора проходили в зале «Труд» ДК «Крылья советов». Посетителями показов стали чиновники и члены их семей, а также представители легкой и текстильной промышленности, руководство и работники ОДМО. За время визита модели не только демонстрировали коллекции, но и посетили Красную площадь, ГУМ, центральные улицы города, производя повсюду невероятный фурор.

Действительно, при просмотре фотографий Г. Сочурека заметно насколько шокированы жители Москвы внешним видом французских манекенщиц. На фоне стильных и изящных французских моделей в лучших нарядах от одного из ведущих мировых кутюрье, советские женщины в цветных платьях и косынках выглядят довольно озадачено (рис. 2).

Рис. 1. Популярные фасоны платьев в сезоне 1957 г., ж/л «Работница», 1957. № 5

Рис. 2. Модели К. Диора в Москве. Фотограф Говард Сочурек для журнала «Life», 1959 г.

На страницах советских СМИ, как основные ориентиры при выборе ткани или одежды, часто провозглашались практичность и дешевизна. Дороговизна объявлялась нецелесообразной, вычурной, неправильной. Несмотря на ограниченные ресурсы, фасоны высокой советской моды отличались должным изяществом, подбором цветов, тканей. При этом распространившейся в это время в СССР стиль нью-лук и следование западным модным тенденциям были характерны только для представителей элит и творческой интеллигенции, в то время как рядовые члены общества довольствовались одеждой мало отличавшейся от гардероба послевоенных лет.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основной задачей советских модельеров выступало создание особого «советского стиля» в одежде, а государственный аппарат решал задачу по его практическому внедрению в повседневность.

Основными инструментами продвижения и популяризации советской моды в указанный период выступали газеты, журналы, специальные швейные пособия и конечно кинематограф. Так в журнальных материалах, посвящённых культуре одежды и моды, спрашивалось – что же является признаком хорошего вкуса? Идеальной формулой хорошего вкуса авторам представлялось сочетание простоты, целесообразности и чувства меры. На этой почве художники-модельеры к концу «оттепели» сформулировали, благодаря народной мудрости, идеальный концепт – «что чересчур – то плохо» [3, С. 30]. С таким названием в журнале «Работница» в 1964 г. была издана статья М.Н. Мерцаловой – известного советского искусствоведа, историка, теоретика моды.

На обложке «Работницы» 1957 г. размещены фасоны пальто от Киевского Дома моделей, а в рубрике «Моды» журнала «Крестьянка» за 1959 г. платья и пальто от Новосибирского Дома моделей, также в колонку включены образцы одежды для детей дошкольного возраста (рис. 3, 4). В 1961 г. Ленинградский Дом моделей представил на суд читательниц несколько фасонов платьев, костюмов и пальто.

Рис. 3. Фасоны одежды Киевского Дома моделей, ж/л «Работница» 1957, № 5

Рис. 4. Фасоны одежды Новосибирского Дома моделей, ж/л «Крестьянка» 1959, № 9

Важно заметить насколько тщательно авторы тематических колонок журналов описывают каждый отдельно взятый фасон. Приведем описание нескольких моделей в журнале «Крестьянке» за 1956 г. в рубрике «Моды»: «Платье-костюм из полушерстяной ткани. Жакет с прилегающими формами с мягкими складочками у ворота. Рукав цельнокроенный полудлинный. Юбка прямая, двухшовная, с односторонней складкой сзади. Плате из материала с рисунком в клетку. Полочки двубортного лифа выкраиваются вместе с рукавом. Прямая юбка с втачными боковыми полотнищами, выкроенными из материала с косым расположением клеток. Полотнища спереди образуют бантовую складку. Клапаны внутренних карманов и воротник выкраиваются также с косым расположением клеток. Плате отделано тесьмой» [4, С. 28] Детальное описание приводится только с одной целью – дать возможность швеям и обычным женщинам повторить понравившийся фасон, так как тот или иной вариант платя не всегда можно было найти в магазинах. В некоторых журналах сразу печатались готовые выкройки на усредненный 46-48 размер.

Со страниц журналов производилась реклама новых тканей, так в журнале «Работница» 1963 г. Ростекстильторг (Министерство торговли РСФСР) печатает статью под слоганом: «Вы не будете знать никаких забот, если сошьете себе костюм из шерстяной ткани с лавсаном». Основным плюсом подобных тканей авторы статьи называют удобство и носкость, приводятся примеры какие образцы одежды лучше пошить из ткани с лавсаном и какие манипуляции с ними можно производить: стирать порошком «Новость», не пересушивать, гладить с изнанки. Другими словами, описаны все этапы с момента покупки

ткани до стирки изделия. В этом можно усмотреть и элемент просветительской работы.

В том же выпуске модельер ОДМО Н. Голикова советует в сезоне 1963 года использовать клетчатую ткань, наряд их которой могут себе позволить «женщины любой комплекции и возраста». Говорить о том, что мода предназначалась только для стройных женщин нельзя. Набор предложенных автором образцов одежды весьма стандартен: юбки, жакеты, платья.

Еще одно подтверждение тому, что в Советском Союзе мода предназначалась для всех находим в журнале «Крестьянка» 1963 года. Обширная статья «Что Вам подойдет?» была обращена к женщинам с нестандартными формами. Авторы советовали худощавым женщинам носить «платья светлых и ярких тонов с крупным рисунком, полным – однотонные наряды синего, темно-серого, темно-коричневого цветов» [5, С. 31]. Приводятся советы для высоких и низкорослых женщин, а также подчеркивается, что элегантность заключается в простоте, и нет необходимости носить высокие каблуки или ожерелья в несколько рядов.

Стремление к упрощению фасонов и отделок будет заметно на протяжении всей «оттепели». Уже к 1961 г. художники-модельеры ОДМО пристальное внимание начали уделять не только цветам и фасонам одежды, но и ее дополнениям. Так, немодными были признаны рюши, оборки, цветные вышивки, фестоны. Наоборот, популярность приобретали трикотажные или вязанные воротники, шапочки, манжеты, однотонная вышивка, узкие бейки, запы и складки. Это объясняется тем, что купить готовый аксессуар было гораздо сложнее, чем изготовить самостоятельно и авторы статей это прекрасно понимали.

В журнале «Работница» за 1958 г. приведены модели фартуков, которые можно носить как дома, так и на производстве. Хлопчатобумажный клетчатый фартук автор предлагает украсить аппликацией из ярких лоскутков, передник из сурового полотна носить во время уборки дома или работницам легкой промышленности, блузку-передник из тафты предлагалось носить художницам, чертежницам, архитекторам [6, С. 30]. Так простой предмет гардероба приобретал новые формы и области применения. Совет по ношению фартука был полезен для защиты повседневной одежды от порчи, что увеличивало срок ее ношения.

В журналах также публиковалась реклама о появлении новых тканей или образцов одежды и обуви в ассортименте отечественных фабрик. Отдельное внимание авторы статей уделяли женщинам с нестандартной фигурой, приводили советы по подбору одежды.

Формирование модного вкуса у советской женщины в период «оттепели» определялось рядом немаловажных факторов, в том числе: осведомленностью о модных тенденциях, потребительскими возможностями, наличием в магазинах ассортимента готовой одежды или необходимых пошивочных материалов. Отметим, что если на конгрессах мод коллекции для женщин и для мужчин были представлены фактически одинаково, то в бытовой практике основным потребителем являлась именно женщина. Сведения о модных новинках публиковались в женских журналах, в то время как рекламирование мужской одежды практически не проводилось. В то же время женщина приобретала новые социальные роли: совмещая статусы женщины-хозяйки и женщины-работницы. Необходимость постоянно быть ухоженной, соответствовать тем или иным социальным требованиям, вынуждал женщину в СССР искать пути визуализации своего нового статуса. Учитывая данные факты, рассмотрим проблему распространения советской моды в быту сквозь призму взгляда женщины - потребительницы.

Невозможно не заметить несоответствия между рекламами, публикациями о моде, моделями на показах мод, документальными фильмами, сообщающими о достижениях в легкой промышленности и торговле, художественными фильмами и советской действительностью. Иногда со страниц советских журналов проводилась критика легкопромышленников и текстильщиков. В колонке под названием «Крапива» в журнале

«Работница» за 1957 г. приводятся два интересных отзыва. Л. Веденеева в письме к редакции сетует: «Ситцы, сатины, и другие простые ткани, выпускаемые текстильными фабриками, имеют очень непрочную окраску. Они выгорают, линяют при стирке» [7, С. 28]. А К. Калябина из Челябинска жалуется на самую злободневную проблему: «Готовые платья – и рабочие и выходные – изготавливаются, как правило, только до 48-го размера. И хотя готового платья в магазинах много, женщинам бывает очень трудно купить себе одежду» [7, С. 28].

Большинство людей во время покупки готовой одежды руководствовались практичными критериями, как «ноское», «удобное», «немаркое», «дешевое», недаром в обиходе укоренилось выражение «дешево и сердито» [8, С. 124]. На прилавках магазинов одежда была достаточно однообразной, не отличавшейся разнообразием фасонов, а иногда встречались и бракованные вещи. Поэтому часто новая одежда заказывалась у портних или изготавливалась в домашних условиях.

В перечне знаковых деталей в комнате портнихи фигурирует, конечно, машинка «Зингер», манекен, стол для раскроя ткани и картины, выполненные в технике ручной вышивки, на стенах. Разложенные ткани, бумажные выкройки, подушечки с булавками и катушки с нитками создавали атмосферу женского царства: так подтверждалась древняя метафорическая связь «женщина – ткань», «мать – материя». В этом мифологическом пространстве портниха представляла как сказочный «волшебный помощник», который спасает героиню в решающие моменты ее жизни. Если не хватало аксессуаров, портниха могла выручить клиентку, снабдив ее подходящими вещами из своих запасов. Иногда дополнительные мелочи одалживались у друзей и знакомых; Тамаре Казавчинской в подобной ситуации помогла хозяйка съемной квартиры. Результатом этой «чудесной помощи» могло стать магическое «преображение» девушки [9, С. 113].

Женщины, которые не хотели или не могли обратиться к портнихе в силу материальных обстоятельств, пользовались широко растиражированными методическими пособиями. Чтобы изучить ассортимент швейных моделей и образцов, сравним две книги посвященных кройке и шитью 1959 г. и 1960 г.: «Кройка и шитье на дому» Л.И. Лисюткиной и «Кройка и шитье дома» В. Коваленко. Обе книги вначале содержат общую информацию о видах швов, правилах подбора тканей и снятию мерок. Далее представлены главы по созданию детской, женской и мужской одежды. «Кройка и шитье на дому» предлагает своим читательницам изготовить разнообразные модели женских юбок, блуз, платьев, пальто и даже различных видов нижнего белья, которое, к слову не отличалось ни женственностью, ни изяществом. Так же в книге содержатся подробные инструкции по изготовлению детской одежды. Кроме того небольшие главы посвящены пошиву мужской одежды и постельного белья. Сама автор описывает свою книгу следующим образом: «Главная задача книги «Кройка и шитье на дому» — помочь нашим читательницам научиться самим в домашних условиях правильно, экономно, красиво кроить и шить» [10, С. 3].

Книга В. Коваленко «Кройка и шитье» дома выглядит более расширенной и профессиональной инструкцией по пошиву гардероба для всей семьи. Данное пособие включало в себя поэтапное описание процесса пошива, включавшего в себя: подбор ткани и ниток, снятие мерок, построение чертежа выкройки, перенос выкроек на ткань, технологию пошива, примерку, утюжку и даже способы отделки одежды и белья. Во вступительном слове автор пособия отмечает, что умея шить, женщина может без больших затрат красиво и модно одеваться, делать изящные платья и костюмчики для своих детей, пошить пижаму или рубашку мужу» [11, С. 6]. Обе книги не содержали выкроек новомодных образцов одежды, однако давали хорошее представление начинающим швеям об основных правилах пошива одежды. Однако эта стратегия приводила к обострению гендерных стереотипов, нагружая женщину специфическими функциями в ведении домашнего хозяйства. Женщина была связана по рукам и ногам обязанностью «обшивать» семью [12, С. 45]. Для изготовления платья с обложки женщины продолжали обращаться к портнихам, а пособия по шитью в умелых руках позволяли изготавливать повседневную и рабочую одежду.

В 1950-е г. очень модно было укладывать волосы на бигуди. Одной из наиболее

модных женских причесок 1950-х были волнистые волосы средней длины. Многие женщины, чтобы превратить свои прямые волосы в кудри, делали шестимесячную химическую завивку. Молодые девушки и женщины, преимущественно делали прически на основе разного рода косичек. Короткие стрижки с завивкой, обосновавшиеся в мировой моде, по примеру итальянских актрис Элизабет Тейлор, Джини Лоллобриджиды или Лолиты Торрес, начали появляться в советском обиходе. В журнале «Работница» за 1963 г. в рубрике «Прически» представлены наиболее популярные образцы: волнистые короткие волосы, челки, легкий начес [8, С. 123]. Критике подвергались западные «колдунья», «бабетта» и «конский хвост».

Мужская массовая мода претерпела гораздо меньше изменений, чем женская. К концу 1950-х гг. на смену кепкам, которые носили и с костюмами и под пальто, широкое распространение стали приобретать шляпы с полями. В скором времени они стали неотъемлемой частью гардероба каждого уважающего себя мужчины в СССР.

К началу 1960-х годов мужские фасоны потеряли свою массивность и прямоугольность, линия плеч пиджаков стала плавной, многие мужчины перешли к носке модных коротких немного приталенных пиджаков с все еще широкими брюками. После выхода в прокат фильма Л. Висконти «Рокко и его братья» популярными становятся плащи из болоньи, водоотталкивающей, но водонепроницаемой ткани. Основной мужской верхней одеждой оставалось подбитое ватином суконное пальто: черное, темно-коричневое, темно-синее. В то время как женские шубки из искусственного меха были бело-желтоватыми, сизыми, и даже вишневыми, чего раньше не было. Вообще искусственный мех стал настоящим трендом данной эпохи.

Отметим, что с точки зрения потребительской активности в области моды женщины намного превосходили мужчин. Таким образом в период «оттепели» к стандартным маркерам женщина-хозяйка, женщина-работница, прибавился еще один немаловажный элемент – женщина-потребитель. Реклама, советы в периодической печати, методические пособия, показы моделей были направлены преимущественно на женскую аудиторию.

Главной целью пропаганды модного вкуса в СССР 1953 – 1964 гг. было создание нового типа советского человека, который бы умел маневрировать между модными тенденциями и внутренними потребностями и отличать предметы реальной необходимости от модных излишков, за созданием которых никак не поспевала легкая промышленность. К категории вторых относились модные новинки, приобретать которые разрешалось только при условии абсолютного износа уже присутствовавшей в гардеробе одежды. Таким образом, с точки зрения экономистов, мода выступала как негативный и чуждый социалистической экономике фактор, препятствующий плановому производству, распределению и потреблению одежды.

В конечном итоге, смело можно сказать, что мода в СССР в 1953-1964 гг. не просто существовала, но и динамично развивалась, с единственной целью – создать неповторимый «советский стиль». Советское правительство уделяло особое внимание расширению экономической базы для производства тканей и одежды. А культурный обмен со странами социалистического лагеря и даже с западными государствами познакомил советское общество с кардинально новыми образцами одежды.

Библиографический список

1. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898-1988) / Под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. – КПСС; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС. – Т. 9: 1956-1960. – 1986. – 574 с.
2. **Натальин М.** Здесь начинается завтра/ М. Натальин //Работница. – 1963. – № 1. – С.17

3. **Мерцалова М.** Что чересчур, то плохо/М. Мерцалова //Работница. – 1964. – №11. – С.3
4. **Поликовская О.** Как красиво одеваться /О. Поликовская //Крестьянка. – 1956. – № 4. – С.28.
5. Что вам пойдет? // Крестьянка. – 1963. – № 8. – С. 29 - 32.
6. **Кассиль Л.** Девушка со вкусом/ Л. Кассиль // Работница. – 1958. – № 3. – С. 25–27.
7. Платья к фестивалю. // Работница. – 1957. – № 5 . – С. 28 - 32
8. **Лебина Н.** Во что одеть "кузькину мать"? Официальная женская мода СССР в 1950-1960-х годах / Н. Лебина // Родина. – 2009. – № 6. – С. 122-126.
9. **Вайнштейн О.Б.** Мое любимое платье, портниха – как культурный герой в Советской России / О.Б. Вайнштейн // Теория моды: Одежда. Культура. Тело. Вып. 3: Мода и социализм. - М.: НЛО, 2007. – С. 101-126.
10. **Лисюткина Л.И.** Кройка и шитье на дому/ Л.И. Лисюткина. – Ставрополь: Ставропольское книжное издание, 1959. – 428 с.
11. **Коваленко В.Д.** Кройка и шитье дома / В.Д. Коваленко. – М.: Советская Россия, 1960. – 640 с.
12. **Захарова Л.** Наиболее распространенной является форма прямого пальто с однобортной застежкой: о советской моде эпохи «оттепели» /Л. Захарова// Неприкосновенный запас. – 2006. – № 1. – С. 43-57.

**ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY**

УДК: 316.62

*Воронежский государственный технический
университет
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
С.А. Коршунова
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 271-50-04
e-mail: skorsh5@gmail.com*

*Voronezh State Technical
University
PhD in philosophy, Associate Professor of Philosophy,
Sociology and History chair
S.A. Korshunova
Russia, Voronezh,
tel. (473) 271-50-04
e-mail: skorsh5@gmail.com*

С.А. Коршунова

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА**

Статья анализирует современное состояние цифрового общества и выявляет актуальную специфику человеческого капитала, которая сформировалась под влиянием цифровых технологий. Раскрывается механизм динамики современных общественных процессов, повлиявших на формирование нового качественного содержания человеческого капитала. Автор выделяет мировые тенденции в развитии современного человеческого капитала: превращение человеческого капитала в самостоятельный фактор производства, возрастание роли интеллектуального капитала в экономике цифрового общества, появление новых факторов, формирующих облик современного специалиста – носителя человеческого капитала. В статье убедительно доказано, что главной формой человеческого капитала становится интеллектуальный капитал, носителем которого является цифровое поколение, обладающее собственной системой ценностей, новым типом мотивации и актуальными цифровыми навыками.

Ключевые слова: Цифровое общество, человеческий капитал, интеллектуальный капитал, цифровое поколение, цифровые навыки

S.A. Korshunova

**THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN THE
CONTEXT OF THE FORMATION OF A MODERN DIGITAL SOCIETY**

The article analyzes the present state of digital society and reveals the actual specifics of human capital, which formed under the influence of digital technologies. The article reveals the mechanism of the dynamics of modern social processes that influenced the formation of a new qualitative content of human capital. The author identifies global trends in the development of modern human capital: the transformation of human capital into an independent factor of production, the increasing role of intellectual capital in the economy of a digital society, the emergence of new factors shaping the image of a modern specialist – the carrier of human capital. The article convincingly proves that the main form of human capital is intellectual capital, the carrier of which is the digital generation, which has its own system of values, a new type of motivation and relevant digital skills.

Key words: digital society, human capital, intellectual capital, digital generation, digital skills

Большинство современных исследователей рассматривает человеческий капитал в качестве основной предпосылки инновационной активности экономики. Накопление человеческого капитала является ключевым фактором экономического и социального благосостояния современного общества.

Это означает, что он способен стать драйвером технологических изменений, или, наоборот, выступить тормозом процесса дигитализации общества.

Цель данного исследования – проанализировать особенности развития человеческого капитала в условиях формирования цифрового общества и определить актуальную специфику человеческого капитала, которую он получил в ходе внедрения информационно-коммуникативных технологий во все сферы жизнедеятельности человека.

При анализе глобальных процессов трансформации современного общества, влияющих на формирование новой специфики человеческого капитала, использовалась научная методология, включающая следующие методы исследования: метод функционального анализа, системный метод, метод индукции и дедукции, а также синергетический метод. С точки зрения системного подхода, экономическая сфера производства и потребления является одним из элементов общественной системы, поэтому экономика испытывает на себе все последствия трансформации постиндустриального общества, последовательно приобретающего характер цифрового общества. При этом человеческий капитал выступает как сложный системный объект социально-экономического исследования.

Синергетическая методология, успешно проявившая себя в рамках многих междисциплинарных исследований, позволяет рассматривать экономические системы как динамические саморазвивающиеся системы, существующие в состоянии неопределенности, характерном для всего современного общества. Динамическое развитие человеческого капитала определяется совокупным воздействием на него таких факторов, как: институциональный, демографический, экономический, социально-политический, культурный, экологический т.д.

В настоящее время под человеческим капиталом принято понимать все приобретенные знания, навыки, умения, мотивации, профессиональный опыт и здоровье, которыми обладают люди, и которые они (люди) могут использовать в целях производства товаров и услуг.

Создатели теории человеческого капитала Т. Шульц и Г. Беккер стали рассматривать способности человека с экономической точки зрения, поскольку они могут приносить экономическую выгоду. Наряду с другими формами капитала, человеческий капитал востребован на рынке труда и имеет определенную стоимость. Этим капиталом обладает его собственник – сам человек, который способен сохранить свои знания, навыки, умения даже после их продажи. Если человеческий капитал выступает в качестве актива, наряду с финансовыми или физическими активами, то он также нуждается во вложениях. Поэтому все исследователи, занимающиеся теорией человеческого капитала, подчеркивали необходимость инвестиций, которые необходимо вложить в человека, чтобы стимулировать рост человеческого капитала [1, с. 92].

Развитие новых технологий и процессы глобализации привели к возрастанию роли человеческого капитала в мировой экономической системе. Соотношение между человеческим и физическим капиталом в течение всего XX века последовательно складывалось в пользу человеческого капитала, в результате чего он стал главным фактором экономического благосостояния развитых стран.

В настоящее время актуальной является проблема специфики человеческого капитала, формирующегося в рамках новой цифровой реальности. Современный человек сталкивается с неизвестными ранее вызовами. Среди них - интенсификация информационных потоков и связанное с этим ускорение ритма жизни, внедрение новых цифровых технологий во все сферы глобальной экономики, появление виртуальной реальности как новой формы жизнедеятельности человека. Ответом на эти вызовы становится трансформация внутреннего содержания человеческого капитала. Кроме того, специфика человеческого капитала начинает изменяться в соответствии с новыми требованиями к характеристикам человека, запрос на которые предъявляют как работодатели, так и все современное общество в целом.

Таким образом, возникает необходимость научного исследования, способного выявить качественно новое содержание человеческого капитала, формирующегося в условиях современной информационно-цифровой среды.

Рассматривая структуру человеческого капитала, следует иметь в виду, что практически все его элементы не обладают характером постоянной величины. Знания, умения, навыки, и даже здоровье приобретаются и накапливаются человеком в процессе жизни. Как и физический капитал, человеческий капитал подвержен амортизации и зависит от инвестирования. Существуют и другие факторы, влияющие на специфику человеческого капитала. В последнее время появились исследования, отмечающие зависимость человеческого капитала от трансформации традиционных социальных институтов в современном обществе [2]. Более глубокий анализ показывает, что модернизационные процессы, происходящие в институциональной среде, в свою очередь, являются результатами динамики всего постиндустриального общества. Поэтому следует выделить общие тенденции в развитии человеческого капитала, проявляющиеся в мировой практике в целом.

Одной из основных тенденций в современном обществе становится нарастание определенного дисбаланса в развитии основных видов человеческого капитала. В цифровой экономике конкурентное преимущество получает интеллектуальный капитал, а значит, высокой конкурентоспособностью на рынке обладает организация, которая наиболее успешно использует свой интеллектуальный капитал и интеллектуальный капитал своих отдельных сотрудников.

Концепция интеллектуального капитала (ИК) активно разрабатывается в западной и отечественной науке с 90-х годов XX века. Автор термина «интеллектуальный капитал» - американский журналист, известный обозреватель экономической проблематики Томас Стюарт. В своей книге «Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций» он впервые обратил внимание на то специфическое влияние, которое информационная революция оказала на деятельность и активы современных компаний [3]. В результате внедрения в производственную сферу информационных технологий возникает новый тип организации – интеллектуальная компания, которая отличается от традиционной промышленной компании своими нематериальными активами, и по этой причине финансовая структура такой компании не поддается традиционному экономическому анализу. К началу 2000-х годов большое число экономистов уже было убеждено, что интеллектуальный капитал является главным фактором оценки современного производства, подлинная стоимость которого определяется в том числе по таланту работников, их личным и профессиональным качествам [3, с. 436].

В настоящее время под интеллектуальным капиталом понимают совокупность знаний, навыков, умений человека, его мобильность и способность к творчеству, обеспечивающих возможность создания продукта в процессе движения данного капитала как части человеческого капитала [4, с.102]. Однако это определение не отражает специфическую особенность интеллектуального капитала, которая заключается в характере знания, составляющего его основу. Если человеческий капитал основывается на воспроизводимых знаниях, то интеллектуальный капитал формируется только за счет новых знаний, имеющих эвристический характер.

Интеллектуальный капитал может иметь индивидуальный и общественный характер. Знания, способности, навыки, и в целом, интеллектуальный потенциал одного человека, который может принести прибыль, составляет его индивидуальный интеллектуальный капитал. Интеллектуальный капитал организации – это квалификация, знания, опыт, технологии, которыми обладают сотрудники организации. Совокупный интеллектуальный капитал как один из видов человеческого капитала несет в себе явно выраженный синергетический принцип: он складывается не простым сложением индивидуального

капитала сотрудников, а является результатом их взаимодействия. Таким способом достигается синергетический эффект, который во много раз увеличивает эффективность работы организации. На наших глазах интеллектуальный капитал, как одна из форм человеческого капитала, начинает кардинально преобразовать мир.

В таких условиях формируются новые требования, которые цифровая экономика и цифровое общество предъявляют к человеческому капиталу. Очевидно, что речь идет, прежде всего, о тех требованиях, которым должны соответствовать знания, умения, навыки и профессиональный опыт современного человека.

Адаптационные возможности человека как носителя человеческого (интеллектуального) капитала начали проявляться уже в эпоху становления постиндустриального общества в конце XX века, когда появился запрос на определенные личностные качества человека, такие как индивидуализм, креативность, оригинальность, творческая смелость и т.д. При отборе сотрудников руководители современных компаний с большим объемом интеллектуальных активов выбирают работников, свободных от профессиональных стереотипов и шаблонов мышления, способных принимать креативные решения и продуцировать новые идеи. Сами работники, помимо материальной заинтересованности, демонстрируют новый тип профессиональной мотивации, связанный с возможностью личностного роста, самореализации и смысловой наполненности своего труда. Еще несколько лет назад это касалось только работников высокотехнологичных компаний. В последнее время появились целые отрасли экономики, производственные успехи которых напрямую зависят от уникальных способностей работников этих отраслей.

Экономические теории человеческого капитала, продолжая рассматривать человека лишь с точки зрения его производственных функций, существенно сужают представление об интеллектуальных возможностях современного человека. Необходимо расширять контекст научных исследований, включая в анализ не только экономические, но и социокультурные, психологические и мировоззренческие факторы, которые определяют мотивации современного человека. Прежде всего, это касается представителей двух последних поколений молодежи, получивших в социологии условные названия «поколение Y» и «поколение Z». Представители этих двух поколений испытывают на себе самое большое влияние цифровых технологий, поскольку они составляют наиболее активную аудиторию пользователей электронных гаджетов, социальных сетей и Интернет-ресурсов.

Философы, социологи и психологи фиксируют появление у молодого поколения новых духовных смыслов и ценностных ориентиров. Формирование цифрового общества и цифровой экономики предоставляет человеку новые возможности: формирует у него новую систему ценностей, новые потребительские практики, а также предлагает человеку новые средства и формы коммуникации. Глобализация информационного пространства способствует распространению этих тенденций по всему миру. Например, все больше молодых людей в мире в качестве главной жизненной стратегии выбирают для себя саморазвитие и самосовершенствование.

Исследования свидетельствуют, что денежное вознаграждение уже не воспринимается как главная мотивация для трудовой деятельности в развитых странах. Популярный американский автор Д. Пинк в своей книге «Драйв. Что на самом деле нас мотивирует» утверждает, что денежные поощрения сотрудников компании работают, только если сотрудник выполняет задачи, основанные на привычном алгоритме решения [5]. При решении сложных, нестандартных задач денежная мотивация не срабатывает. В настоящее время это касается 70 % людей в развитых странах, чья профессиональная деятельность связана с элементами творчества и анализа.

Для таких креативных сотрудников можно предложить другой тип мотивации, в основе которой лежат три главные ценности: свобода выбора, мастерство и наличие достойной цели. Эти ценности внутренне присущи всем духовно и интеллектуально развитым людям, поэтому руководители компаний должны создавать в своих организациях

атмосферу, способствующую реализации этих ценностей в трудовой и профессиональной деятельности.

На первый взгляд, эти изменения затрагивают только творческих людей в развитых странах. Однако исследования последних лет отмечают, что современная молодежь предъявляет такие же требования к собственной работе [6]. Представители поколения Z (цифровая молодежь) отдают предпочтение общественно полезной деятельности, причем, 93 % молодежи утверждает, что отношение компании к обществу влияет на решение с ней сотрудничать, или в ней работать.

Таким образом, современные носители человеческого капитала демонстрируют его новые качества, которые проявляются в новых ценностях, новых типах мотивации, особых (интеллектуальных) знаниях и специфических навыках. Под навыками (skills) понимаются способности использовать теоретические знания при решении практических профессиональных задач. Кроме востребованных в современном обществе навыков коммуникации на первое место выходят так называемые цифровые навыки. В цифровые навыки входят: общие ИКТ-навыки, позволяющие каждому работнику использовать цифровые технологии в своей повседневной работе; профессиональные ИКТ-навыки – навыки системного проектирования, программирования, разработки приложений, управления данными и сетями. А также проблемно-ориентированные навыки, комплементарные ИКТ-навыки (complementary skills) и навыки использования сервисов цифровой экономики [7, с. 147].

Исследования доказывают, что потребность в общих и передовых ИКТ-навыках существует у работников самых разных сфер экономики. Еще один вывод заключается в том, что распространение цифровых технологий меняет способ выполнения работы, увеличивая потребность в таких дополнительных навыках, как умение обрабатывать информацию, осуществлять самостоятельное руководство, решать проблемы коммуникации сотрудников и клиентов.

Успешное владение этими навыками обеспечивает включенность работников в особую информационно-коммуникативную среду и способствует развитию процессов глобализации в обществе.

Одной из форм культурной глобализации человека становится его способность к глобальной мобильности, то есть навык, позволяющий работнику легко менять место работы, сферу деятельности и даже место проживания. Поиск новых впечатлений, желание постоянно расширять свой профессиональный и личный опыт вытесняют стремление к стабильности и возможную карьерную перспективу. Работник, начинающий свою трудовую деятельность хорошо понимает, что список исчезающих профессий и даже отраслей постоянно увеличивается, поэтому ошибкой будет останавливаться на узкой профессиональной сфере. Трудовая мобильность включает в себя гибкий рабочий график, возможность работать удаленно и, при необходимости, переходить в смежные профессиональные направления.

Наличие у представителей молодого поколения работников таких личностных качеств, как креативность, стремление к независимости, желание сохранять баланс между работой и личной жизнью, заставляет современных работодателей и бизнес структуры разрабатывать новые принципы трудовых взаимоотношений. Уже появились нормативные документы, которые закрепили возможность гибкой занятости, в российском законодательстве активно формируется институт дистанционного труда. Особенно актуальным такие формы занятости стали в условиях удаленной работы, связанной с необходимостью сохранять дистанцирование во время пандемии коронавируса. Это позволило многим компаниям (Сбербанк, Яндекс и др.) переводить своих сотрудников на дистанционный формат работы.

Подводя итог, можно утверждать, что механизм современных динамических процессов, затронувший все сферы современного общества и определяющий роль и специфику человеческого капитала, выглядит следующим образом: носители интеллектуального капитала, обладая уникальными знаниями и умениями, создают новые цифровые технологии; последние, проникая во все сферы общества, изменяют его, придавая ему цифровой характер. В тоже время человеческий капитал получает в изменившемся обществе особую роль. Выступая в виде запаса специфических знаний, он способен стать источником современных инноваций и одной из основных причин глобальных экономических и социальных трансформаций.

Цифровое общество и конкретно цифровая экономика начинают предъявлять качественно новые запросы к содержанию современного человеческого капитала. В результате человеческий капитал существенно меняет свое внутреннее содержание, получая все признаки интеллектуального капитала. Специфика интеллектуального капитала заключается в том, что он формируется за счет новых знаний, имеющих эвристический характер. Носителем интеллектуального капитала постепенно становится современное молодое поколение (цифровая молодежь), которое ориентируется на собственную систему ценностей, основанную на креативности, свободе выбора и саморазвитии [8, с.112]. У таких работников появляется новый тип мотивации (наличие достойной цели), формируются новые профессиональные навыки, в том числе, цифровые навыки, навыки коммуникации и навыки глобальной мобильности.

Библиографический список

1. **Беккер Г.** Человеческое поведение: экономический подход: избр. тр. по экон. теории / Г. Беккер. - М.: ГУ ВШЭ, 2003. - 672 с.
2. **Дятлов С.А., Доброхотов М.А.** Формы реализации человеческого капитала в цифровой экономике. / Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. Периодический научный журнал, 2018. № 4 (112) С.25-29.
3. **Эдвинссон Л., Мэлоун М.** Интеллектуальный капитал // Иноземцев В.Л. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М. 1999. стр. 435-436.
4. **Супрун В.А.** Интеллектуальный капитал: главный фактор конкурентоспособности экономики в XXI веке / В. А. Супрун. — М.: URSS, 2006. — 190 с.
5. **Pink Daniel H.** Drive: The surprising truth about what motivates us. Riverhead Books, New York, New York. 2009. 256 p.
6. **Стилман Д., Стилман И.** Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.
7. **Сухомлин В.А., Зубарева Е.В., Якушин А.В.** Методологические аспекты концепции цифровых навыков. Современные информационные технологии и ИТ-образование, 2017. Т. 13(2), 146-152.
8. **Korshunova S.A.** Youth of today in the context of digital society development // Abstracts & Proceedings of INTCESS 2020- 7th International Conference on Education and Social Sciences, 20-22 January 2020- Dubai, UAE. P.108-112.

УДК:165.6

*Воронежский государственный технический университет
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
К.С. Назаренко
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(960) 122-22-44;
e-mail: petrenkoksenia@vgasu.vrn.ru*

*Voronezh State Technical University
PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy,
Sociology and History Chair
K. S. Nazarenko
Russia, Voronezh,
tel. +7(960) 122-22-44;
e-mail: petrenkoksenia@vgasu.vrn.ru*

К.С. Назаренко

КРИЗИС РОССИЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ

В статье рассматриваются пути обеспечения российским высшим образованием потребностей информационной эпохи, его структурная и идеологическая трансформация с целью преодоления кризиса, вызванного новой реальностью, которые привели к ряду последствий, оформившихся в новый кризис высшего образования.

Ключевые слова: российское высшее образование, кризис высшего образования, информационная эпоха.

K.S. Nazarenko

THE CRISIS OF RUSSIAN HIGHER EDUCATION AS A CONSEQUENCE OF OVERCOMING THE CRISIS OF THE INFORMATION AGE

The article examines the ways of providing Russian higher education with the needs of the information age, its structural and ideological transformation in order to overcome the crisis caused by the new reality, which led to a number of consequences that took shape in a new crisis of higher education.

Key words: Russian higher education, the crisis of higher education, the information age.

На протяжении всей истории человечества кризисные явления различного генеза выступают ее спутниками и эволюционируют от экономической системы к образовательной. Образование играет важную роль в модернизации общества, формируя его цивилизационные особенности. Однако сегодня социально-экономические системы развиваются и меняются настолько быстро, что системе образованию приходится встраиваться в действительность, революционно меняя свои фундаментальные основы. А ускорение темпов научно-технического прогресса провоцирует все большее количество структурных кризисов, которые связывают и ставят в зависимость друг от друга разные сферы жизнедеятельности, из которых во многих центральное положение занимает система образования.

Кризис можно определить, как «временный, естественный и неизбежный процесс движения социально-экономических систем, выступающий переломной ситуацией в развивающейся смене событий и действий и угрожающий их жизнеспособности, он принуждает к принятию кардинальных решений в условиях ограниченного времени и значительной неопределенности» [1, с.129]. Безусловно, понимание всего спектра причин кризиса, позволяет дать максимально объективную оценку происходящему кризису, на основе которой уже должны выбираться пути его преодоления.

Теоретическое осмысление кризиса системы образования началось в конце 60-х – начале 70-х годов XX века, после публикации книги Ф. Кумбса «Кризис образования в современном мире» [2], в которой он констатировал наличие мирового кризиса образования, обозначив это состояние как «изменение», «приспособление», «разрыв». Самую суть мирового кризиса образования видел в разрыве между сложившимися системами образования и быстро меняющимися условиями жизни общества. Ф. Кумбс также обозначает факторы кризиса: быстрый рост образовательных потребностей, рост численности населения, усиление миграционных и урбанизационных процессов, недостаточные условия для удовлетворения образовательных потребностей в сельской местности, влияние на образовательные потребности национальных программ, приоритетов, стратегий, влияние изменений окружающей среды, изменение роли педагогов, образовательные технологии, растущее финансовое давление, влияние инфляции, рост безработицы среди молодежи [3, с.180].

Некоторые причины кризиса российского образования пересекаются с причинами мирового кризиса: резкий рост научно-технического процесса, информатизация общества, дефицит специалистов, функциональная неграмотность.

Сегодня российское высшее образование переживает системный кризис, который, как и предшествующие ему, является лишь внешним проявлением кризиса парадигмальных основ образования. За ним, как и за всяким сложным явлением, стоят не только очевидные вызовы последних двух лет: пандемия и тотальный переход в онлайн-образование, а множество связанных между собой процессов и факторов, таких как отставание образования от темпа жизни, потеря доверия общества к системе образования, разрыв образования и науки, так же как образования и рынка труда. Однако во многом современный кризис высшего образования базируется на последствиях преодоления кризиса информационной эпохи.

По Кастельсу начало информационной эпохи восходит к 1970-м годам. В своих работах М. Кастельс не использует понятие «информационное общество», по его мнению, все общества использовали информацию и поэтому были информационными [4, с.54]. Но революция в сфере информационных технологий изменила подход к работе с информацией и в целом отношение к ней. Информация как категория больше не является ценностью. Находясь в информационных потоках, главной задачей становится быстрый и эффективный поиск, потребление информации и оперирование с ней. А логика накапливать знания, терминологически и этимологически его осмысливать утрачивается. Смена информационной значимости формирует иное отношение и к тексту. Текст же, в свою очередь, всегда выступал структурной основой образования доинформационной эпохи, которое базировалось на книжной культуре, на длинных и сложных текстах, которые были главным источником информации.

Важнейшей чертой современного мира стала легкая доступность к огромному базису информации. Поэтому сегодня студенты ориентированы на поиск готовой к употреблению информации, они не осваивают и не запоминают ее, они работают в терминах информационных потоков. В работе с информацией стало главным – освоить методологию ее поиска. «Подменяя понятие «знание» в образовании «информацией» и бравлируя лозунгом о том, что сегодня важно знать, где найти информацию, а не ее саму, полностью выхолащивается навык критического мышления у современных школьников и студентов, ибо возможно ли мышление о чем-либо, если понимание мыслимого объекта отсутствует в ранее произведенной рефлексии по поводу этого объекта, опыте мышления о нем? Знание есть продукт понимания в результате всестороннего и критического осмысления объекта действительности» [5, с.23]. Отсюда следует утрачивание культурного багажа как необходимости. Объем научной, экономической, статистической и прочей информации столь велик, что возникла существенная диспропорция между скоростью получения информации и возможностями ее обработки. При отсутствии определенной информационной подготовки, выделить источники, обладающие истиной научной глубиной и значимостью, из всех

продуктов информационной среды представляется довольно сложной или вовсе невыполнимой задачей. А легкодоступные источники информации на пути адаптации к современной информационной среде создают только иллюзию «информационного насыщения». Таким образом, доступность и быстрая обновляемость информации привела к потере ее значимости и ценности и подрыве одного из базисов образования – книжной культуры.

Однако на книжной культуре строилось фундаментальное образование, которое в быстро меняющемся и обновляющемся мире стало нежизнеспособным. Цивилизационные изменения исчерпали и сделали невозможной модель линейного развития образования и его линейную траекторию. Что привело к поиску новой образовательной парадигмы, ориентированной на формирование интегративных тенденций.

В образовательную парадигму информационной эпохи был заложен принцип непрерывного образования. «Обучение длиною в жизнь может рассматриваться как обучение, продолжительность которого равна продолжительности жизни человека. Обучение в течение жизни предполагает, что людям необходимо продолжать учиться, возобновлять свое обучение в течение всей жизни, и не только посредством неформальных (informal) методов, что делает каждый гражданин в любом случае (ежедневное обучение), но и путем неоднократного получения формального (formal) образования, обновления знаний, умений и навыков, присущих уже имеющемуся у человека уровню образования. Наряду с этим, люди также могут принимать участие в неформализованном (non-formal) образовании, проходя обучение вне пределов формального сектора образования: на рабочих местах, общественных центрах, спортивных клубах и др.» [6, с.107] «Философский» смысл непрерывного образования заключен в объективной изменчивости жизни человека и необходимости его приспособления к происходящим изменениям» [7, с.20]. Была разработана система государственных и общественных институтов в соответствии с потребностями личности и общества новой эпохи.

Однако это привело к новым вызовам и стало одной из причин нового кризиса. Если раньше высшее образование было единственным и совершенно необходимым способом стать профессионалом, то сейчас появились другие множественные альтернативы, возникло множество опций для самообразования.

Самообразование, можно сказать, стало веянием времени, одним из важнейших его требований. Учить учиться — таков смысл, такова дефиниция тезиса «готовить человека к жизни». Еще в прошлом веке самообразование рассматривалось в основном как способ удовлетворения личностного интереса в той или иной сфере знания. Информационная эпоха трансформировала его в необходимый для социума вид образовательной деятельности, причем не только идейно, но и структурно. В условиях крайне быстрого темпа обновления сфер жизнедеятельности именно самообразование становится одним из условий приобретения «когнитивной мобильности».

Вкупе с этим появилось множество востребованных и высокооплачиваемых профессий, для освоения которых высшее образование не требуется вовсе. Наличие высшего образования сегодня перестает служить фактором социальной уверенности. Поэтому начало происходить устойчивое снижение авторитета высшего образования. Но высшее образование — это не только про эффективность знаний, это еще и академическое сообщество, снижение содержания которого в обществе станет причиной системных кризисов в целом ряде сфер жизнедеятельности.

Информационная эпоха меняет социальный уклад жизни, добавляя возможности, права, включая в социальную жизнь тех членов общества, которые в ней ранее не участвовали. Инклюзия и толерантность в целом изменили социальную действительность и негласно обязали все сферы жизнедеятельности учитывать не только потребности, но и возможности каждого члена общества. Беспрецедентный скачок в развитии и изменении

социальных условий привел к смене этических норм и ориентиров социума. Также начало нарастать распространение Новой этики, главный признак которой повышенная толерантность ко всем категориям социальных меньшинств, сопровождающаяся растущей агрессией к тем, кто эту толерантность не проявляет.

Безусловно, высшее образование реагирует на новую этическую реальность. В нем появляются новые мировоззренческие и аксиологические концепты, добавляющие к технократическим, утилитаристским и узкофункциональным ценностям культуроцентричные и гуманистичные, меняя тем самым нормативный контекст образовательного процесса. В основу современного университетского образования начинает закладываться идея целостности образования - научно-технического и гуманитарного. Однако этический кризис в социуме еще продолжается, новая этичность в нем еще не закрепились в культурном коде. Поэтому одна часть общества требует от системы образования модернизации и трансляции новых ценностей, в соответствии с актуальной повесткой, а другая – сохранить фундаментальные основы и консервативный подход, оставить те ценности, которые сформировались в советское время и благополучно просуществовали в почти неизменном виде три десятилетия в постсоветской действительности.

Как функция обеспечивающая воспроизводство и развитие социума и систем его деятельности, образование распределено во всей системе человеческих отношений и должно быть ориентировано на человека. Однако как организованный процесс, образование должно отвечать требованиям экономики и научно-технического прогресса. И если происходит девальвация привычных и уже традиционных ценностей образования, то их место занимают новые и жизнеспособные, вне зависимости от социальных ожиданий и предпочтений.

Это приводит к социально-психологическому парадоксу, заключающимся в том, что у части общества появляется недовольство не только идеологическим сопровождением высшего образования, но и его системной реализацией. И как следствие возникает критика и отказ от высшего образования. Так появляется еще одна кризисная ситуация вызванная попыткой преодоления этического кризиса информационной эпохи.

Можно сказать, что кризис информационной эпохи высшим образованием не будет пройден до тех пор, пока оно не справится не только с вызовами и задачами нового времени, но и со всеми негативными последствиями способов и путей его преодоления. И если заранее обозначить меры решения той или иной задачи – возможно, то предсказать побочные эффекты – нет. К тому же в условиях постоянно меняющейся реальности и гибкости социума.

Но, надо сказать, что кризис – это не только потенциал разрушения, но и возможность обновления и развития. Кризисные процессы являются не только стимулом к поиску новых форм, но и выступают лучшим апробатором старых, выявляя в критических ситуациях наименее устойчивые и жизнеспособные элементы, которые в наибольшей степени нарушают организованность и органичность целого. Выявляя слабые места и недостатки, кризис предоставляет возможность для их исправления и, тем самым, позволяет укрепить позиции, получить в дальнейшем больший результат.

Кризис высшего образования акцентирует внимание на несбалансированности между системой высшего образования и потребностями населения. И это связано не столько со структурной организацией высшего образования, сколько с разрушением привычного хода жизни и нелинейной его траектории, в которой отсутствует целостное видение будущего, обесцениванием традиционных ценностей. Высшее образование еще не нашло всех решений задач информационной эпохи. Многие решения приводят к ряду новых проблем. Но выделение первопричин кризисных ситуаций, анализ мер их преодоления позволит найти лучшее кризисное решение.

Библиографический список

1. **Протасеня Ю.Е.** Теоретические основы понятия "кризис" Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 1 (85). С. 127-130.
2. **Кумбс Ф.** Кризис образования в современном мире / Ф. Кумбс. М., 1970. 245 с.
3. **Coombs Philip H.** The World Crisis in the View from the Eighties Education. New York. Oxfröd. Oxford University Press. 1985. 366 pp. URL: http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/Pnaar713.pdf (дата обращения: 20.05.2022)
4. **Кастельс М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. **Кабахидзе Е.Л.** Системный кризис высшего образования в мире: причины, последствия и решения для университетов. Primo Aspectu. 2020. № 4 (44). 19-28 с.
6. **Зайцева О.В.** Непрерывное образование: основные понятия и определения. Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 7 (85). С. 106-109.
7. Век живи — век учись: непрерывное образование в России / И. А. Коршунов, О. С. Гапонова, В. М. Пешкова ; под ред. И. Д. Фрумина, И. А. Коршунова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 310 с.

*Воронежский государственный технический университет
доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор кафедры философии, социологии и истории
В.А. Смышляев
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 271-50-04;
e-mail: witeco@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
doctor of Political Sciences, PhD in Historical Sciences, Professor of Philosophy, Sociology and History Chair
V.A. Smyshlyaev
Russia, Voronezh,
tel. (473) 271-50-04;
e-mail: witeco@yandex.ru*

В.А. Смышляев

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМАТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И МИРА: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматриваются актуальные вопросы системного социально-философского исследования проблематики безопасности России и мира. Представлен ретроспективный анализ эволюции представлений о безопасности в мировой и отечественной социофилософской мысли. Определены и охарактеризованы приоритетные направления социально-философского анализа ключевых аспектов проблематики обеспечения безопасности Российской Федерации и мирового сообщества в целом.

Ключевые слова: безопасность, философия безопасности, основные направления социально-философского исследования проблематики безопасности, онтологические, гносеологические, аксиологические, праксеологические исследования безопасности

V.A. Smyshlyaev

SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE SECURITY PROBLEMS OF RUSSIA AND THE WORLD: RETROSPECTIVE AND MODERNITY

The article deals with topical issues of systemic socio-philosophical research of the security issues of Russia and the world. A retrospective analysis of the evolution of ideas about security in world and domestic sociophilosophical thought is presented. Priority directions of socio-philosophical analysis of key aspects of the security issues of the Russian Federation and the world community as a whole are identified and characterized.

Key words: security, security philosophy, the main directions of socio-philosophical research of security issues, ontological, epistemological, axiological, praxeological studies of security

На заключительной стадии первой четверти XXI века, в условиях перманентного расширения и ужесточения антироссийских санкций со стороны Запада, вкупе с набирающей темпы глобальной трансформацией сложившегося после ликвидации СССР миропорядка, особую научную и практическую актуальность приобретает проблематика обеспечения достаточного уровня прочности безопасности нашей страны.

В этом плане следует подчеркнуть, что вопросы безопасности закономерно относятся к числу приоритетных научно-исследовательских проблем в контексте задач ее обеспечения, создания эффективных систем превентации (нейтрализации) соответствующих угроз, опасностей и рисков. Понимание и решение же этих задач всегда требовали прежде всего уточнения сущности безопасности как цивилизационного феномена и ценности, определения ее архитектоники и подсистем.

При этом соответствующие процессы осмысления, уточнения и понимания феномена безопасности имеют такую же длительную историю, как и история войн и конфликтов, являющихся неизменными спутниками развития человеческой цивилизации с древнейших времен и по наши дни [1, 218с.].

Так, в Древнем Египте под безопасностью подразумевалось прежде всего принятие необходимых мер по обеспечению защиты государства и его правящей элиты (от фараона до жрецов) от каких бы то ни было опасностей и угроз. Pro tanto жизнедеятельность общества была подчинена сложной системе религиозных предписаний, являвшихся основополагающей и жесткой подсистемой в структуре государственного управления.

В Древней Греции существовало несколько основных интерпретаций сущности и особенностей безопасности. Так, согласно пифагорейцам, обеспечение безопасности возможно лишь при условии подчинения частного общественному. С точки зрения ранних греческих софистов, надежная безопасность зависит прежде всего от наличия у граждан важнейших прав и свобод, а также возможностей ими пользоваться. По Платону безопасность – суть отсутствие опасности или зла для государства, общества и человека. Аристотель же подразумевал под безопасностью гармоничную, последовательную и достаточно полную реализацию интересов государственно-организованного общества.

В свою очередь в Древнем Риме феномен безопасности рассматривался прежде всего в контексте проблематики последовательного и прогрессивного развития. При этом, например, Цицерон особое внимание обращал на жизненную необходимость решительной защиты от угроз и агрессии, избегания всего вредоносного. Согласно Вергилию, безопасная жизнь общества обеспечивается реальной справедливостью в условиях жизнедеятельности гражданской общины, законодательно регулируемой правильностью жизни. Соответственно фигура императора в этом плане является главным гарантом сакральной безопасности римских граждан.

В средневековой Западной Европе с позиций сотериологии под безопасностью человека понималось спасение души, а также спокойное (равновесное) состояние его духа в связи с ощущением достаточной защищенности от множества разнообразных опасностей. В XVII-XVIII вв., благодаря политико-философским концепциям таких мыслителей, как Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Б. Спиноза (и др.), безопасность трактовалась как состояние и ситуация спокойствия (стабильности), детерминированная отсутствием серьезных опасностей и угроз. В свою очередь Ш. Монтескье обращал внимание на зависимость уровня надежности безопасности человека прежде всего от наличия подлинной свободы личности. Он же отмечал обратнопропорциональную зависимость уровня безопасности и степени концентрации власти в руках немногих, ибо там, где власть возрастает, безопасность уменьшается.

Достаточно продолжительная эволюция представлений о безопасности наблюдалась и в нашей стране. Так, уже в первоначальных заветах властителям на Руси фиксировались призывы народа блюсти безопасность, защищать государство от внешних и внутренних угроз. Н.М. Карамзин подчеркивал, что государству для его безопасности надобно не только физическое (экономическое, материальное), но и нравственное могущество (здоровье). Важно также отметить, что в России вплоть до XVIIIв. вопросы обеспечения безопасности решались прежде всего через обеспечение материального благополучия государства и его граждан. При этом одним из основных субъектов обеспечения безопасности традиционно выступала община. В то же время особое внимание уделялось безопасности духовной, по главным аспектам обеспечиваемой церковью. В эпоху Петра I, направившего Россию по пути радикальной трансформации в европейскую державу, новая политическая элита в лице дворянства стала, как известно, активно приобщаться к европейской культуре и ценностям. И соответственно происходило восприятие безопасности не только в русле отечественных традиций, но и в политическом контексте.

И все же в отечественном политическом сознании еще достаточно длительное время понятием «безопасность» оперировали эпизодически, понимая связанную с ней проблематику лишь в первом приближении. Первая в нашей стране попытка конкретизации сущности безопасности в правовом формате была связана с публикацией в 1722г. «Устава благочиния». А первым российским изданием по проблемам общественной безопасности возможно считать изданную в 1824г. работу П. Гуляева «Права и обязанности городской и земской полиции и всех вообще жителей российского государства...». И именно в XIXв. В российской научной литературе появляется термин «государственная безопасность».

К 1917 году в России были уже научно обоснованы две модели безопасности личности: либеральная и социалистическая. Согласно либеральной модели, обеспечение безопасности личности – суть важнейшая ценность Российского государства и приоритетная задача власти и общества. При этом основой и гарантией безопасности личности в первую очередь объявлялась частная собственность. В соответствии же с социалистической моделью, очевидно главенство (примат) безопасности государства в сравнении с безопасностью личности и общества. При этом частная собственность как база эксплуатации человека человеком неприемлема.

В советский период истории нашей страны вплоть до конца 80-х годов XX века фундаментальная научная разработка проблематики безопасности была прерогативой закрытых учебных заведений Главного разведывательного управления Генерального штаба Министерства обороны, Комитета государственной безопасности и частично Министерства внутренних дел Советского Союза без каких-либо публикаций в открытой научной печати [2, 268с.].

Существенный прорыв в этом плане произошел в 1990-х годах, на протяжении которых научным исследованием вопросов безопасности занялись множество структур Российской Академии Наук, университетов, институтов, фондов, центров, а также Российская Академия Государственной Службы при Президенте РФ. Результаты их исследований нашли отражение в фундаментальных монографиях, энциклопедиях, словарях. Как представляется, наиболее емкий, сжатый, и в то же время относительно универсальный вариант определения безопасности содержит Закон РФ «О безопасности» (1992г.), согласно которому безопасность рассматривается прежде всего как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

В первой же четверти XXI века в Российской Федерации продолжается масштабная и комплексная научно-исследовательская работа по детализации различных нюансов проблематики безопасности как системы, в архитектонике которой насчитывается свыше 90 подсистем безопасности – от международной и региональной до информационной и экологической [3, 538с.; 172с.].

Научно-практическую актуальность проблематики безопасности современной России, как очевидно, трудно переоценить. В том числе и с позиций философии. Ведь в русле практически всех основополагающих направлений философии вопросы безопасности системной триады «Государство – Общество – Личность» бесспорно относятся к числу приоритетных [4, с.62-68].

Соответственно сквозь призму онтологии и инвайронментологии (от англ. «environment» - «среда») более чем необходимо исследовательское осмысление наиболее перспективных путей выживания человеческой цивилизации вкупе с мировоззренческим и иным решением задачи оптимизации коэволюции («соразвития» - по Тейяр де Шардену) био-, социо-, техно- и инфосфер, взаимопереплетенных в современном мире самым теснейшим образом.

Чрезвычайно важно в русле данного направления и осуществление конструктивного поиска ответов на вопрос не только относительно совершенствования процесса соразвития человека и природы, но и кардинальной гармонизации экологических и экономических, стратификационных и иных социополитических интересов всех без исключения акторов жизнедеятельности и развития как в мире в целом, так и в составляющих его государствах,

включая РФ (на 35% территории которой экосистемы фактически разрушены либо существенно повреждены). В противном случае деструктивные глобальные изменения климата могут поставить под угрозу само существование и человечества, и самой планеты Земля. Следует также отметить, что, по оценкам ООН, число пострадавших от природных катастроф в мире увеличилось со 147 млн. человек в 1980-х годах до 2 млрд. 140 млн. человек в начале XXI века. Более того, по эколоармистским оценкам к началу XXI века скорость вымирания биологических видов, оскудения генетического богатства нашей планеты более чем в 100 раз больше, чем когда-либо за последние 65 млн. лет истории Земли.

В свою очередь с позиций гносеологии крайне важно объективное и всестороннее рассмотрение проблематики взаимосвязи познания и безопасности; поиск путей и гносеотехнологий системного познания феномена безопасности; обоснование безопасности в качестве одного из приоритетных предметов философского анализа.

Особый научно-философский интерес в русле данного направления представляют также исследование структуры познания проблематики безопасности; рассмотрение и осмысление во всей их сложности вопросов безопасности науки и образования; анализ стремительно нарастающих и дезориентирующе воздействующих на жизнедеятельность государственно-организованных обществ информационных загрязнений, в том числе наиболее опасных их паттерн-форматов в виде информационных войн. Более чем востребовано в этом плане и философское осмысление сущностных черт и характеристик информационной безопасности как базового условия прогрессивного развития мира и России.

Существенный интерес с позиций гносеологии представляет также и научно-философский анализ проблематики таких тесно сопряженных с вопросами объективного и всестороннего познания бытия проблемных и опасных явлений, как информационное оружие (суть – разновидность «параллельного и концентриального оружия» [5, с.247-346]), инфоэкспансия, дезинформация, а также технологии распространения неправды посредством избирательного, фрагментарного, пристрастного комбинационного использования правдивой информации (в том числе с опорой на «марктовеновский принцип»: «Я за Правду! Но за ту ее часть, которая выгодна мне!»).

Наконец, в пределах этого же направления более чем актуальным и востребованным представляется философский поиск секьюритологических [6, 400с.] по своей сути, ориентации и специфике истин и закономерностей.

Столь же актуально исследование проблематики безопасности России и мира и в рамках такого философского направления, как аксиология, которая способствует как нравственно-прогрессивной оптимизации ценностных ориентаций личности, общества и государства, мирового сообщества и составляющих его стран, так и совершенствованию ценностей как способа освоения мира человеком, человеческой цивилизацией в целом.

Философия в этом плане перспективна в контексте определения и осмысления секьюритологических ценностей, от целенаправленной ориентации на которые по многим ключевым аспектам зависит уровень, качество и надежность защищенности как индивидов и общества, так и государств и мирового сообщества в целом. И здесь именно аксиология способна во многом конструктивно, системно и достаточно всесторонне раскрыть связанные с безопасностью ценности и оценки явлений бытия, объективно определяя их соответствующую значимость либо мнимость для человека, общества, государства, мира в целом.

Актуален со всей очевидностью и аксиологический анализ качественного состояния индивидов, социума и государственно-организованных обществ сквозь призму критериев безопасности и устойчивого развития России и мира [7, с.157-221].

Иными словами, в русле аксиологии возможно исследование и осмысление важных с позиций безопасности нравственных характеристик индивидов и институтов (общественных, государственных, международных), а также соответствующих моральных норм, принципов и идеалов (в том числе таких «вечных» понятий, как добро и зло, справедливость и счастье). В сущности, и сама безопасность как таковая является одной из основополагающих витальных ценностей, и в этом плане безусловно заслуживает самого пристального внимания со стороны аксиологии.

Особое значение для объективного философского анализа проблематики безопасности имеет и такое направление, как праксеология [от греч. *Praxis* – действие], представляющая собой, как известно, учение о деятельности человека, государственно-организованных обществ и их страт, мирового сообщества и человеческой цивилизации в целом. Праксеология, иными словами, – суть во многом междисциплинарный анализ действия, в том числе «философия действия» [8, с.819-820]. Исследование и осмысление с позиций праксеологии деятельности во всем ее многообразии и противоречивости создает философско-методологические условия для типологизации соответствующих действий, установления конкретных причинно-следственных связей между мотивами и собственно действиями, определения специализации тех или иных акторов в процессе деятельности, выявления конфигураций и паттерн-форматов взаимодействия в ходе тех или иных действий, определения технологий и механизмов рационализации соответствующей деятельности.

В то же время очевидно, что философско-исследовательские интересы праксеологии безусловно распространяются и на сферу безопасности, в пределах которой та или иная деятельность играет важнейшую роль, влияет по многим параметрам на качественное состояние соответствующих систем безопасности и их подсистем, детерминирует динамику уровня прочности данных систем и их подсистем. Кроме того, праксеологический анализ деятельности и действий в сфере безопасности и смежных с нею иных сферах обеспечивает, наряду с иным, выявление, изучение, систематизацию, сравнение (в том числе в формате компаративистики), обобщение, распространение и конструктивное (адекватное специфике соответствующей ситуации) использование соответствующего опыта. Речь в этом плане идет прежде всего об опыте организации защищенности (безопасности) тех или иных объектов и субъектов практически на всех уровнях – от микро- и мезоуровней до макро- и глобального уровней. Актуален в этом плане и опыт осуществления процесса обучения технологиям и практике обеспечения безопасности. Не менее важен также и опыт разработки и реализации политики безопасности с сопровождением ее реализации на базе соответствующих идей, доктрин, стратегий, концепций, идеологий и теорий.

Философское исследование проблематики безопасности, в том числе философия безопасности Российского государства [9, с.93-101], наряду с вышеизложенным, предполагает рассмотрение, анализ и осмысление и еще целого ряда проблем. Так, системное и объективное определение социально-философских контуров безопасности требуют активного изучения и обобщения проблематики теории, природы, практики и превентации деструктивных факторов и трендов, рисков, опасностей и угроз; а также анализа и обобщения вопросов диагностики тех или иных опасностей и угроз с определением и характеристикой эффективных показателей, индикаторов и методов измерения состояния соответствующих систем безопасности (и их подсистем).

Одной из приоритетных проблем в контексте социофилософского осмысления проблематики безопасности является, на наш взгляд, и проблема мировоззренческого осознания (признания, легитимации) основных опасностей и угроз безопасности человеческой цивилизации на самых различных уровнях мирового сообщества и составляющих его государственно-организованных обществ. Подобное осознание требует также перспективной философско-футурологической разработки сценариев и технологий предотвращения наиболее опасных кризисов и катастроф, угрожающих безопасности человечества и составляющих его государств. Особую философско-методологическую значимость имеют и проблемы безопасности социума (социальной безопасности), его

достаточной защищенности как от классических («традиционных»), так и от порождаемых стремительным научно-техническим прогрессом «новых» опасностей, угроз и рисков.

В контексте проблематики безопасности России и мира в современных условиях более интенсивного философского анализа и осмысления требуют также вопросы сущности основного противоречия (основных противоречий) и глобальных проблем современности, а также мегатрендов транзита международного сообщества от моноцентричного к мультиполярному мироустройству. Параллельно крайне востребована и активизация научно-философского осмысления набирающих обороты процессов глобальной цифровизации и динамического расширения возможностей и компетенций искусственного интеллекта.

Особой научно-философской разработки требует также острейшая проблема вероятности Третьей мировой войны, причем с определением наиболее перспективных путей ее избегания, предотвращения, недопущения. Тесно связанной с этой глобальной проблемой представляется и проблематика эскалации региональных и локальных войн и военных конфликтов в современном мире, способных перерасти в более масштабные и жесткие форматы вооруженного противостояния. Социально-философская разработка данных вопросов, как представляется, может быть перспективна для создания идеологии миролюбия и ненасилия, утверждения в массовом глобальном сознании (а также в сознании мировых и национальных элит) ценностных ориентаций на достижение в результате мирных переговоров соответствующих консенсусов (то есть состояний относительной удовлетворенности всех заинтересованных сторон).

Для поддержания достаточного уровня прочности безопасности и экологически приемлемого устойчивого развития (sustainable development) пристального и предметного внимания заслуживает также и проблематика терроризма во всех его проявлениях. Социально-философское исследование этого вопроса может содействовать не только конкретизации и объективному осмыслению природы данного явления, но и конструктивному поиску методов и технологий нейтрализации (а в идеале - ликвидации) условий и причин для террористических действий в тех или иных странах и ситуациях.

Социально-философское исследование вышеизложенных вопросов, связанных с проблематикой безопасности, в перспективе могут оказать конструктивное влияние как на состояние массового сознания и сознания мировой и национальных элит, так и на процесс гуманизации мировоззренческих ориентаций человеческой цивилизации в целом, а также составляющих ее цивилизационных субкультур. Соответственно возможно возникновение определенных благоприятных условий для динамичного прогресса человеческой цивилизации не только в научно-технической, но и в духовно-нравственной сферах; для преодоления совместными усилиями всего мирового сообщества основных противоречий и глобальных проблем современности.

Библиографический список

1. **Добренков В.И., Агапов П.В.** Война и безопасность России в XXI веке. / В.И. Добренков, П.В. Агапов. – М.: Академический проект; Альма Матер, 2011. – 218с.
2. Белая книга российских спецслужб (изд. 2-е, перераб.) / Пред. Науч.-ред. Совета А.И. Подберезкин и др. – М.: ВОПД «Духовное наследие», 1996. – 268с.
3. **Смышляев В.А.** Экологическая безопасность: глобальные контуры и российский аспект. / В.А. Смышляев. – Воронеж: Изд-во «Научная книга», 2009. – 538с.; Смышляев В.А. Экологическая безопасность России: теоретико-методологические основы политологического анализа. / В.А. Смышляев. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 172с.
4. **Губанов В.М., Капшунова И.К.** Философская интерпретация безопасности жизнедеятельности. / В.М. Губанов, И.К. Капшунова // Педагогика высшей школы. – 2016. - № 3.1(6.1). – С. 62-68.

5. Параллельное оружие, или Чем и как будут убивать в XXI веке. / Автор-сост. С.Н. Ионин. – 2-е изд. – М.: Издательский дом «Звонница», 2009. – 496с.
6. **Ярочкин В.И.** Секьюритология – наука о безопасности жизнедеятельности. / В.И. Ярочкин. – М.: «Ось-89», 2000. – 400с.
7. **Смышляев В.А.** Безопасное и устойчивое развитие России в условиях глобализации: экополитологический концепт. / В.А. Смышляев. – М.: Изд-во «Союз», 2005. – 289с.
8. **Абушенко В.Л.** Праксеология. / В.Л. Абушенко. // Всемирная энциклопедия: Философия. / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ – Минск: «Харвест», «Современный литератор», 2001. (1312с.). – С. 819-820.
9. **Герейханов Г.П.** Философия безопасности Российского государства как отражение проблем и особенностей общества. / Г.П. Герейханов // Научные труды ученых 1 отделения – Отделения общих проблем войны, мира и армии Академии военных наук. – М.: Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, 2022. – С. 93-101.

УДК 172.1

*ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия
им. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
курсовой офицер-преподаватель
А.В. Столяров
Россия, г. Воронеж
Тел.: (908) 285-01-82
e-mail: Stolyarovandrei@mail.ru*

*VUNTS of the Air Force "N.E. Zhukovsky and
Yu.A. Gagarin Air Force Academy"
course officer-teacher
A.V. Stolyarov
Russia, Voronezh
Тел.: (908) 285-01-82
e-mail: Stolyarovandrei@mail.ru*

А.В. Столяров

**ПАТРИОТИЗМ - ДОМИНАНТНАЯ ЦЕННОСТНАЯ УСТАНОВКА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА РОССИИ**

Автор ставил перед собой цель на основе анализа понятия «патриотизм» показать, что патриотизм является доминантной ценностной установкой в деятельности В.В. Путина как национального политического лидера России. Патриотизм как социальное явление и ценностная установка был проанализирован с позиций психологического, деятельностного и аксиологического подходов. Соединение психологического, аксиологического и деятельностного подходов создает возможность трактовать патриотизм как одно из наиболее значимых чувств и ценностей человека, побуждающего его к активным действиям в интересах своей Родины. Среди ценностей патриотизма доминирующее место в деятельности В.В. Путина, как национального политического лидера, занимает работа во имя будущего России, ее развития, чтобы она занимала достойное место среди мировых держав. Современной формой такой работы является инициирование и руководство специальной операцией на Украине.

Ключевые слова: национальная идея, патриотизм, национальный политический лидер, ценностная установка, противостояние" коллективному Западу".

A.V. Stolyarov

**PATRIOTISM IS THE DOMINANT VALUE INSTALLATION IN THE ACTIVITIES OF
THE NATIONAL POLITICAL LEADER OF RUSSIA**

The author set a goal based on the analysis of the concept of "patriotism" to show that patriotism is the dominant value attitude in the activities of V.V. Putin as the national political leader of Russia. Patriotism as a social phenomenon and value attitude was analyzed from the standpoint of psychological, activity and axiological approaches. The combination of psychological, axiological and activity approaches makes it possible to interpret patriotism as one of the most significant feelings and values of a person, encouraging him to take active actions in the interests of his Homeland. Among the values of patriotism, the dominant place in the activities of V.V. Putin, as a national political leader, is occupied by work for the sake of the future of Russia, its development, so that it occupies a worthy place among the world powers. The modern form of such work is the initiation and management of a special operation in Ukraine.

Key words: national idea, patriotism, national political leader, value attitude, opposition to the "collective West".

Россия, на современном этапе ее развития, столкнулась с рядом международных геополитических и внутренних социальных и политических проблем. В геополитическом аспекте эти проблемы связаны с включением страны в современный процесс глобализации, создающего угрозу культурному своеобразием народов и государств и подрывающего национальную идентичность. Внутренние социальные и политические проблемы порождены, в первую очередь, в начале 90-х.

Эти преобразования повлекли серьезную трансформацию всех сфер общественной жизни, в том числе, и социокультурной сферы на разных уровнях: на уровне государства – деидеологизацию, на уровне индивида – кризис системы ценностей. С радикальными преобразованиями в экономике и политическом устройстве российского общества, произошедшими в результате этих процессов в стране образовался ценностный вакуум, произошло снижение роли общественно значимых, гражданских мотивов поведения и меркантилизация социальных мотиваций. В начале 90-х годов в общественное сознание России была запущена идеологема космополитизма, представляющая патриотизм как примитивное чувство, обреченное на отмирание, на смену которой должна прийти более позитивная идея приверженности Человечеству. Такие идейные и ценностные трансформации имели серьезные негативные последствия в сферах образования и воспитания, становления гражданского общества, социальной ответственности и солидарности. Осознание этих проблем В.В.Путиным, после того, как он был избран на пост президента Российской Федерации, детерминировало поиск новых ориентиров государственной политики, нацеленных на преодоление ценностного вакуума. В политических кругах, в средствах массовой информации, активно обсуждалась проблема формирования для новой России национальной идеи, обозначившей цели и инструменты развития страны, высказывались предложения о создании адекватной новому этапу развития страны, идеологии. В.В. Путин, как национальный политический лидер, не мог остаться в стороне от этих дискуссий, и он через различные публичные инструменты ознакомил граждан страны со своим пониманием этой проблемы. Так, в ноябре 2014-го, он высказал мнение: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма. И чиновники, и бизнес, да и вообще все граждане работают для того, чтобы страна была сильнее. Потому что если так будет, каждый из нас, каждый гражданин будет жить лучше – и достаток будет больше, и комфортнее будет жить. Это и есть национальная идея». Позднее, выступая в Клубе лидеров, который объединяет предпринимателей из 40 регионов страны, он подчеркнул: Эта идея не идеологизирована и не связана с деятельностью какой-то партии. «Это связано с общим объединяющим началом. Если мы хотим жить лучше, нужно, чтобы страна была более привлекательной для всех граждан, более эффективной» [1]. Выступая на церемонии вручения государственных премий 2015 году, он утверждал, что идеалы патриотизма в России «настолько глубоки и сильны, что никому никогда не удавалось и не удастся перекодировать Россию, переделать под свои форматы» [2].

Цель статьи: на основе анализа концепта «патриотизм» показать, что патриотизм является доминантной ценностной установкой в деятельности В.В. Путина как национального политического лидера России.

Следует отметить, что патриотизм как социальное явление содержит множество аспектов. В общественном сознании доминирует психологический подход к феномену «патриотизм» – как позитивному, возвышенно-эмоциональному отношению к своему Отечеству, которое проявляется в любви к своей стране, родной природе. Психологический подход, позволяет также трактовать патриотизм как социальное и нравственное качество личности, которое, в обобщенной форме, содержит чувство любви к Родине, заботу об её интересах и готовность к её защите от врагов. Чувство патриотизм позволяет осуществлять гармонизацию личных и общественных интересов, нравственное единение личности и Отечества. Данная трактовка в определенном аспекте правомерна, но недостаточна. Для анализа патриотизма как социального феномена, также необходимы деятельностный и аксиологический подходы. Деятельностный подход предполагает понимать патриотизм не как абстрактное чувство любви к Отечеству, а деятельное ему служение в доступных каждому гражданину формах. Аксиологический подход рассматривает патриотизм как одну из высших духовно-нравственных ценностей личности, которая объединяет в себе другие ценности. В качестве одной из высших духовно-нравственных ценностей патриотизм предстает как устойчивое социальное образование,

которое проявляется в течении всей жизни личности. Соединение психологического, аксиологического и деятельностного подходов создает возможность трактовать патриотизм как одно из наиболее значимых чувств и ценностей человека, побуждающего его к активным действиям в интересах своей Родины. И это позволяет сделать вывод, что наличие установки патриотизма у личности характеризует высокий уровень ее развития, который проявляется в ее активной деятельности на благо Родины, Отечества. Как социальное явление патриотизм следует трактовать не только как одну из граней жизни общества, но и как источник его существования и развития, как атрибут жизнеспособности, а иногда и выживаемости.

В качестве сущностного аспекта патриотизма, следует также назвать его идейно-политический аспект. В этом аспекте патриотизм следует рассматривать как идеологический конструкт, элемент политической идеологии. В качестве идеологического конструкта патриотизм создает возможность эффективного функционирования социальных и государственных институтов, выступает как один из механизмов легитимности власти и инструмент формирования социально-политической и психологической идентификации народа. Такую социальную функцию патриотизм приобретает в результате отождествления Родины и государства. Одним из способов такого отождествления является идея державности, как главной ценности общества, которая истолковывается как характеристика экономического, политического, военного и духовного могущества страны, а также ее способность оказывать влияние на международные отношения.

Все вышеназванные аспекты патриотизма в той или иной мере присущи деятельности В.В. Путина как личности и национального политического лидера России. С точки зрения В.В. Путина как национального политического лидера России, патриотизм является важнейшим источником жизнедеятельности нации, народа, государства, армии, личности. Существует множество публичных высказываний раскрывающих его высокую оценку патриотизма как базовой духовно- нравственной ценности. Так, в «Послании Федеральному собранию Российской Федерации 2007 года» он утверждает: «духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убеждён, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытной культуре и к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны, служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом для экономических и политических отношений». [3] В «Послании Федеральному собранию 25 апреля 2005 года» подчеркивается: «Именно наши ценности определяют и наше стремление к росту государственной самостоятельности России, укреплению её суверенитета. Мы свободная нация. И наше место в современном мире, хочу это особо подчеркнуть, будет определяться лишь тем, насколько сильными и успешными мы будем». [4.] В своей деятельности в качестве национального политического лидера В.В. Путин придавал большое значение укреплению государства. В основе проводимого В.В. Путиным курса на укрепление российской государственности было стремление объединить все патриотически настроенные слои общества и направить их деятельность на развитие страны. Как отмечает экспертное сообщество, «Важнейшей исторической заслугой Владимира Путина явилось то, что им был предложен государственно-политический проект, объединивший представителей разных политических сил, общественных и элитных групп, сплотивший самые широкие слои российского общества». [5]

Патриотическая позиция В.В. Путина проявляется и в его оценке места и роли России в мировом сообществе. В «Послании Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ. От 25 апреля 2005 года», были четко

сформулированы принципиальные положения взаимодействия России с другими странами. В.В. Путин заявил: «Наши цели на международной арене предельно понятны – безопасность границ и создание благоприятных внешних условий для решения внутренних российских проблем. Мы не изобретаем никаких новшеств, а стремимся использовать все то, что было накоплено европейской цивилизацией и мировой историей. Безусловно и то, что цивилизаторская миссия российской нации на евразийском континенте должна быть продолжена. Она состоит в том, чтобы демократические ценности, помноженные на национальные интересы, обогащали и укрепляли нашу историческую общность» [4].

Следует признать, что среди ценностей патриотизма, доминирующее место в деятельности В.В. Путина, как национального политического лидера, занимает работа во имя будущего России, ее развития, чтобы она занимала достойное место среди мировых держав. Акцент в этом аспекте патриотизма особенно усилился после выступления В.В. Путина в 2007 году на Мюнхенской конференции по безопасности, где он заявил свою позицию о конце однополярного мира. Позиция президента В.В. Путина была встречена «в штыки». Она противоречила установкам «коллективного Запада», руководимого Соединенными Штатами Америки. Как известно, руководство США, после развала СССР, в международной политике руководствовалось установкой, что каждая страна в мире должна занимать «свою нишу» в рамках географически и политических границ и в международном разделении труда. США, согласно этой установке, является «гегемоном», занимает доминирующее положение. России же, после развала СССР, отводилась роль страны, обслуживающей интересы «коллективного Запада», прежде всего, обеспечения его ценным сырьем: нефтью, газом, металлами и т.д. Эта неокOLONIALISTСКАЯ установка, противоречила интересам России, серьезно ущемляла ее суверенитет. Занятая президентом В.В. Путиным патриотическая позиция, нацеленная на укрепление суверенитета России, вызвала резкую негативную реакцию «коллективного Запада» и проявилась в так называемой политике «сдерживания России». Эта политика реализовывалась через многочисленные санкции, которым подвергалась наша страна, а также через политику военно-стратегического давления на нее, через расширение НАТО на Восток. Санкционное давление на Россию усилилось после референдума в Крыму, когда население полуострова, проголосовало за вхождение в состав Российской Федерации на правах одного из ее субъектов. Руководство Российской Федерации, во главе с президентом В.В. Путиным, поддержало это решение по ряду причин, которые, несомненно, носили патриотическую мотивацию. Во-первых, исторически полуостров Крым в течение многих веков входил в состав России и там проживало, в большинстве своем, русскоязычное население, носители российской культуры. После развала СССР оно оказалось в республике Украина, ущемлялось в своих культурных правах и насильственно подвергалось украинизации. Во-вторых, истек срок аренды Россией Севастопольской бухты, где базировался Черноморский флот России. Российскому руководству было понятно, что руководство Украины, пришедшее к власти после очередной «цветной революции», инициированной США, аренду не продлит и, следовательно, Черноморский флот лишится своего исторического места базирования, а его место займет флот США и других стран НАТО. Следует отметить, что США и ее союзники по НАТО, в рамках «политики сдерживания» усиленно работали над превращением Украины в антироссийский плацдарм для военно- стратегического давления на Россию. Эта установка проводилась в жизнь через культивирование в Украине антироссийских настроений, укрепление украинской армии силами натовских инструкторов и поставок вооружения, блокирование выполнения Минских соглашений по Донбассу и постоянного обстрела населенных пунктов Донбасса, в котором, в большинстве, проживало русскоязычное население, получившее российское гражданство. В апреле 2022 года, когда националистически режим Украины принял решение о так называемом «насильственном принуждении к миру» и начал интенсивно обстреливать населенные пункты Донбасса, В.В. Путин, руководствуясь патриотическими соображениями, принял решение о проведении специальной операции на Украине. Он по различным каналам объяснил цели начатой на

Украине специальной операции. По его словам, российские войска «сражаются за Россию, за мирную жизнь для граждан Донбасса, за денацификацию и демилитаризацию Украины». «Чтобы никакая «анти-Россия», годами создаваемая Западом прямо у наших границ, нам не угрожала, в том числе ядерным оружием, как это было в последнее время» [6]. Нам представляется, что выполнив свой патриотический долг после завершения специальной операции на Украине, в мире сформируется новая геополитическая ситуация, в которой России будет принадлежать достойное место.

Библиографический список

1. **Путин В.В.** Патриотизм - это национальная идея. URL: [http:// rusrand.ru](http://rusrand.ru)Вызовы дня»Патриотизм
2. **Путин В.В.** Речь на церемонии вручения государственных премий 12 июня 2015 года. URL: <http://apn.ru/publications/article33675.htm>
3. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ. 25 апреля 2007 года, Москва, Кремль. URL: [http:// kremlin.ru/acts/bank/25522](http://kremlin.ru/acts/bank/25522)
4. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ. 25 апреля 2005 года, Москва, Кремль. URL: [http:// ru.wikisource.org/wiki/Послание...собранию \(2005\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Послание...собранию_(2005))
5. Доклад: Путин - мировой политический лидер// cskp.ru2019/05/20...v...putin-mirovoj-politicheskij
6. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ. 25 апреля 2005 года, Москва, Кремль.// [ru.wikisource.org/wiki/Послание...собранию_\(2005\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Послание...собранию_(2005))
7. **Путин В.В.** Выступление на Совете безопасности Российской Федерации 25 февраля 2022 года // lenta.ru/news/2022/03/03/goals/

*Воронежский государственный технический
университет
доктор философских наук, профессор кафедры
философии, социологии и истории
М.В. Черников
Россия, г. Воронеж
e-mail: mv.chernikov@gmail.com*

*Voronezh State Technical
University
doctor of Philosophy, Professor of the chair of
Philosophy, Sociology and History
M.V. Chernikov
Russia, Voronezh
e-mail: mv.chernikov@gmail.com*

М.В. Черников

ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ПОВЕДЕНИЕМ

В настоящей статье представлен инновационный для отечественного социально-гуманитарного познания философский подход к проблеме управления человеческим поведением, связанный с распространением на управленческую сферу т.н. общей теории человеческих взаимодействий – одного из перспективных концептуальных вариантов современной праксиологии. В статье излагаются характерные для общей теории человеческих взаимодействий представления о принципах организации человеческого поведения и – на этой основе – получают разработку ключевые положения методологии управления человеческим поведением.

Ключевые слова: человек, поведение, управление человеческим поведением, общая теория человеческих взаимодействий, интегральная функция благополучия.

M.V. Chernikov

PHILOSOPHY OF HUMAN BEHAVIOR MANAGEMENT

This article presents a philosophical approach to the problem of managing human behavior, innovative for domestic social and humanitarian knowledge, associated with the spread of the so-called management sphere to the management sphere. the general theory of human interactions - one of the promising conceptual options for modern praxeology. The article sets out the ideas about the principles of organizing human behavior that are characteristic of the general theory of human interactions and, on this basis, develop the key provisions of the methodology for managing human behavior.

Key words: human, behavior, human behavior management, general theory of human interactions, integral function of well-being.

Введение

Философия управления человеческим поведением не может не опираться на определенную философию человека, на определенное понимание «устройства» человека.

Наше понимание человека и, соответственно, принципов поведения человека исходит из праксиологического подхода к пониманию человека, в рамках которого нами разработана т.н. общая теория человеческих взаимодействий, достаточно полное изложение которой представлено в соответствующих авторских монографиях и статьях [3; 4; 9; 7; 8]. В рамках настоящей статьи мы, не имея возможности пересказывать их текст, сосредоточимся только на одном аспекте общей теории человеческих взаимодействий, который непосредственно касается проблемы управления человеческим поведением.

В рамках общей теории человеческих взаимодействий доказывается, что основной мотивировочный принцип выстраивания человеком своего поведения выглядит следующим образом.

Принимая решение о построении своего поведения (как в краткосрочном, так и в долгосрочном вариантах), человеческий субъект (индивид) соотносит между собой имеющиеся у него в момент принятия решения возможные поведенческие сценарии, оценивая для каждого сценария потенциал увеличения своей т.н. интегральной функции благополучия (ИФБ), общий вид которой может быть записан так:

$$F = f(k_1X_1, k_2X_2, \dots k_nX_n)$$

где $X_1, X_2, \dots X_n$ – набор характерных для данного субъекта потребностей и интересов, а $k_1, k_2, \dots k_n$ – вес (значимость) соответствующих потребностей и интересов в ИФБ.

Человек принимает определенное поведенческое решение, останавливая свой выбор на том из сценариев, который (с точки зрения данного индивида) сулит наибольшее по сравнению с другими возможными приращение его ИФБ.

Основываясь на таком понимании, можно сформулировать и общий принцип управления поведением человеческого субъекта.

Обозначим управляющего субъекта как А, а управляемого субъекта – как В. Можно утверждать, что А будет эффективно управлять поведением В (то есть инициировать у В выполнение поведенческого сценария, который желателен для А, но который до управленческого контакта А – В не был предпочитаем В), если он доведет до В информацию, в результате обработки которой В сочтет, что (эксплицитно или имплицитно) инициируемый со стороны А поведенческий сценарий является в создавшейся ситуации «наилучшим» для В. «Наилучшесть» здесь [и далее] означает, что в результате выполнения этого сценария – так теперь должен считать В – его ИФБ возрастет в наибольшей степени (снизится в наименьшей степени) по сравнению со всеми другими возможными в данной ситуации сценариями.

Решение проблемы выбора «наилучшего» поведенческого сценария, по сути дела, сводится к задаче расчета динамики изменения имеющейся в данный момент у субъекта ИФБ применительно к каждому из возможных сценариев и нахождению случая (сценария), в котором приращение ИФБ будет максимальным.

При этом важно отметить, что «устройством», осуществляющим решение (процесс решения) такого рода задачи является сам субъект (точнее, когнитивная система субъекта). К сожалению, современный уровень развития наук о человеке не может дать в должной степени детализированную и полную картину того, как на нейрофизиологическом уровне обеспечивается работа когнитивной системы человека. Но то, что такая – включающая в себя и решение сугубо расчётных задач – работа когнитивной системы постоянно производится – сомнений уже не вызывает. [1; 2]

Бессознательно (в основном) проводимое производство (осуществляемое на основе работы нейронных сетей головного мозга человека) соответствующих расчетов и лежит в основе принятия решений у человека. Человек выбирает (не может не выбирать) один, вполне конкретный поведенческий ход из парадигмы (определенного пространства) возможных, допустимых в данной ситуации ходов, и уже на основе такого – парадигмального – выбора выстраивает синтагму (последовательность) поведенческих ходов, формируя, таким образом, целостную траекторию своего поведения.

Важно подчеркнуть, что выбор реализуемого субъектом поведенческого сценария когнитивной системой субъекта производится хоть и на основе нейрофизиологических механизмов, но не по причине работы этих механизмов. Нейрофизиология принятия решений только обслуживает целевую задачу, стоящую перед индивидом. Суть этой (эволюционно сформулированной перед человеком) задачи такова: требуется найти поведенческую траекторию, оптимальным образом соответствующую условиям окружающей среды или жизненного ландшафта данного индивида. Субъективная оценка

индивидом степени оптимальности своей поведенческой траектории обеспечивается посредством расчета когнитивной системой индивида степени прироста ИФБ данного индивида.

Соответственно, мы можем подойти к анализу процесса принятия индивидом определенного поведенческого решения не со стороны нейрофизиологии, а со стороны тех особенностей жизненного ландшафта человеческого субъекта, которые, собственно, и конституируют для индивида в данных условиях среды определенный профиль его ИФБ. Иными словами, мы можем произвести вполне репрезентативный анализ процесса принятия индивидом определенного поведенческого решения не на основе понимания нейрофизиологического механизма работы головного мозга человека, а на основе понимания того, как определяется для индивида и как решается индивидом задача максимизации его ИФБ.

Профиль ИФБ человеческого субъекта (общее количество, специфика и значимость (вес) характерных для данного субъекта потребностей и интересов) имеет достаточно определенный вид для каждого этапа жизни данного субъекта, изменяясь от этапа к этапу. Соответственно, методологически корректно различать два типа аналитического рассмотрения ИФБ определенного человеческого субъекта: в аспекте диахронии и в аспекте синхронии.

В рамках диахронического анализа предметом исследования становятся процессы становления и развития ИФБ человеческого субъекта. Здесь основное внимание уделяется анализу качественных изменений в системе составляющих параметры ИФБ потребностей и интересов.

В рамках синхронического анализа предметом исследования становятся процессы функционирования ИФБ. Система составляющих параметры ИФБ потребностей и интересов здесь принимается как качественно заданная и неизменная: общее количество параметров ИФБ остается постоянным, меняется лишь (в зависимости от степени удовлетворения соответствующих потребностей и интересов) вклад этих параметров в общую величину ИФБ.

Ограниченные рамками статьи, мы не можем сейчас уделить должного внимания проблеме управления человеческим поведением в ракурсе диахронического анализа. Займемся (пока) более простым случаем, рассмотрев проблему управления человеческим поведением в рамках синхронического анализа.

Принципы управления человеческим поведением (синхронический анализ)

В рамках синхронического анализа мы (напомним) исходим из того, что индивид достиг вполне определенного этапа своего жизненного развития и характеризуется вполне конкретным (специфическим для этого этапа) профилем своей ИФБ (набор структурообразующих для ИФБ данного индивида потребностей и интересов постоянен).

Стандартным правилом человеческого существования является необходимость подпитывать соответствующими элементами благополучия каждую из потребностей, составляющих систему параметров ИФБ данного субъекта (X_i). В противном случае параметр X_i «проседает» и величина ИФБ уменьшается (что не может быть приемлемым для индивида).

Для обеспечения такой «подпитки» индивиду необходимо обладать возможностью приобретать (получать доступ к распоряжению) соответствующие (удовлетворяющие соответствующую потребность) элементы благополучия. Все такого рода элементы благополучия приобретаются (можно сказать, «покупаются») индивидом в окружающей его среде ценой расходов соответствующих (в конечном счете, энергетических и временных) ресурсов.

Соответственно, для нормального удовлетворения своих потребностей индивид должен обладать определенным фондом ресурсов, которые могут быть конвертированы в необходимые для удовлетворения соответствующих потребностей индивида элементы благополучия. Назовем такой фонд ресурсов ресурсной базой индивида.

Очевидно, что одной из основополагающих потребностей каждого индивида является потребность в наличии и периодическом пополнении ресурсной базы.

При этом базовым условием инициации индивидом деятельности по конвертации своих ресурсов определенного типа на получение определенного рода элементов благополучия будет рентабельность соответствующей конвертации, а именно превышение (в ценностном эквиваленте) выгод над издержками.

Если же соответствующего рода конвертация может быть осуществлена различными способами, то индивидом будет выбираться тот вариант конвертации, который (по мнению индивида) имеет наибольшую рентабельность, то есть даёт наибольший прирост выгод над издержками.

С учетом – как правило – сложного состава ресурсной базы индивида и сложной системы потребностей, для удовлетворения которых требуется (за счет конвертации соответствующих ресурсов) «приобретать» определенное количество специфических элементов благополучия, найти общий вид решения задачи на максимизацию ИФБ индивида затруднительно.

Решение задачи значительно облегчается, если её удастся упростить, принимая во внимание только малое число функциональных связей между растратой соответствующих ресурсов и удовлетворением соответствующих потребностей. Такого рода упрощение в определенных случаях может быть вполне правомерным.

Например, когда в имеющемся у данного индивида наборе потребностей и интересов одна из потребностей имеет существенно более высокий вес в его ИФБ, по сравнению с другими. В этом случае становится понятной и основная поведенческая задача индивида. Ею становится конвертация своих (входящих в его ресурсную базу) ресурсов на приобретение элементов благополучия, удовлетворяющих именно эту потребность.

Так испытывающий сильную жажду человек становится преимущественно нацелен на получение тех элементов благополучия, которые способны удовлетворить потребность организма в жидкости, и, соответственно, будет, в своей ресурсной базе, в первую очередь, изыскивать и направлять на соответствующую конвертацию ресурсы, способные быть конвертированными именно в эти элементы благополучия.

А, например, опаздывающий на поезд человек, будет критически заинтересован в получении тех элементов благополучия, которые дадут ему возможность преодолеть отделяющее его от поезда расстояние в минимальный срок. Соответственно, человек в таком положении первым делом будет в своей ресурсной базе изыскивать ресурсы, способные быть конвертированными теперь уже на эти элементы благополучия.

Учет всего вышесказанного позволяет в общем виде рассмотреть задачу управления поведением человека под углом зрения синхронического анализа.

Пусть субъект А (управляющий) желает инициировать определенный вид поведенческого действия со стороны В (управляемого) (такой вид поведенческого действия обозначим как Р). Какого рода задачи для обеспечения эффективного управляющего воздействия в таком случае должен решить А?

Первым делом А должен по возможности наиболее полно изучить профиль ИФБ, характерный для В. Это изучение должно проводиться как со стороны актуальных для В потребностей (и интересов), требующих для своего удовлетворения привлечения соответствующих элементов благополучия, так и со стороны имеющейся у В ресурсной базы, то есть арсенала имеющихся у В разнотипных ресурсов, способных быть конвертированными в соответствующие элементы благополучия.

После уяснения для себя профиля ИФБ, характерной для В, управляющий субъект А должен ответить на вопрос: почему В не выбирает в данный момент тот вариант поведенческого действия, который, собственно, и хотел бы инициировать А у управляемого субъекта В.

Конечно, общий ответ на этот вопрос вполне очевиден. В не выбирает поведенческий вариант Р, потому что (по субъективному мнению В) прирост его ИФБ при выборе варианта Р не является наибольшим по сравнению с другими возможными в данный момент для В поведенческими вариантами.

Для А, однако, важнее понять конкретику – какой именно фактор (факторы) решающим образом препятствует обретению варианта Р (в представлении В) статуса в данный момент наилучшего (в наибольшей мере обеспечивающего прирост ИФБ) поведенческого варианта.

Возможны следующие характерные случаи.

Случай 1: поведенческая реализация варианта Р сулит большее приращение общей функции благополучия по сравнению с другими возможными поведенческими вариантами, но в ресурсной базе В не хватает ресурсов, позволяющих реализовать вариант Р.

Случай 2: в ресурсной базе В вполне хватает ресурсов, позволяющих реализовать поведенческий вариант Р, однако реализация поведенческого варианта Р не имеет для В наибольшую привлекательность по сравнению с другими возможными вариантами.

Какие же действия в соответствующих случаях должен предпринимать А, чтобы изменить поведенческий выбор В и вменить последнему поведенческий вариант, который желателен для А?

[Заметим, что кроме выше выделенных случаев не-выбора варианта Р теоретически допустим случай, когда ограничения на выбор варианта Р связаны и с нехваткой ресурсов на его осуществление и с недостаточной его привлекательностью. Однако этот случай – с точки зрения методологии управления – не представляет самостоятельного интереса поскольку сводим к ранее рассмотренным.]

В случае 1 А должен убедить В в том, что последнему хватает ресурсов для реализации поведенческого варианта Р. В случае 2 А должен убедить В, что (в ценностной системе В) вариант Р все-таки является наиболее привлекательным по сравнению с другими возможными.

Но каким способом происходит соответствующий процесс убеждения?

Такой процесс убеждения может осуществляться как на уровне (преимущественно) праксиса, так и на уровне (преимущественно) дискурса.

Праксис предполагает действия с реальными объектами, что ведет к формированию для В реальной ситуации, в которой он оказывается в результате соответствующих действий.

Дискурс предполагает действия с идеальными объектами, выраженными в символической форме. Дискурсное воздействие (в данном случае на субъекта В) осуществляется в форме донесения до В соответствующего текста. В результате понимания и осмысления этого текста у В складывается впечатление о реальной ситуации, в которой он в данный момент находится.

Оба типа управления – и через праксис, и через дискурс – имеют свои «подводные камни», способные негативно повлиять на эффективность управленческого воздействия.

Человек выстраивает свои поведенческие действия, исходя из субъективного (далеко не всегда верного) представления о своей реальной жизненной ситуации, но успешность или не-успешность (с точки зрения соответствующего целедостижения) своих действий проверяется именно через оселок реальности. В этом плане человеку всегда приходится решать вопрос соответствия реальности и своих представлений о реальности, пытаясь минимизировать перманентно возникающие расхождения.

В рамках управления через праксис, мы помещаем управляемого субъекта в новую для него реальность, но для принятия поведенческого решения с учетом этой новой реальности управляемый субъект должен новую для себя реальность отразить в своей

психике (если удастся – осознать), сделав её, таким образом, своим субъективным достоянием. Если же адекватного отражения не происходит, управленческое действие просто не окажет соответствующего влияния.

Показательна, в этом смысле, ситуация, которая возникает в рамках известной (можно сказать, управленческой) игры «кто первым отвернёт». Игра происходит между водителями (А и В) двух машин, которые мчатся навстречу друг другу. Проигрывает тот, кто отвернёт первым. (Понятно, при этом, что столкновение – это катастрофичный проигрыш обоих, а потому – недопустимый случай).

В этой игре выигрышным считается ход, который заставляет соперника понять, что сама возможность отвернуть остаётся только у него. Например, А с необходимостью выигрывает, если он, находясь недалеко от своего соперника, вырывает свой руль и показывает его В, демонстрируя сопернику, что возможность отвернуть для А теперь становится физически нереализуемой. Попав в такую ситуацию, В уже не может не принять решение отвернуть (признавая тем самым своё поражение), поскольку теперь (после сокращения возможных вариантов развития событий) именно это поведенческое действие (из оставшихся возможными) даёт наибольший прирост, точнее – наименьшее проседание его общей функции благополучия. (Вариант «не отворачивать» в сложившейся ситуации неприемлем, поскольку с необходимостью ведет к столкновению, что существенно ниже опускает функцию благополучия В, по сравнению с признанием В своего поражения в игре.)

Однако, если управленческое действие А по изменению реальной ситуации для В (отрыв руля) не будет осознано В (В, например, просто не увидит (не поймёт), что А демонстрировал оторванный руль), то никакого управленческого эффекта действие А не принесёт.

Таким образом, в ситуации управления через праксис, управляющий субъект должен позаботиться не только об изменении реальной ситуации, в которой теперь окажется управляемый, но и о том, чтобы эта новая реальность оказалась в полной мере воспринята со стороны управляемого субъекта, став внутренним (субъективным) достоянием последнего.

В случае управления через дискурс возникает зеркально симметричная по сравнению со случаем управления через праксис проблематика. В случае управления через дискурс управляемый субъект первоначально получает текст, обрисовывающий ситуацию, в которой оказывается данный субъект. Однако выбор поведенческого решения (расчёт динамики своей ИФБ) управляемым субъектом осуществляется не на основе самого факта получения текста, а на основе той (новой для управляемого субъекта) реальности, которую призван очертить данный текст. Соответственно, чтобы действительно почувствовать себя в этой новой реальности управляемый субъект должен первоначально подвергнуть данный текст критическому анализу, выявив степень содержательной правдоподобности этого текста. Только после признания содержательной части призванного оказать управленческое воздействие текста правдивой управляемый субъект проникается новой (декларируемой текстом) реальностью и будет – уже с учетом этой новой реальности – принимать решение о выборе своего поведенческого сценария.

Соответственно, в случае управления через дискурс для осуществления эффективного управленческого воздействия (инициирования у управляемого субъекта В желательного для управляющего субъекта А поведенческого сценария) управляющему субъекту надо решить, как минимум, две проблемы, связанных с восприятием управляемым субъектом направляемого ему текстового послания.

Во-первых, текст управленческого послания должен быть семиотически прозрачен для управляемого субъекта. Последний должен понимать, о чем идет речь в полученном тексте. Очевидно, что если, например, текст управленческого послания излагается на языке, не знакомом для управляемого субъекта, последний не сможет «увидеть» за текстом

соответствующую (новую для себя) реальность и не будет её учитывать при выборе оптимального для себя варианта поведения.

И, во-вторых, модель реальности, обрисовываемая текстом управленческого послания, должна выглядеть для управляемого субъекта вполне правдоподобной и в модусе модели настоящего и в модусе модели вероятностного будущего. Так, если А, пытаясь продать В некое лекарство, предоставляет последнему текст, который сообщает об этом лекарстве заведомо не реалистичные для В данные (например, что это лекарство доставлено представителями неземной цивилизации), последний вряд ли поверит и в то, что такое лекарство действительно существует (неправдоподобие в аспекте модели настоящего) и в то, что такое «лекарство» действительно лечит (неправдоподобие в аспекте модели будущего). Соответственно, В (управляемый субъект) в данном случае отнюдь не будет уверен, что приобретение предлагаемого ему «лекарства» действительно обеспечит прирост его ИФБ и, скорее всего, откажется от покупки. Управленческое действие со стороны А надо будет в этом случае признать неэффективным.

Можно, таким образом, видеть, что в случае управления через дискурс особую роль приобретает т.н. коммуникативная проблема, связанная с донесением до управляемого субъекта со стороны управляющего субъекта той текстово оформленной модели реальности, в правдивости которой управляемый субъект не должен усомниться. [5; 6]

К сожалению, сейчас у нас нет возможности развивать сюжет о методологии и конкретных методах решения коммуникативной проблемы в рамках управленческого воздействия, поэтому вернемся к разбору общей логики управления человеческим поведением.

Итак, А для инициации у В желательного для А поведенческого действия Р, должен убедить В, что действие Р (ранее не предпочитаемое со стороны В в связи либо с низко оцениваемой привлекательностью, либо с отсутствием соответствующих ресурсов для его реализации) в изменившихся обстоятельствах является для В наилучшим (обеспечивает наибольший из всех возможных в новой ситуации поведенческих сценариев прирост его ИФБ).

Соответственно, А должен изменить в глазах В оценку либо относительной (на фоне все других возможных поведенческих действий) привлекательности действия Р, либо (при высокой оценке привлекательности для В действия Р) оценку имеющихся у В (и ранее признаваемых недостаточными) ресурсов, позволяющих осуществить действие Р. Об типа управленческого воздействия А на В предполагают, что модель реальности у В будет трансформирована, и в рамках этой новой (претерпевшей соответствующую трансформацию) модели реальности иницируемое у В со стороны А поведенческое действие Р получит в глазах В статус «наилучшего» (наиболее повышающего (по сравнению с другими возможными в данной ситуации поведенческими действиями) ИФБ, характерную для В).

Есть три основных способа такой (управленческой) трансформации модели реальности у управляемого субъекта: 1) через (преимущественно) праксис; 2) через (преимущественно) дискурс; 3) через дискурс, посредством которого имплицитно будущий праксис. Рассмотрим последовательно все возможные варианты, выстроив, таким образом, общую систематику методов управления человеческим поведением.

Для наглядной и предельно понятной иллюстрации этой систематики обратимся к специально упрощенной бытовой ситуации (при этом, однако, мы утверждаем, что освещаемое нами методическое обеспечение управления человеческим поведением имеет универсальный характер и может быть прослежено на сколь угодно сложном материале).

Итак, рассмотрим ситуацию, в которой управляющим субъектом (А) является жена, а управляемым субъектом (В) – её муж.

Муж планирует проведение своего выходного дня, рассматривая два основных поведенческих сценария: 1) поездка на рыбалку, 2) поход с детьми в зоопарк.

Управленческая задача, которая стоит перед женой, заключается в том, чтобы вменить мужу поведенческое действие (сценарий) Р, а именно, поход с детьми в зоопарк.

Изменение модели относительной привлекательности

Управление посредством изменения в глазах В относительной привлекательности вверяемого В со стороны А поведенческого действия (сценария) Р задействуется в том случае, когда в парадигме возможных для В в данной ситуации поведенческих действий (сценариев) привлекательность в глазах В поведенческого действия (сценария) В не является наивысшей. Соответственно для А возникает задача повысить относительную привлекательность в глазах В поведенческого действия Р, что можно сделать либо 1) добавив привлекательности действию Р (модус «привлекательность +»), либо 2) убавив привлекательность альтернативным Р поведенческим действиям из той парадигмы возможностей, которой в данном случае располагает В (модус «привлекательность –»).

Модус «привлекательность +» в разбираемой нами ситуации нацелен на повышение в глазах мужа привлекательности такого поведенческого сценария как поход с детьми в зоопарк. Это можно, как уже говорилось, сделать тремя способами.

Через (преимущественно) праксис (модель реальности у В изменяется посредством изменения самой реальности, о чем В и получает соответствующую информацию). В нашем случае жена, например, приглашает присоединиться к возможному походу в зоопарк, старого друга мужа. В случае согласия последнего к уже имевшейся в глазах мужа привлекательности похода в зоопарк добавляется привлекательность, связанная со встречей со старым другом.

Через (преимущественно) дискурс (модель реальности у В изменяется посредством получения соответствующего текста, доверие к содержательной части которого становится основанием для соответствующей трансформации модели реальности у В). В нашем случае, жена, например, может просто сообщить мужу, что к походу в зоопарк собирается присоединиться старый друг мужа. Если муж поверит словам жены, то это также повысит в его глазах привлекательность похода с детьми в зоопарк.

Через дискурс о будущем праксисе (модель реальности у В изменяется, поскольку В получает информацию о том, что в случае совершения им действия Р, В получит дополнительный бонус). В нашем случае, жена, например, может взять на себя обязательство в случае выбора мужем похода с детьми в зоопарк устроить ему незабываемый романтический вечер. Признание мужем реалистичности выполнения женой своего обязательства высоковероятным опять же повышает в глазах мужа привлекательность похода с детьми в зоопарк.

Модус «привлекательность –» в разбираемой нами ситуации нацелен на снижение в глазах мужа привлекательности такого (альтернативного желаемому женой) поведенческого сценария как поездка на рыбалку. Всё те же три способа.

Через (преимущественно) праксис. Жена, например, говорит детям, что в случае поездки мужа на рыбалку они могут поехать с ним, и дети радостно сообщают отцу о том, что они также примут участие в рыбалке. В глазах мужа такое изменение условий проведения им рыбалки может настолько снизить привлекательность последней, что муж сочтет за лучшее поход с детьми в зоопарк.

Через (преимущественно) дискурс. Жена, например, говорит мужу, что появилась информация о полном отсутствии клёва в том месте, куда муж привык ездить на рыбалку. Если муж признает эту информацию верной, то это также снизит для него привлекательность рыбалки, вплоть до того, что он предпочтет поход с детьми в зоопарк.

Через дискурс о будущем практике. Жена, например, сообщает мужу, что в том случае, если он выберет поездку на рыбалку, она будет настолько расстроенной этим обстоятельством, что не сможет какое-то время выполнять свой супружеский долг. В случае признания мужем реалистичности такой угрозы со стороны жены привлекательность для него поездки на рыбалку, очевидно, снижается.

Изменение модели ресурсного обеспечения

Управляющее воздействие со стороны А, направленное на инициирование у В желаемого А поведенческого действия Р может проводиться и через изменение у В модели его представления о располагаемых им ресурсах, необходимых для реализации данного поведенческого действия.

Как и в случае управленческого воздействия на характерную для В модель привлекательности поведенческого действия, управленческое воздействие на характерную для В модель имеющегося у него ресурсного обеспечения поведенческого действия может проводиться в двух модусах: «ресурсы +» и «ресурсы –».

Модус «ресурсы +» связан с ситуацией, когда вверяемое управляемому субъекту (в нашем случае, мужу) поведенческое действие имеет в его глазах высокую привлекательность, но по его субъективному мнению у него недостаточно ресурсов для проведения в жизнь этого действия. Например, муж считает, что билеты в зоопарк слишком дороги, и семья не может позволить себе такие траты. Здесь опять же управленческое воздействие жены на мужа может быть осуществлено тремя основными способами.

Через (преимущественно) праксис. Жена, например, получает на работе премию и передаёт её мужу. Дефицит (финансовых, в данном случае) ресурсов закрывается.

Через (преимущественно) дискурс. Жена, например, говорит мужу, что она получит на работе премию и теперь у них достаточно денег для любых мероприятий с детьми. При доверии мужа словам жены, у него меняется модель представления о располагаемых ресурсах и он перестаёт считать, что билеты в зоопарк его семье «не по карману».

Через дискурс о будущем практике. Жена, например, сообщает мужу, что в случае его похода с детьми в зоопарк в ближайший выходной, она возьмет дополнительную работу на дом, вырученные за которую деньги в полной мере восстановят финансовое благополучие семьи. Если муж сочтет обязательство жены заслуживающим доверия, то его модель о располагаемых семьёй ресурсах для похода в зоопарк может претерпеть существенные изменения.

Наконец, разберем ещё один управленческий модус, который мы называли «ресурсы –». Управленческое воздействие в **модусе «ресурсы –»** нацелено на изменение характерной для В модели ресурсного обеспечения поведенческих действий (сценариев), альтернативных поведенческому действию Р, вверяемому В со стороны А.

Надо, однако, заметить, что обнаружение дефицита ресурсов для обеспечения полноценной реализации поведенческого действия (сценария) вынуждает принимающего решение субъекта сделать вывод о недостижимости полноценного удовлетворения от реализации этого сценария, что, в свою очередь, означает снижение привлекательности данного сценария в глазах этого субъекта. Наличие подобного эффекта позволяет рассматривать управленческий модус «ресурсы –» как частный случай управленческого модуса «привлекательность –». Таким образом, использование управленческого модуса «ресурсы –» (подвида управленческого модуса «привлекательность –») относится к решению той же задачи, которые призван решать управленческий модус «привлекательность –», а именно, задачи понижения относительной привлекательности поведенческих действий (сценариев), альтернативных тому, который управляющий субъект пытается вменить управляемому субъекту.

Как и в случае модуса «ресурсы +» модель ресурсной обеспеченности поведенческого сценария в случае модуса «ресурсы –» можно изменить тремя основными способами.

Через (преимущественно) праксис. Жена, стараясь понизить привлекательность для мужа поездки на рыбалку, сокращает ресурсы мужа, необходимые для полноценной рыбалки. Например, приводит в неисправность его основные рыболовные снасти. Обнаружение этой данности непосредственно перед рыбалкой вполне способно склонить мужа перед лицом очевидной испорченности рыбалки выбрать в качестве предпочитаемого поведенческого сценария на выходной поход с детьми в зоопарк.

Через (преимущественно) дискурс. Жена просто сообщает мужу, о том, что его основные рыболовные снасти пришли в негодность. Если муж доверится словам жены, то привлекательность для него рыбалки понизится, возможно, до такой степени, что он предпочтет рыбалке поход с детьми в зоопарк.

Через дискурс о будущем праксисе. Жена сообщает мужу, что в случае принятия им решения о поездке в ближайший выходной на рыбалку, она обязуется привести в неисправность его основные рыболовные снасти. Если муж признает реалистичность выполнения женой своих обязательств, то это также (как минимум) приведет к понижению в его глазах привлекательности рыбалки со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Заключение

Рассмотрев принципы и, соответственно, возможные методы управленческого воздействия, целесообразно обсудить в качестве заключения вопрос: от чего зависит выбор метода управленческого воздействия в данном конкретном случае.

Общий ответ на этот вопрос звучит так: управляющий субъект А, пытающийся инициировать у управляемого субъекта В поведенческое действие Р, должен (и будет) выбирать как метод управленческого воздействия, так и конкретный способ воплощения этого метода, таким образом, при котором издержки А на осуществление управленческого воздействия, приводящего к совершению поведенческого действия Р со стороны В, оценивались бы А как минимальные по сравнению со всеми возможными альтернативами.

При этом для А существует «верхняя граница» таких издержек. Управленческое воздействие на В со стороны А будет осуществляться только в том случае, если выгоды А от совершения со стороны В поведенческого действия Р, будут (в конечном счете) «перевешивать» издержки, которые несёт А, иницируя поведенческое действие Р со стороны В.

От чего же зависит величина издержек, которые несёт А, иницируя поведенческое действие Р со стороны В?

Эта величина зависит от двух факторов. С одной стороны, от профиля ИФБ, которая характерна для А, с другой стороны, от профиля ИФБ, которая характерна для В.

Действительно, только в условиях конкретной определенности профиля ИФБ приобретают соответствующие веса как параметры ресурсной базы субъекта, так и параметры той системы потребностей субъекта, удовлетворение которых привлекательно для данного субъекта.

Соответственно, А, при выборе поведенческого воздействия на В должен: 1) исходя из конкретного профиля ИФБ, характерной для В, выбрать возможные варианты поведенческого воздействия на В, приводящие к возникновению у В представления, что поведенческое действие Р (вменяемое В со стороны А) является для него «наилучшим» (максимизирующим его ИКБ) в сложившейся ситуации; 2) соотнести эти варианты со своей ИФБ, что позволяет оценить как величину издержек А, связанных с реализацией конкретного типа управленческого воздействия на В, так и величину полезности для А совершения со стороны В поведенческого действия Р.

Произведя соответствующую оценку, управляющий субъект А и принимает решение о выборе метода и конкретного способа воплощения метода управленческого воздействия.

Во-первых, отменяются все варианты управленческого воздействия, издержки на осуществление которых (ведущие к проседанию ИФБ), превышают полезность (прирост ИФБ) для А поведенческого действия Р, на которое А пытается подвинуть В.

Оставшиеся после такой селекции варианты поведенческого воздействия рассматриваются теперь со стороны А как теоретически возможные. Для всех этих (теоретически возможных) вариантов рассматривается индекс приращения ИФБ, характерной для А, равный отношению приобретаемой полезности (дохода А от совершения со стороны В действия Р) к понесенным со стороны А издержкам, связанным с совершением А управленческого воздействия (убытков А от реализации им управленческого воздействия в отношении В).

После определения соответствующих индексов принимается конкретное решение о варианте поведенческого воздействия – выбирается (можно сказать, автоматически) вариант, индекс которого является максимальным.

Библиографический список

1. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2013. – 656 с.
2. Пинкер С. Как работает мозг. – М.: Кучково поле, 2017. – 672 с.
3. Черников М.В. Человек. Команда. Общество. – Функциональный анализ. Воронеж: ИММиФ, 2007. – 176 с.
4. Черников М.В. Общая теория человеческих взаимодействий /Концептуальное введение/. Воронеж: ИММиФ, 2013. – 116 с.
5. Черников М.В., Жучков Д.О. Полемизируя с Сёрлем или что такое коммуникативный акт // Современная коммуникативистика, 2017, № 6. – С. 8-18.
6. Черников М.В., Жучков Д.О., Жучкова А.М. Маркеры правдивости в процессах коммуникации // Современная коммуникативистика, 2017, № 5. – С. 8-16.
7. Черников М.В., Филатов Д.А. Модель человека в современном научном познании // Вестник ВГУ. Серия философия. 2018, № 1. – С. 71 – 90.
8. Черников М.В., Филатов Д.А., Букреев В.А. Принципы ведения «поведенческих войн»: современный научный подход // Информационные войны, 2020, № 3 (55). – С. 32-41.
9. Chernikov M.V. Theory of Human Interaction: a Conceptual Framework. Raleigh, North Carolina, USA: Open Science Publishing. 2017 – 165 p.

УДК 17.021

*Воронежский государственный технический университет
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
И.Д. Черноусова
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 271-50-04;
e-mail: i.chernousova73@mail.ru.
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и
Ю.А. Гагарина»
курсант Ю.О. Ойченко
Россия, г. Воронеж,
тел. (473) 271-50-04;
e-mail: i.chernousova73@mail.ru*

*Voronezh State Technical
University
PhD in Philosophy, Associate Professor of Philosophy,
Sociology and History Chair
I.D. Chernousova
Russia, Voronezh,
tel. (473) 271-50-04;
e-mail: i.chernousova73@mail.ru.
MESC AF "Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin
Air Force Academy"
cadet J.O. Oichenko
Russia, Voronezh,
tel. (473) 271-50-04;
e-mail: i.chernousova73@mail.ru*

И.Д. Черноусова, Ю.О. Ойченко

**ВОЙНА КАК СЛОЖНЕЙШАЯ ПРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОСОФИИ**

В статье рассматриваются воззрения отечественных мыслителей на проблему войны, ее понимания как сложнейшей нравственной проблемы для личности и общества. Делается вывод о том, что войну нельзя рассматривать в категориях теории справедливой войны, невозможно дать однозначную морально-правовую интерпретацию событий.

Ключевые слова: русская философия, война, война справедливая, война священная, моральная ответственность личности.

I.D. Chernousova, J.O. Oichenko

A WAR AS THE MOST COMPLEX MORAL PROBLEM IN RUSSIAN PHILOSOPHY

The article deals with the views of Russian thinkers on the problem of war, its understanding as the most difficult moral problem for the individual and society. It is concluded that the war cannot be considered in terms of the theory of just war, it is impossible to give an unambiguous moral and legal interpretation of events.

Key words: Russian philosophy, war, just war, sacred war, moral responsibility of the individual.

За два последних столетия российское общество пережило катастрофы двух Отечественных и двух Мировых войн. Эхо Второй мировой войны и Великой Отечественной отозвалось событиями военной операции в Украине, где руками братского народа коллективный Запад во главе с США уже посредством силы стремиться к реализации своих целей по уничтожению геополитического существования России и «русского мира».

Отечественные философы, рефлексировав над феноменом войны отмечали: Н. Бердяев – «зло войны есть знак внутренней болезни человечества», «на плоскости материальной видны лишь внешние знаки того, что совершается в глубине», «война происходит не только в окопах, она начинается в нас и продолжается в нас», она «делает человека зверем и героем, варваром и могущественным, будит инстинкты самые низкие и самые высокие», «война не создала зла, она лишь выявила зло.

Все современное человечество жило ненавистью и враждой» [1, с. 5]; Н. Данилевский – «где только идет дело об отношении Европы к России, - там нет и речи о справедливости, равноправии, беспристрастности. Эта бесспорная истина вытекает из анализа всех отношений между Европой и Россией уже очень с давних времён» [2, с. 4]. У К. Леонтьева – «задача России и любой страны – защищать свое священное Предание, не давать секулярной и атеистической культуре Запада расшатывать устои и традиции общества» [3, с. 192]. У Ф. Достоевского в размышлениях о парадоксах войны - «один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия» [4, с. 122], это замечание тем страшнее, что высказано философом-провидцем. Отечественная философия в лице русских религиозных мыслителей акцентируется на персоналистическом, глубоко личностном переживании нравственной противоречивости войны, войну физическую всегда сопровождает война духовная. Каждый человек чувствует свою ответственность за участие в войне, когда с оружием в руках участвует в вооруженном конфликте и через поддержку своего воинства и государства, желания победы.

Война является несомненно проявлением зла. У Н. Бердяева моральная ответственность, вина за войну «бремя каждого» без исключения, единственно возможное отношение к войне – «трагически-страдальческое», а осознание и принятие вины за войну – залог ее искупления. У Ф. Степуна война – преступление, чувство войны «есть прежде всего не чувство смертной опасности, но чувство участия в процессе взаимного убийства» [5, с. 515]. Война может быть понимаема только как личный грех, требующий искупления и изживания. У И. Ильина любая война без исключения есть нравственно виновное деяние, принятие этого факта дает возможность обновления и очищения. В «Сопроотивлении злу силою» он пишет о «нравственной вине», почти не употребляя понятие «грех» и утверждает отсутствие праведного исхода в выборе между большей или меньшей несправедливостью на войне [6, с. 357]. Свою задачу русские философы и сегодня видят в постижении духовного содержания войны. Религиозно-нравственное оправдание войны принципиально недопустимо и невозможно.

Обращение к русской философской мысли XIX-XX веков к трудам Ф. Достоевского, Л. Толстого, Н. Бердяева, В. Розанова, И. Ильина, Л. Карсавина, Ф. Степуна, Н. Федорова, В. Соловьева, В. Эрн и других позволяет современным исследователям этики войны проследить ее истоки и национальные особенности. Ее оригинальность состоит в том, что русские мыслители в период мировых войн заговорили о христианском взгляде на войну, религиозный взгляд, безусловно, глубже видит трагедию войны, смерти, убийства, чем взгляд позитивно-поверхностный. Священное писание в части Ветхого Завета рассматривает войну как расплату за грехи и не исполнение заповедей (декалога Моисея), она путь искупления греха через страдание. Новый Завет в словах Христа говорит о войнах и военных смутах, о том, что «им надлежит быть». Апостолы проповедовали «мир во Христе», а войну рассматривать как «невидимую брань» в душе с грехами, страстями. Но христианскую Отчизну, веру и Церковь необходимо уже защищать с мечом в руке, уповая на волю Бога и на то, что страданий не будет более, чем человек может вынести. Отцы Церкви считали необходимым благословлять воинов, но не сами войны. Обращение к христианскому вероучению и отношению к войне русских мыслителей Серебряного века было направлено на критику безудержного стремления современных людей к материальному благу, являлось попыткой возродить душу человека, найти незыблемую нравственную основу для ответственного отношения к жизни перед угрозой применения оружия массового поражения, далее ядерного.

Именно христианское отношение к человеку легло в основу норм гуманитарного права, зафиксированных в Женевских конвенциях и протоколах к ним: конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 12 августа 1949 года (первая Женевская конвенция), конвенция об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море от 12 августа 1949 года

(вторая Женевская конвенция), конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 года (третья Женевская конвенция), конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 года (четвертая Женевская конвенция), дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года (Протокол I) Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 года (Протокол II). В Резолюции № 2444 от 19 декабря 1968 года Генеральной Ассамблеи ООН о правах человека в вооруженных конфликтах утверждаются принципы, соблюдение которых, по мнению отечественных исследователей войны, дает основание считать ведение войны справедливым [7, с. 121]. Среди данных принципов запрет наносить удары по гражданскому населению, важность щадить его, насколько это возможно. Уже в конфликтах на Балканах, стало очевидно, что принципы справедливой войны не исполняются, а ООН ее структуры находятся в глубоком кризисе.

Одной из причин современных военных противостояний отечественные философы уже традиционно считают противостояние культур, противостояние западноевропейских стран во главе с США не только в отношении аксиологически православной России, но и конфуцианско-буддийского в своей основе Китая и современного исламского мира на Ближнем Востоке. И разница в культурах рассматривается западноевропейской мыслью не как иной способ освоения мира и укоренения в нем, а как причину считать не-Западные культуры как чуждые и даже враждебные. А. Панарин отметил, что Россия мешает новому глобальному порядку «не только как особая государственная и геополитическая величина, но и как тип культуры, решительно не вписывающийся в новую систему глобального естественного отбора» [8, с. 537]. Предчувствие глобального кризиса после победы евро-атлантического блока в «холодной войне» было и у западных политиков и мыслителей, прежде всего Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, П. Дж. Бьюкенена.

Россия не имела выбора иного, как вступление в военное противостояние с блоком НАТО. Ситуация в Украине, защита Донецка и Луганска имеет прямое отношение к бердяевскому парадоксу войны, «война есть большое зло, но иногда она становится злом меньшим, если невступление в нее грозит ещё большими несчастьями», если промедление приведет к военным действиям на территории где нет военных сил и средств для адекватного военного ответа, когда гибнет мирное население братского народа, в ДНР и ЛНР русского в своем составе.

Обращение к отечественной философской мысли позволяет найти ответ на вопросы о том, какое поведение человека и общества в целом в условиях войны, военного конфликта является с точки зрения нравственности правильным. Сто лет назад русский философ войны А. Керсновский писал о необходимости «указать» правильное отношение к войне для несражающейся части населения страны, даже более чем воинам [9, с. 93]. В советский период в отечественной военной этике Д.А. Волкогонов утверждал, что «защита своей страны дело всех людей, а не только профессионалов». О войне и ее влиянии на нравственное состояние нации размышлял Ф. Достоевский в «Дневнике писателя». Он отмечал что война – сложное явление, ее последствия для общества могут быть непредсказуемыми: от полного крушения до великого подъема, его герой говорит: «Ложь, что люди идут убивать друг друга... напротив, идут жертвовать собственной жизнью – вот что должно стоять на первом плане. Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих братьев и свое Отечество». Война дает духовный подъем, люди ничто не вспоминают так часто, как боевую славу минувших лет [10, с. 122-123]. Именно «Парадоксалист» Достоевского является одним из самых насыщенных произведений по философии войны, оказавшем влияние на Н. Бердяева, В. Соловьева и других. Военная угроза объединяет людей, но это объединение по мнению отечественных мыслителей

нравственно только при условии, защиты жизни и мира. Соловьев отмечает, что и в самом языке закрепилось «ужасы войны» и «блага мира», а не наоборот, «защита отечества нравственная обязанность каждого гражданина». Как религиозный мыслитель и в «Трех разговорах», и в «Оправдании добра», и в «Русской идее» Соловьев приходит к выводу о реальности зла, о необходимости борьбы с ним, война имеет высшую религиозную санкцию для христолюбивого воинства – верность своему Спасителю, служение Христу [11, с. 230]. Для утверждения вечного мира, по мнению Л. Толстого, необходимо «отвратиться от зла». Он видел единственный путь прекращения войн – в отказе в них участвовать, творить насилие и, если так поступят все люди на земле, воцарится вечный мир. Философия ненасилия Л. Толстого, его призыв сводить насилие к минимуму, идеи непротivления злу силою и сегодня выглядят как идеал, мечта. Бердяев верно заметил, что «абсолютное отрицание насилия и войны возможно лишь как явление глубоко индивидуальное», иначе можно впасть «в грех пассивного наблюдения за творимыми злодеяниями» [12, с. 96].

В единстве наша сила, мы находимся «в одной лодке», раскачивание российского общества приведет к гибели России. Н. Трубецкой в размышлениях о евразийстве верно отмечал, что европейские страны недоумевают – как они со всей их цивилизацией до сих пор не могут покорить Россию. «Огромная Россия, составляющая шестую часть света, осталась ничьей. Пока ее не поделят или не отдадут одному из романо-германских зверей, мировую войну нельзя считать законченной» [13, с. 374]. Забота власти состоит, по мнению выдающегося русского правоведа Б. Чичерина, в том, чтобы по возможности смягчать протекающие во время войн бедствия, чтобы они велись не по прихоти правителей, а во имя высших нравственных целей. «Оправдать войну, – писал С.Л. Франк о поисках смысла войны, – значит доказать, что она ведется во имя правого дела, что она обусловлена необходимостью защитить или осуществить в человеческой жизни какие-либо объективно ценностные начала» [14, с. 403]. Для государства, его готовность и способность вести войну во многом зависит от морального состояния населения. Русская философия, обращаясь к феномену войны указывала, что задача политического руководства состоит в необходимости формировать оборонное сознание масс в периоды мира, а в случае войны – убеждения народа и каждого воина, что война ведется ради жизненно важных интересов его страны, ради высших нравственных идеалов.

Отечественная философия войны дает я в лице А. Керсновского следующую классификацию войн по нравственным основаниям: 1) войны справедливые, которые ведутся в защиту высших духовных ценностей; 2) войны во имя интересов государства и нации (сам автор говорит об отсутствии общего мерилa для данной категории войн), оценка их может быть лишь субъективной; 3) войны совершенно несправедливые, не отвечающие интересам и потребностям государства и нации, и в тоже время не отвечающие требованиям высшей справедливости. В. Сидорин, сравнивая взгляды Ф. Степуна, Н. Бердяева, И. Ильина с доминирующей сегодня теорией справедливой войны, делает вывод о том, «что война рассматривается русскими мыслителями в сфере относительного, в которой абсолютизация чего бы то ни было, в том числе и моральной правоты, недопустима» [15, с. 116]. Действительно, анализ современных войн и военных конфликтов с позиций теории справедливой войны показывает невозможность, спорность установления полного соответствия действий одной из сторон принципам справедливой войны. Русские мыслители нравственно допустимой считали не справедливую войну, а праведную – священную. В. Эрн: «...Такова уж природа меча. Свят он в руках святых, мерзок в руках разбойничьих. Своей же собственной, внутренней правды он не имеет» [16, с. 297].

Священная война ведется «ради защиты высших духовных святынь». Святыни – это то, ради чего стоит жить, за что несомненно стоит умирать. В русском сознании таким понятием является несомненно – Родина. Великая Отечественная война 1941-1945 годов стала примером священной войны для нашего народа, она явила подвиг коллективного самопожертвования и фронта и тыла. И. Ильин писал: «Война учит нас жить так, чтобы быть готовыми встать на защиту того высшего, которое мы любим больше себя». Война помогает

выявить и устранить скрытые общественные пороки, а героизм воинов, их «жертвенное служение ближним» преображают души людей, «заставляют по-новому осознать святость родной земли, свое национальное призвание» [17, с. 425].

Раскрывая дуализм войны Н. Бердяев писал: «Материальные насилия и ужасы войны лишь сыпь на теле человечества, от которой нельзя избавиться внешне и механически. Все мы виновны в той болезни человечества, которая высыпает войной. Когда вскрывается гнойный нарыв, то нельзя видеть зла в самом вскрытии нарыва. Иногда это вскрытие нужно сделать насильственно для спасения жизни». «Война не создала зла, она лишь выявила зло. Все современное человечество жило ненавистью и враждой. Внутренняя война была прикрыта лить поверхностным покровом мирной буржуазной жизни и ложь этого буржуазного мира, который многим казался вечным, должна была быть разоблачена. Истребление человеческой жизни, совершаемое в мирной буржуазной жизни, не менее страшно, чем то, что совершается на войне» [18, с. 177-179]. Русская мысль настаивала на гуманизации боевых действий.

Идеи, высказанные русскими мыслителями в рамках рассмотрения феномена войны, находят свое практическое применение в таких документах как Стратегия национальной безопасности, Военная доктрина Российской Федерации, где предусматриваются сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма, формирование сознательного отношения населения к обеспечению военной безопасности страны, повышение эффективной системы воспитания военнослужащих. А. Скворцов рассматривая отечественную этику войны писал, что «духовное единение нации со своим воинством служит показателем здоровой общественной жизни и, напротив их разъединение свидетельствует о тяжелой нравственной болезни в государстве». Желание победы, как прекращения страданий и возвращения к мирной жизни – основа духовного единства армии и общества. «Каждому гражданину необходимо помнить, что воюет наша страна и наша армия и умирают ее воины за нас, ради того, чтобы мы могли спокойно жить». Армия существует для того, чтобы народ никогда не узнал горя нашествия врага и оккупацию [19, с. 177]. Война – крайнее напряжение сил для воинства, добровольное самопожертвование, мужество, героизм становятся чертой характера по мнению И. Ильина, «если люди любят свою страну и считают ее не просто географическим объектом, а своей Родиной» [20, с. 415].

Обращение к теме войны авторами данной статьи обусловлено непредсказуемостью мирового политического процесса на современном этапе, милитаризмом, распространением неонацизма, прямой угрозой существованию России со стороны коллективного Запада. В такой обстановке и воинам, и простым людям необходима духовная основа с опорой на ценности любви, добра, правды и мира. Философия войны – важная часть общественного сознания, где мир и его сохранение являются главной идеей и целью.

Библиографический список

1. **Бердяев Н.А.** Судьба России / Н.А. Бердяев. – М. : Советский писатель, 1990. – 346 с.
2. **Данилевский Н.Я.** Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М. : Книга, 1991. – 574 с.
3. **Леонтьев К.Н.** О всемирной любви (Речь Ф.М. Достоевского на пушкинском празднике) / Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е.А. Васильев. – М. : Айрис-пресс, 2004. – С. 190-226.
4. **Достоевский Ф.М.** Полное собрание сочинений в тридцати томах / Ф.М. Достоевский. – Л. : Наука, 1981. Т. 22. – С. 122-123
5. **Степун Ф.А.** Христианство и политика // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения. – М. : Астрель, 2009. – 807 с.
6. **Ильин И.А.** О сопротивлении злу силою // И.А. Ильин. – М. : Айрис-Пресс, 2007. – 576 с.

7. **Бельков О. А.** Философия войны: слова и смыслы // Власть. 2019. Том 27. № 2. – С. 119-127. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6337>
8. **Панарин А.С.** Православная цивилизация в современном мире / А.С. Панарин. – М. : Эксмо, 2003. – 544 с.
9. **Керсновский А.А.** Философия войны / Керсновский А.А. – М. : Изд-во Московской патриархии РПЦ, 2012. – 208 с.
10. **Достоевский Ф. М.** Парадоксалист. Признания славянофила // Русские философы о войне / Сост. И. С. Даниленко. - М. ; Жуковский : Кучково поле, 2005. – 495 с.
11. **Соловьев В.С.** Русская идея // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е.А. Васильев. – М. : Айрис-пресс, 2004. – С. 227-268.
12. **Бердяев Н.А.** Духи русской революции // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. – М. : Русская книга, 1992. – 496 с.
13. **Трубецкой Н.С.** Общеввропейский национализм // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е.А. Васильев. – М. : Айрис-пресс, 2004. – С.372-385.
14. **Франк С.Л.** О поисках смысла войны // Русские философы о войне. – Русские философы о войне / Сост. И. С. Даниленко. - М. ; Жуковский : Кучково поле, 2005. – 495 с.
15. **Сидорин В.В.** Русские философы о смысле войны: *persona in bello* // Соловьевские исследования. 2016. Выпуск 1 (49). – С. 114-122.
16. **Эрн В.Ф.** Сочинения / В.Ф. Эрн. – М. : Правда, 1991. – 575 с.
17. **Ильин И.А.** О России (Три речи 1926-1933) // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е.А. Васильев. – М. : Айрис-пресс, 2004. – С. 415-442.
18. **Бердяев Н.А.** Судьба России / Н.А. Бердяев. – М. : Советский писатель, 1990. – 346 с.
19. **Скворцов А.А.** Русская религиозная этика войны XX века / А.А. Скворцов. – М. : МАКС Пресс, 2022. – 224 с.
20. **Ильин И.А.** О России (Три речи 1926-1933) // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей / Сост. Е.А. Васильев. – М. : Айрис-пресс, 2004. – С. 415-442.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 316.3

*Воронежский филиал РАНХиГС при Президенте РФ
доктор социологических наук,
профессор кафедры политологии и политического
управления, генеральный директор Института
общественного мнения «Квалитас»
Н.А. Романович
Россия, Воронеж,
тел. +7-903-651-72-74
e-mail: nelly@qualitas.ru*

*Voronezh branch of RANHIGS under President of the
Russian Federation
doctor of Sociology, professor
of the chair of Politology and Political management,
general director of the institute of Public
opinion "Qualitas" N.A. Romanovich
Russia, Voronezh,
tel. +7-903-651-72-74
e-mail: nelly@qualitas.ru*

Н.А. Романович

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ РФ В УКРАИНЕ

В статье представлены результаты всероссийского опроса по поводу отношения россиян к специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины. Рассматриваются представления жителей страны о причинах начала спецоперации, выявляется степень её поддержки, информационные источники о ходе операции, определяется уровень лояльности к Президенту РФ после начала военных действий. Изучаются некоторые аспекты картины мира в российском обществе, в частности, представления о поддержке спецоперации в России и настроениях украинского населения. Выдвигается гипотеза, что уровень поддержки спецоперации по мере её успешного осуществления может возрастать.

Ключевые слова: отношение населения, социологический опрос, специальная военная операция в Украине.

N.A. Romanovich

PUBLIC OPINION ON THE SPECIAL MILITARY OPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN UKRAINE

The article presents the results of all-Russian survey on the attitude of Russians to a special military operation launched to demilitarize and denazify Ukraine. The ideas of the country inhabitants about the reasons for the special operation start are considered. The degree of support and the information sources about the operation course are revealed. The level of loyalty to the President of the Russian Federation after the hostilities outbreak is determined. Some aspects of the Russian society world picture are studied – in particular, ideas about Russian special operation support and Ukrainian population mood. It is hypothesized that the level of support for the special operation may increase according to its success.

Key words: public attitudes, sociological survey, special military operation in Ukraine.

Известный профессор военной истории Мартин ван Кревельд в своей книге «Расцвет и упадок государства» [1, с. 14-15] полагает, что уже в конце XX века межгосударственная война стала уходить в прошлое, поскольку потеряла свое основное привлекательное свойство – извлечение материальной выгоды. Право суверенного государства вести войну было аннулировано за исключением случаев целей самообороны, либо «принуждения к миру». А с появлением ядерного оружия уменьшилась вероятность войны хотя бы в силу здравомыслия правителей, имеющих в своем распоряжении такое оружие.

Ядерное оружие способно обеспечить стране абсолютную защиту, но вести войны между державами, обладающими ядерным оружием, не представляется невозможным. По умолчанию ядерные державы в итоге решили, не обращая внимание на наличие ядерного оружия, вести обычные войны высокоточным оружием. При этом ядерное оружие остается ключевым фактором сдерживания военного противостояния.

Известно, что история не терпит сослагательных наклонений, но с большой долей вероятности можно утверждать, что специальная военная операция России в Украине, начатая 24 февраля 2022 года, могла бы не начаться, если бы Украина не была заинтересована во вступлении НАТО и не заявила о своих претензиях на обладание ядерным оружием. Потенциальная угроза собственной безопасности и принятые обязательства по защите и освобождению в течение восьми лет обстреливаемых украинской стороной ЛНР и ДНР, были официально заявленными причинами начала российской военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

Население самой России чрезвычайно болезненно встретило известие о начале спецоперации, поскольку в нашей стране не насаждалась (в отличие от Украины) ненависть и агрессия по отношению к бывшей братской державе. Ожесточенная конфронтация в реальном информационном, в том числе, виртуальном пространстве способствовала российским исследователям объединиться для проведения инициативного проекта по выявлению отношения россиян к сложившейся ситуации.

Проект объединил независимых исследователей и исследовательских компаний в различных регионах – Москвы, Самары, Воронежа, Чебоксар, Казани и других. Участниками проекта был проведен опрос жителей РФ старше 18 лет [2]. Сбор данных проводился с помощью телефонного опроса жителей всех регионов РФ 28 февраля-1 марта по случайной выборке. Было опрошено 1640 респондентов. Каждому потенциальному респонденту было совершено не менее 3 попыток контакта. Финальная выборка была взвешена по полу, возрасту и образованию.

После признания Россией 21 февраля 2022 года независимости ДНР и ЛНР (на внеочередном заседании Совета Безопасности на фоне обострения ситуации на Донбассе) были подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с главами республик, прибывшими в Москву. Ответы на вопрос: *«Вы в целом поддерживаете или не поддерживаете решение России о признании Россией независимости Донецкой и Луганской народных республик?»*, – показывают, что подавляющее большинство россиян (70%) поддерживают это решение. Не поддерживают признание суверенности республик только 16% граждан России. Остальные ответы: *«в чем-то поддерживаю, в чем-то нет»* – 4%, *«ничего не знаю об этом решении»* – 5%, *отказ от ответа* – 4%.

Признав независимость Луганской и Донецкой республик и подписав с ними договор о взаимопомощи, Россия подавала недвусмысленный сигнал Киеву, что намерена защищать ДНР и ЛНР в случае нападения на них. Киевская власть не вняла предупреждению, продолжая обстрелы республик вопреки подписанным ранее минским соглашениям. С кремлевской трибуны было заявлено, что «иного выхода не было», кроме начала специальной военной операции. В чем российские жители усматривают причины военных действий?

Доминирующим ответом на вопрос: *«Как Вы считаете, зачем, с какими целями была начата эта военная операция на территории Украины?»*, – оказалось суждение: *«Защитить русскоязычное население ДНР и ЛНР»* – 29%. Второе место по популярности занял ответ: *«Не дать разместить военные базы НАТО на территории Украины»* – 8%. Третье место было отдано мнению: *«Сменить недружественный России политический режим»* – 5%.

Самыми непопулярными оказались следующие альтернативы: *«присоединить всю или большую часть Украины»* – 1%, *«оккупировать всю или большую часть Украины»* – 1%, *«разделить Украину и установить своё влияние на части Украины»* – 0,4%. Остальные респонденты затруднились ответить или называли свои варианты, отличные от

предложенных альтернатив. Большое количество затруднившихся ответить объясняется малым сроком, прошедшим с начала военных действий – люди ещё не успели разобраться в происходящем. Были и отказы от ответа, но их оказалось немного – 1%.

Помятую, что право суверенного государства вести войну сегодня аннулировано в общественном сознании, за исключением случаев защиты и самозащиты, можно видеть причины легитимации россиянами военных действий. Жители РФ трактуют действия своих властей, как «защиту» и «самозащиту». Защиту русскоязычного населения ДНР и ЛНР граждане России видят основной целью военной спецоперации. Самозащиту от перспективы размещения военных баз НАТО на территории Украины и военной угрозы со стороны Украины – параллельной целью. В данном случае такая причина как «защита» (29%) собирает существенно больше голосов, чем «самозащита» (8%), потому что самозащита по сути являлась превентивной мерой, требующих дополнительных доказательств. Необходимость защищать Россию от внешней угрозы далеко не очевидна для респондентов, которые могут не вникать в политические реалии.

Один из ключевых вопросов – это вопрос о степени поддержки спецоперации гражданами России (рис. 1).

Рис. 1. Скажите, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины?

Война – это всегда катастрофа и трагедия, особенно, если это война между бывшими братскими народами. Тот факт, что в целом большинство населения (58%) высказалось в пользу поддержки военной операции в самом её начале, говорит о достаточно высоком уровне лояльности к действиям руководства страны и, если можно так выразиться, априорного доверия, поскольку люди ещё не успели разобраться в происходящем и выработать собственное мнение. Не поддержали военные действия в общей сложности 23% опрошенных. Две дополнительные альтернативы «в чем-то поддерживаю, в чем-то не поддерживаю» и отказ от ответа (в целом 8%) оттянули на себя голоса как противников, так

и сторонников спецоперации, чем объясняется разница с опросом ВЦИОМ, который проходил 25 и 27 февраля 2022 года.

ВЦИОМ опросил по 1600 россиян в рамках своего ежедневного проекта «Спутник» [3]. Согласно полученным результатам начало спецоперации поддержало 65% (25 февраля) и 68% (27 февраля), в среднем – 67%. Против военных действий высказалось 25% и 22% соответственно, в среднем – 24%. ВЦИОМ проводил опрос тем же способом (телефонный опрос) по сходной выборке (случайная, стратифицированная по территории страны), но получил несколько иной результат из-за короткой шкалы ответов. Независимые исследователи использовали более длинную шкалу для кодирования результатов – 7 значений шкалы, включая вариант «отказ от ответа», очевидный для столь острой и неоднозначной ситуации. ВЦИОМ использовал только 3 значения шкалы: сторонники, противники и затрудняющиеся с ответом. При этом коллеги из ВЦИОМ вариант «затрудняюсь ответить» предлагали только для тех, кто своим молчанием демонстрировал такое затруднение. Независимые исследователи давали респонденту возможность дать смещенный ответ – «в чем-то поддерживаю, в чем-то нет», а также отказаться от ответа. Это дает возможность более детального анализа позиции респондентов, но уменьшает долю как сторонников, так и противников. В итоге доля поддерживающих сократилась с 67% до 58%, а доля не поддерживающих сократилась 24% до 23% соответственно. Следует отметить, что вариант «в чем-то поддерживаю, в чем-то нет» обычно в других опросах набирает большинство голосов, тогда как в данном опросе его выбрали только 6% россиян. Это свидетельствует о достаточно четком расколе россиян на поддерживающих и не поддерживающих спецоперацию, поскольку количество сторонников «срединной позиции» мало. Как показывают результаты опроса ВЦИОМ, динамика поддержки – нарастающая, но, по свидетельству специалистов, этот рост поддержки может продолжиться только в случае успешности спецоперации и её сравнительной краткосрочности.

В американских СМИ новости об Украине проходят красной нитью. Вашингтон Пост 8 марта 2022 года опубликовал выдержки из результатов опроса российских независимых исследователей по поводу начала специальной военной операции: «Телефонный опрос, проведенный на прошлой неделе группой независимых исследовательских организаций, показал необычайно скромную поддержку путинской войны среди 1640 опрошенных: 58% решительно или частично поддержали ее, а 23% выступили против. Остальные были уклончивы или не высказали никакого мнения. Это далеко от того, что 91 процент населения поддерживает его аннексию Крыма, и предполагает потенциальные проблемы для Кремля в случае действия санкций и если война затянется» [4]. Почему американские журналисты приводят не данные ВЦИОМа, а данные независимых исследователей? Конечно, потому что 58% ниже, чем 67%, но то, что у ВЦИОМа 3-х бальная шкала ответов, а у независимых исследователей – 7-бальная, они не принимают во внимание. А для читателей у них готов вердикт: «необычайно скромная поддержка». Вольно же автору статьи трактовать поддержку большинства россиян как «чрезвычайно скромную». Ухищрения представить стакан «наполовину пустым» или «наполовину полным» являются одним из распространенных манипулятивных маневров. Сопоставление с Крымом в данном случае не выдерживает критики: Крым отошел России без капли крови, а поддержать военную операцию против хотя и бывшего, но братского народа, миролюбивым российским жителям необычайно тяжело.

Ответы на вопрос: **«Как Вы думаете, Украина, как страна или политика ее руководства представляли опасность для Российской Федерации достаточную, чтобы начинать широкомасштабные военные действия на всей территории Украины?»**, - показали причины поддержки. Как оказалось, 54% опрошенных уверены, что Украина представляла опасность для РФ. Не считают Украину опасной 28% граждан. Остальные не имеют четкого мнения по этому поводу.

Уже с 2014-го года было понятно, что Запад будет использовать Украину как средство политического давления на Россию. Главный тезис многих экспертов сегодня – это

то, что война идет не между Украиной и Россией, а против неонацистского режима, поддерживаемого глобальными игроками на нашей исторической территории. Управляемая гражданская война постепенно перерастает в междоцивилизационное противостояние. Есть мнение, что Россия специальной операцией предотвращает югославский сценарий развития событий.

Из рис. 2 можно получить представление о том, какая картина по поводу поддержки спецоперации сложилась в головах у россиян. Заметим, что на время проведения опроса данные ведущих социологических служб могли быть ещё не известны.

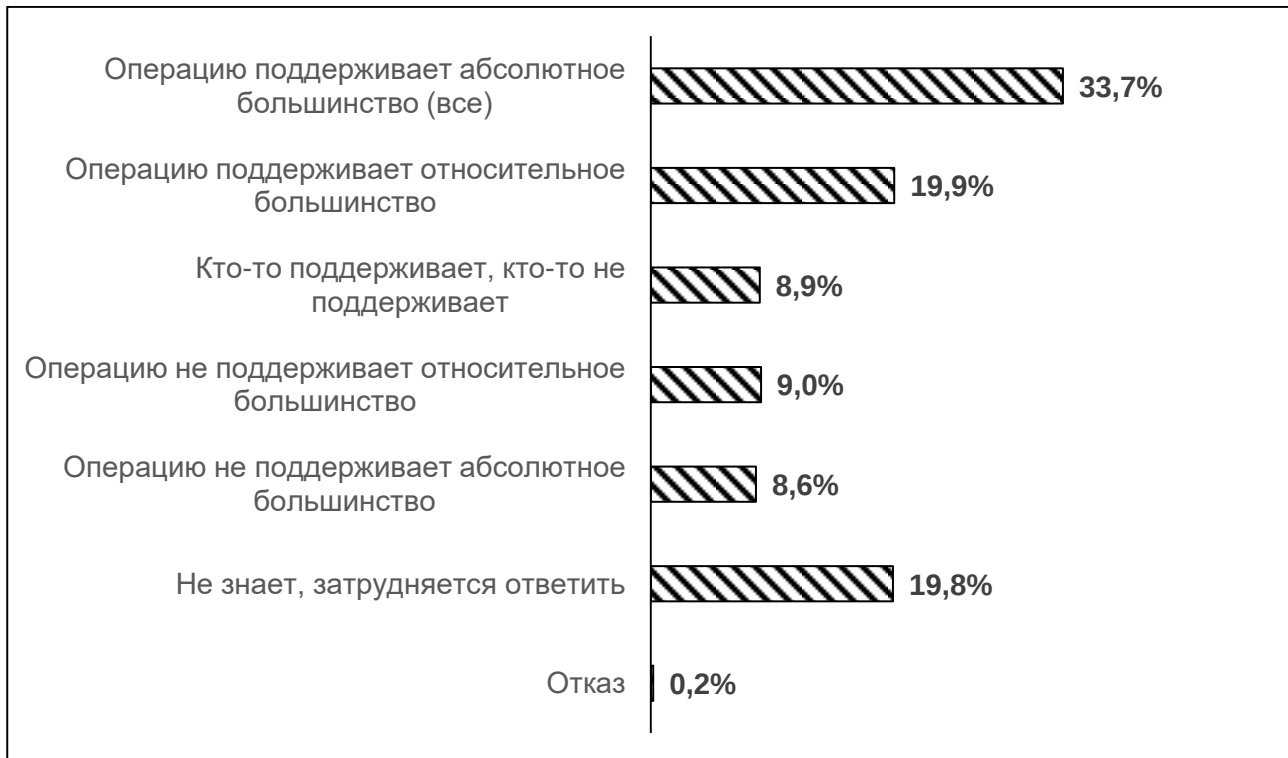

Рис. 2. А как вы думаете, среди ваших ближайших знакомых, родственников, сослуживцев большинство поддерживает или не поддерживает военную операцию России в Украине?

Более трети опрошенных убеждены в том, что все россияне единодушно поддерживают спецоперацию. В целом же на массовую поддержку надеются большинство опрошенных (54%). В то же время 18% россиян не уверены, что спецоперацию поддерживает большинство населения страны. Нейтральный ответ «*кто-то поддерживает, кто-то не поддерживает*» набрал только 9% голосов. При этом каждый пятый опрошенный затрудняется ответить на этот вопрос, очевидно, в силу недостатка информации. Как правило, люди при ответах на подобные вопросы, ориентируются на собственное мнение (оно им представляется верным) и считают, что остальные граждане думают примерно так же, как и они. Возможно, поэтому приоритетность ответов во многом совпадает с реальной картиной поддержки.

Хотя многие СМИ начали называть спецоперацию войной, это не вполне война, а если и война, то вовсе не обычная. Воюют с врагом, а Россия не считает врагом Украину. Более того, российским военным был дан приказ не стрелять по гражданским объектам, стараясь как можно более сохранить жизни мирным жителям. Так войну не ведут, так ведут спецоперацию. Спецоперация затягивается, потому что украинские власти вовсе не

озабочены жизнью мирных жителей. Украинские войска ставят свои орудия в жилых кварталах, вблизи школ и детских садов, прикрываются местными жителями, как живым щитом, не дают им вырваться из окружения, удерживая в подвалах и заминированных зданиях. Именно так поступают враги по отношению к завоеванному им народу. Получается, что украинское войско не щадит собственного народа, тогда как обязано его защищать и оберегать. А российское войско, напротив, щадит и оберегает украинский народ в ущерб скорости осуществления планов намеченной спецоперации. Пренебрежение жизнью собственного народа, похоже, является характерной чертой украинской власти, которая раздается без счета оружие всем желающим. Украинская власть давно уже воюет с собственным народом – и восьмилетняя война на Донбассе является тому прямым доказательством. Россия поступает как врач, который намерен вырезать злокачественную опухоль из тела больного, сохранив при этом ему жизнь и здоровье. Сама же опухоль всегда стремится захватить все тело и погибает вместе с ним.

Но сами украинцы этого могут пока не понимать и протестовать против врача, который приступает к нему со скальпелем. Ведь против российской цивилизации и постсоветского пространства идет ментальная война, которая находится на втором месте после ядерной по опасности. Целые народы и цивилизации погружаются в искусственно созданную реальность, разрушается национальное самосознание и общая историческая память.

Многие россияне понимают, что российские войска встретят неоднозначное отношение со стороны населения Украины, как показывают ответы на следующий вопрос: *«Как Вы думаете, большинство населения Украины встретит введенные российские войска дружелюбно, нейтрально, враждебно, но не окажет сопротивление или враждебно и будет оказывать сопротивление?»*. Судя по ответам большинства российских граждан – у них нет иллюзий по поводу того, что украинцы будут встречать российских солдат цветами и песнями. Самый популярный ответ: *украинцы встретят российские войска враждебно и окажут сопротивление* (31%), либо просто *враждебно, не оказывая сопротивления* (10%), или в лучшем случае – *нейтрально* (11%). Только 17% россиян ожидают *дружественного отношения* к российским войскам со стороны местного населения. Остальные затруднились ответить на этот вопрос. В российских СМИ превалирует термин «освобождение». «Но я не просила меня освобождать!» - взрываются подобными репликами социальные сети. Неизбежные жертвы среди украинского мирного населения переживаются как трагедия самими россиянами.

У российских граждан есть родственники или знакомые в Украине, с которыми они могут поддерживать живую связь и узнавать не только хронику событий «из первых рук», но и отношение украинцев к операции. Ответы на вопрос: *«Есть ли у вас близкие знакомые и родственники, проживающие сегодня в Украине? Если да, общались ли вы с ними с помощью любых средств связи в последнюю неделю?»*, – показали, что знакомые и родственники среди украинцев есть у каждого третьего жителя России. Из них 19% опрошенных не поддерживали связи с ними после начала спецоперации, 11% россиян связывались раз или два с украинскими знакомыми и родными, а 2% жителей нашей страны поддерживают с близкими им украинцами постоянный контакт. Для чего? Утешить, помочь, успокоить, поддержать в трудную минуту... Понятно, что эмоции жителей осажденной страны не могут быть положительными – это страх и боль даже в случае изначально дружественного отношения к России или ненависть и агрессия в случае враждебного отношения к ней. Исключение составляют ДНР и ЛНР, которые Украиной уже не являются, и ведут совместную операцию вместе с российскими войсками. Настрадавшееся за восемь лет население Донецкой и Луганской республик приветствует российских солдат как избавителей, хотя обстрелы суверенных республик продолжаются и по-прежнему гибнут люди. Но у них появилась надежда.

Верят ли россияне в победу российской армии? Ответы на вопрос: *«Как Вы думаете, удастся или не удастся России добиться военной победы над Украиной (капитуляции*

войск Украины)?», – свидетельствуют о том, что в победу верят почти три четверти жителей России (73%). Лишь 5% граждан страны считают, что победить Украину не удастся. Остальные пока затрудняются ответить на этот вопрос.

Сложность военных действий в Украине заключается в том, что конфликт с братским народом носит ценностный характер. А ценностный конфликт – это один из глубинных типов конфликтов. По ценностям, как правило, уступок не бывает. Поэтому украинские нацбатальоны, сторонники Бандеры, сражаются насмерть, не щадя жизни мирных жителей, действуя по отношению к ним, как террористы. Ничего удивительно, ведь их кумир Степан Бандера и был принципиальным адептом террора.

Современная война – это не столько захват территорий, сколько захват картины мира. Картина мира сегодня формируется с помощью различных информационных источников. Вот ответы на вопрос: *«Из каких источников Вы получаете информацию о военной операции России на территории Украины, неважно, российские они, украинские или какие-то иные?»:*

- Телеканалы, ТВ – 71%
- Интернет-сайты – 24%
- Ютьюб-канал – 12%
- Из других источников – 11%
- От знакомых, родственников, коллег – 10%
- Группы, сообщества или блоггеры в Инстаграм – 7%
- Телеграм-канал – 7%
- Радио – 5%
- Группы, сообщества или блоггеры в соцсети ВКонтакте – 5%
- Группы, сообщества или блоггеры в соцсети Одноклассники – 2%
- Группы, сообщества или блоггеры в соцсети Фейсбук – 1%
- Не слежу за информацией о военной операции – 2%
- Отказ от ответа – 1%

При ответах на этот вопрос респондентам предлагалось указать не более трех основных источников информации, поэтому сумма ответов превышает 100%.

Почти три четверти россиян черпают информацию о спецоперации из телеканалов (71%). Интернет сайты (в том числе зарубежные) используют 24% опрошенных. Ютьюб-каналами пользуются 12% россиян. Каждый десятый доверяет информации от знакомых, родственников и коллег (10%). Блоггеры в Инстаграм пользуются доверием у 7% граждан страны и столько же опрошенных (7%) использует новости телеграмм-канала. Из популярных соцсетей наибольшим авторитетом пользуется группа ВКонтакте (5%), на втором месте – Однокласники – 2%, на третьем – Фейсбук (1%). Некоторые россияне предпочитают слушать о происходящих событиях по радио (5%). Только 2% опрошенных не следят за специальной военной операцией.

Сегодня много инсинуаций со стороны Запада направлены против главнокомандующего РФ. Как население России воспринимает сегодня своего Президента? Большинство российских граждан (64%) положительно ответили на вопрос: *«Как по Вашему, способствует или нет деятельность Президента России решению проблем, стоящих перед страной?»*. Отрицательный ответ дали лишь 13% опрошенных. Еще 8% выбрали вариант: *«в чем-то способствует, в чем-то нет»*. Остальные не смогли ответить ничего определенного.

Проблемы, стоящие перед страной, не всегда волнуют обывателей – для них «ближе к телу» собственные обыденные трудности и неприятности. Поэтому актуальны ответы россиян на вопрос: *«Как Вы думаете, отвечает ли нынешняя деятельность Президента*

России интересам таких людей, как Вы?». Оказалось, что 59% уверены, что деятельность В.В. Путина отвечает их личным интересам. Отрицательных ответов насчитывается 21%, кроме того, 9% опрошенных ответили менее определенно: «в чем-то отвечает, в чем-то нет». Выходит, что личные интересы не всегда совпадают с интересами страны, и это понятно – заблокированные счета, невозможность международных транзакций, отмененные рейсы авиалайнеров, ограничения в сфере интернет-ресурсов (как следствия западных санкций) никак не отвечают интересам российских жителей.

Тем не менее, поддержка главнокомандующего большинством населения страны неоспорима, о чем свидетельствуют ответы на вопрос: **«Как по-Вашему, для России было бы лучше, если бы Владимир Путин как можно дольше оставался во главе страны, или лучше чтобы во главе страны встал новый лидер?»** (рис.3).

Рис. 3. Как, по-вашему, для России было бы лучше, если бы Владимир Путин как можно дольше оставался во главе страны или лучше, чтобы во главе страны встал новый лидер?

В целом 66% россиян желают Владимиру Путину оставаться на своем посту как можно дольше. Это желание возрастает от 55% среди молодежи до 80% среди пожилых людей. Хотели бы видеть во главе России нового лидера 16% опрошенных. Остальные либо затруднились с ответом, либо отказались от него. Обращает на себя внимание, что число желающих продлить срок пребывания В. Путина у власти на сегодняшний день превышает число поддерживающих спецоперацию на Украине. Это означает, что потенциал поддержки ещё имеется среди населения, и текущие события могут его подтянуть.

Но поддержка возможна только в том случае, если спецоперация будет успешной и скоротечной. Если же она затянется, особенно, если перейдет в партизанскую фазу, то поддержка населения станет весьма спорной. Об этом предупреждают военные теоретики, в частности Мартин ван Кревельд, в своей книге «Трансформация войны» [5]. Он утверждает, что поскольку ядерная война не может быть применима для разрешения межгосударственных противоречий, то её место занимают конфликты «низкой интенсивности». В такого рода вялотекущих конфликтах есть шанс мощному государству проиграть несопоставимо более слабому сопернику в случае, если он «завязнет» на

территории противника. С точки зрения автора, это может свидетельствовать о том, что нас ожидают изменения в военной стратегии, фокусировании её на контрпартизанских действиях. В перспективе, по мнению автора, это может привести к тому, что старые нормы гуманитарного права (права войны) разделяющее военных и гражданских, могут уйти в прошлое или серьезно видоизмениться.

Выводы

Поставленная Россией цель освобождения русского и украинского народов от неонацистского режима в соседней Украине вызвала противостояние нашей страны и почти всего остального мира. Тумблер ненависти, ещё не остывший после времен холодной войны, легко включился снова. Россия ещё раз убедилась в том, что у неё только два надежных союзника: армия и флот. «Империя лжи» раздувает агрессию среди своего населения, отключив российские информационные источники. Удивительно, что восьмилетние страдания Донбасса и кровь убитых детей ничуть не волновали мировую общественность, в которой пацифисты выявились лишь с началом военной операции России.

Самое недалёковидное, что можно сделать в такой ситуации, это локализовать военный конфликт на уровне друзей, знакомых, коллег по работе и родственников. Не подлежит сомнению, и результаты опросов это доказывают, что российское общество расколото: большая часть населения поддерживает спецоперацию в Украине, а менее четверти опрошенных выступает против. Противостояние началось не с началом военной операции, а задолго до неё. За восемь лет войны на Донбассе противостояние между россиянами заявляло о себе иногда в латентных, а иногда в совершенно открытых формах. Имели место семейные конфликты и даже разводы по политическим причинам, а также ожесточенная конфронтация в реальном и информационном, в том числе, виртуальном пространстве. Некоторые горячие головы и сегодня пытаются оборвать дружеские и даже родственные связи с теми, кто не согласен с их мнением. Это ошибочная тактика и провальная стратегия. Правда в любом случае пробьет себе дорогу, нужно лишь подождать.

Проведенное исследование демонстрирует поддержку большинства населения России военной операции в первую неделю от её начала. Одновременно выявляются и многие не определившиеся со своей позицией. Их мнение, как и мнение прочего населения, будет зависеть не только перевеса сил в информационной войне. Многочисленные фейки, как и прочие информационные взбросы дают кратковременный эффект, который стирается памятью за повседневными заботами. Главным образом, поддержка населения будет определяться успешностью операции (не только в военном отношении, но и в отношении сбережения украинского населения), а также её скоротечностью. В современных войнах есть риск «завязнуть» на территории противника, если конфликт примет вялотекущий характер. Автор статьи в *Вашингтон пост*, анализируя результаты опроса россиян об уровне поддержки спецоперации, с сожалением констатирует: «Но это также и не решительный отказ — пока» [4]. Америка надеется, что число противников спецоперации возрастет в результате жестких санкций и затянувшихся военных действий. Оправдаются ли эти расчеты — покажет будущее. Одно несомненно — заканчивать войну неизмеримо тяжелее, чем её начинать. Сегодня весьма распространенным стал слоган: «Война не началась, она заканчивается!». Остается желать, чтобы она закончилась скорее, и наступил вожделенный мир, который принесет свои проблемы, но только не взрывы бомб.

Библиографический список

1. **Кревельд М.** Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, ИД "Социум". 2016. -544 с.
2. Исследование отношения жителей России к специальной военной операции РФ в Украине. 07.03.2022. URL: <https://www.extreamscan.eu/> (дата обращения: 09.03.2022)
3. ВЦИОМ. 28.02.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-v-ukraine-otnoshenie-i-celi> (дата обращения: 07.03.2022).
4. **Faiola A.** Through Putin's looking glass: How the Russians are seeing — or not seeing — the war in Ukraine // The Washington Post. 08.03.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/08/russian-media-state-television-ukraine/>(дата обращения: 09.03.2022).
5. **Кревельд М.** Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, серия Военная мысль. 2009. — 412 с.

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ
И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Научный журнал

Выпуск № 2 (31), 2022

Дата выхода в свет 28.06.2022.

Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.

Уч.-изд. л. 21,9. Усл. печ. л. 24,6. Тираж 30 экз. Заказ №

Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: участок оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394026 Воронеж, Московский просп., 14